

LUCY
The Beginnings
of Humankind

Donald C. Johanson
and
Maitland A. Edey

Warner Books
A Warner Communications Company

Д. Джохансон, М. Иди

Люси

Истоки
рода
человеческого

*Перевод с английского канд.
биол. наук Е. З. Годинной*

Москва
«Мир»
1984

От переводчика

«Находки ископаемого человека обладают особой магией. Нас всегда больше интересует собственное происхождение, чем родословные других существ», — эти слова авторов настоящей книги вполне могут объяснить тот огромный читательский интерес, который всегда вызывают подобного рода издания. За последние годы проблемы антропогенеза стали еще более популярными. Этому немало способствовали блестящие палеоантропологические открытия в Восточной Африке, которые во многом изменили привычную картину происхождения и становления человеческого рода. Связанные с именами нескольких представителей знаменитого в палеоантропологии семейства Лики, они в течение ряда лет находятся в центре внимания научной и широкой общественности.

Настоящая книга также рассказывает об открытиях ископаемых остатков гоминид в Восточной Африке, сделанных в Эфиопии в местности Хадар. В 1973-1976 гг. там работала Международная афарская научно-исследовательская экспедиция, одним из руководителей которой был Д. Джохансон, в ту пору куратор отдела антропологии Кливлендского музея естественной истории. Находки в Хадаре сделали Д. Джохансона одним из ведущих палеоантропологов мира, с 1981 г. он стал директором Института происхождения человека в Беркли.

Дональд Джохансон — один из авторов книги. Второй — Мейтленд Иди, известный американский журналист, литератор, пишущий на естественнонаучные темы, путешественник. Имена обоих авторов уже известны советским читателям. В 1977 г. в серии «Возникновение человека», публиковавшейся издательством «Мир» в 1977-1979 гг., вышла книга М. Иди «Недостающее звено». Что касается Д. Джохансона, то сообщения о его находках и открытиях появлялись в советской периодической печати (см., например, журнал «За рубежом», 1982, № 3; 1983, № 25). Хотя книга написана двумя авторами, повествование в ней ведется от первого лица, от лица Д. Джохансона, который рассказывает о своем личном опыте участника событий — о работе в экспедиции, поисках окаменелостей, разочарованиях и надеждах, сопровождающих палеоантрополога в его нелегком труде.

Читателю, который держит в руках эту книгу, предстоит увлекательное путешествие — он побывает во многих странах, станет свидетелем ряда выдающихся находок, в том числе и знаменитой Люси, которая является центральной фигурой повествования. Читатель узнает, почему ей дали это имя, и убедится в том, сколь велико

значение этой находки. В 1974 г. впервые за всю историю палеоантропологии Д. Джохансону удалось найти на редкость целостный скелет (свыше 40% всех костей) женской особи ископаемого гоминида, жившего более 3 млн. лет назад. Сохранились не только кости черепа, но и ребра, позвонки, кости таза и конечностей. Все это позволило определить пол и возраст вновь найденного существа, сделать выводы о его образе жизни и способе передвижения.

Итак, Люси — главная героиня книги. Но наряду с описанием находки и ее оценкой книга содержит еще несколько важных аспектов. Один из них — историографический. Открытие Люси рассматривается не изолированно, а в контексте других важнейших находок ископаемых предков человека. Авторы воссоздают широкую картину истории развития палеоантропологии на протяжении целого столетия, начиная с находки неандертальского человека в 1856 г. до последних сенсационных открытий.

Не менее важен и другой аспект — методический. За последние 20 с лишним лет палеоантропология из узкой специальной дисциплины превращается в отрасль знания, использующую достижения разных наук: геологии, экологии, этологии, молекулярной биологии, физики, химии и т.д. Авторы вводят читателя в лаборатории ученых, знакомят с новейшими методами и достижениями, рисуют перспективы их использования.

Но есть и еще одна сторона — теоретическая. Читателю вслед за авторами предстоит заняться скрупулезнейшим морфологическим анализом и сделать выводы о таксономическом положении хадарских гоминид. Авторы сочли возможным выделить новый вид, которому они дали название *Australopithecus afarensis* (афарский австралопитек), и построить свой вариант родословного древа человека. По мнению Д. Джохансона, Люси и ей подобные существа играли

центральную роль в эволюции гоминид, будучи общими предками как для рода *Homo*, так и для австралопитеков (грацильных и массивных). Нужно сказать, что далеко не все ученые разделяют это мнение. Poleмика вокруг открытий в Хадаре не затухает и по сей день. Это понятно — ведь в центре внимания оказывается проблема «недостающего звена», проблема грани между животным и человеком. Споры касаются как более частных вопросов — определения возраста находки, размеров и пропорций тела Люси, величины и строения мозга, наименования вида, так и фундаментальных проблем таксономического положения хадарских гоминид. Относятся ли они к новому виду или представляют собой разновидность уже известного *A. africanus*? А может быть, это остатки двух или нескольких видов? Являются ли они центральными или второстепенными персонажами в эволюции гоминид? Отголоски этих споров мы находим на страницах книги. Дискуссия между Д. Джохансоном и его основными оппонентами — Мэри и Ричардом Лики — отчетливо показывает, насколько далек от разрешения вопрос о начальных этапах эволюции человека. Отметим, что и среди советских антропологов проблемы «человеческого начала», систематического положения австралопитековых дискутируются не менее остро (см. Бунак, Урысон, Якимов и др.).

Огромное значение хадарских находок состоит в том, что они убедительно доказали: выпрямленное положение тела и двуногая походка появляются у предков человека уже около 3,5 млн. лет назад! Об этом свидетельствует морфология бедренной кости, коленного сустава, костей таза и стопы Люси и ее сородичей. Об этом же свидетельствуют найденные в Летоли окаменевшие следы. Одна из ключевых глав книги (гл. 16) посвящена вопросу о возникновении бипедии (двуногого хождения). К сожалению, она вызывает немало воз-

ражений. Авторы излагают в основном лишь теорию американского ученого О. Лавджоя, весьма спорную как в концептуальной части, так и в интерпретации конкретного материала. Полностью игнорируя воздействие других важных факторов, в частности орудийной деятельности, О. Лавджой пытается объяснить возникновение прямохождения исходя из одной только стратегии размножения. При этом он широко пользуется такими понятиями, как «любовь», «дом», «нуклеарная семья», применяя их к эволюции ранних гоминид. В трактовке этих проблем Лавджой, а вслед за ним и авторы книги стоят на позициях социобиологии и слишком упрощенно истолковывают проблему перехода от биологического к социальному в процессе становления человека. Не случайно теорию О. Лавджоя критикуют и многие зарубежные ученые: Т. Уайт (на страницах настоящей книги), Д. Гриббин и Д. Черфас в книге «Загадка обезьян» (1982). Д. Пилбим предупреждает против «соблазна рассматривать их (хадарских гоминид) как современных людей, всего-навсего отнесенных в прошлое» (Pilbeam D. The descent of hominoids and hominids, Scientific American, March, 1984, p. 100). Жаль, что авторы «Люси», уделяя такое большое внимание становлению прямохождения — этому важнейшему компоненту гоминизации, не рассматривают других, более веских и аргументированных гипотез.

Авторов книги можно иногда упрекнуть в некоторых неточностях, в излишней категоричности суждений (скажем, когда они говорят об отсутствии ископаемых предков человекообразных обезьян). Но ведь «Люси» не обычная книга. Это не просто сухое описание научных фактов, гипотез и открытий. Это взволнованный эмоциональный рассказ, написанный от лица участника событий. И пусть нам иногда хочется поспорить с авторами — полемичность

книги наряду с многоплановостью, информативностью, занимательностью составляет, как нам кажется, одно из ее достоинств.

В переводе мы стремились сохранить художественные особенности книги и стиль авторов, донести его до читателей, памятуя слова, высказанные известным колумбийским писателем Габриэлем Гарсиа Маркесом: «Читая на чужом для тебя языке, чувствуешь почти естественное желание перевести прочитанное. Что неудивительно, ибо одно из самых больших удовольствий от чтения, как и от музыки, — возможность поделиться с друзьями».

В заключение для тех читателей, кто захочет подробнее и глубже ознакомиться с затронутыми в книге проблемами, приводится краткий список основных работ отечественных авторов, изданных в последние годы.

Е. Година

Список дополнительной литературы на русском языке

- Алексеев В. П.* Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. - М.: Наука, 1978.
- Андреев И. Л.* Происхождение человека и общества (Современные методологические проблемы и критика немарксистских взглядов).-М.: Мысль, 1982.
- Бунак В. В.* Род *Ното*, его возникновение и последующая эволюция.-М.: Наука, 1980.
- Данилова Е. И.* Эволюция руки.-2-е изд., исправл. и дополн.-Киев, Высшая школа, 1979.
- Ископаемые гоминиды и происхождение человека: Сб. под ред. Бунака В. В.-М.: Наука, 1966.
- Кочеткова В. И.* Палеоневрология.-М.: Изд-во МГУ, 1973.
- Лазуков Г. И., Гвоздовер М. И., Рогинский Я. Я.* и др. Природа и древний человек.-М.: Мысль, 1981.
- Ларичев В. Е.* Сад Эдема.-М.: Изд-во политической литературы, 1980.

Нестурх М. Ф. Происхождение человека.-М.: Наука, 1970.
Рогинский Я. Я. Проблемы антропогенеза.-2-е изд.-М.: Высшая школа, 1977.
Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология: Учебник для студентов ун-тов.-3-е изд., перераб. и дополн.-М.: Высшая школа, 1978.
Тих Н. А. Предыстория интеллекта. -Л.: Изд-во ЛГУ, 1970.
У истоков человечества: Сб. под ред. Якимова В. П.-М.: Изд-во МГУ, 1964.
Урысон М. И. Люди или животные?-Природа, 1, 1973.

Урысон М. И. Истоки рода человеческого в свете новейших данных.-Вопросы истории, 1, 1976.
Хрустов Г. Ф. О системе категорий экологической жизнедеятельности в связи с проблемой антропогенеза. Вопросы антропологии, 52, 1976.
Человек (эволюция и внутривидовая дифференциация): Сб. под ред. Якимова В. П.-М.: Наука, 1972.
Якимов В. П. О некоторых факторах среды на начальном этапе антропогенеза: Вопросы антропологии, 48, 1974.

Об авторах

Дональд К. Джохансон — один из ведущих палеоантропологов мира, родился в Чикаго (штат Иллинойс) в 1943 году. В 1966 году по окончании Иллинойского университета он получил степень бакалавра искусств, а в 1970 и 1974 годах в Чикагском университете-степени магистра и доктора философии.

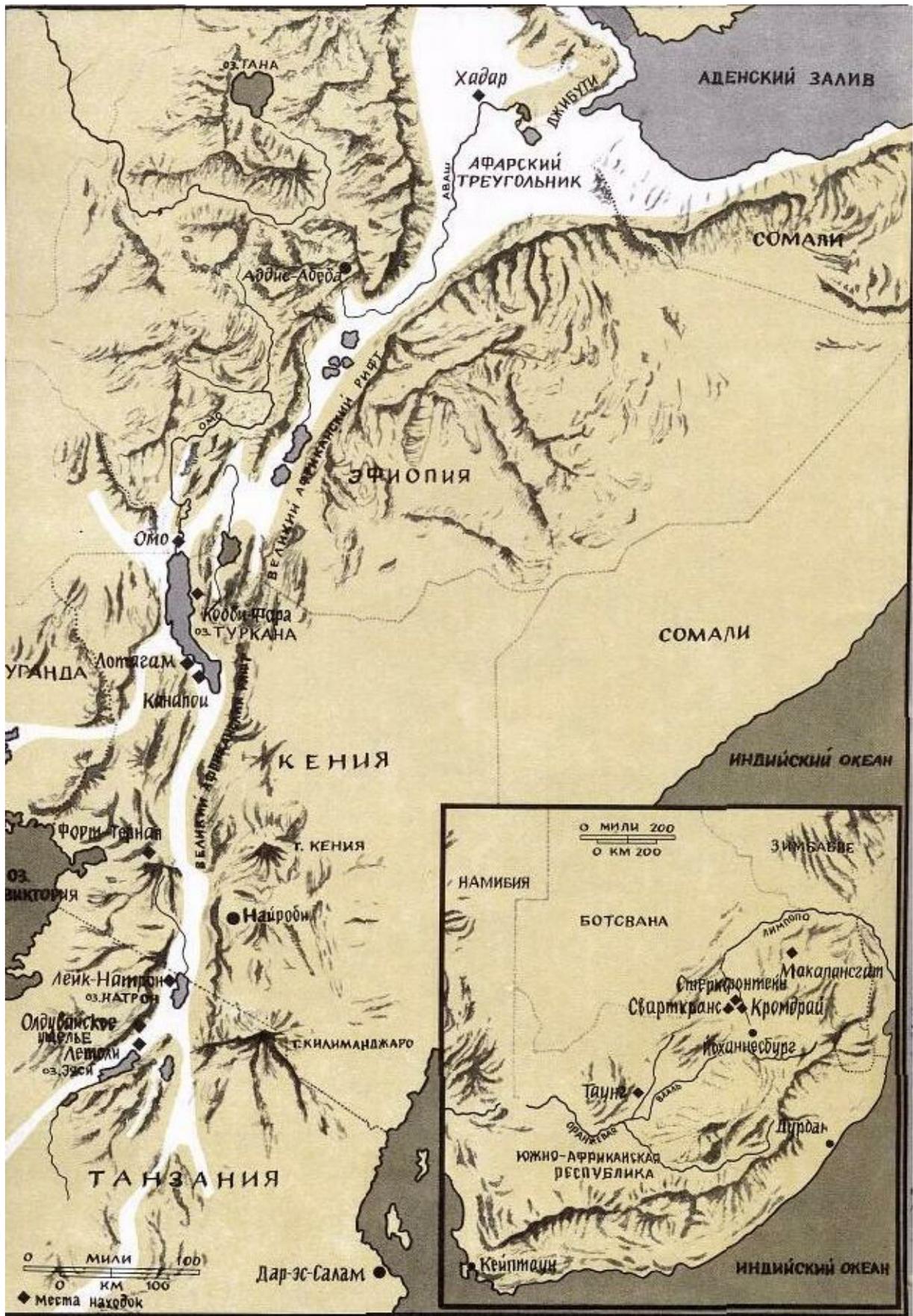
В 1973 году, став соруководителем Международной афарской научно-исследовательской экспедиции, он нашел в Хадаре (Эфиопия) прекрасно сохранившийся коленный сустав. Это было эпохальное открытие — древнейшее анатомическое свидетельство выпрямленного положения тела и двуногого хождения, важнейшей вехи в становлении человека. Годом позже, опять-таки в Хадаре, он нашел «Люси», а еще через год — «первое семейство».

С 1974 по 1981 год Д. Джохансон был куратором отдела антропологии и руководите

лем научно-исследовательских работ в Кливлендском музее естественной истории. В 1981 году он стал директором-основателем Института происхождения человека в Беркли (штат Калифорния), где в настоящее время и работает.

Мейтленд А. Иди — один из ведущих американских авторов, пишущих в научно-популярном жанре, выпускник Принстонского университета, долгое время был редактором журнала «Лайф» и издательства Time-Life. «Люси» — его десятая книга. Две предыдущие были также посвящены палеоантропологии, причем одна из них написана в соавторстве с Ф. Кларком Хоуэллом.

М. Иди много путешествовал. Он и его жена Хелен, по профессии врач, живут на острове Мартас-Винъярд (штат Массачусетс).

Джохансон:

Ну и путаница! Две разновидности в Южной Африке, две — в Восточной Африке, а теперь, возможно, две в Эфиопии...

Тим Уайт:

В Эфиопии, может быть, только одна.

Джохансон:

Или две. Итого шесть отдельных разновидностей гоминид. В этом нет никакой логики.

Тим Уайт:

Что ты хочешь — пересмотреть всю систематику?

Джохансон:

А ты бы хотел этим заняться?

Тим Уайт:

Конечно.

Джохансон:

Может быть, придется выделить новый вид.

Тим Уайт:

Наверное, — без этого не обойтись.

Джохансон:

Представляешь, какой поднимется шум?

Тим Уайт:

*Кливленд,
1977*

Пролог

Быть может, где-то в древних слоях лежат ископаемые кости обезьяны, больше похожей на человека, или человека, больше похожего на обезьяну, чем все, что до сих пор известно науке, и ждут своего еще не родившегося исследователя?

Т. Гексли

Тридцатого ноября 1974 года я проснулся, как обычно просыпаюсь в экспедиции, — на рассвете. Я находился в Эфиопии, в палаточном лагере на берегу илистой речушки Аваш, в местности Хадар примерно в сотне миль к северу от Аддис-Абебы. Здесь я работал уже несколько недель, будучи одним из руководителей группы ученых, занимавшихся поисками ископаемых остатков.

Несколько минут я лежал в своей палатке, глядя на брезентовый верх, который превращался из черного в зеленый, по мере того как солнце поднималось вертикально вверх из-за гребня отдаленных холмов на востоке. Около экватора солнце встает именно так, здесь не бывает долгого рассвета, как у меня дома, в США. Было еще сравнительно прохладно, не больше 25 градусов. Воздух был наполнен чистым утренним запахом пустыни, чуть смешанным с дымом костров, на которых готовилась пища. Кое-кто из афаров, работавших в экспедиции, привел с собой свои семьи, и они построили в двух сотнях ярдов от главного лагеря небольшую группу куполообразных хижин из прутьев и соломенных циновок. Афарские женщины поднимались затемно, пасли верблюдов и коз и тихо переговаривались.

Для большинства американцев, находившихся в лагере, это были лучшие часы дня. Камни и валуны, в беспорядке разбросанные по местности, за ночь теряли большую часть накопленного днем тепла, и от них уже не веяло жаром, как от раскаленной плиты. Я вышел из палатки и взглянул на небо. Опять безоблачный день, опять безветренное утро, которое позже превратится в пекло. Я умылся и получил чашку кофе у нашего повара Кабете. Для меня утро не самое любимое время суток. Я всегда трудно начинаю день и предпочитаю вечера или ночи. В Хадаре я чувствовал себя лучше всего на закате солнца. Я любил гулять по обнаженным гребням холмов возле лагеря, ощущать первое движение вечернего воздуха и смотреть, как холмы становятся пурпурными. Здесь я мог немного посидеть в одиночестве, подумать о проделанной за день работе и поразмышлять о серьезных проблемах, которые привели меня в Эфиопию. Тихие сухие места обостряют мысль, это было известно еще со времен ранних христианских отшельников, которые удалялись в пустыню, чтобы

Дон Джохансон разыскивает ископаемые остатки в одном из оврагов Хадара. Отложения здесь представляют собой остатки осадочных пород, сформировавшихся за два миллиона лет на дне древнего озера, которое давно высохло. Позднее дожди прорезали в толще отложений глубокие овраги и вынесли на поверхность многочисленные окаменелости вроде тех, что видны на переднем плане.

остаться там наедине с богом и собственной душой.

Ко мне присоединился Том Грей, тоже с чашечкой кофе в руках. Это был аспирант из США; он приехал в Хадар, чтобы изучать ископаемые останки животных и растений и реконструировать с возможной степенью точности картину отдаленного прошлого: какие виды населяли эту местность, какова была их численность и взаимоотношения, и что за климат был в те времена. Для меня самого, как и для всей нашей экспедиции, объектом поисков были ископаемые остатки гоминид: кости вымерших предков и их ближайших родичей. Меня интересовали доказательства эволюции человека. Но, чтобы понять ее и правильно интерпретировать находки, которые могли быть обнаружены, мы нуждались в работе таких специалистов, как Том.

— Итак, что у нас сегодня? — спросил я.

Том сказал, что он наносит на карту места находок.

— А когда ты приступишь к участку 162?

— Боюсь, я не знаю, где он находится, — ответил Том.

— Тогда мне придется показать тебе.

Я вовсе не жаждал провести это утро с Томом. У меня была уйма незаконченной работы. К тому же в последнее время у нас в лагере побывало несколько посетителей, в том числе Ричард и Мэри Лики — два всемирно известных специалиста по остаткам гоминид; они уехали всего лишь день назад. Во время их пребывания я не вел никаких записей, не составлял каталогов, не писал писем, не классифицировал находки. В то утро мне следовало бы остаться в лагере, но я не остался. Я вдруг почувствовал сильное подсознательное желание отправиться с Томом и подчинился ему. В своем дневнике я записал: *«30 ноября 1974 г. Вместе с Томом ушел на участок 162. Чувствую себя хорошо».*

Как палеоантрополог, т. е. человек, изучающий наших ископаемых предков, я суеверен. И многие из нас суеверны, потому что наша работа в значительной степени зависит от удачи. Остатки, которые мы исследуем, исключительно редки, и немало выдающихся палеоантропологов за всю свою жизнь так и не сделали ни одной находки. Я же оказался более везучим. Пошел всего лишь третий год полевых исследований в Хадаре, а на моем счету было уже несколько находок. Я знаю, что мне везет, и не пытаюсь этого скрывать. Вот почему я записал в дневнике: *«Чувствую себя хорошо».* Проснувшись в то утро, я ощутил, что мне необходимо испытать свое счастье — что это один из тех дней, когда может произойти нечто исключительное.

Но в первые утренние часы ничего не произошло. Грей и я сели в один из четырех экспедиционных лендроверов и, трясясь на ухабах, медленно направились к участку 162. Это был один из нескольких сотен районов, которые мы изучали, чтобы нанести на генеральную карту Хадара все полученные геологические и палеонтологические данные. Хотя до места, к которому мы ехали, было всего лишь около четырех миль пути, мы потратили на дорогу чуть ли не полчаса из-за неровностей и ухабов. Когда мы прибыли туда, солнце уже начало припекасть.

Хадар представляет собой пустынную местность со скальными обнажениями, с песчаной и гравийной почвой. Ископаемые остатки лежат здесь почти что на поверхности земли. Хадар находится в центре пустыни Афар, на дне древнего озера, давно высохшего и заполненного осадками, в которых отражена история геологических событий прошлого. Здесь можно увидеть слои вулканического пепла, отложения грязи и ила, смытых с отдаленных гор, прослойки вулканической пыли, снова грязь и т.д. Все эти следы геологических событий, спрессованные в

Каждый раз, когда мы находили окаменелость на новом участке, мы давали ему номер и отмечали все заслуживающее внимания на генеральной карте района. Без этого нельзя было бы разобраться в растущем потоке геологических и палеонтологических сведений и сделать их достоянием ученых.

слоеный пирог, видны в долинах недавно образовавшихся рек, которые во многих местах промыли себе путь в озерных отложениях. В Хадаре редко бывают дожди, но уж если дело до этого доходит, то на землю низвергается ливень — за одну ночь может выпасть шестимесячная норма осадков. Почва, лишенная растительности, не в состоянии задержать эту воду. Потоки воды устремляются по оврагам, размывают их берега и выносят на поверхность новые ископаемые остатки.

Мы с Томом остановили лендровер на склоне одного из оврагов, повернув его таким образом, чтобы брезентовый мешок с водой, ко-

торый висел у бокового зеркала, оказался в тени. Том нанес на карту все особенности местности. После этого мы вылезли из машины и занялись тем, на что уходило много времени у большинства членов экспедиции: медленно передвигаясь, мы стали осматривать почву, ища на ее поверхности ископаемые остатки.

Одни умеют быстро обнаруживать находки, другие абсолютно не способны к этому. Нужна практика и наметанный глаз, чтобы увидеть то, что вы ищете. Мне никогда не сравняться в этом с некоторыми людьми из племени афаров. Они проводят все свое время среди скал и песка и должны иметь острое зрение, ведь от этого подчас зависит их жизнь. Поэтому они замечают все, что выглядит необычным. Им достаточно одного быстрого взгляда натренированных глаз, чтобы зафиксировать вещь, которую человек, незнакомый с пустыней, ни за что сразу не увидел бы.

Мы несколько часов осматривали местность. Было уже близко к полудню, и температура поднялась до 43 градусов. Мы нашли немного: несколько зубов маленькой вымершей лошади *Hipparion*, несколько коренных зубов антилопы, кусок черепа вымершей свиньи, обломок челюсти обезьяны. У нас была уже большая коллекция подобных предметов, но Грей настаивал на том, чтобы собрать и эти в качестве дополнительных фрагментов той складной картинки, которая должна была рассказать, что здесь было раньше.

— Я кончил, — наконец сказал Том Грей. — Когда поедем в лагерь?

— Сейчас. Но давай пройдем еще этим путем и осмотрим дно вон того маленького овражка.

Овраг, о котором я говорил, находился немного выше склона, где мы работали все утро. Его уже как минимум дважды тщательно осматривали другие исследователи, но они не нашли здесь ничего интересного. И все же, помня о предчувствии удачи, ко-

торое не оставляло меня с самого утра, я решил проделать этот небольшой повторный осмотр. И когда мы уже собрались уходить, я заметил что-то лежащее на середине склона.

— Это часть верхней конечности какого-то гоминида, — сказал я.

— Быть того не может. Она слишком мала. Наверное, от какой-нибудь обезьяны.

Мы нагнулись, чтобы лучше рассмотреть находку.

— Слишком мала, — вновь сказал Грей. Я покачал головой:

— Гоминид...

— Почему ты так уверен? — спросил он.

— Рядом с твоей рукой еще одна кость. Это тоже гоминид.

— Бог ты мой, — произнес Грей. Он поднял находку. Это была затылочная часть небольшого черепа. В нескольких футах от нее лежал обломок бедренной кости.

— Бог ты мой, — вновь повторил Грей. Мы поднялись на ноги и увидели на склоне еще несколько костей — пару позвонков, часть таза. Все это принадлежало гоминиду. Сумасшедшая, невозможная мысль мелькнула в моей голове: а что если сложить их вместе? Быть может, это части одного, чрезвычайно примитивного скелета? Такого еще никогда и нигде не находили.

— Посмотри-ка сюда, — сказал Грей. — Ребра.

Неужели все это принадлежит *одному* индивиду?

— Я не могу поверить, — промолвил я. — Совершенно не могу поверить.

— Боже мой, почему бы нет? — закричал Грей. — Вот он. Здесь! — Его голос перешел в радостный вопль. Я присоединился к нему. В 43-градусном пекле мы стали прыгать вниз и вверх по склону. Так как нам не с кем было поделиться своими чувствами, мы обнимались, взмокли и пропахшие потом, вопили и тискали друг друга, плясали на раскаленном от жары гравии, а вокруг нас лежали небольшие, потемневшие от времени

кости, принадлежавшие — теперь это казалось почти очевидным — одной особи.

— Хватит прыгать, — сказал я наконец, — а то мы наступим на что-нибудь. К тому же нам надо удостовериться.

— Но боже мой, ты еще не уверен?

— А вдруг мы нашли две левые ноги? Может быть, здесь несколько индивидуумов и все их кости перемешаны. Давай умерим свой пыл, пока не вернемся в лагерь и не убедимся, что все это можно соединить.

Мы взяли пару кусков челюсти, точно отметили место находки и сели в ожидавший нас лендровер, чтобы отправиться назад в лагерь. По пути мы подобрали двух геологов из нашей экспедиции, которые были нагружены собранными в пустыне образцами камней.

— Мы нашли нечто большое, — все повторял Грей. — Нечто большое. Нечто *большое*.

— Успокойся, — сказал я ему. Но за километр от лагеря Грей все-таки не выдержал. Он нажал на сигнал, и продолжительный гудок заставил купавшихся в реке ученых выскочить из воды и поспешить в лагерь.

— Мы нашли его. Нашли, черт побери! Мы нашли его целиком.

После обеда все, кто был в лагере, отправились к оврагу, разделились по отдельным участкам и стали готовиться к большой работе, которая в целом заняла три недели. Когда она была закончена, у нас имелось несколько сотен костей (из них многие — фрагменты), составлявших в совокупности около сорока процентов скелета одной особи. Наше с Томом предчувствие не обмануло нас. Среди костей не было дубликатов.

Но что же представляла собой эта особь? Предварительный осмотр не давал ответа — ничего похожего раньше не находили. Лагерь гудел от возбуждения. В первую ночь никто не ложился спать. Мы говорили и говорили. Мы пили пиво банку за банкой. Потом включили магнитофон, и в

Весь поверхностный слой гравия с того места, где мы нашли Люси, был собран и перенесен к берегу реки Аваш. Здесь мы разложили его на длинных полосах материи и тщательно проверили, чтобы ни один, даже самый мельчайший, костный фрагмент не был потерян для науки. На снимке изображен член французской группы Клод Гийемо за работой.

ночное небо взвилась песня группы «Битлз» *Люси в небе с бриллиантами!* Мы проигрывали ее снова и снова в безудержном веселье. С какого-то момента этой незабываемой ночи — я не помню, с какого именно, — новая находка получила имя «Люси», и с этих пор она так и стала называться, хотя ее настоящее наименование — ее порядковый номер в коллекции из Хадара — AL 288-1.

— Люси?

Этот вопрос задает мне всякий, кто впервые видит находку. Я объясняю:

— Да, это была самка. Мы были на седьмом небе, когда ее нашли. А тут еще эта песня...

После этого спрашивают:

— А откуда вы знаете, что она самка?

— По форме таза. У нас есть одна целая тазовая кость и крестец. Самку можно отличить, так как у самок гоминид тазовое отверстие относительно больше — ведь они должны рожать детенышей с крупным мозгом.

Затем следует вопрос:

— Она относится к гоминидам?

— О да. Она ходила в выпрямленном положении. Ходила так же, как ходите вы.

— А все гоминиды ходят в выпрямленном положении?

— Да.

— Но что такое «гоминиды»? Обычно этот вопрос бывает последним, потому что на него нельзя дать простого ответа. Антропологам пришлось оставить определение несколько растяжимым, так как мы до сих пор точно не знаем, когда появились первые гоминиды. Можно, однако, уверенно сказать, что гоминиды — это прямоходящие приматы. Это могут быть и вымершие предки человека, и его родственники по боковой линии, и настоящие люди. Все человеческие существа — гоминиды, но не все гоминиды — человеческие существа.

Мы можем обрисовать эволюцию человека как длительный путь, начавшийся от примитивной, обезьяноподобной формы, которая постепенно становилась все меньше и меньше похожа на обезьяну и все больше — на человека. Внезапного перехода от обезьяны к человеку произойти не могло — вероятно, какое-то время существовали промежуточные типы, которые невозможно отнести ни туда, ни сюда. Мы все еще не имеем находок, которые рассказали бы нам об этом переходном времени. Поэтому

самый удобный способ отделить новые типы от их предков—обезьян — это свалить в одну кучу всех тех, кто стоял на задних конечностях. Эту-то группу людей или «почти людей» и называют гоминидами.

Я — представитель гоминид. Я человек. Я принадлежу к роду *Homo* и виду *sapiens* — человек разумный. Пожалуй, следовало бы сказать «мудрый» или «знающий» — существо, которое уже достаточно интеллектуально, чтобы осознавать себя человеком. Были и другие, менее способные виды *Homo* — наши предки, которые теперь вымерли.

Homo sapiens возник сто тысяч лет назад, а то и все двести или триста тысяч, смотря по тому, как оценивать неандертальского человека, который тоже относится к роду *Homo*. Одни полагают, что он принадлежал к тому же виду, что и мы; другие считают, что он был лишь нашим предком; третьи видят в нем двоюродного брата. Этот вопрос окончательно еще не решен, так как многие из лучших ископаемых остатков неандертальцев были найдены в Европе еще до того, как стали известны методы правильного исследования стоянок и научной датировки. Поэтому мы не знаем точного возраста большинства находок неандертальского человека.

Я лично думаю, что неандерталец относится к тому же виду, что и мы с вами, — к *Homo sapiens*. Говорят, что если одеть неандертальца в современный костюм, то в толпе среди пассажиров метро никто не обратит на него внимания. Это верно. Конечно, по сравнению с нынешними людьми он был несколько неуклюжим и массивным, с более примитивными чертами лица. Но все-таки это человек. Его мозг был таких же размеров, как у современного человека, и только незначительно отличался по форме. Смог бы неандерталец разменять деньги в кассе метро и разобраться в монетах? Конечно, да. Он смог бы выполнять и более сложные операции. И он прекрасно

совершал их и в Европе, и в Африке, и в Азии 60 или 100 тысяч лет назад.

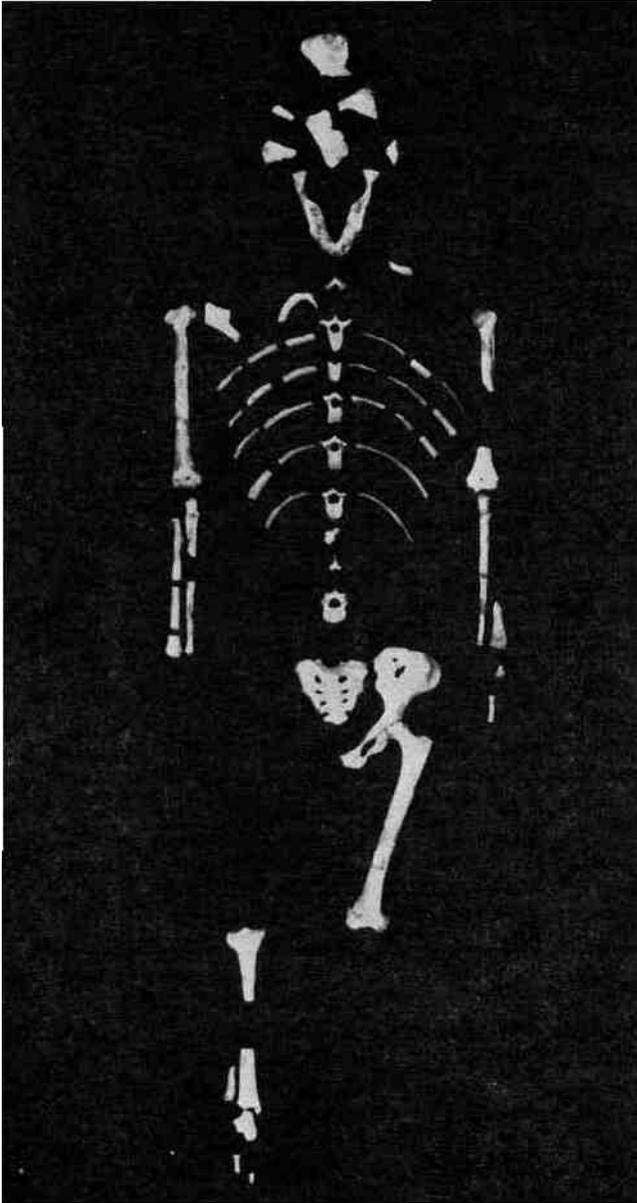
Неандертальский человек имел предков, человеческих предков. До него существовал эволюционно менее продвинутый тип — *Homo erectus*. Если этого посадить в вагон метро, то люди, пожалуй, начнут с подозрением коситься на него. А еще раньше жил действительно примитивный тип — *Homo habilis*. Увидев его в метро, публика, наверное, поспешит убраться в другой конец вагона. Дальше линия эволюционного развития человека почти совсем теряется в глубине времен. До *Homo habilis* могло быть нечто подобное Люси.

Все названные выше существа относятся к гоминидам. Все они ходили на двух ногах. Некоторые были людьми, хотя и крайне примитивного типа. Другие не были людьми. Люси, во всяком случае, не была. Как бы вы ее ни одели, она не будет похожа на человеческое существо. Ее место — в далеком прошлом, за пределами человеческого. Вот что случается, если путешествуешь в глубь веков по эволюционной линии, — можно забраться так далеко, что столкнешься с созданиями совсем иного рода. В ряду гоминид ранние ступени настолько примитивны, что их нельзя назвать человеческими. Они должны именоваться по-иному. К этой категории принадлежит и Люси.

В течение пяти лет я держал Люси в сейфе моего кабинета в Кливлендском музее естественной истории. Я заполнил большую неглубокую коробку желтым пенопластом и вырезал в нем углубления, так что для каждой кости подучилось сделанное по мерке гнездышко. Все, кто приходил в музей, — так мне казалось, — хотели посмотреть на Люси. И больше всего поражали посетителей ее небольшие размеры.

Ее голова, судя по найденным частям черепа, была немногим больше мяча для игры в софтбол¹. Рост Лю-

¹ Около 8 см в поперечнике. — Прим. перев.

Костные остатки Люси
(*Australopithecus afarensis*).

си составлял лишь $3\frac{1}{2}$ фута (около 105 см), хотя она была вполне взрослой самкой; об этом можно судить по прорезавшимся и уже несколько стертým зубам мудрости. Я предполагаю, что Люси было около 25-30 лет, когда она умерла. Деформация позвонков указывала на то, что у нее

начинался артрит или какое-то другое заболевание костей. В более позднем возрасте оно, вероятно, стало бы ее серьезно беспокоить.

Удивительная полнота находки была связана с тем, что Люси умерла мирно. На ее костях не осталось следов чьих-либо зубов. Они не были по-

царапаны или расколоты, что неизбежно произошло бы, если бы Люси попала в лапы льву или саблезубому тигру. Части ее тела не были растащены гиенами в разные стороны. Все они лежали рядом, там, где она просто опустилась на песок давно исчезнувшего озера или реки — и умерла. Трудно сказать, умерла ли она от болезни или случайно утонула. Важно то, что сразу же после смерти хищники не нашли ее и не съели. Ее скелет остался не поврежден, песок и ил медленно покрывали его все более толстым слоем. Потом песок под тяжестью позднейших отложений превратился в камень. Так она мирно лежала в своей каменной гробнице тысячелетие за тысячелетием, пока дожди Хадара вновь не вынесли ее на свет.

И вот тут мне невероятно повезло. Если бы в то утро я не внял своему внутреннему голосу, Люси, быть может, никогда не была бы найдена. Я не знаю, почему другие люди, которые вели поиски до меня, не нашли ее. Быть может, они смотрели в другую сторону. Возможно, было иное освещение. Иногда один человек видит предметы, которые другой не замечает, хотя и смотрит прямо на них. Если бы я в то утро не собрался на участок 162, туда мог бы никто не пойти в течение года, а то и пяти лет. Размеры Хадара огромны, и здесь полно всяческих дел. В последующие годы дожди могли бы смыть кости на дно оврага. Они были бы утрачены или же разбросаны, и никто не узнал бы, что они принадлежат одной особи. Самое невероятное — то, что они совсем недавно появились на поверхности, возможно год или два назад. Пятью годами раньше Люси все еще была под землей, пятью годами позже она бы совсем исчезла. Ведь лобная часть черепа была уже утеряна, смыта куда-то. Мы так и не нашли ее, и именно поэтому не смогли точно определить размеры мозга.

Люси всегда удавалось хорошо выглядеть в своем маленьком желтом

гнездышке и привлекать внимание широкой публики. Но для искушенных специалистов этого мало. В Кливлендском музее были и другие коллекции костных остатков. Они затмевали Люси — полные витрины находок, целые сотни из одного Хадара, муляжи костей гоминид из Восточной и Южной Африки, из Азии, черепа антилоп и свиней, вымерших грызунов, кроликов, низших и человекообразных обезьян. Здесь хранилась большая коллекция черепов гориллы, одна из крупнейших в мире. И на фоне этой впечатляющей массы костей возникал закономерный вопрос: а что в ней особенного, в этой Люси? Почему именно она, как выразился один из членов нашей экспедиции, «на долгое время так взбудоражила наши бедные антропологические умы»?

— На это есть три причины, — каждый раз объясняю я. — Во-первых, то, что она собой представляет, и то, чем она *не* является. Она отличается от всего, что было найдено до сих пор. Ее трудно классифицировать; это очень древний, очень примитивный и очень малорослый представитель гоминид. Каким-то образом мы должны найти ей подходящее место и дать научное название.

— Во-вторых, — говорю я, — это ее удивительная целостность. До Люси не было найдено ни одного столь древнего скелета. Древнейшим был скелет одного из неандертальцев, о которых я говорил немного раньше. Его возраст составлял 75 тысяч лет. Правда, существуют и более древние остатки гоминид, но все они фрагментарны. Реконструкции, как правило, составляются из отдельных кусочков: зуб отсюда, челюсть оттуда, почти полный череп из одного места, кости конечностей — из другого. Конечно, подбор осуществляют ученые, которые знают эти кости как свои пять пальцев. Но все-таки когда вы понимаете, что эти реконструкции состоят из остатков нескольких индивидуумов, живших на расстоянии в

сотни миль друг от друга и разделенных во времени десятком тысячелетий, то, глядя на такой только что составленный скелет, вы невольно задаете себе вопрос: «А насколько он соответствует действительности?». В случае с Люси вы можете быть в этом уверены. У нее все подлинное. Вам ничего не надо домысливать, придумывать плечевую кость, которой нет. Она у вас перед глазами. Вы впервые видите ее у существа более древнего, чем неандерталец.

— Но насколько более древнего?

— Это уже третья причина. Неандертальцу 75 тысяч лет, Люси приблизительно 3,5 миллиона. Это самый древний, самый полный и самый сохранившийся скелет из всех остатков прямоходящих предков человека, которые были когда-либо найдены.

В этом значение Люси: в ее древности и в ее целостности. Это делает ее уникальным экспонатом во всей истории находок гоминид. Ее нетрудно описать, и, как мы еще увидим, она облегчает разрешение ряда антропологических проблем. Но что же она такое в точном смысле слова?

Настоящая книга посвящена ответу на этот вопрос. Как бы уникальна

ни была Люси, ее значение может быть понято только в контексте других ископаемых находок. Она не будет иметь смысла, пока не найдет себе подходящего места в схеме эволюции гоминид, которую более ста лет с таким трудом воссоздавали сотни ученых всех четырех континентов. Ископаемые находки, научная интуиция (иногда гениальная, иногда ошибочная), методы таких далеких от антропологии дисциплин, как ботаника, ядерная физика и микробиология, — все это, вместе взятое, позволило прояснить картину происхождения человека от обезьян, которая теперь, в 80-х годах нашего столетия, начинает наполняться особым смыслом. Разумеется, построение этой картины не могло начаться до тех пор, пока Чарльз Дарвин в 1857 году не высказал своей гипотезы, что мы произошли от обезьян, а не созданы актом божественного творения в 4004 году до рождества Христова, как учила церковь. Но и Дарвин не мог предвидеть, какие странные повороты предстоят науке об эволюции гоминид. Он также не мог знать, от каких именно человекообразных обезьян мы произошли. Ведь и сегодня мы не можем сказать этого с полной уверенностью.

1

Часть первая

Предыстория

Глава 1

Ранние ископаемые находки

Если мы не будем намеренно закрывать глаза, то при современном уровне знаний сможем приблизительно установить, кто были наши предки; и мы не должны стыдиться их.

Чарльз Дарвин

Апологеты подчеркивают, что человек не может быть потомком какой-либо из ныне живущих обезьян — хотя сама по себе эта сентенция граничит с глупостью; они утверждают далее, что человек произошел вообще не от низших или высших обезьян, а от какого-то более раннего общего предка. В действительности каждый, кто увидел бы этого общего предка, наверняка назвал бы его обезьяной. Поскольку значение терминов «низшие и высшие обезьяны» достаточно хорошо известно, можно сказать, что среди предков человека были низшие или высшие обезьяны (или те и другие в последовательном порядке). Малодушно и даже бесчестно для знающего специалиста высказываться иначе.

Джордж Гейлорд Симпсон

Подготовив бомбу эволюционного учения, Дарвин взорвал ее, так сказать, с помощью дистанционного управления. Он был чрезвычайно застенчивым человеком и имел к тому же плохое здоровье. У него не было желания и сил принимать участие в сокрушительной борьбе, которая, как он предчувствовал, сразу же вспыхнет после столкновения созданной им теории эволюции с политическими и религиозными догмами того времени. Помимо контроля над ду-

шами миллионов британцев церковь была мощным рычагом политического и социального управления. Дарвину настолько не хотелось вступать в борьбу с этой неумолимой силой, что он несколько лет не решался опубликовать свою теорию. Он продолжал собирать новые и новые данные в поддержку той мысли, которая когда-то — еще на Галапагосских островах — озарила его светом истины: все виды образовались в результате эволюции. Они эволюцио-

нировали с самого начала жизни на Земле. Они связаны общим происхождением, и их родословные можно проследить по ископаемым остаткам. Для подтверждения своей теории Дарвин выбрал как можно менее спорные доказательства: остатки малоизвестных морских организмов — усоногих раков, давно исчезнувших моллюсков и т.п. Лишь однажды в «Происхождении видов» он намекнул на то, что эволюционное учение касается и человека. В самом конце книги Дарвин вставил фразу, что его теория «может пролить свет на происхождение человека и его историю».

Этого намека было достаточно, и битва началась. К счастью для Дарвина, у него оказался достойный защитник — ученый, наделенный богатым воображением и атакующей силой, Томас Генри Гексли. В то время как Дарвин отсиживался дома, подобно робкой испуганной черепахе, Гексли сражался на переднем крае. Он организовал публичный диспут с одним известным англиканским епископом и разбил все его доводы. Ему удалось выставить на посмешище даже английского премьер-министра Бенджамена Дизраэли. Именно Гексли во всеуслышание заявил о связи между человеком и антропоморфными обезьянами. Он указал на многочисленные черты сходства между человеком и его ближайшими из ныне живущих родственников — гориллой и шимпанзе. На этом основании Гексли заключал, что у всех троих в прошлом, и не таком уж далеком, был общий предок. Поскольку упомянутые обезьяны водятся только в Африке, Гексли высказал мысль, что ископаемые остатки общего предка, скорее всего, надо искать именно там.

К сожалению, находок с Африканского континента тогда еще не было. Вообще в те дни с предками дело обстояло неважно. Был открыт только один из них: незадолго до выхода классического труда Дарвина в Гер-

мании в «долине Неандера»¹ в одной из пещер были обнаружены часть черепа и кости конечностей существа, которое впоследствии получило название неандертальского человека. Хотя интерес к этой находке был достаточно велик, почти никто не понял ее истинного значения. Для умов прошлого века, не привыкших к представлениям об изменчивости и пластичности человеческого скелета, найденные кости показались слишком грубыми и примитивными, чтобы претендовать на роль ископаемых остатков предковой формы. Череп был гораздо толще, длиннее и уже, чем у современного человека, с массивными надбровными дугами. Немецкие анатомы — в те времена самые просвещенные в мире специалисты в этой области — энергично принялись за его изучение. «Этот череп принадлежал пожилому голландцу,» — сказал д-р Вагнер из Гёттингена. «Нет, — заявил д-р Майер из Бонна, — это череп русского казака, который в погоне за отступающей армией Наполеона отбился от своих, забрел в пещеру и умер там». Французский ученый Прюнер-Бей придерживался иного мнения: «Череп принадлежал кельту, несколько напоминающему современного ирландца, с мощной физической, но низкой умственной организацией». Окончательный приговор произнес знаменитый Рудольф Вирхов. Он заявил, что все странные особенности неандертальца связаны не с его примитивностью, а с патологическими деформациями скелета, возникшими в результате перенесенного в детстве рахита, старческого артрита и нескольких хороших ударов по голове.

Оставался еще вопрос о древности находки. Ученые пришли к единодушному мнению, что неандерталец, возможно, ходил по земле во време-

¹ Неандерталь — долина одного из притоков Рейна, названная в честь пастора Неандера.-
Прим. перев.

на Наполеона; а раз так, то и отложили находку в сторону.

Не все, однако, забыли о ней. Мысль о том, что неандертальский человек может оказаться нашим настоящим предком, не умерла. Неутомимые исследователи прошлого продолжали вести раскопки в пещерах и долинах рек. Они нашли кроманьонского человека, который получил свое название по месту в южной Франции, где впервые были обнаружены его кости. Вслед за первой последовали многие другие находки, в том числе и полные скелеты, настолько сходные с современными, что даже самые отъявленные скептики вынуждены были признать их принадлежность человеку. Возникла дискуссия о древности найденных остатков. Но эти споры затихли, когда по мере накопления геологических знаний стало возможным определять возраст находок, сопоставляя эволюционные изменения различных млекопитающих, остатки которых находили в слоях скальных пород или в отложениях на дне пещер. Хотя вычислить абсолютный возраст было нельзя, сравнительная, или относительная, датировка становилась делом все более легким; начали складываться некоторые представления об эволюционной хронологической шкале.

Очевидно, что ископаемые остатки, лежащие в верхних слоях дна пещеры, должны быть моложе тех, что погребены в его глубине. Это относится также к костям или орудиям, находимым в песке и гравии речных отложений: глубина их залегания служит показателем их относительного возраста. Значит, если геологи смогут с некоторой долей достоверности определить, сколько времени потребовалось для отложения данного слоя, то у нас в руках будет ключ к установлению абсолютного возраста.

Большая часть этой подготовительной работы была проделана во второй половине 19 века. К концу его

был составлен приблизительный, но весьма полезный календарь, отражающий последовательность доисторических событий в Западной Европе. Согласно этому календарю, кроманьонский «пещерный» человек жил на протяжении 40 или 50 тысяч лет и исчез, возможно, всего лишь 10 тысяч лет назад. Кроманьонцы — это уже нековыляющие «недочеловеки», каких любят изображать художники-юмористы, а такие же люди, как и мы, умевшие создавать прекрасные рисунки и, вероятно, мыслить сложными понятиями. У них были зачатки религиозных представлений, они систематически изготавливали разнообразные каменные орудия и, судя по всему, обладали развитой культурой, во многих отношениях более сложной, чем у некоторых первобытных народов, до сих пор сохранившихся в отдаленных уголках земного шара.

Были обнаружены и другие, более примитивные предки человека. Выяснилось, что неандерталец — это вполне реальное древнее существо, несколько отличавшееся от нас, как тому и следовало быть. Если теория эволюции верна, то ископаемые человеческие остатки по мере их удаления от нас во времени должны становиться все более примитивными. Вместе с неандертальцем исследователь погружался в глубины истории на 50 или 100 тысяч, а может быть, и на целых 200 тысяч лет. Увеличиваясь, эти цифры становились все более расплывчатыми и пугающими. Неандертальцы нарушали душевный покой тех, кто, привыкнув мыслить тысячелетиями, только что с трудом приспособился к десяткам тысяч лет. Теперь им предстояло исчислять древность сотнями тысячелетий, и это было очень нелегко.

Понятно, какую растерянность вызвало в 1893 году сообщение голландского ученого Эжена Дюбуа, который нашел на Яве остатки обезьяночеловека возрастом около полумиллиона лет.

Всякому, кто считает меня везучим, я рекомендую почитать о жизни Дюбуа. Его везение было попросту невероятным. Иначе как могло случиться, что молодой преподаватель анатомии, никуда не выезжавший за пределы Голландии, почти ничего не знавший об ископаемых предках человека и никогда не видевший костных остатков гоминид, следуя логическим выкладкам, поехал за тридевять земель, в места, где еще не было сделано ни одной находки, и действительно отыскал нечто необычное?

Представьте себе, что кто-то объявляет: «Моя профессия — поиски редких драгоценных камней. Я почти ничего о них не знаю и никогда их не видел. И все-таки я хочу посвятить себя этому занятию. Я никогда не проводил полевых изысканий, но мне известно, что в горах Бирмы и Таиланда на определенных широтах находят рубины. Вот почему я собираюсь обследовать сходные горные формации, расположенные на тех же широтах в Мексике, и надеюсь найти там изумруды».

При столь зыбком обосновании проекта шансы на успех так малы, что их даже нельзя принимать в расчет. И тем не менее Дюбуа нашел свой изумруд — яванского обезьяночеловека, *Pithecanthropus erectus*.

Его логика была до наивности проста. Еще мальчиком он услышал о костях неандертальского человека, найденных в известняковой пещере близ Дюссельдорфа за два года до его рождения. Он прочел о них все что мог и, будучи убежденным сторонником эволюционной теории, постепенно пришел к выводу, что, несмотря на все сомнения ученых, неандерталец — это более древний тип человека. В таком случае, рассуждал Дюбуа, где-то должны существовать еще более древние, более обезьяноподобные формы. Искать их следует не в Европе: во-первых, климат здесь был слишком суровым для выживания таких существ; во-вторых, ледни-

ковый щит мог уничтожить все их следы. Поэтому он решил, что займется своими розысками в тропиках. Он выберет место наподобие Суматры, где до сих пор водятся крупные человекообразные обезьяны — орангутаны, и начнет обследовать пещеры, которых, как говорят, там немало.

Дюбуа надеялся найти «недостающее звено». Подобно многим своим современникам, не лишенным научной любознательности, он прочитал труды Дарвина, но воспринял некоторые из его идей неверно. Если, как утверждали Дарвин и Гексли, человек действительно произошел от каких-то человекообразных обезьян, то для того, чтобы доказать это, казалось бы, нужно было найти существо, стоявшее на полпути между человеком и, скажем, орангутаном или шимпанзе. Идея Дарвина была, конечно, совершенно иной. Он имел в виду не «горизонтальные», а «вертикальные» связи — линии родства, протянувшиеся во времени. Для Дарвина близость человека к обезьяне не означала существования промежуточного типа: она указывала лишь на то, что у них был общий предок, от которого к ним вели две отдельные цепи родственных форм. Как выглядел этот общий предок, ни Дарвин, ни Гексли в то время не могли бы сказать. И все-таки идея «недостающего звена» сделалась необычайно популярной; именно под ее влиянием Дюбуа, невзирая на протесты семьи и уговоры коллег, отказался от преподавательской карьеры и отправился в Голландскую Ост-Индию.

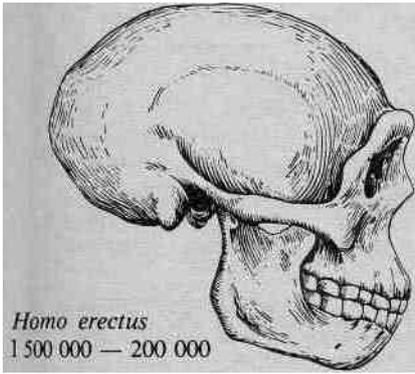
Не имея возможности добыть денег для финансирования экспедиции, он вступил в голландскую армию в качестве военного врача и попросил, чтобы его послали на Суматру. Его медицинские обязанности были несложны, и за два года ему удалось обследовать несколько пещер, правда без существенных результатов. Затем он подхватил малярию, был переведен в запас и отправлен на

Яву. Теперь, имея массу свободного времени, он смог посвятить все свои усилия изучению слоев с ископаемыми остатками, которые он обнаружил в излучине Соло — небольшой, лениво текущей речки в районе Тринила. Голландское правительство заинтересовалось его исследованиями и даже предоставило для раскопок рабочих из числа заключенных. Но работать с ними было невозможно, потому что все кости, которые им удавалось найти, они тотчас прятали и продавали китайским торговцам. Те измельчали «кости дракона» в порошок и отправляли в Китай, где они высоко ценились как лекарственное и возбуждающее средство. Это прекратилось лишь тогда, когда десятник, работавший у Дюбуа, убедил колониальные власти наложить запрет на скупку окаменелостей.

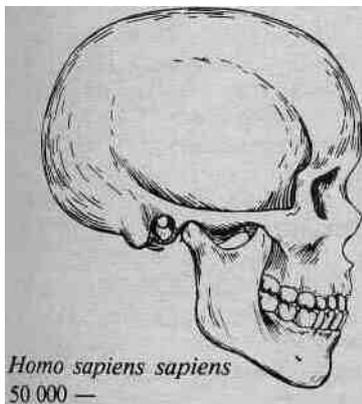
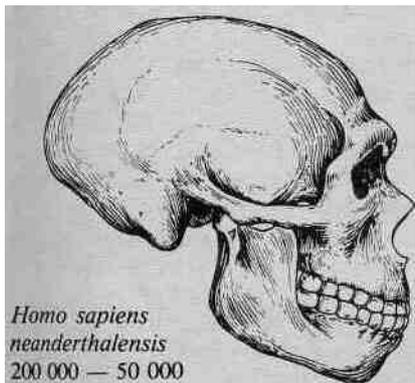
С этого момента из Тринила как из рога изобилия посыпались интересные находки, в том числе остатки вымерших млекопитающих, до той поры неизвестных науке. Подобно всякому одержимому, Дюбуа отличался удивительной способностью впитывать информацию о том, что его интересовало. Поскольку древние окаменелости были его «идеей фикс», он вскоре научился разбираться в них и принялся отправлять ящиками в Голландию. Но только после целого года раскопок на берегу реки Соло он нашел то, что искал, — окаменелость, принадлежавшую ископаемому примату. Это был очень крупный коренной зуб, и Дюбуа поначалу не мог решить, кому он принадлежит — вымершему гигантскому шимпанзе или орангутану. Покуда он ломал голову над этим вопросом, в одном ярде от первой находки обнаружили вторую — черепную крышку, тоже принадлежавшую какому-то примату. Она была необычайно толстой, слишком низкой и массивной для человека, решил Дюбуа, слишком большой и округленной для орангутана. «Человекоподобная обезьяна», — был его вывод.

Насколько похожа на человека была эта обезьяна, он узнал лишь на следующий год — после потрясающего открытия бедренной кости, которая почти не отличалась от человеческой и свидетельствовала о том, что ее владелец передвигался на двух ногах. Хотя эта удивительная кость и еще один зуб были найдены примерно в 50 футах от черепной крышки, Дюбуа решил, что все остатки принадлежат одному индивидууму. Он послал в Европу ликующую телеграмму, сообщив, что нашел «недостающее звено», а вскоре и сам отправился вслед за ней, упаковав находки и прихватив их с собой.

Однако вместо триумфа Дюбуа ждало горькое разочарование. Долгие годы его находки оставались предметом ожесточенных споров. Некоторые считали, что он по ошибке соединил череп какой-то вымершей обезьяны с бедренной костью человека, который жил и умер значительно позднее, они спорили по поводу черепной крышки, полагая, что ввиду своей примитивности она не могла принадлежать человеку. Дюбуа думал иначе. Он упорно держался за гипотезу недостающего звена, настаивал на том, что все найденные им кости принадлежат одному индивидууму, и в конце концов повез их в Англию, чтобы показать сэру Артуру Кизсу, который к тому времени уже снискал себе известность как первый палеонтолог, преемник великого Рудольфа Вирхова. Кизс с его достаточно гибким умом готов был допустить существование человека более примитивного и с менее развитым мозгом, чем все до тех пор обнаруженные особи. Чем дальше он изучал ископаемые остатки, найденные Дюбуа, тем больше убеждался, что имеет дело не с «недостающим звеном», а с человеком. Эта точка зрения взбесила Дюбуа, и он уехал, оставив о себе память как о человеке «нетерпимом к критике, которую он готов приписать невежеству или личной враждебности своих оппонентов,

За полтора миллиона лет своей эволюции человек приобрел более высокий и округленный череп, более крупный мозг и отчетливо выраженный подбородок, которого не было у *Homo erectus*. Кроме того, постепенно исчезали выступающие надбровные дуги.

а не стремлению докопаться до истины».

Дюбуа продолжал упорствовать. Он демонстрировал свои находки где только мог всем, кто хотел на них взглянуть. Споры продолжались. Дюбуа упрямо отвергал любой новый довод, подкреплявший, по-видимому, точку зрения Кизса; в конце концов он замкнулся в своей обиде, спрятал остатки *Pithecanthropus erectus* под полом своей столовой и на протяжении 30 лет не только никому их не показал, но не хотел даже говорить о них.

Между тем накапливались новые данные. В одном песчаном карьере в Германии была найдена массивная челюсть обезьяньего типа с зубами, напоминавшими человеческие, — фрагмент скелета так называемого гейдельбергского человека. Вслед за этим в результате десятилетних раскопок в пещерах Чжоукоудяня (Китай) был обнаружен пекинский человек. Находок здесь было значительно больше: 5 черепов, 15 небольших фрагментов костей лица или черепа, 14 нижних челюстей и 152 зуба. Работы в Чжоукоудяне продолжались вплоть до начала второй мировой войны; ученые нашли также множество орудий, сделанных из камня, костей и рогов животных, на которых охотились обитатели пещер. Судя по всему, они умели пользоваться огнем и готовить на нем пищу — в отложениях было найдено много слоев золы, указывавших на то, что здесь поддерживали огонь в течение длительного времени. Обитатели пещер, несомненно, были людьми, и к тому же на удивление способными, если учесть их древность, которую оценивали примерно в полмиллиона лет.

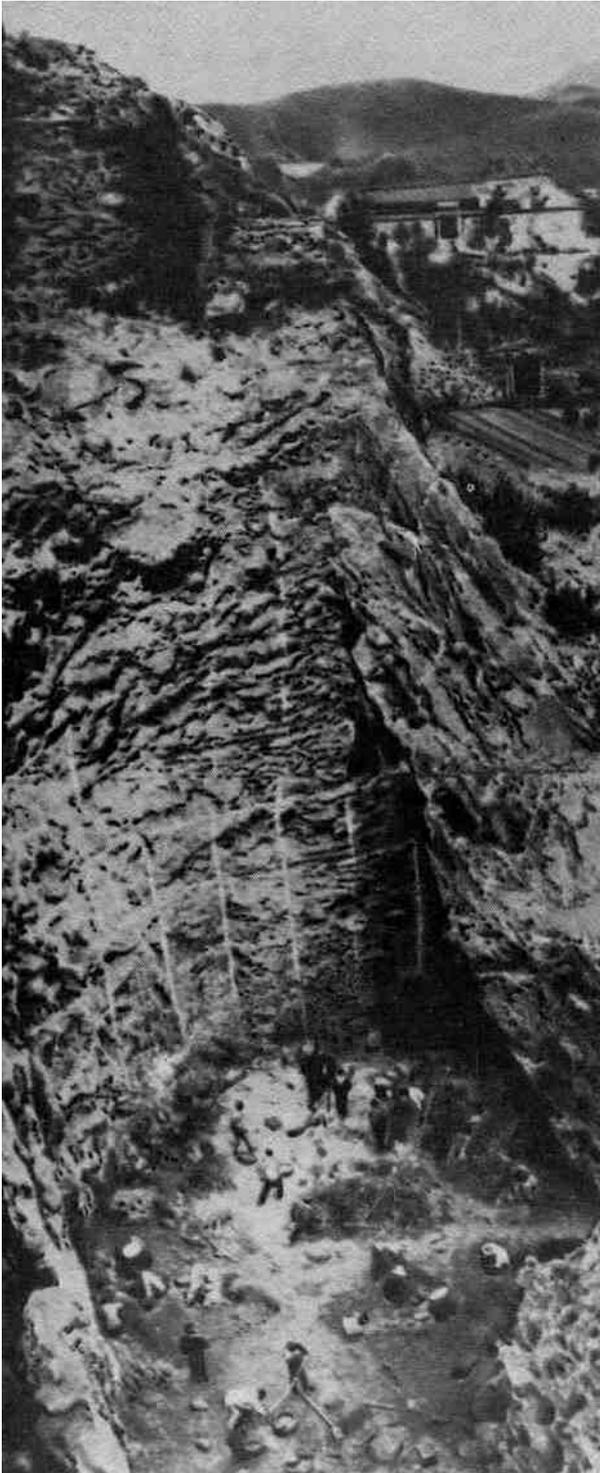
Наконец, по иронии судьбы, через 40 лет после того, как Дюбуа извлек костные остатки *Pithecanthropus erectus* из отложений на берегу реки Соло, другой антрополог — Г. фон Кёнигсвальд — отправился на Яву и возле той же реки нашел новые фрагменты черепа, подкреплявшие мне

ние Кизса о том, что питекантроп был человеком.

Приняв эту точку зрения, следовало изменить родовое название находки, данное Дюбуа. Произведенное от двух греческих слов — *pithecus* (обезьяна) и *anthropos* (человек), оно слишком явно отражало убеждение Дюбуа в том, что открытое им существо — это действительно переходная эволюционная ступень между современными обезьянами и современным человеком.

Вообще, весь процесс наименования новых находок сразу создал неразбериху. Гейдельбергский человек и пекинский человек получили собственные латинские названия, так же как и одна-две другие находки из районов Средиземноморья и Африки. Каждый ученый считал, что найденные им окаменелости не похожи на другие и заслуживают по меньшей мере особого видового, если не родового, названия. Например, гейдельбергский человек был назван *Homo heidelbergensis*. Автор находки признал, что это существо было человеком, и поэтому отнес его к роду *Homo*, выделив при этом новый вид. Пекинский человек предстал под названием *Sinanthropus pekinensis* — китайского человека из Пекина. Это означало, что найденные в Чжоукоудяне кости были сходны с человеческими, но не настолько, чтобы отнести их к роду *Homo*; однако они явно отличались и от обезьяньих. Поэтому решено было выделить новый род.

Все это не так абсурдно, как может показаться. У ученого есть только один путь к первоначальному пониманию чего бы то ни было — описать, измерить, дать название. Именно это и пытались делать с ископаемыми находками. Нужно помнить, что в период между 1900 и 1925 годами об эволюции человека почти ничего не было известно. Была только горстка находок — слишком мало, чтобы мог проясниться их смысл. Никто как следует не понимал, что за существа были эти «древние люди». Никто от-

Пещера Чжоукоудянь, расположенная в окрестностях Пекина, была вскрыта в 1927 году канадцем Дэвидсоном Блэком. В 25-метровой толще отложений были найдены костные остатки пекинского человека, впоследствии классифицированного как *Homo erectus*. Белые квадраты, нанесенные на стены пещеры, помогали указывать места находок окаменелостей и орудий в различных горизонтах культурного слоя.

четливо не представлял себе ни родственных отношений между ними, ни их геологического возраста. К тому же все они отличались друг от друга — не очень, но все-таки отличались. В связи с этим возникал важный вопрос: какой уровень различий можно считать существенным?

Если я выйду на улицу и измерю череп у десятка первых попавшихся людей, то моя выборка будет свидетельствовать о значительной изменчивости размеров головы и лица. Теперь представьте себе, что спустя полмиллиона лет какой-нибудь антрополог выкопает те же десять черепов из земли. Как ему быть, если черепа будут найдены в разных частях земного шара, если от некоторых останутся одни осколки и их нельзя будет должным образом измерить, если у других исчезнут все зубы или, наоборот, сохранятся только зубы и если, наконец, возникнут сомнения в их датировке?

Антрополог измерит все черепа и сделает упор на различия между ними. Он изучит один череп, сравнит его с другим и поразится обнаруженному несходству. Прошло немало времени, прежде чем ученые осознали тот факт, что популяции необычайно изменчивы. Поэтому нужно иметь большие выборки, состоящие из мужчин, женщин и детей, если мы хотим выявить черты, характерные для всех индивидуумов. Работая с такими выборками, ученый получает представление не только об этих постоянных признаках, но и об изменчивости популяций. Он знакомится с диапазоном этой изменчивости. Все, что укладывается в найденный диапазон, будь то размеры мозга, форма зубов или таза, — все, что лежит в допустимых пределах, относится к данному виду. А если что-то сюда не вмещается — значит, речь идет о каком-то другом виде.

Такой подход стал возможен, когда были найдены остатки пекинского человека. В пещере Чжоукоудянь оказалось так много костей раз-

личных индивидуумов, что это позволяло ориентировочно оценить пределы изменчивости. Этого нельзя было сделать при наличии единичных находок вроде гейдельбергского человека или яванского обезьяночеловека. Последующие открытия, особенно те сенсационные находки, что были сделаны в Восточной Африке, внесли окончательную ясность в эту запутанную проблему. Ныне большинство ученых признает, что упомянутые выше костные остатки принадлежат различным представителям одного вида — вида очень изменчивого, к которому относились прямые предки современного человека. Питекантропа, синантропа и гейдельбергского человека больше не существует. Все они объединены под названием *Homo erectus* — человек прямоходящий. Они относятся к роду *Homo*, хотя и несколько отличаются от нас. Мозг у них был меньше, кости черепа толще, надбровные дуги более выступающие, челюсти более массивные. Они обладали огромной силой, эти мужчины и женщины с мускулатурой под стать их могучему костяку. Хотя мужчина *Homo erectus* из-за своего небольшого роста вряд ли преуспел бы в профессиональном футболе, он, вероятно, был бы грозным противником в хоккее или лакроссе, т. е. в тех видах спорта, где сегодня выступают спортсмены среднего роста. И вот этот наш предок, невысокий, крепко сложенный, со средним по величине мозгом, совершил эволюционный подъем от человека *прямоходящего* до человека *разумного*, который произошел, как сейчас полагают, в период от 400 до 100 тысяч лет назад.

Чтобы воспроизвести путь подхода к изложенным выводам, нам хватило нескольких страниц, но для того, чтобы пройти этот путь на практике, потребовалось 40-50 лет исследовательской работы. К концу этого периода накопившиеся находки ископаемых остатков и предметов мате-

риальной культуры ясно показали, что у современного человека был предок, широко распространившийся по земному шару по меньшей мере полмиллиона лет тому назад, а может быть, и намного раньше.

К подобным выводам нельзя прийти за одну ночь. На это требуется время. Прежде всего нужно иметь исходный материал — ископаемые остатки. Потом нужно их рассортировать. К сожалению, это не всегда проходит гладко. Вы имеете дело с тем, что у вас есть. Но стоит появиться чему-то новому, и прежнюю классификацию приходится видоизменять. Вы стараетесь изо всех сил, полагаясь отчасти на везение и интуицию.

Но вот наступает момент, когда вам предстоит сделать над собой усилие, чтобы поверить собственным глазам. И здесь начинается самое трудное: вы уже привыкли к определенному стереотипу мышления и не хотите его менять. Ученый может провести целую жизнь, отстаивая свое мнение о том или ином сочетании зубов и челюсти или о таксономическом значении размеров мозга. Если новые данные противоречат его концепции, принять их не так-то легко. Мне кажется, что в случае яванского питекантропа труднее всего было признать его древность. Его возраст исчислялся по меньшей мере в 500 тысяч лет, что в пять раз превышало древность неандертальца, в которую поверили тоже далеко не сразу. Теперь возьмите Люси. Она в шесть раз древнее питекантропа Дюбуа. *В шесть раз!*

Меня часто спрашивают, чем можно заполнить этот гигантский промежуток времени.

Несколькими вещами. Например, более ранним типом человека. А также двумя или тремя разновидностями австралопитековых. Это новое название имеет для нашей истории чрезвычайно важное значение.

Австралопитеки — это ранние гоми-

ниды, но *не* люди. Я уже говорил, что можно принадлежать к гоминидам и не быть человеком. Пару миллионов лет назад по Африке разгуливали существа, настолько примитивные по своему типу, с такими странными зубами и таким малым объемом мозга, что их нельзя причислить к роду человеческому. Встает вопрос: были ли они нашими предками или двоюродными братьями? Об этом спорят до сих пор. Дело усложняется тем, что существовали две или три разновидности этих созданий — крупные и более мелкие формы прямоходящих «почти людей», получивших родовое название *Australopithecus*.

Найдя Люси — нечто по меньшей мере столь же древнее, как и австралопитеки, и в некоторых отношениях более примитивное, — я задал себе вопрос: принадлежит ли Люси к тому же роду? И долгое время не мог найти ответа. Когда все кости были очищены, подобраны и разложены на столе, я при первом взгляде на них подумал, что Люси, пожалуй, можно отнести к австралопитековым. Но я не мог быть уверен в этом. Она слишком мала, и зубы какие-то странные. Она была похожа на двуногую обезьяну, с тем лишь отличием, что не была обезьяной. Этот маленький представитель гоминид приводил вас в полное недоумение, озадачивал, интриговал. Чтобы решить, относится ли Люси к австралопитековым, нужно было ждать результатов подробного анализа костяка. В то время в вопросе об австралопитековых царила полная неразбериха.

И я вновь должен сказать о том, как мне повезло.

Вступая в науку, нужно выбирать для себя самую трудную и запутанную область — вроде того, что представляла собой проблема плио-плейстоцена в начале 70-х годов. Именно здесь, помогая разобраться в этой путанице, свежие молодые силы имеют шанс заявить о себе.

Предшественники человека отличались от живущих ныне обезьян тем, что были закоренелыми хищниками; плотоядные создания, они прибегали к насилию, чтобы поймать добычу, убивали ее, раздирали искалеченные тела, отрывали конечности и жадно поглощали корчащуюся в предсмертных муках жертву, утоляя жажду ее горячей кровью.

Реймонд Дарт

Мы дети Каина... Человек — это хищник, в котором самой природой заложен инстинкт убивать с помощью оружия. Внезапное приобретение крупного мозга вооруженным и преуспевающим хищным животным привело к появлению... человека

Роберт Ардри

Нельзя не почувствовать, что Дарт преуменьшает значение социальных отношений, которые существовали даже у древнейших людей и были необходимы им, чтобы выживать и заботиться о потомстве, длительно подготавливая младшее поколение к жизни в сообществе. Картина, которую рисует Дарт, написана в таких мрачных тонах, что трудно поверить в ее правдоподобие.

Лорен Айсли

История с австралопитеками началась в 1924 году и в самом, казалось бы, неожиданном месте. Как мы видели, основные усилия исследователей, пытавшихся отыскать корни человечества, были связаны с Европой. Именно здесь удалось обнаружить кроманьонского и неандертальского человека и удлинить таким образом предысторию человека на 100 тысяч лет. Потом исследования перекинулись на Яву и в Китай. Открылись новые дали, достигавшие полумиллиона лет. Никому не приходило в голову искать гоминид в Африке, хотя было известно, что на юге этого континента во множестве сохранились необычайно древние остатки млекопитающих и рептилий. Эксцентричный шотландец по имени Роберт Брум стал известен в научных кругах своими работами по описанию именно этих ископаемых животных. Он

смог показать, как шла эволюция первых млекопитающих от ранних форм рептилий. Однако Брум никогда не находил остатков гоминид; другим исследователям тоже не приходило в голову искать их в Южной Африке — ведь можно было заранее думать, что их здесь быть не может. Гоминиды произошли от человекообразных обезьян, обезьяны живут в тропических лесах, а на юге Африки таких лесов не было уже миллионы лет.

Эта логика казалась вполне убедительной. Но вот однажды некая молодая особа, жившая в Южной Африке и интересовавшаяся окаменелостями, увидела на камине в доме своего приятеля нечто напомнившее ей череп вымершего павиана. Она сказала об этом другу. «Ну уж нет, — ответил тот, — этого не может быть. Ведь в Южной Африке нет иско-

паемых остатков обезьян». Он объяснил, что череп попал к нему из каменоломни, владельцем которой он был. Она находилась в Таунге, входившем тогда в состав протектората Бечуаналенд; когда там взрывали известняк, в породе иногда обнажались окаменелости. Череп был одной из них, но никто не мог определить его принадлежность.

Этот рассказ заинтересовал молодую женщину, и она передала его своему знакомому, профессору анатомии д-ру Реймонду Дарту, который в то время преподавал в университете Витватерсранд в Йоханнесбурге. Дарт объяснил, что ее друг был прав в отношении человекообразных обезьян — они действительно никогда не встречались в Южной Африке, — но заблуждался относительно павианов. Эти крупные обезьяны хорошо приспособлены к наземному (не древесному) образу жизни в засушливой местности. Они обитали в Южной Африке сотни тысяч лет и встречаются здесь поныне.

Так совпало, что Дарт сам питал огромный интерес к окаменелостям. Он попросил владельца каменоломни об услуге: нельзя ли, в случае если будут найдены новые ископаемые остатки, переправить их ему? Прошло некоторое время, и к нему на дом прибыли два больших ящика с обломками известняка. В первом Дарт не нашел ничего интересного, но когда он открыл второй, его взгляд упал на округлый кусок известняка, выделявшийся на фоне неровных обломков. Дарт узнал в нем эндокран — некогда порода заполнила внутреннюю полость черепа и затвердела в нем, в точности воспроизведя размеры и форму давно исчезнувшего мозга. По словам Дарта, «на поверхности камня были отчетливо видны извилины и борозды мозга, кровеносные сосуды». Видны опытному глазу, добавим мы. Занимаясь медициной в Лондоне, Дарт основательно изучил эндокраны и поэтому смог оценить, даже при от-

сутствии черепа, что предстало перед его взором. Очевидно, во время добычи известняка при взрыве череп обломился и либо был потерян, либо лежал где-нибудь в глубине ящика.

В первый момент Дарт подумал, что перед ним эндокран павиана. Но, приглядевшись повнимательнее, он решил, что мозг был слишком велик, чтобы поместиться в каком-либо из виденных им павианьих черепов. К тому же мозг отличался и по форме — относительные размеры его были заметно больше, чем у павиана.

Дарт знал, что человекообразные обезьяны — шимпанзе и горилла — обладают более развитым по сравнению с павианами интеллектом и более крупным мозгом, и вдруг ему в голову пришла мысль: а может быть, вопреки всему, в Южной Африке в отдаленном прошлом жили до сих пор неизвестные, ныне вымершие человекообразные обезьяны, обитавшие на открытой местности? Он начал лихорадочно рыться в ящике с камнями, пытаясь найти кусок, который соответствовал бы слепку мозга. Если бы ему это удалось, он располагал бы и самим черепом. Как назло, именно на этот день была назначена свадьба его друга. Церемония должна была состояться в доме Дарта, и ему предстояло быть шафером. Уже начали съезжаться гости, а Дарт все еще перебирал куски известняка, пока, наконец, жених, барабанив в дверь, не напомнил о его обязанностях. С трудом оторвавшись от ящика и стряхнув пыль с брюк, Дарт надел пиджак и галстук и вышел к гостям. Едва дождавшись конца церемонии, он бросился к себе и буквально через минуту держал в руках кусок породы, который точно соответствовал эндокрану. Уставившись на эту вторую окаменелость, он сообразил, что смотрит внутрь маленькой головки. Повернув окаменелость другой стороной, чтобы увидеть лицевую часть, Дарт обнаружил, что она покрыта коркой из известняка, смешанного с песком и

гравием. Этот плотный цементоподобный материал, называемый брекчией, не позволял рассмотреть особенности лицевого скелета. Но Дарт знал, что лицевая часть там — ее очертания угадывались изнутри, с задней стороны.

Дарт не был палеонтологом. Он почти не знал, как нужно обращаться с окаменелостями, и не имел никаких руководств, которые подсказали бы ему, с чего начать. Но он все-таки приступил к делу и, как выяснилось, действовал весьма разумно. Не зная, насколько хрупким окажется череп, и боясь повредить его резкими ударами долота, Дарт поместил находку в ящик с песком для устойчивости и амортизации. Затем взял маленькое долото и принялся осторожно удалять брекчию. Позднее он взял у жены для этой же цели вязальную спицу и сточил ее кончик, сделав его трехгранным. Он долбил и откалывал кусочек за кусочком, и через семьдесят три дня окаменелость была очищена от брекчии.

То, что он увидел, поразило его. Череп принадлежал шестилетнему детенышу с полным набором молочных зубов. Коренные зубы, которые у человека обычно появляются к шести годам, только начали прорезываться. Череп, безусловно, не мог принадлежать молодому павиану. Он был слишком высоким и круглым, с небольшой лицевой частью. У павианов обычно удлиненная морда и уплощенный череп. Новая находка больше походила на череп шимпанзе, но даже и для этой обезьяны верх его был чересчур выпуклым. Кроме того, при одном взгляде на зубы Дарт отверг мысль о том, что перед ним павиан или шимпанзе: у тех мощно развиты клыки, а у детеныша из каменоломни они почти не превосходили по размеру зубы человеческого ребенка.

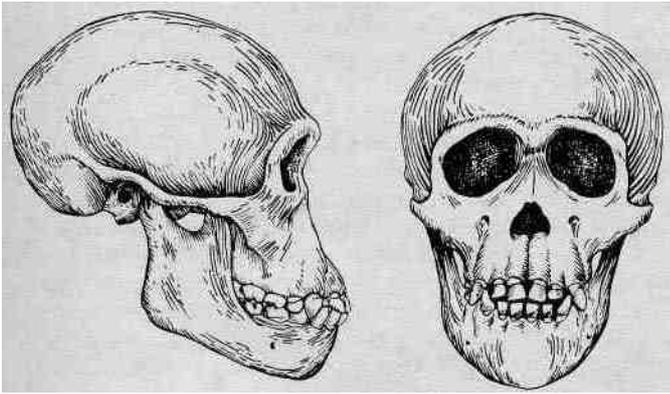
Перевернув находку, Дарт отметил еще одну особенность — большое затылочное отверстие, служащее для выхода спинного мозга, располага-

лось на нижней стороне черепа, свидетельствуя о том, что в течение своей короткой жизни шестилетний малыш ходил выпрямившись на двух ногах. У павианов и шимпанзе это отверстие расположено ближе к затылку, что связано с их четвероногим способом передвижения.

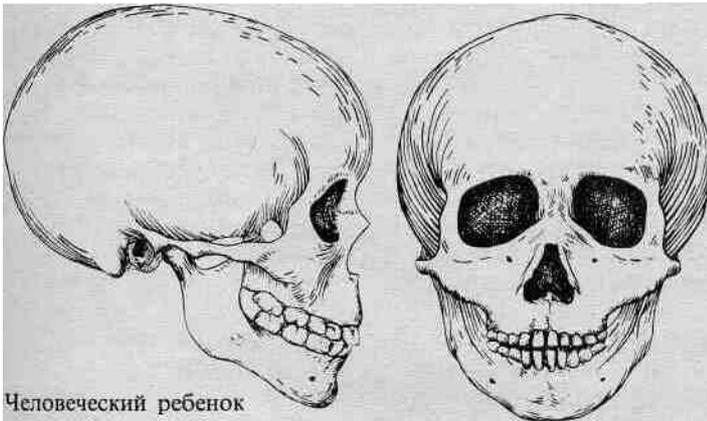
Прямоходящая обезьяна? Да может ли это быть? И если так, то как она оказалась в Южной Африке, за две тысячи миль от мест обитания человекообразных обезьян? Чем дальше Дарт смотрел на маленький череп, тем сильнее поражала анатома его необычность. И вдруг, как когда-то Дюбуа, Дарта пронзила мысль, что перед ним — недостающее звено, переходная ступень от обезьян к человеку.

Привыкший полагаться на свои суждения и не склонный откладывать дела на завтра, Дарт сел и написал статью в *Nature* — престижный английский журнал, в котором публиковались наиболее важные результаты научных исследований. Позднее Дарт сказал: «В те времена было принято подобные находки держать в тайне; обнародовать их можно было лишь лет через десять, после того как синклит авторитетных ученых из Британского музея или другой не менее солидной организации выскажет о них свое суждение. Однако я был уверен в неопровержимости моих выводов».

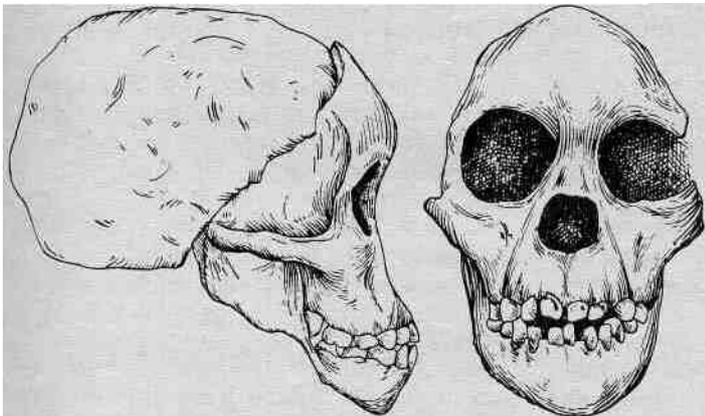
Статья Дарта была принята, и читатели журнала впервые узнали о том, что по земле, возможно, когда-то бродило существо, передвигавшееся на двух ногах, но почти не отличавшееся по размерам мозга от человекообразных обезьян. Дарт назвал это необыкновенное маленькое создание *Australopithecus africanus*, т.е. южной (*Australo...*) обезьяной (*pithecus*) из Африки. Однако оно быстро стало известным как «бэби из Таунга». Им бредила публика, пестрели заголовки газет, которые видели в нем наконец-то найденное «недостающее звено». Даже в мюзик-

Молодой шимпанзе

Человеческий ребенок

«Бэби из Таунга»

Многие английские ученые отвергали предложенную Реймондом Дартом классификацию «бэби из Таунга» как гоминида из-за того, что низкий свод черепа, прогнатизм и отсутствие подбородка делали его на первый взгляд более похожим на молодого шимпанзе, чем на человеческого ребенка. Однако коренные зубы у «бэби из Таунга» были крупнее передних (человеческая черта), а такие характерные для человекообразных обезьян особенности, как заостренные клыки и диастемы (промежутки между зубами), отсутствовали.

холле не обошлось без шуток на эту тему: «Что это за девушка была с вами вечером? Она родом не из Таунга?».

Публикация статьи действительно была слишком поспешной. Дарт ни с кем предварительно не посоветовался. Ученый мир отнесся к его сообщению, как и следовало ожидать, с осторожностью.

Центр палеоантропологии переместился в то время в Англию, где высшим авторитетом был 60-летний Артур Кизс, хранитель Хантеровской коллекции в Королевском хирургическом колледже, бывший президент Института антропологии. Вскоре Кизс произнес свой первый приговор: «Я не думаю, чтобы профессор Дарт заблуждался. Если он внимательно изучил череп, мы должны считаться с его суждениями».

Через некоторое время Кизс вторично высказался по поводу статьи Дарта: «Мы не можем сомневаться в его [Дарта] знаниях, силе ума и воображения. Однако меня пугает его взбалмошность, пренебрежение общепринятым мнением и неортодоксальность взглядов».

В конце концов Кизс решительно прекратил спор по поводу черепа из Таунга, заявив о его принадлежности «в лучшем случае какому-то роду человекообразных обезьян типа шимпанзе или гориллы... Обезьяна из Таунга не может входить в число предков человека уже потому, что она появилась слишком поздно». Это озадачило Дарта: что значит «поздно»? Дарт оценил возраст черепа в целый миллион лет. Ему казалось, что это довольно много.

Другие представители большой четверки британских антропологов — сэр Графтон Эллиот Смит, сэр Артур Смит Вудворд и д-р У.Л.Дакворт — хотя и не отвергали полностью притязаний Дарта, старались уклониться от прямого ответа. Особенно огорчила Дарта недостаточная поддержка со стороны Эллиота Смита: ведь именно под его руководством Дарт

занимался изучением эндокранов, и Смит хорошо знал, насколько компетентен был его ученик по части размеров и формы черепа у различных приматов. И все-таки даже он не мог переvarить сенсационных утверждений Дарта.

Единственным ученым, открыто выступившим в поддержку Дарта, был его коллега, грозный Роберт Брум, знаменитый своими работами по классификации южноафриканских ископаемых млекопитающих и рептилий. Он написал Дарту письмо, поздравляя его с выходом статьи в *Nature*. А спустя две недели Брум «...без предупреждения ворвался в мою лабораторию. Не обращая внимания на меня и моих сотрудников, он подбежал к тому месту, где стоял череп, и опустился перед ним на колени, словно в порыве поклонения предкам». Брум был прирожденным борцом и страстным полемистом. Его раздражало нежелание Дарта более энергично выступить в защиту своей находки, и он решил сделать это сам. Написав письмо в *Nature*, Брум решительно поддержал точку зрения Дарта. Его пример ободрил других ученых, которые думали так же, как и он.

Одним из них, в частности, был У.Дж. Соллас, профессор геологии и палеонтологии Оксфордского университета. Запомните это имя — оно еще не раз будет фигурировать в нашем рассказе об ископаемом человеке. Соллас с радостью узнал, что Брум сразился с Вудвордом и Кизсом, так как он ненавидел и того и другого. Соллас, одновременно обидчивый и задиристый в спорах, не мог простить Вудворду, что тот не признавал некоторые его работы. Больше пяти лет Соллас потратил на усовершенствование способа изготовления копий с окаменелостей, замурованных в горной породе. Во время демонстрации метода перед научной аудиторией Вудворд унизил автора, назвав его изобретение «игрушкой», не заслуживающей вни-

мания. Не меньше раздражали Солласа и часто повторяемые высказывания Кизса о том, что некоторые геологи могли бы больше помогать палеоантропологам в датировке находок. Соллас отлично понимал, что эти слова адресованы именно ему. Вот почему, заподозрив, что Кизс пытается помешать публикации письма Брума в *Nature*, Соллас разразился саркастической тирадой:

«Кизс обладает огромным влиянием [чтобы задержать ваше письмо]. На самом деле он настоящий обманщик и самый искусный карьерист в антропологическом мире. Он делает поспешные заявления, игнорируя факты. Он никогда не процитирует автора, не извратив его высказываний, и обобщает единичные наблюдения. Трудно сказать, в каких только грехах он не был замешан. Он журналист, дружище, чистой воды журналист... Он взлетел как ракета, но упадет как жестянка».

Однако Кизс и не думал падать. Он ярко сиял на антропологическом небосклоне. Между тем Соллас исчерпал все свои аргументы, и Дарт остался в одиночестве, если не считать Брума, поддержка которого была сомнительным преимуществом. Брум был странным человеком, одним из самых уклончивых, несносных, высокомерных и нестандартных людей (доля которых среди палеоантропологов несоразмерно велика) и в то же время — одним из самых блестящих. Он происходил из шотландской семьи, где были хорошо знакомы с бедностью и туберкулезом. С раннего детства он страдал легочными заболеваниями, и его часто отправляли к бабушке, которая сдавала комнаты в приморском городе Миллпорте. Один из жильцов, восьмидесятилетний старик, увлекался естественной историей. Когда он умер, его микроскоп достался маленькому Роберту, который с тех пор начал лихорадочно интересоваться всем, что имело отношение к естественной истории. Мальчика особен-

но занимали следы далекого прошлого, и он утолял свое любопытство, принося окаменевшие ракушки из близлежащей каменоломни. С четырьмя классами начальной школы он устроился работать ассистентом в лабораторию университета Глазго. В конце концов он был зачислен студентом медицинского факультета, который и окончил в 1889 году с отличием по специальности «акушерство».

Брум был превосходным врачом — внимательным, думающим, особенно сведущим во всем, что касалось рождения детей и ухода за матерью. Зарабатывая на жизнь медицинской практикой, он объездил многие страны — сначала Соединенные Штаты, потом малозаселенные части Австралии. Когда ему нужна была работа, он давал объявление и начинал практиковать где-нибудь в поселке скотоводов или шахтерском городке, предпочитая комфорту большого города прелести аскетической жизни рядом с природой. Его жена — бывшая служанка, на которой он женился во время одного из своих коротких наездов в Шотландию, повсюду следовала за ним. Она всегда держалась в тени, временами болела, но никогда не жаловалась и не обращала внимания на бесчисленные похождения своего мужа — Брум слыл отчаянным донжуаном.

По натуре он был настоящим отшельником, бродягой. Со времен голодного детства он на всю жизнь сохранил в душе глубокое и устойчивое презрение к «господам», которые олицетворяли для него социальную несправедливость и черствость мира богатых, так омрачавшую жизнь его родителей. Он с насмешкой относился к тупицам, занимавшим высокие посты, — их ему часто приходилось встречать в медицинских колледжах и музеях — и был в обращении с ними ироничен и хитер. Позднее, когда он поселился в Южной Африке, но продолжал там кочевать в поисках дела своей жизни, пока не посвятил себя

целиком изучению ископаемых рептилий и млекопитающих пустыни Карру, его злой язык и изворотливость нередко затрудняли ему доступ к материалам, с которыми он хотел бы работать. Если ему это все же удавалось, то потом иногда появлялись слухи, что после его осмотра в коллекции недостает того-то и того-то. В результате Бруму одно время запрещали пользоваться фондами Южноафриканского музея.

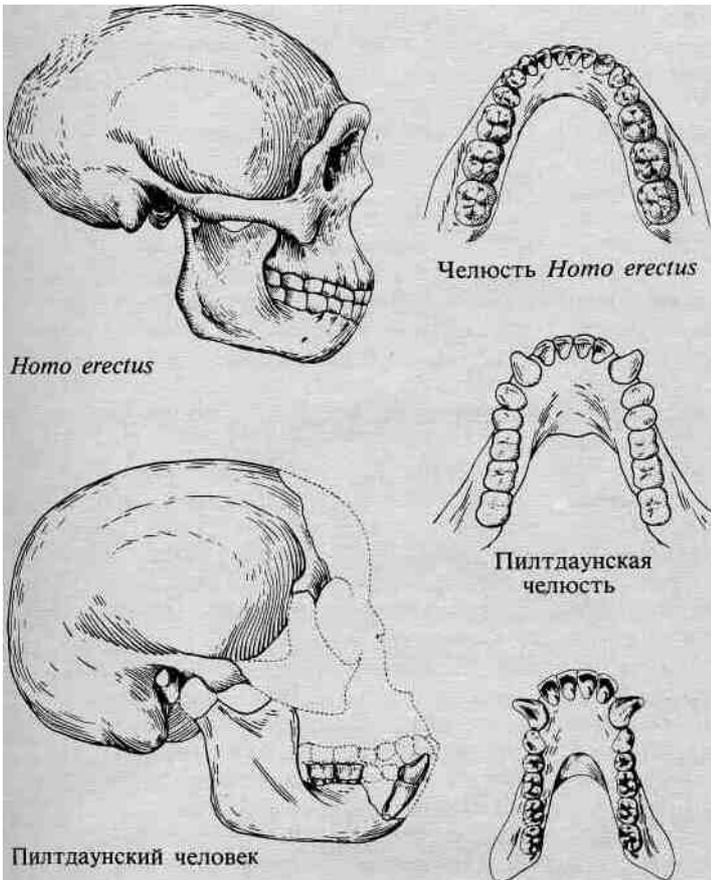
Знания Брума об ископаемых остатках были необыкновенно глубокими. Они базировались на сочетании логики с безошибочной памятью, страстной увлеченностью и интуицией: он обладал врожденным чутьем, которое подсказывало ему, что к чему подходит, кто от кого произошел и что нужно сделать, чтобы правдоподобно воссоздать облик животного по одному фрагменту. Брум подрабатывал на стороне, продавая окаменелости Британскому музею. Когда его отношения с этим учреждением несколько осложнились, он обратился к Американскому музею естественной истории в Нью-Йорке, но был обвинен в торговле предметами, которые не были его законной собственностью.

И вот этот колючий, непредсказуемый человек, пользовавшийся в британской палеонтологии сомнительной репутацией, был единственным, кто открыто поддержал Дарта в 20-х годах. А сам Дарт все эти годы продолжал забавляться со своей находкой. Он скоблил, царапал, откалывал кусочки и после четырех лет кропотливой работы смог отделить нижнюю челюсть от верхней и впервые взглянуть на жевательную поверхность зубов. Это еще больше убедило его в справедливости первоначального диагноза — в том, что ископаемое существо относится к гоминидам. Но Кизс, холодный и надменный, не сдавал своих позиций. Он продолжал настаивать, что утверждения Дарта лишены всяких оснований.

Справедливости ради следует сказать, что Кизс в тот момент стоял перед ужасной дилеммой, не имевшей ничего общего ни с Дартом, ни с его «бэби из Таунга». Не только он — все британские палеоантропологи ломали головы над интерпретацией ископаемых находок, которые они тщательнейшим образом изучили, но не могли понять их смысла. Перед ними были муляжи и фрагменты костей гейдельбергского и яванского человека, постепенно собранные в двадцатом веке. Все они указывали на то, что по объему мозга наш предок значительно уступал современному человеку; и чем дальше в глубь веков, тем меньше и примитивнее — ближе к обезьяньему — становится мозг. Однако зубы и челюсти сильно отличаются от обезьяньих по своему строению даже у тех наших предков, которые жили около 500 тысяч лет назад.

Челюсти ископаемого и современного человека сходны в том отношении, что зубы в них располагаются по дуге с расходящимися ветвями, так что самая широкая часть этой дуги соответствует ее концам, т.е. третьим молярам. У человекообразных обезьян челюсти длиннее и зубы располагаются по обеим сторонам, образуя с боков два параллельных ряда — как бы две стороны прямоугольника, третью сторону которого составляют передние зубы. Кроме того, у взрослых обезьян, в особенности у самцов, верхние клыки настолько велики, что заходят в нижний ряд зубов, где для них имеются специальные промежутки. Ни у гейдельбергского, ни у яванского человека или сходных с ними ископаемых форм не было подобных обезьяньих признаков. Их зубы были определенно похожи на человеческие.

Если бы дело ограничивалось только этими ископаемыми, то не было бы никакой проблемы — их интерпретация не представила бы трудности. Однако была еще одна находка — так называемый «пилтдаунский

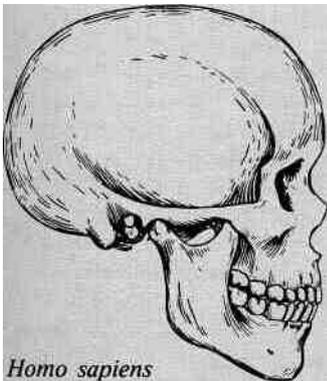
Homo erectus

Челюсть *Homo erectus*

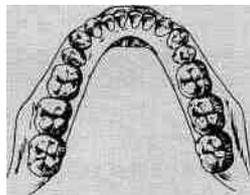
Питдаунская
челюсть

Питдаунский человек

Челюсть
человекообразной
обезьяны

Homo sapiens

Челюсть *Homo sapiens*

Проблемы, которые поставил перед учеными пилтдаунский человек, становятся очевидными при сравнении его с *Homo erectus* и современным *Homo sapiens*. Пилтдаунский череп по форме и величине сходен с черепом современного человека и вовсе не похож на череп *Homo erectus*. Однако по строению нижней челюсти пилтдаунский человек был гораздо примитивнее как *Homo erectus*, так и *Homo sapiens*. Прямоугольные очертания нижней челюсти и огромные заостренные клыки сближали его с крупными человекообразными обезьянами. Пилтдаунская находка производила впечатление состоящей из двух произвольно объединенных частей — человеческого черепа и обезьяньей челюсти. Как выяснилось, так оно и было на самом деле.

человек», фрагменты черепа которого обнаружил в 1912 году в гравийном карьере в Англии ученый-любитель Чарлз Доусон. До точных методов датировки было еще далеко — они появились спустя 40 или 50 лет; но, судя по темному цвету черепа, глубине его залегания и присутствию рядом с ним вымерших млекопитающих, его возраст составлял по меньшей мере несколько сотен тысячелетий. Костные остатки были переданы Кизсу, которому удалось воссоздать на их основе почти полный череп. Кизс ручался за достоверность реконструкции и назвал вновь найденное существо *Eoanthropus dawsoni* («человек зари» Доусона) по имени автора находки.

Но вот беда: этот пилтдаунский человек противоречил всем остальным ископаемым находкам. Вместо небольшого по размеру у него был очень крупный мозг, сравнимый с мозгом современного человека. Зато челюсть была по своей форме обезьяньего типа; если бы не моляры, сходные своей плоской жевательной поверхностью с человеческими, ее вполне можно было принять за обезьянью.

Короче говоря, пилтдаунская находка перевернула все представления об ископаемом человеке. Нельзя сказать, чтобы к этому отнеслись чересчур плохо. Долгое время человек считал себя венцом творения, уникальным созданием, вознесшимся над всеми остальными живыми существами благодаря своему интеллекту. Череп пилтдаунского человека вполне гармонировал с этим предрассудком. Его высокий куполообразный свод удовлетворял человеческое тщеславие в большей степени, чем низколобые черепа других ископаемых людей. Ведь гораздо престижнее иметь крупный мозг и обезьянье лицо, нежели наоборот. Кроме того, это была *английская* находка, обнаруженная всего лишь в нескольких милях от Лондона. За ней стояли два крупнейших авторитета в бри-

танской науке — Вудворд и Кизс. Несмотря на все противоречия, с пилтдаунским человеком приходилось считаться, так как именно он мог в конечном итоге оказаться нашим предком.

Вот это-то новейшее антропологическое открытие и составляло для британцев предмет мучительных размышлений, когда на сцене появился Дарт со своим «бэби из Таунга». Невзрачный маленький череп, найденный в районе, никогда не интересовавшем английских антропологов, плохо вписывался в схему, по которой наш предок должен был иметь крупный мозг и обезьяноподобное лицо.

Не удивительно поэтому, что Дарту был оказан такой плохой прием. Ученые, поддержки которых он искал, не были знакомы с геологией Южной Африки. Его собственный научный авторитет за пределами анатомии равнялся нулю. На его стороне выступал странный и подозрительный человек. Его утверждение о древности таунгского черепа было чистейшим бредом. Миллион лет? А откуда он это знает? Ответить на этот вопрос Дарт не мог. Это была догадка, основанная на умозаключениях о возрасте некоторых вымерших животных, кости которых были найдены в той же известняковой пещере. Наконец — и с этим было, пожалуй, труднее всего примириться, — Дарт, ссылаясь на положение затылочного отверстия, утверждал, что малыш с обезьяньим мозгом передвигался выпрямившись, как человек. Будь в распоряжении Дарта кости ноги или таза, это последнее и самое сумасбродное заявление было бы, наверное, воспринято с большей серьезностью, но ученый располагал только черепом. Этого было недостаточно.

И тем не менее в 1931 году Дарта пригласили в Лондон на антропологический конгресс и дали ему возможность выступить в защиту своей находки. Гвоздем программы здесь

были костные остатки пекинского человека, недавно найденные в пещере Чжоукоудянь в Китае. Это была сенсация, к тому же мастерски представленная — с многочисленными фотографиями и схемами раскопа. И вот после такого блистательного сообщения на трибуну вышел Дарт и повторил то же самое, что говорил шесть лет назад. Он держался неуверенно и, по его собственному признанию, с треском провалился. Чтобы немного подбодрить Дарта, коллеги после заседания пригласили его на обед. Жена его, Дора, отправилась на такси в отель, захватив с собой череп из Таунга, который она, вылезая из машины, оставила на заднем сиденье.

Череп обнаружили только на следующее утро. За ночь в машине побывало несколько пассажиров, каждый из которых мог легко унести находку. Когда таксист наконец заметил маленький сверток, он тотчас передал его в полицию. Развернув пакет и обнаружив внутри череп, полицейские подумали, что имеют дело с убийством, но в это время Дарт сам заявил о пропаже и смог получить череп обратно. После этого он вернулся в Южную Африку. Поездка не прибавила славы ни ему, ни его находке.

Принято считать, что Дарт, раздосадованный и разочарованный, ушел из палеоантропологии. Это не совсем верно. На первом месте у него всегда стояли преподавание и неврологические исследования, а «бэби из Таунга» как бы невзначай свалился ему в руки. Да, он действительно почти на 20 лет забросил поиски окаменелостей, но только для того, чтобы переключиться на более важные для него цели. Одной из них была Марджори Фру, старший библиотекарь медицинской библиотеки Витватерсранд. В 1936 году, спустя пять лет после неудачного путешествия в Лондон, Дарт развелся с Дорой и женился на Марджори.

Для британской антропологии это были суматошные годы. Из Китая поступали все новые и новые сведения о пекинском человеке. Они должны были вызывать беспокойство у одного из защитников пилтдаунского человека, сэра Артура Кизса. Так же как и у сэра Артура Смита Вудворда, хранителя геологического отдела Британского музея. Вудворд был связан с Пилтдауном больше, чем Кизс. Он присутствовал при том моменте, когда археолог-любитель Чарлз Доусон вынул из грязной ямы в Сассексе один из осколков черепа. Вместе с ним на месте раскопок находился талантливый молодой французский антрополог (и теолог) Пьер Тейяр де Шарден, который в то же утро в той же траншее нашел обломок слоновьего зуба. По словам Тейяра, «Вудворд бросился к находке с мальчишеским азартом, и я увидел в его глазах огонь, тщательно скрываемый за его холодной сдержанностью».

Тейяр де Шарден имел в виду обычную манеру поведения Вудворда, выразившую постоянную сосредоточенность и не допускавшую никакого юмора. В обыденной жизни он не мог позволить себе ничего легкомысленного. Вудворд происходил из простой семьи. Не совсем из бедняков, как Брум, но все-таки ему далеко было до высших слоев. Палеонтология открыла ему, так же как в свое время Гексли и другим юношам незнатного происхождения, но способным и честолюбивым, путь наверх. В обществе, вся структура которого препятствовала их продвижению, они получили редкую возможность проявить себя в новой науке, всплыть в потоке свежих дарвиновских идей и оставаться на виду благодаря вниманию общественности и научным спорам. Разве не удивительно, что трое из них — Вудворд, Кизс и Эллиот Смит — были возведены в рыцарское достоинство?

Такого рода признания добиться нелегко. Конкуренция между спо-

собными молодыми людьми была иногда очень острой. Чтобы сделать карьеру, нужно было иметь блестящие способности и недюжинное упорство. Подобно Гексли, Вудворд завоевывал премии, сыпал научными статьями и в 1901 году, в возрасте 37 лет, получил пост хранителя Британского музея. Он был настолько поглощен своей работой, что, казалось, забывал о существовании остального мира и не замечал, что творится вокруг него. Однажды, когда Вудворд шел по музею, по обыкновению задумавшись и опустив голову вниз, он со всего маху налетел на экспозиционный шкаф, упал и сломал ногу. Он не разрешил позвать врача, сделал все необходимое сам и остался хромым на всю жизнь. Вскоре нечто подобное повторилось: на этот раз Вудворд сломал руку.

Несмотря на все это, Вудворд был превосходным палеонтологом, в апогее своей научной карьеры он считался крупнейшим в мире специалистом по ископаемым рыбам. Однако в области черепов гоминид он не был большим авторитетом. Здесь он уступал Кизсу.

Когда дело дошло до реконструкции пилтдаунского черепа, между Кизсом и Вудвордом возникли разногласия. Используя найденные Доусоном фрагменты, которые составили почти всю левую половину черепа, Кизс по тем же размерам воссоздал правую половину. Вудворд же, считая, что у человека с развитым мозгом левое полушарие преобладает над правым, сделал несколько иную реконструкцию пилтдаунского черепа, емкость которого получилась значительно меньше, чем в реконструкции Кизса. Таким образом, он подверг сомнению компетентность Кизса в вопросах реставрации краниологического материала. Кизс использовал брошенный ему вызов для эффектной саморекламы. Он разбил на куски череп современного человека, предварительно измерив его емкость, а затем воссоздал заново. При

повторном измерении емкость всего на три-четыре кубических сантиметра отличалась от первоначальной. Кизс выиграл спор, но эта мелкая стычка нисколько не нарушила царившего в британской антропологии радостного оживления: наконец-то в Англии появился свой череп, по меньшей мере равноценный французским и немецким находкам — более древний и в то же время более «человеческий», — против этого сочетания никто не мог устоять. Поверив в пилтдаунскую находку, Кизс и Вудворд поставили на карту свою профессиональную репутацию. Последние тридцать лет жизни Вудворд целиком посвятил работе над этими ископаемыми остатками, озаглавив свой фундаментальный труд «Первый англичанин».

И тем не менее среди ученых с самого начала раздавались голоса, ставившие под сомнение подлинность находки. Палеонтологи Соединенных Штатов, далекие от националистических предрассудков, отнеслись к ней более беспристрастно. Они утверждали, что череп и челюсть не соответствуют — да и не могут соответствовать — друг другу. По мере накопления материалов из Пекина вероятность того, что эти ученые правы, возрастала: мозг древнего человека вполне мог быть небольшим, а его зубы — похожими на человеческие. Нам остается только догадываться, что творилось в душе Кизса и Вудворда с двадцатых по сороковые годы. Если у кого-то из них и возникали сомнения по поводу пилтдаунского человека, они их тщательно скрывали. Сама находка хранилась в сейфе. На нее можно было посмотреть, но трогать или подвергать каким-либо исследованиям категорически запрещалось.

Между тем «бэби из Таунга» пребывал в забвении. Этому немало способствовало и то, что череп принадлежал ребенку. Детеныши обезьян и человеческие дети больше похожи друг на друга, чем взрослые особи.

Лицо и особенно челюсти у обезьян растут гораздо быстрее, чем у человека, и обгоняют в своем развитии мозг. Это давало повод многочисленным скептикам ставить под сомнение человекоподобные черты у таунгского черепа.

В это уязвимое место бил и Графтон Эллиот Смит. «К сожалению, Дарт не располагал данными о детенышах шимпанзе, гориллы и орангутана того же возраста, что и особь из Таунга. Ознакомившись с материалом, он убедился бы, что положение головы, форма челюстей, строение носа и многие другие особенности лица и черепа, на которых базируется его тезис о сходстве австралопитека с человеком, аналогичны соответствующим признакам у детенышей гориллы и шимпанзе».

Дарт необыкновенно тщательно изучил зубную систему найденного им черепа и ясно видел, что она не имеет ничего общего с зубами шимпанзе или гориллы. И то, что три титана упорно не хотели замечать этого, должно было больно задевать самолюбие Дарта. Еще обиднее было то, что Смит, его прежний наставник в изучении эндокранов, сам захлопнул крышку гроба, похоронив в нем его идеи. Один только Брум сочувствовал ему.

За прошедшие пять лет дела Брума пришли в упадок. Он постарел. Его грандиозный труд по ископаемым остаткам рептилий и млекопитающих был уже закончен. Музеи и университеты относились к нему с явной антипатией. Он с трудом зарабатывал на жизнь медицинской практикой, перекочевывал с места на место и постепенно впадал в бедность. В 1933 году он уже не мог купить себе железнодорожный билет от Макасси, где в то время жил, до Йоханнесбурга, чтобы выступить с речью на заседании Южноафриканской ассоциации развития науки, хотя он и был ее президентом. Пришлось выслать ему нужную сумму на дорогу.

Когда Реймонд Дарт узнал об

этом, он не мог придти в себя от возмущения. Самый знаменитый ученый Южной Африки, пусть и не с ангельским характером, влачит столь жалкое существование! Дарт написал в правительство, и через несколько месяцев Брум получил письмо от директора Трансваальского музея в Претории, в котором тот в весьма холодном тоне предлагал ему место ассистента в отделе палеонтологии. Ввиду преклонного возраста Брума эта должность носила временный характер. Кроме того, становясь сотрудником музея, он терял право собирать ископаемые остатки для себя или другого лица. У его недругов была воистину долгая память.

Несмотря на унижительные оговорки и жалкий оклад, Брум тотчас же принял предложение. Это была пусть незначительная, но синекура, и Брум мог наконец-то бросить медицинскую практику и целиком посвятить себя изучению окаменелостей. Он познакомился с незаурядным человеком — трансваальским фермером Сиднеем Рубиджем, который уже много лет собирал ископаемые остатки и создал у себя на ферме небольшой частный музей. При содействии Брума его коллекция в скором времени выросла настолько, что почти сравнялась с фондами Трансваальского музея, процветанию которого Брум должен был посвящать все свое время. В 1936 году он привел музейное начальство в еще большее замешательство, узнав о существовании ископаемых остатков в находившейся неподалеку известняковой пещере в Стеркфонтейне. Некто Барлоу, работавший на разработках десятником, продавал окаменелости туристам в качестве сувениров.

Брум поспешно связался с Барлоу, убедился, что в карьере действительно много ископаемых остатков, и с горечью узнал, что немалая часть их попадает вместе с породой в печи для обжига и сгорает там. Он объяснил Барлоу, какие потери несет наука от подобного небрежения. Тот извинил-

АВТОРЫ ЧЕТЫРЕХ ВЫДАЮЩИХСЯ
НАХОДОК

И К Фульротт
(Находка — неандертальский человек, 1856)

Фульротт, преподаватель естественных наук в немецкой гимназии, смог распознать в окаменевших костях, найденных в каменоломне неподалеку от его дома, остатки древнего человека. Это была первая находка такого рода. Споры о ней продолжались несколько десятилетий.

ся и пообещал сохранять все, что удастся найти. Через пару дней он вручил Бруму эндокран — окаменевший слепок мозга. Брум тщательно просмотрел куски породы, раздробленной недавним взрывом, и обнаружил несколько фрагментов, составивших почти полный череп. Он очистил их, собрал вместе и тотчас понял, что перед ним австралопитек.

Наконец-то была сделана вторая после Таунга находка!

Когда весть о новом открытии достигла Дарта, им овладели противоречивые чувства — одновременно и

Эжен Дюбуа (Находка — яванский обезьяночеловек, 1891)

Дюбуа нашел на острове Ява, на берегу реки Соло, фрагменты черепа и кость нижней конечности. Из-за большого возраста находки, определенного примерно в полмиллиона лет, и ее чрезвычайно примитивного вида ученые тоже отнеслись к ней крайне подозрительно. Ныне существо, найденное Дюбуа, получило всеобщее признание как первый из известных науке *Homo erectus*.

досада, и радость. Некоторые из его студентов еще до этого заинтересовались пещерой в Стеркфонтейне;

не поставив его в известность, они переметнулись к Бруму. А тот в который уже раз преспокойно обошел начальство и выхватил добычу у всех из-под носа.

Но, с другой стороны, ведь череп принадлежал *австралопитеку*. Он решительно укреплял позицию Дарта в споре, который тот безуспешно вел в одиночку больше десяти лет. К тому же Дарт понимал, что без энергичного вмешательства Брума этот череп

Роберт Брум (*Находка — парантроп, 1938*)

Когда Брум обнаружил в Кромдрае (Южная Африка) вторую разновидность австралопитековых, он посчитал, что она достаточно отличается от предыдущей, чтобы быть выделенной в новый род. Ныне парантропа относят к массивным австралопитекам, ведущим свое происхождение от *Australopithecus africanus*

вслед за бесчисленным множеством других окаменелостей навсегда исчез бы в огнедышащем жерле печи. И наконец, найденные Брумом кости принадлежали взрослой особи. Репутация «бэби из Таунга» была спасена — теперь никто больше не сможет сказать, что только юный возраст придает этому существу некоторые черты сходства с человеком.

В конечном итоге Дарт был все-таки вне себя от радости. Выдающийся палеонтолог подтвердил его правоту. Но подлинного торжества оставалось ждать еще добрых десять

Реймонд Дарт (*Находка — «Бэби из Таунга», 1924*)

Возраст этой находки, который ее автор определил такой грандиозной цифрой, как миллион лет, а также крайняя примитивность черепа послужили причиной того, что многие ученые долго считали «бэби из Таунга» человекообразной обезьяной. На самом деле это был первый *Australopithecus africanus* — истинный гоминид, костные остатки которого позднее были найдены в большом количестве

лет. Только в 1947 году сэр Артур Кизс, достигший почти восьмидесятилетнего рубежа и приближавшийся к концу своей полувековой карьеры одного из первых анатомов мира, сказал: «Когда профессор Дарт... заявил о родстве между человеком и молодым австралопитеком, я был среди тех, кто утверждал, что стоит лишь найти взрослую форму, и она окажется ближе к ныне живущим африканским антропоидам — шимпанзе и горилле... Теперь я убедился, что профессор Дарт был прав, а я ошибался».

Со стороны того, кто на протяжении многих лет держался столь высокомерно, это была значительная уступка. Но не полное признание. Кизс не мог заставить себя назвать австралопитековых гоминидами. Для него это были «антропоиды, жившие на земле, а не на деревьях, с выпрямленной человеческой походкой, с зубами человеческого типа, но обезьяньим лицом и обезьяньими размерами мозга». Спору нет, эти существа были охарактеризованы верно. Оставалось сделать последний шаг и употребить ужасное слово «гоминиды», но оно буквально застревало в горле. В те времена — как отчасти и сейчас — люди упорно не хотели иметь столь примитивных родственников. Кизс называл их «дартовцы».

Почему прошло так много лет, прежде чем гордый олимпиец сделал этот жест полупризнания? На то было несколько причин. Во-первых, поступавшие из Южной Африки сообщения поначалу не были достаточно ясными и убедительными. Некоторую путаницу вызвало заявление самого Брума, что его находка и череп из Таунга не совсем похожи друг на друга. Когда нашли третьего австралопитека, положение еще больше усложнилось: этот третий оказался отличным от двух других.

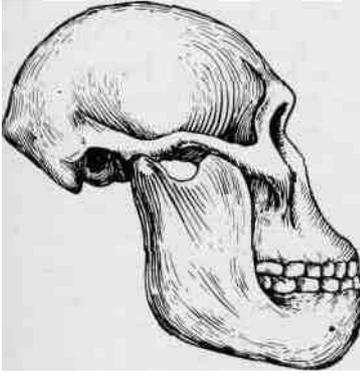
По обыкновению, Брум находился в самом центре событий. Он уже перешагнул за семьдесят и мог бы, казалось, спокойно выращивать розы в садике у дома. Вместо этого, облачившись, по давнему обычаю провинциальных врачей, в строгий черный костюм и белую рубашку с туго накрахмаленным воротничком, он в самый солнцепек бродил по окрестностям Стеркфонтейна — осматривал овраги, взбирался на скалы с неутомимостью, которой могли бы позавидовать многие из его более молодых коллег. Прослышав однажды, что какой-то школьник по имени Герт Тербланш якобы нашел ископаемые зубы в местечке Кромдрай, расположенном не-

подалеку от Стеркфонтейна, Брум тотчас же ринулся туда. Мальчик в тот момент находился в школе, и Брум уговорил сестренку Герта, чтобы она пошла с ним в горы и привела туда, где были найдены ископаемые остатки. После недолгих поисков Брум тоже обнаружил зуб и все-таки отправился в школу, хотя нужно было пройти целую милю под палящим солнцем. Директор вызвал Герта к себе в кабинет, и мальчик вынул из кармана четыре ископаемых зуба, которые ученый тотчас купил по шиллингу за штуку. Он хотел сразу же двинуться в горы вместе с мальчиком, однако до конца уроков оставалось еще два часа. Тогда директор уговорил Брума рассказать детям о том, что такое окаменелости и как можно распознать их в известняковых отложениях. Неожиданный визит известного ученого в скромную деревенскую школу и его лекция надолго запомнились ученикам. Занятия в тот день уже не возобновлялись, и Брум с Гертом наконец-то смогли отправиться в горы.

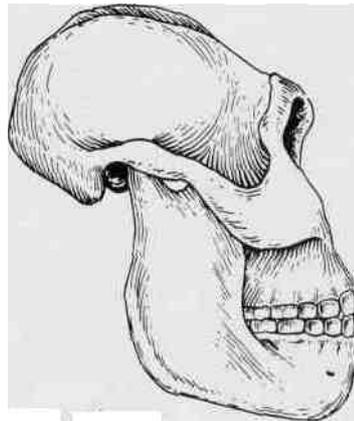
Мальчик указал место, где находился вмурованный в породу череп, от которого ему удалось отбить несколько зубов. Правда, череп при этом пострадал, но Брум все же сумел извлечь несколько сохранившихся фрагментов. Все это плюс еще один зуб, с которым мальчик согласился расстаться за пять плиток шоколада, послужило достаточной основой для реконструкции очередного черепа австралопитека.

К великому удивлению Брума, второй череп заметно отличался от ранее найденного в Стеркфонтейне. Он был несколько крупнее и массивнее, с более тяжелой челюстью, очень крупными коренными зубами, покрытыми толстым слоем эмали, и следами прикрепления чрезвычайно мощных жевательных мышц.

Ранее Брум уже заметил небольшие различия между черепами из Стеркфонтейна и из Таунга. Движимый собственническими чувства-

Australopithecus africanus

Australopithecus robustus

Новые находки позволили разделить африканских австралопитековых на два типа. На рисунке изображены «миссис Плез», найденная Робертом Брумом в Южной Африке и относящаяся к грацильному типу (*Australopithecus africanus*), и представитель массивного типа (*Australopithecus robustus*). У массивных австралопитеков более мощная челюсть и более крупные моляры, чем у грацильных, а также сильно выступающий продольный костный гребень на черепе.

ми, которые, видимо, свойственны всем авторам находок, он после некоторых раздумий счел эти различия достаточными, чтобы ввести новое название — *Plesianthropus transvaalensis* («почти-человек из Трансвааля»). Когда он занялся находкой из Кромдрая, здесь уже сомнений не оставалось: различия были явственно видны. Обезьяночеловек из Кромдрая был гораздо примитивнее обеих предшествующих находок. Не «почти-человек», а скорее его отдаленный предвестник. Брум выбрал название *Paranthropus robustus*, подчеркнув этим, что обнаруженное им существо находится «на пути к человеку» (*Paranthropus*) и отличается крупными размерами и массивным костяком (*robustus*).

Подобно Дарту, Брум без труда распознал в ископаемых существах из Южной Африки прямоходящих гоминид, но для того, чтобы убедить в этом других, ему позарез нужны были кости посткраниального скелета (т. е. других частей скелета, помимо черепа). И вот в августе 1938 года он наконец смог написать Кизсу в Лондон: «Две недели назад я имел удовольствие заполучить дистальный [нижний] конец бедренной кости человекообразной обезьяны из Стеркфонтейна, которую я теперь именую *Plesianthropus*. Эта кость почти человеческая. А сегодня мне опять повезло: я нашел дистальный конец плечевой кости другого существа — *Paranthropus*... Как вы убедитесь, то, что есть в нашем распоря-

женин, — это почти человеческие кости. Я надеюсь вскоре найти другие части скелета, хотя из-за того, что эти существа, очевидно, становились добычей крупных хищников, нам придется довольствоваться фрагментами».

Надежды Брума оказались преждевременными. До последнего дня своей жизни — а он умер в 1951 году в возрасте 85 лет — он энергично трудился, но так и не смог найти целого скелета (как, впрочем, и многие другие исследователи). В этом были повинны южноафриканские пещеры. Находимые в них ископаемые остатки вовсе не обязательно принадлежали существам, растерзанным хищниками. Ясных данных по этому вопросу в то время не было, да их нет и сейчас. Сами по себе пещеры до крайности неинформативны, и о причинах этого надо рассказать подробнее.

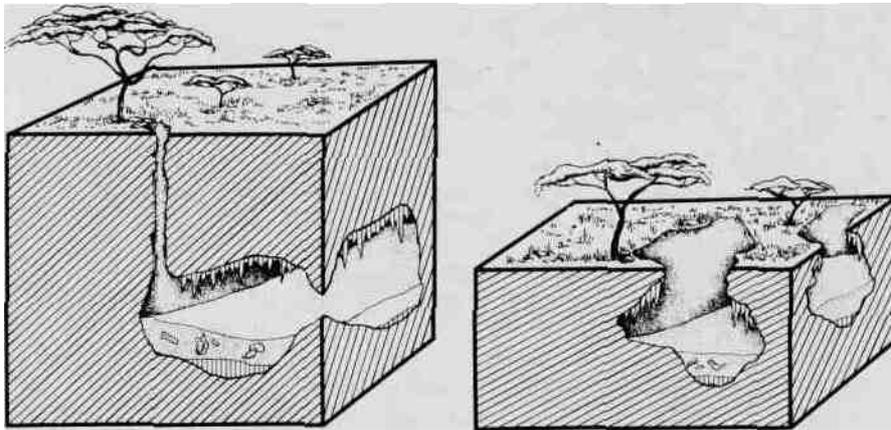
Ископаемые остатки по большей части находят в слоистых отложениях дна пещеры. В некоторых случаях толщина этих отложений составляет всего около метра, в других, как, например, в пещере Чжоукоудянь в Китае, — 25 или 30 метров. Сами слои тоже различны. Некоторые состоят из отбросов, оставленных в пещере ее обитателями, утрамбованных ногами, раскиданных по сторонам. Здесь можно встретить обглоданные кости животных перемежку с каменными орудиями, рогами, остатками давно погасших кострищ, окаменевшими экскрементами, содержащими мелкие косточки мышей и землероек, — скромные следы, оставленные некогда жившими здесь людьми. Накопление *отбросов* — характерная особенность культуры не только современного человека, но и всех его древних предшественников.

Культурный слой с костями и орудиями — это именно тот слой, в котором можно найти остатки ископаемого человека, если только они со-

хранились в пещере. Многие слои вообще не содержат костей. Они образовались в периоды, когда пещера была необитаемой и одна лишь пыль оседала и отвердевала на ее дне. Такой стерильный слой может достигать в толщину многих футов, свидетельствуя об изменении климата, которое могло заставить людей на несколько десятков тысячелетий уйти из этой местности. Миграционные потоки, как волны, захлестывали пещеру. Вот след вторичного ее заселения — еще один культурный слой, расположенный выше первого. А потом опять никаких следов. Нечто вроде слоеного пирога: горизонт с ископаемыми остатками, слой пыли, горизонт грязи и ила от разлива соседней реки, еще один культурный слой и так далее — один поверх другого. Чтобы воссоздать историю пещеры, археологу нужно только добросовестно делать свое дело и четко фиксировать все находки и слои по мере углубления раскопа.

В Южной Африке все не так просто. Здесь вы не увидите ясной картины чередования слоев. Пещеры формировались тут в результате воздействия подпочвенных вод на определенные минералы, вымывание которых приводило к созданию обширных пустот. Представьте себе кусок сахара, заключенный в массу пористого нерастворимого материала вроде полистирола: если внутрь будет просачиваться вода, она в конце концов постепенно растворит сахар, и на его месте останется пустое пространство.

Такого рода процессы и происходили в некоторых доломитово-известняковых формациях Южной Африки. Внутри холмов стали образовываться пустоты, рост которых ускоряла дождевая вода, проникавшая внутрь через трещины в каменных породах. Под действием струек воды трещины расширялись, превращаясь в отверстия, ведущие в глубь земли. Так появились настоя-

Стадия 1

Стадия 2

Южноафриканские известняковые пещеры сформировались в результате вымывания растворимых скальных пород дождевыми или грунтовыми водами. Рано или поздно они соединились с поверхностью входными отверстиями. Со временем эти отверстия рас-

ширились настолько, что в пещеру начали проникать животные. Определить возраст окаменелости, найденной внутри пещеры, очень трудно, так как не ясно, каким образом и когда образовались отложения.

щие пещеры со входом. Вначале этот вход был настолько узким, что пропускал внутрь только пыль и маленьких зверюшек, например грызунов и летучих мышей. Но вода делала свое дело, в конце концов доступ в пещеру открывался и более крупным животным, а возможно, и гоминидам.

Возникает естественный вопрос — почему нельзя провести обычного стратиграфического анализа отложений на дне пещеры? Ответ: потому, что эти отложения никак не напоминают слоеный пирог. Пещера вся снизу доверху заполнена неупорядоченным скоплением грязи, галек, мелких обломков породы и глыб доломита, обвалившихся с потолка и стен. Вся эта мешанина сцементировалась известковым раствором, высохла и затвердела наподобие бетонного блока, в толще которого, как изюмины в пудинге, замурованы кое-где ископаемые остатки. Ученые, пытающиеся разобраться в содержимом такой пещеры, не могут ска-

зать, как попало сюда найденное ископаемое существо: вошло ли оно само, случайно упало в щель, было сброшено туда или же его затащили внутрь хищники.

Немало усилий и изобретательности было потрачено на то, чтобы разгадать тайну южноафриканских пещер. Ученые исследовали сопутствующие остатки млекопитающих и сравнивали их с найденными в других местах. Поначалу это была крайне неблагодарная работа, так как многие животные принадлежали к вымершим неизвестным видам. Лишь позднее, когда была лучше изучена ископаемая фауна Восточной Африки, открылась возможность полезных сопоставлений.

Несмотря на тщательное изучение брекчий, т. е. самих «бетонных блоков», выяснилось лишь то, что они в разных пещерах несходны и, вероятно, имеют различную историю. В одних пещерах брекчия розового цвета, в других — коричневого или оранжевого. Может быть, это связа-

но с изменениями климатических условий в далеком прошлом? Этого никто не знает.

В одной пещере в розовой брекчии были обнаружены шоколадные вкрапления значительно более молодого возраста. Но насколько они моложе остального материала, в точности неизвестно.

Есть подозрения, что по крайней мере в одной пещере дно провалилось в пещеру, расположенную под ней, запутав и без того сложную геологическую картину. В другом случае в пещере обвалился потолок и на поверхности холма образовалась глубокая открытая впадина, которая в свою очередь подверглась разрушению и выветриванию. Теперь при осмотре склона можно наткнуться на брекчию, находившуюся некогда в глубине земли; пытаться определить возраст по ее положению — безнадежное занятие. Еще в одной пещере есть признаки того, что когда-то в ней протекала река, в засушливый сезон привлекавшая животных. Некоторые из них могли сами здесь умереть; другие, возможно, стали добычей гоминид, а те в свою очередь — добычей крупных хищников. Но это только предположения.

Предпринимались попытки определить с помощью микроскопического анализа (по округлению или выветриванию отдельных песчинок, включенных в брекчии), каким был климат 1-2 миллиона лет назад. Полученные до сих пор результаты неубедительны.

С определенностью о пещерах можно сказать только то, что возраст их различен. Палеонтологи пришли к этому выводу, сопоставив число вымерших и современных видов животных, представленных ископаемыми остатками в каждой пещере. В трех пещерах — Таунг, Стеркфонтейн и Макапансгат — брекчия вообще не содержала костей современных видов; значит, они древнее пещер Кромдрай и Сварткранс, где

были найдены кости некоторых ныне живущих форм.

Анализ костных остатков гоминид из этих пяти пещер привел к ошеломляющим результатам:

крупный, массивный, более примитивный *Paranthropus* был найден только в двух сравнительно молодых пещерах, а небольшой грацильный, более человекоподобный *Australopithecus /Plesianthropus* — в трех самых древних. Как это объяснить?

Этот вопрос приводил в замешательство всю антропологию, которая понемногу начинала уже свыкаться с мыслью, что в Южной Африке существовали когда-то прямоходящие обезьянолюди. В этом состояла еще одна причина, почему сэр Артур Кизс не спешил с признанием австралопитековых. И наконец, весьма важной причиной было начало второй мировой войны. В течение шести лет Южная Африка была полностью отрезана от остального научного мира, и поток новой информации прекратился, так же как и сами исследования, — один только Брум продолжал ковыряться в Стеркфонтейне...

После окончания войны Реймонд Дарт позволил уговорить себя вернуться к прежним занятиям, чтобы приподнять завесу, скрывавшую тайны пещер. Он выбрал для своих исследований драматическое место. Примерно в двухстах милях к северу от Йоханнесбурга расположен уединенный гористый район Макапансгат. Свое название он получил от большой доломитовой пещеры, которая в 19-м веке стала ареной печально знаменитого побоища. Здесь находился последний оплот африканского вождя Макапана, где он спасался от преследовавших его буров, которые жаждали отомстить за смерть белых фермеров, погибших от руки местных африканцев.

Вместе с тремя тысячами соплеменников Макапан укрылся в пещере. К его убежищу, защищенному не-

приступными обрывами, вели узкие тропы, которые африканцы завалили грудями камней. Это позволило им в течение нескольких недель противостоять превосходящим силам буров, но в конце концов жажда вынудила их покинуть укрытие. Две тысячи человек погибли за пределами пещеры, одна тысяча — внутри нее. Так исчез с лица земли народ Макапана вместе со своим вождем. Еще много лет кости погибших белели на склонах гор, и их покой нарушали только рабочие, добывавшие в пещере известняк.

В 1936 году южноафриканское правительство объявило Макапансгат историческим памятником. В то время один посетитель, рассматривая места недавних взрывов, заметил, что здесь обнажился слой золы и сажи, лежавший ранее под твердым пластом сталагмитоподобной породы. Эта порода образовалась на дне пещеры и скрывала следы огня от посторонних глаз. При дальнейшем исследовании в золе был найден череп вымершего павиана. Несомненно, люди обитали в пещере задолго до того, как здесь погиб Макапан.

У Дарта был молодой способный студент Филип Тобайес. Именно он нашел череп павиана; показав его Дарту, он сказал:

— Благодаря этой находке древность Макапансгата намного увеличивается, не так ли?

— Да, это так, — ответил Дарт.

— Этим стоит заняться, — настаивал Тобайес. — Вам нужно было бы вернуться к полевым исследованиям.

В конце концов Дарт сдался. Во время войны он не мог вести раскопки, но к 1947 году собрал достаточную сумму денег, чтобы начать широкомасштабные работы в Макапансгате. Находки не заставили себя ждать. Спустя двенадцать лет в распоряжении Дарта было 150 тысяч ископаемых костей и их фрагментов. Чтобы обнаружить их, понадобилось перебрать и просеять 95 тонн

брекчии. Большая часть найденных остатков принадлежала различным млекопитающим, но из них лишь очень малая доля — гоминидам. Дарта особенно заинтересовали 42 разбитых черепа павианов, из которых у 27 была повреждена левая сторона. Это странное совпадение озадачило ученого. С точки зрения статистики такую цифру трудно было объяснить случайностью. Могли ли 27 из 42 павианов погибнуть, например, от того, что всем им на левую половину головы свалились куски обрушившейся породы?

Дарту не понадобилось много времени, чтобы найти ответ. Ученый, которого Кизс некогда упрекал в неортодоксальности мышления, высказал теперь идею, столь же необычную, как его прежнее утверждение, что «бэби из Таунга» уже не относится к обезьянам. Он пришел к выводу, что павианы стали жертвами охотников-австралопитеков, предпочитавших действовать правой рукой!

Дарт начал строить умозаключения об образе жизни своих миниатюрных гоминид. То, что они передвигались на двух ногах, было теперь уже твердо установлено. Это означало, что большую часть времени, а может быть и все время, они проводили на земле, бродя по высохшей, поросшей кустарником саванне, которая, вероятно, мало чем отличалась от нынешних южноафриканских степей (вельдов). «Как им удавалось выжить?» — размышлял Дарт. Дело в том, что в отличие от других обитателей саванн — павианов — его гоминиды не имели крупных клыков и наверняка не могли так же ловко карабкаться на деревья и отвесные скалы. А ведь им не меньше, чем павианам, угрожало нападение крупных хищников. Как им удавалось защитить себя?

С помощью оружия — такой ответ подсказывала необычная коллекция разбитых черепов павианов. По мнению Дарта, австралопитек из Мака-

пансгата был жестоким маленьким созданием, которое сумело уцелеть в окружавшем его враждебном мире только потому, что смогло развить свои кровожадные инстинкты благодаря использованию оружия. Дарт писал: «Австралопитек вел суровую жизнь. Он безжалостно убивал своих соплеменников и поедал их, так же как и других животных, молодых или старых. Он питался мясом и потому должен был при всякой возможности овладевать добычей, а потом день и ночь охранять ее от других хищников».

Чтобы утвердить за австралопитеком репутацию свирепого вооруженного маленького убийцы, нужно было найти его оружие. Долгие годы Дарт искал каменные орудия, но так и не нашел ни одного. Тогда он стал изучать найденные в Макапансгате кости животных и пришел к выводу, что среди них было необычно много длинных костей с тяжелыми расширенными концами, рогов антилоп, нижних челюстей с сидящими в них крупными зубами. «Это и есть, — объявил Дарт, — оружие австралопитека: он выбирал среди множества костей подходящие и приносил в пещеру». От них-то и пошли в дальнейшем всевозможные дубинки, кинжалы, скребла, пики, пилы. Для этой не связанной с камнем культуры Дарт придумал название *остеодонтокератическая*, т. е. «костно-зубороговая».

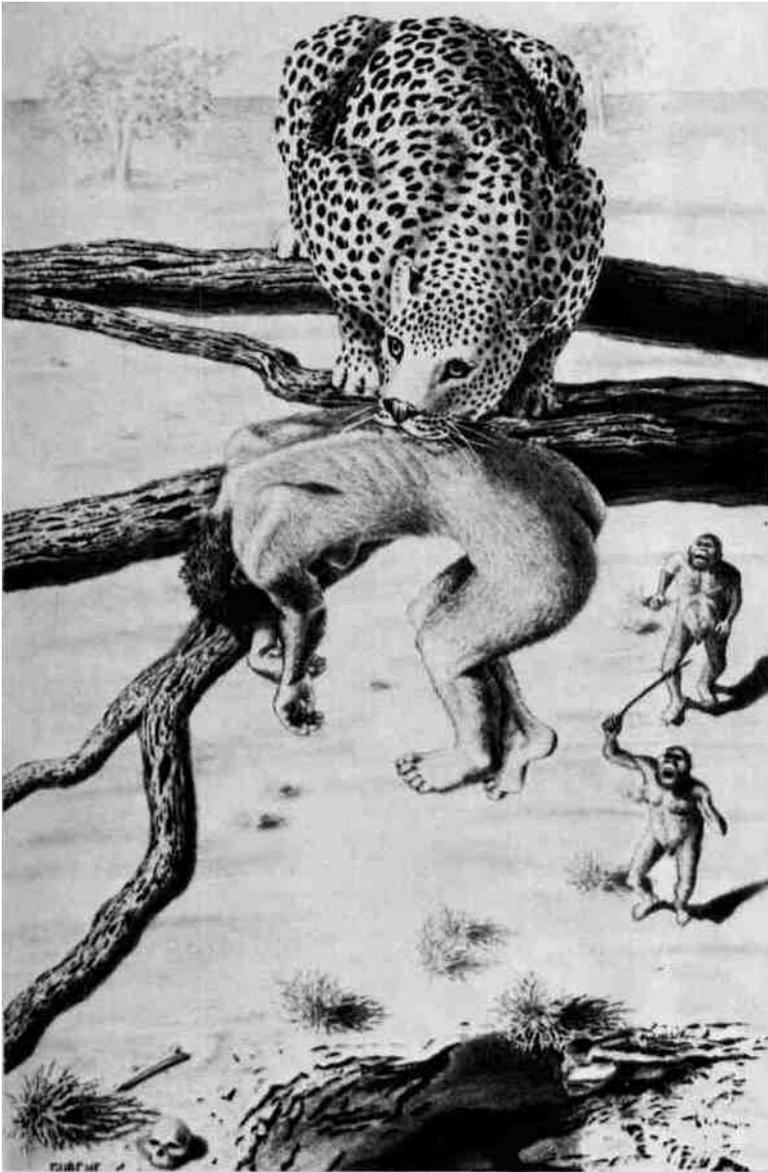
За двадцать или тридцать лет, которые прошли с тех пор, как Дарт объявил о существовании остеодонтокератической культуры, наука узнала так много нового о способностях австралопитеков и их вероятном образе жизни, что нынешние антропологи при упоминании этого термина испытывают нечто похожее на неловкость. Они высоко оценивают блестящее открытие Дарта — описание первого австралопитека, но не могут согласиться с более поздней ошибочной гипотезой.

Антропологии вдвойне не повезло:

Дарт, находясь в зените своих остеодонтокератических домыслов, случайно встретился с приехавшим в Африку американским журналистом, покойным Робертом Ардри. Тот обладал живым воображением, и его сразу же увлекла нарисованная Дартом картина жизни предковых форм, чья пугающая склонность к убийству себе подобных резко отделяла их от других живых существ. Ардри пессимистично смотрел на современное человечество, и ему показалась очень заманчивой мысль о связи наших самых худших наклонностей, находящихся свое отражение в убийствах и войнах, с инстинктами предков. А по представлению Дарта, все как раз и началось с австралопитековых, которые стали систематически приканчивать павианов.

И здесь, к сожалению, начинается антропология по аналогии. Ардри охотно признавался, что он не знаток ископаемых форм и не может отличить плечевой кости от большеберцовой. Однако он утверждал, что знает статистику. Когда Дарт показал ему, сколько черепов в коллекции было разбито сходным образом — гораздо больше, чем, казалось бы, можно объяснить случайным совпадением, — Ардри тут же уверовал в новую теорию. Он опубликовал увлекательную, но плохо обоснованную с научной точки зрения книгу «Африканский генезис», которая стала бестселлером и так прочно внедрила во многие умы представление об обезьянах-убийцах, что с ним приходится встречаться и по сей день. «Материалы, собранные Дартом, — писал Ардри, — позволяют считать хищных австралопитековых несомненными предшественниками человека и вероятными авторами его постоянного спутника — смертоносного оружия».

Между тем предполагаемая охота на павианов кажется маловероятной. Павиан — настолько осторожное и быстрое животное, что поймать его в результате погони для человека почти невозможно, не говоря уж о том,

Одна из теорий объясняет появление костей австралопитековых в южноафриканских пещерах тем, что леопарды, охотившиеся на гоминид, затаскивали свою добычу на деревья, росшие возле карстовых воронок. Кости растерзанной жертвы падали в отверстие и смешивались с костями павианов и других животных, также убитых леопардами. Эта теория кажется более правдоподобной, чем та, согласно которой австралопитеки, охотившиеся на других животных и на себе подобных, сами приносили свою добычу в пещеры.

чтобы убить ударом в определенную часть головы. Едва ли можно представить себе, чтобы павиан с готовностью сидел и ждал, когда праворукий австралопитек тукнет его в левую половину головы, как, видимо, думал Ардри.

Ардри приводит еще один случай «намеренного вооруженного нападе-

ния». На небольшом кусочке черепа молодого австралопитека «были обнаружены два маленьких округлых отверстия, разделенные расстоянием около дюйма. Это не могли быть следы зубов какого-либо животного — ни у кого из хищников клыки не посажены так близко друг к другу... Живому австралопитеку три четвер-

ти миллиона лет назад был чем-то нанесен удар. И не один раз. Его ударили дважды».

Фрагмент черепа с двумя отверстиями привлек к себе внимание Ч. К. Брейна, опытного геолога, директора Трансваальского музея. По его мнению, убийцами австралопитековых были скорее всего не их собственные сородичи, а хищные звери — возможно, леопард. Отверстия на черепе показались ему подозрительно похожими на следы зубов. Однако он не стал пускаться в умозаключения, а вместо этого измерил расстояние между острыми и тонкими нижними клыками у ряда хищников, которые в ту эпоху были обычны в Южной Африке: львов, леопардов и более мелких кошек. Отверстия на черепе соответствовали расположению зубов у леопарда.

У Брейна появились еще кое-какие соображения относительно леопардов. Он знал, что эти животные затаскивают свою добычу на деревья и остаются там, пожирая ее в течение нескольких дней. Они съедают мясо, а кости падают на землю. В сухой местности, подобной южноафриканским вельдам, деревья часто растут возле расщелин в доломитово-известняковой породе, которые ведут в пещеры или сами уже превращаются в них. Нередко в таких пустотах скапливается дождевая вода, и они становятся небольшими резервуарами, питающими деревья, которые могут дотянуться корнями до живительной влаги. По этой-то причине деревья и разрастаются здесь; обычно они самые мощные во всей округе — ведь по сравнению с соседними эти деревья находятся в лучших условиях. Их и выбирают леопарды в качестве идеального места для хранения своей добычи. На протяжении тысячелетий вокруг входа в пещеру деревья росли, погибали и вырастали снова, и леопарды, поколение за поколением, втаскивали на них свою добычу, а кости, принадлежавшие разным животным, падали вниз, в пе-

щеру. Среди них могли быть и кости гоминид.

Такая версия, по мнению Брейна, лучше объясняла присутствие в известняковой пещере множества костей животных и малого числа остатков гоминид, чем гипотеза Дарта, согласно которой кости животных служили оружием, а расколотые черепа принадлежали жертвам хищных австралопитековых. Но ученый на этом не остановился. Он исследовал несколько тысяч козжих костей, собранных вокруг готтентотских деревень. Эти кости, выброшенные людьми после того, как мясо было съедено, а затем обглоданные собаками, существенно не отличались от тех, что были найдены в Макапансгате, где добычей могли воспользоваться сначала крупные хищники, а после них гиены. Были ли первоначальными хищниками гоминиды? Брейн этого не знал. Своей работой он смог лишь показать, что выводы Дарта о дубинках, пилах и раздробленных черепках, скорее всего, ошибочны.

Другие исследователи высказали предположение, что кости могли быть собраны гиенами. Эти животные действительно таскают за собой кости, которые они обглаживают и даже съедают. У них необыкновенно мощные челюсти и сильнейшие пищеварительные соки. Они с аппетитом разгрызают небольшие косточки, которые, пройдя через пищеварительный тракт, появляются в виде беловатых фекалий. Но чтобы гиены прятали запасы костей в пещерах? Ведь большие пещеры обычно не служат для них жильем. В целом аргументы в пользу гиен кажутся натянутыми; более правдоподобно выглядит версия с леопардами.

В сороковые и пятидесятые годы ученые продолжали биться над этой проблемой, но почти безуспешно. Брейн и другие исследователи получили новые данные по геологии пещер, однако было ясно, что для решения вопроса о происхождении костей в этих пещерах нужно лучше

понять природу самих ископаемых гоминид.

К этому времени в номенклатуре южноафриканских гоминид, как когда-то в наименовании гейдельбергского, пекинского и яванского типов, создалась порядочная путаница. Были выделены пять форм:

1. *Australopithecus africanus* — «бэби из Таунга», первый австралопитек, найденный Дартом в 1925 году.

2. *Plesianthropus transvaalensis* — из пещеры Стеркфонтейн, второй из найденных австралопитеков. Хотя он очень похож на «бэби из Таунга», автор находки Роберт Брум дал ему отдельное название. Позже Брум и его талантливый помощник Дж. Т. Робинсон нашли ряд других окаменелостей того же типа после взрывных работ в Стеркфонтейне.

3. *Australopithecus prometheus* — ископаемые остатки этого существа были найдены Дартом в Макапансгате. Они мало отличались от двух предыдущих находок, но Дарт, увлеченный концепцией остеодонтокератической культуры, при виде следов огня на дне пещеры (как потом выяснилось, гораздо более позднего происхождения) решил, что «обезьяны-убийцы» из Макапансгата уже были знакомы с огнем, а не только с оружием. И он назвал их по имени Прометея — героя древнегреческих мифов, добывшего людям огонь.

4. *Paranthropus robustus* — это название предложил Брум для более массивного и, видимо, намного более примитивного существа, череп и зубы которого он нашел с помощью школьника Герта Тербланша в Кромдрае.

5. *Paranthropus crassidens* — название опять-таки предложено Брумом, который вместе с Робинсоном нашел многочисленные остатки этого существа в Сварткрансе, в пятой и последней из южноафриканских пещер-стоянок, расположенной меньше чем в одной миле от Стеркфонтейна. Новая находка тоже относилась к примитивному и массивному типу, но

Брум, желая перещеголять всех ученых по части наименования вымерших форм, игнорировал ее очевидное сходство с ископаемыми остатками из Кромдрая. Правда, он отнес ее к тому же роду, но выделил в особый вид.

Итак, антропологическая музыкальная шкатулка зазвучала снова, но это были вариации на старую тему. Вновь, как и прежде, длинный перечень названий требовал упрощения.

Главное отличие состояло в том, что находки гейдельбергского, пекинского и яванского человека были разбросаны по всему Старому Свету, а пять южноафриканских местонахождений сосредоточены в небольшом участке одного континента. При этом три из них — Стеркфонтейн, Кромдрай и Сварткранс — находились одно от другого не более чем в трех милях. По трезвому размышлению мог ли кто-нибудь всерьез поверить, что на этом небольшом пятачке возникли три рода и пять видов обезьянолюдей, не известных ни в одной другой точке земного шара? Что в каждой из пещер жили представители особого вида? Все это было в высшей степени маловероятно.

Брум умер. Дарт состарился и ушел на пенсию. На смену им пришли новые люди, в том числе их ученики Тобайес и Робинсон, которые стали видными представителями южноафриканской антропологической школы. Постепенно они изучили ископаемые находки, обнаруженные во всех пещерах. И тогда картина начала проясняться. Как обычно, в небольшой выборке на первый план выступают различия. Когда объем выборки увеличился, стали в большей степени проявляться черты сходства. В конце концов почти все пришли к единому мнению, что в Южной Африке существовало только два типа ранних гоминид. Два, а не пять.

Как следовало назвать их?

Если бы нынешнему антропологу

предоставили свободу выбора, он бы, пожалуй, остановился на названии Брума — *Plesianthropus* («почти человек»). Именно такими и были все эти ископаемые остатки — почти человеческими. Название, предложенное Дартом, — *Australopithecus* («южная обезьяна») — вводило в заблуждение, так как, по всеобщему признанию, это уже не были обезьяны. Однако существуют правила номенклатуры, т. е. правила присвоения научных названий. Дарт был первым, и по праву первенства было принято то название, которое дал он. Начиная с 50-х годов все южноафриканские гоминиды должны были называться австралопитеками.

Их подразделили на два типа: более изящный «грацильный» и более мощный и примитивный «массивный». За первым (типовой экземпляр — «бэби из Таунга») сохранили

первоначальное название *Australopithecus africanus*. К этому виду были отнесены все ископаемые остатки, найденные в Макапансгате и Стеркфонтейне. Не вызывало сомнений, что они принадлежат грацильным особям.

Крупные, массивные существа из Кромдрая и Сварткранса, хотя они и отличались от грацильной формы, все-таки относились к тому же разряду живых организмов. Это тоже были прямоходящие обезьянолюди. Было решено выделить их в особый вид в пределах одного рода. Они получили название *Australopithecus robustus* и именуется так по сей день.

Сегодня антропологи с легкостью говорят о массивных и грацильных австралопитеках. Но следует помнить, что эта более простая классификация сложилась лишь после многолетних споров.

Глава 3

Восточная Африка: наконец-то встреча

Я полон решимости выложиться до конца, но не сдаваться.

Роберт Брум

Я думаю, вам не совсем ясно, сколько я затратил труда, чтобы иметь возможность заниматься своим делом. Нет специального курса обучения, который подготовил бы человека к такой работе. Я с отличием сдал выпускные экзамены по современному языку, затем по археологии и антропологии, после чего закончил аспирантуру по зоологии позвоночных и еще год занимался анатомией в Королевском хирургическом колледже, одновременно изучая метеорологию.

Луис Лики

Роберт Брум умер в 1951 году. У него был бульбарный парез, и он с трудом дышал. Тем не менее до последних недель своей жизни он работал с энергией, которая поражала всех. В предыдущем году он написал книгу и опубликовал пятнадцать научных статей. В 1951 году вышла еще одна

статья, уже последняя. Вскоре после этого состояние его стало быстро ухудшаться, и в апреле Брум умер. Он действительно выложился, но не сдался.

Под конец жизни Брум стал широко известен. Он преподавал в университете Витватерсранд, переписывал-

ся с выдающимися антропологами всего мира и оставался таким же колючим шотландцем-еретиком и антидогматиком, каким был всегда. Его симпатии неизменно были на стороне простых людей. «Простой рабочий, каменотес или шахтер, — говорил он, — обычно имеет такие же умственные способности, как и университетский профессор, и часто с большим энтузиазмом ищет новые научные факты». Брум отмечал, что один из лучших американских охотников за окаменелостями С. У. Уиллистон был работягой-железнодорожником.

Брум также увлекался и женщинами. В семьдесят четыре года он говорил: «Я вспоминаю о своем возрасте только тогда, когда взбираюсь на гору или бегу за автобусом. Мое сердце трепещет при виде хорошенькой девушки, а их все еще много в Претории. Говорят, любовные радости продолжаются и в раю — вот когда хорошо-то будет...».

Мне было восемь лет, когда умер Брум. Я ничего не знал о нем. В те годы я еще не слышал и об австралопитеках, но уже начал интересоваться антропологией, хотя само это слово было мне неизвестно. Я потомок шведских иммигрантов, которые поселились в Чикаго, где отец мой работал парикмахером. Он умер, когда мне было всего два года. Мы с матерью переехали в Хартфорд (штат Коннектикут). Здесь мне посчастливилось встретить человека, заменившего мне отца. Это был Пол Лезер — наш сосед, преподаватель антропологии в Хартфордской семинарии. У Лезера не было собственных детей, поэтому он охотно приглашал меня к себе домой и позволял копаться в своей библиотеке, где было много трудов по культурной антропологии. Я до сих пор помню, с каким удивлением узнал, что в мире существует множество народов — суданцы, пигмеи, племена островов Азии, — которые живут в тесной близости с природой, получая пропитание прямо из

окружающей среды, а не из супермаркета за углом. Большинство детей с пытливым умом лишь постепенно узнаёт о разнообразии человеческих культур, для меня же оно открылось сразу и произвело огромное впечатление. Я начал также интересоваться отдаленным прошлым и еще в школе решил стать антропологом.

Я хорошо успевал по химии, и Лезер убеждал меня сосредоточить все усилия на этой области. «Ты умрешь с голоду, если станешь антропологом. Для того, кто занимается этой наукой, нет иного будущего, кроме преподавания, да и оно ненадежно». Он говорил, что потребность в химиках велика и что лучшие из них, склонные к бизнесу, могут достичь высокого положения в корпорациях. Поэтому я продолжал прилежно заниматься химией в Университете штата Иллинойс. Скоро, однако, она мне наскучила; все чаще и чаще я оказывался неподалеку от факультета антропологии. В конце концов я избрал своим главным предметом антропологию и несколько летних сезонов проработал в экспедициях на Среднем Западе.

Примерно в это время я узнал о специальной программе, позволяющей студентам любого университета из «большой десятки» (а также Чикагского) продолжать специализацию в любом другом из этих университетов. Я был разочарован в том курсе лекций по антропологии, который читался в Иллинойсе, и поэтому решил перейти в Чикагский университет, где программу по антропологии возглавлял Ф. Кларк Хоуэлл.

Тогда Хоуэллу было только 39 лет, но он уже имел большой опыт как преподаватель и полевой исследователь. Скромный и покладистый — особенно для такой области, где долгое время доминировали слишком яркие личности, — он избегал дискуссий и сосредоточивал свои силы на тщательном обследовании стоянок.

В прошлом для того, чтобы работать в поле, ученый копил деньги и приезжал на место исследования; он находил там несколько окаменелостей, а потом выяснялось, что нужны еще геологические изыскания. Поэтому он возвращался домой, доставал еще немного денег и нанимал геолога. На следующий год оказывалось, что теперь ему нужен археолог, и так далее. Это было все равно, что без конца латать брюки. У Кларка подход к делу был совершенно иным. Он понимал, что для настоящей полевой работы с самого начала нужна группа из квалифицированных специалистов. Сегодня в таком подходе нет ничего необычного, но Кларк первым обосновал необходимость комплексного изучения древних стоянок.

Хорошим примером может служить его работа в Торральбе и Амбрене, на склонах двух холмов в Испании, где в свое время производил раскопки один знатный гранд, археолог-любитель, который развлекался поисками слоновьих костей. Кларк в 1961 году привез сюда группу исследователей. Ему нужна была хорошая датировка, поэтому он взял с собой палинолога — специалиста по определению ископаемой пыльцы. Он привез также геолога и археолога. Они раскапывали стоянку дюйм за дюймом, отмечая все, что находили, на картах, которые они составляли по мере снятия слоев с интервалом в один фут. В результате они получили объемную картину всей стоянки и смогли реконструировать то, что происходило здесь 400 тысяч лет назад.

Ну и стоянка! В долинах между холмами группы *Homo erectus* ждут, когда появятся стада крупных животных, мигрирующих на зиму к югу. Поджигая траву, они загоняют дичь в болота. Этим способом им удавалось заманивать в ловушку даже слонов. Те проваливались на топких местах, и охотники убивали их. Все это можно было увидеть почти

воочию: каменные орудия, оставленные охотниками, следы сгоревшей травы, кости животных. Здесь погибло множество слонов, гораздо больше, чем если бы они случайно забрели в болото. Кроме того, все их кости были перемешаны; значит, люди рассекали слоновьи туши, переносили части с места на место и разбивали кости, чтобы достать мозг. Если внимательно исследовать отдельные скопления костей, можно было обнаружить много интересного. Например, Кларк нашел слона, который оказался... только его половиной. Две ноги и часть ребер находились в одном месте, а остальное исчезло. Поскольку еще никто не видел, чтобы в болоте тонула половина слона, ясно, что кто-то расчленил другую половину и унес ее куски.

Специалисты рассматривают работу Хоуэлла в Торральбе и Амбрене как образцовое исследование. Хоуэлл не только доказал, что группы *Homo erectus* жили в Испании около 400 тысяч лет назад (раньше таких данных для Западной Европы не было), но и воссоздал картину их жизни с важными подробностями. И все это — без единой находки остатков самих гоминид.

В конце 60-х годов Хоуэлл снова применил свой комплексный метод, на этот раз при раскопках на реке Омо в южной Эфиопии, и опять внес значительный вклад в антропологию, точно датировав целую серию геологических слоев и привязав к ним этапы эволюции некоторых млекопитающих. Он нашел также остатки гоминид, но они были не слишком представительны. Хоуэллу не удалось найти таких костей наших предков, которые стали бы сенсацией и попали на первые страницы газет, и он остался почти неизвестен широкой публике. Зато среди специалистов он приобрел мировое имя. Я тоже испытывал к нему большое уважение. И вот я обратился к Хоуэллу по телефону с просьбой о встрече, чтобы обсудить возможность моего перехо-

да в университет, где он преподавал.

— Что бы вы хотели делать? — спросил меня Хоуэлл, когда мы встретились.

— Я хочу поехать в Африку искать остатки гоминид.

— Это не так просто, — сказал он.

— Я готов делать все что угодно. Но мне бы хотелось начать работу под вашим руководством.

После некоторых дальнейших расспросов Хоуэлл принял меня в свою группу.

Я немного волновался, собираясь так напрямик обратиться к знаменитому Хоуэллу. Меня удивило, как легко он включил меня в свою программу.

— Он способный малый, — сказал позже Хоуэлл одному из моих друзей, — и поэтому я взял его.

В пятидесятые годы в палеонтологии произошли три очень важных события.

Первым из них была публикация статьи Уилфрида Ле Гро Кларка в *Journal of the Royal Anthropological Institute* в 1950 году.

В предшествующем десятилетии Ле Гро Кларк стал главой английских анатомов, так как Кизс состарился и вышел в отставку. Это не мешало Роберту Бруму время от времени писать Кизсу и по-прежнему упрекать его в том, что он не признавал за австралопитеками статуса гоминид. Брум и Кизс были в точности одного возраста. Получив ответ от Кизса, Брум смотрел на становившийся все менее четким старческий почерк и не без удовольствия говорил своему коллеге, южноафриканскому ученому Джорджу Финдли:

«Бедный старина Кизс становится все дряхлее». У самого Брума почерк до самого конца жизни оставался твердым, как у молодого человека.

Теперь, когда Кизс вышел в отставку, Брум начал бомбардировать письмами о южноафриканских находках Ле Гро Кларка, и тот отнесся к ним с интересом. Тем не менее Ле

Гро Кларк сохранял осторожность и заявил, что сможет составить окончательное суждение лишь после того, как получит больше данных — муляжей, точных рисунков или фотографий находок.

Брум откликнулся тирадой: «Вы говорите, что английские анатомы решат вопрос только тогда, когда получат муляжи etc. etc... Быть может, английское суждение самого высокого свойства, но когда в 1924 году был открыт австралопитек, англичане не замедлили высказаться. Четверо английских ученых тотчас заявили, что это был шимпанзе».

В ответ Ле Гро Кларк написал успокаивающее письмо, в котором вновь просил прислать более детальную информацию о костных остатках, что Брум в конце концов и сделал. Эти данные, очевидно, убедили Ле Гро Кларка в принадлежности австралопитековых к гоминидам, и он немедленно стал убеждать в этом других. После поездки в Южную Африку Ле Гро Кларк первым делом провел тщательный анализ зубной системы человекообразной обезьяны и дополнил его столь же подробным анализом зубной системы человека. Затем он составил список, включавший около дюжины существенных различий. Эти отличительные признаки были свойственны всем людям и всем человекообразным обезьянам, их четкость исключала ошибки. По существу, Ле Гро Кларк говорил:

«Возьмите любые три или четыре признака из моего списка, и я сразу скажу, кто их обладатель — обезьяна или человек». Если взять для сравнения признаки австралопитековых, они должны будут ясно обнаружить сходство либо с обезьяньими, либо с человеческими особенностями.

Характеристики, содержащиеся в списке Ле Гро Кларка, в большинстве случаев были связаны с морфологическими наблюдениями (описание формы и функции каждого зуба). Их дополняли данные биометрических исследований (точные измере-

ния: высота, ширина и т.д.). Брум знал о проведении этой работы и с нетерпением ожидал ее результатов. Между тем он получил известие, что всемирно известный специалист по высшим обезьянам и их поведению сэр Солли Зукерман проводит собственные биометрические исследования с целью доказать, что австралопитек — человекообразная обезьяна.

Брум, который интуитивно представлял себе, как животные пользуются зубами и как это отражается на их размерах и эволюции, с уважением относился к морфологическим исследованиям; он сам занимался ими всю свою жизнь. В то же время, зная о поразительной изменчивости размерных показателей как у ископаемых существ, так и у современного человека, он презирал биометрию. «Я полагаю, что все биометрики в области морфологии настоящие болваны», — решительно говорил он. Об одном американском ученом, которого он уважал, несмотря на то что тот свернул на скользкий путь биометрических исследований, Брум заявил: «У него небольшие мозги, но для своих размеров они удивительно хорошо работают».

Пока Зукерман напускал все больше биометрического тумана, Ле Гро Кларк предложил ему представить полный набор зубов шимпанзе, который имел бы хоть какое-то сходство с зубами австралопитеков. Зукерман не мог этого сделать. Он игнорировал вызов и продолжал палить статистическими залпами, пока профессиональные статистики не стали говорить о том, что его цифровые данные просчитаны неправильно. Но для Брума, разумеется, было безразлично, верно они просчитаны или нет. Для него было важно только одно: без понимания морфологии все эти цифры бессмысленны. «Вы можете найти корову, — говорил он, — у которой зубы будут такой же величины, как у осла. Но разве это сделает их одинаковыми?»

Ради справедливости надо сказать,

что у человекообразных обезьян и австралопитековых черепа действительно во многом сходны. У тех и других мозг примерно одинаковой величины, челюсти прогнатные (удлиненные, выступающие). Но Зукерман недооценил значение некоторых важных черт, сближающих австралопитеков с человеком. Чарлз А. Рид из Университета штата Иллинойс в своем обзоре всей полемики об австралопитековых очень удачно характеризует ошибку Зукермана: «Не важно, что Зукерман писал о таких признаках, как о „часто малозаметных“; важно наличие нескольких из них в функциональных комбинациях. По моему мнению, последнее обстоятельство Зукерман и его коллеги не сумели учесть, хотя, по их словам, они это и сделали. Их подход... был чрезвычайно статичным: они, в сущности, требовали, чтобы ископаемая форма, претендующая на эволюцию по направлению к современному человеку, имела соответствующие признаки еще до начала этого эволюционного пути». Иными словами: если данная форма не принадлежит уже в основном к человеческому типу, то нельзя считать, что она находится на пути к человеку.

Этот-то предрассудок Зукермана и собирался опровергнуть Ле Гро Кларк в своей работе по сравнительной морфологии. Если Зукерман в конце концов запутался в собственном статистическом подходе, то Ле Гро Кларк вскрыл действительно важные вещи. Он сопоставил данные об австралопитековых со своим списком различий между человеком и обезьяной и пришел к выводу, что практически во всех отношениях эти данные сходны с человеческой, а не с обезьяньей моделью!

Австралопитек принадлежал к гоминидам — потенциальным предкам человека! Выдающийся английский ученый методически проанализиро-

1 Анализ исследования Ле Гро Кларка см. в главе 13.

вал все данные и пришел к этому выводу. Наконец-то, спустя двадцать пять лет, Реймонд Дарт был реабилитирован.

Второе крупное событие 50-х годов было связано с человеком из Пилтдауна. Несколькими годами раньше дантист Элвен Т. Марстон нашел в местечке Сванскомб (графство Кент) ископаемый череп и пришел к убеждению, что этот череп древнее пилтдаунского. Он развернул энергичную кампанию за признание человека из Сванскомба «первым англичанином».

Марстон мог представить ряд веских доводов. Будучи зубным врачом, он хорошо знал, как функционируют зубы и челюсти. Поэтому он с большим недоверием относился к сочетанию человекоподобного черепа с челюстью обезьяньего типа у пилтдаунской находки. Он считал более вероятным, что в раскопе кости человека и обезьяны оказались рядом случайно и что череп не так уж древен, как об этом думают. Найденный им самим череп древнее, это он знал наверняка: вместе с ним были обнаружены ископаемые остатки двадцати шести видов млекопитающих из среднего плейстоцена. Если бы Марстону удалось показать, что пилтдаунская находка моложе, первенство осталось бы за ним. В течение нескольких лет он довольно шумно доказывал свою правоту, но без особого успеха.

В конце 40-х годов сама наука пришла ему на помощь. Было обнаружено, что захороненные кости постепенно впитывают фтор из окружающей почвы. Чем дальше они находятся в земле, тем больше фтора должны содержать. Правда, этот тест не однозначен, он зависит от количества фтора в почве, которое может быть весьма различным. Но если в какой-то местности найдено несколько ископаемых остатков и в большинстве из них содержание фтора примерно одинаково, а в каком-то одном за-

метно отличается, то это значит, что такая находка относится к другому периоду времени или же попала сюда из другого места.

Когда д-р Кеннет Оукли из Британского музея услышал о методе определения возраста по содержанию фтора, он решил применить его к сванскомбской находке. Оказалось, что найденные кости человека и животных содержат одинаковое количество фтора и, следовательно, принадлежат к одному и тому же времени — по-видимому, к среднему плейстоцену.

Поскольку пилтдаунского человека относили к раннему плейстоцену или даже плиоцену, Оукли подверг анализу также и его остатки вместе с сопутствующими костями животных. Ему дали целый набор перемешанных костей. Среди них были объекты из того же раскопа, что и пилтдаунский человек, — зубы мамонта и мастодонта из плиоцена. Для увеличения объема выборки были добавлены кости более поздних видов — лошади, благородного оленя и бобра из близлежащих отложений; к удивлению Оукли, они содержали больше фтора, чем более древние кости. Ему и в голову не пришло, что последние, возможно, были тайком подброшены в раскоп, чтобы увеличить возраст пилтдаунского человека. Это сомнение появилось гораздо позже. Оукли пришел лишь к выводу, что либо окаменелости Пилтдауна уже в земле были безнадежно перемешаны, либо их очень небрежно собирали. В обоих случаях кости животных бесполезны для датировки человеческих остатков, которые, судя по содержанию фтора, были даже моложе, и притом значительно, человека из Сванскомба. Но поскольку тест с определением фтора был еще мало разработан и не исключал ошибок, Оукли не объявил сванскомбского человека «первым англичанином», как надеялся Марстон, а предоставил другим самостоятельно делать заключения. Марстон, который на-

деялся услышать звуки фанфар, а не двусмысленные выводы, был подавлен.

В докладе Оукли, опубликованном в 1950 году, говорилось лишь, что «пилтдаунский человек — далеко не примитивный тип; может быть, это поздний, специализированный представитель гоминид, который эволюционировал в сравнительной изоляции». Однако Оукли обнаружил и еще кое-что, изучая находки. Высверливая один из зубов, чтобы взять пробу для определения фтора, он заметил, что его темно-коричневый цвет — якобы признак древности — ограничивался только поверхностным слоем. Внутри дентин был таким же белым, как у недавно умершего человека.

Тогда вспомнили почти забытую историю, связанную с автором находки Доусоном, которого уже не было в живых. Для того чтобы кости лучше сохранялись, Доусон погрузил их в раствор бихромата калия. Он произвел эту операцию вскоре после извлечения находки и сообщил об этом Вудворду. Как отмечал Вудворд, погружение в бихромат не укрепило кости, а только сделало их более темными. Эксперт Вудворд извинял любителя Доусона, который предпринял эти действия по неведению, но с благим намерением.

Марстон, жаждавший опровергнуть тезис о древности пилтдаунского человека, ухватился за эту соломинку. Он тотчас произвел опыт с кусочком ископаемой кости, которую нашел в Пилтдауне. После погружения в бихромат калия сероватая кость приобрела темно-коричневую окраску, как у пилтдаунского черепа. Марстон возобновил атаку. Он заявлял, что традиционные оценки возраста пилтдаунского человека явно ошибочны — это показал и тест с определением фтора; что геология пилтдаунского раскопа представляет собой сплошную путаницу и на нее нельзя положиться; с зубом мастодонта тоже не все ясно; и наконец,

любой кусок ископаемой кости будет выглядеть древним, стоит лишь погрузить его в надлежащий раствор...

Но Марстон ничего не добился. Его утверждения о несовместимости черепа и челюсти обернулись даже против него самого, так как тест Оукли показал, что, хотя обе кости и не очень древние, они одинакового возраста. С этим Марстон не мог ничего поделать. Он написал длинную, обстоятельную статью, в которой, опираясь на свои познания в одонтологии, доказывал, что, каков бы ни был возраст черепа и челюсти, они *не могут* принадлежать одному индивидууму. Череп, писал он, принадлежит современному человеку в возрасте не менее сорока лет, а челюсть — молодой обезьяне с недавно прорезавшимися коренными зубами. Это был его последний залп, после которого наступило молчание.

Однако разумные доводы Марстона не были погребены вместе с его статьей. Они пережили его, посеяв сомнение в душе оксфордского ученого Д. С. Уэйнера, который в 1950 году начал методично анализировать всю историю пилтдаунской находки. Он проследил всю длинную цепь небрежных, поверхностных обследований и порой явно некомпетентных суждений — цепь, которая привела к нелепому предрассудку, что древний человек *должен* быть похож на существо из Пилтдауна, а не на низколобую обезьяну. Выйти на верную дорогу в то время так и не удалось, и в конечном итоге вся эта эпопея была дискредитирована так же, как и сами ископаемые остатки. Хотя десятки людей, каждый по-своему, занимались пилтдаунской находкой, только Уэйнер, наконец, во всеуслышание заявил, что это знамя на флагштоке британской палеоантропологии, этот алмаз в ее диадеме может оказаться фальшивым.

Страшное слово было сказано, и пилтдаунский человек рухнул с пьедестала. Уэйнер, Оукли и Ле Гро Кларк детально изучили его и обна-

ружили ужасающий факт: кто-то подпилил жевательные поверхности моляров (больших коренных зубов), сделав их плоскими, чтобы они выглядели как человеческие. В действительности это были обезьяньи моляры с высокими заостренными бугорками. Теперь бугорки отсутствовали, но с помощью микроскопа удалось установить, куда они подевались: на жевательной поверхности видны были предательские следы напильника. Темно-коричневая поверхность зубов и челюсти оказалась результатом окраски, которую, видимо, произвели наспех, стремясь подогнать челюсть под цвет черепа.

Новые, более совершенные методы определения возраста кости показали, что череп не может относиться к верхнему плейстоцену — ему всего лишь около пятисот лет. Челюсть, как выяснилось, принадлежала орангутану и была примерно такого же возраста. Дантист Марстон оказался прав. Он интуитивно почувствовал то, чего не смогли увидеть палеонтологи.

Хотя антропологи в целом были рады отсесть такую сомнительную ветвь, как пилтдаунский предок, от генеалогического древа человека, они испытывали ужасную растерянность. Выводы трех ведущих экспертов, опубликованные в 1953 году Британским музеем, произвели настоящее смятение.

Кто же это сделал? И зачем?

Первой приходит в голову мысль, что это был первооткрыватель пилтдаунского человека, антрополог-дилетант, весельчак Чарлз Доусон. Можно было подозревать и тех, кто присутствовал при раскопке костей: сэра Артура Смита Вудворда и Тейяра де Шардена. Однако все почти сразу исключили из этого списка Вудворда: его научная добросовестность, да и вся научная карьера ставили его выше подозрений. То же самое можно было сказать и о французском священнике, чей долгий и не менее выдающийся путь на поприще

теологии и палеонтологии выводил его из списка подозреваемых. Были, правда, и сомневающиеся. Луис Лики, который позднее сменил Брума в роли главного палеоантрополога Африки, был настолько склонен винить Тейяра де Шардена, что в 1971 году даже отказался приехать на симпозиум, организованный в честь французского священника. Но большинство других ученых считали Тейяра непричастным к делу.

Итак, оставался Доусон. Однако некоторые знавшие его люди отзывались о нем как о честном и порядочном человеке. Ученые вспоминали его добрый нрав, энтузиазм, его восхищение Вудвордом, долгую преданность делу, которое не принесло ему ничего, кроме уважения со стороны специалистов. Роналд Миллар в своей книге «Пилтдаунский человек» приводит высказывание члена пилтдаунского гольф-клуба о Доусоне как о «незаметном маленьком человечке, носившем очки и котелок, — определенно не из тех, кто сумел бы ловко смошенничать».

Но вера в честность Доусона рассеялась, когда стало известно, что его археологическая деятельность нередко граничила с обманом. Постепенно тяжесть вины все больше и больше возлагали на его плечи. И он наверняка был бы признан единственным виновником, если бы не возникла масса неразрешимых вопросов. Как у него хватило знаний для подобной мистификации? Где он достал череп пятивековой давности? Как у него хватило терпения в течение нескольких лет подбрасывать обломки черепа? Каким образом он так мастерски ввел в обман Вудворда? Как он догадался отломать кусок челюсти в месте ее причленения к черепу, так что об истинной структуре сустава можно было только догадываться? Как он сообразил подпиливать моляры? Откуда он достал челюсть орангутана возрастом 500 лет? Их не так-то легко было найти в Сассексе в 1912 году. Еще труднее представить

себе, где он смог раздобыть зуб мастодонта, который подложил в раскоп (согласно результатам проведенного недавно уранового теста, это был зуб из Туниса). И наконец, для чего он все это сделал?

Пока эти вопросы возникали и множились, британская наука корчилась от стыда. Была сделана попытка представить пилтдаунскую историю как триумф научного познания, но газеты отнеслись к этому не очень сочувственно. Одна из них писала: «Антропологи говорят... об упорстве и мастерстве современных ученых. Ничего себе — упорство и мастерство! Потребовалось больше сорока лет, чтобы обнаружить различие между древним ископаемым существом и современным шимпанзе! Обезьяна сделала бы это быстрее».

Роналд Миллар в своей книге «Пилтдаунский человек», вышедшей в 1972 году, подробно описывает всю историю злополучной находки, освещая множество удивительных фактов, которых мы не можем здесь касаться. Его книгу должен прочесть всякий, кто интересуется столь необычной подделкой. В конце автор задается тем же вопросом, который волновал и многих других: кто это сделал и зачем?

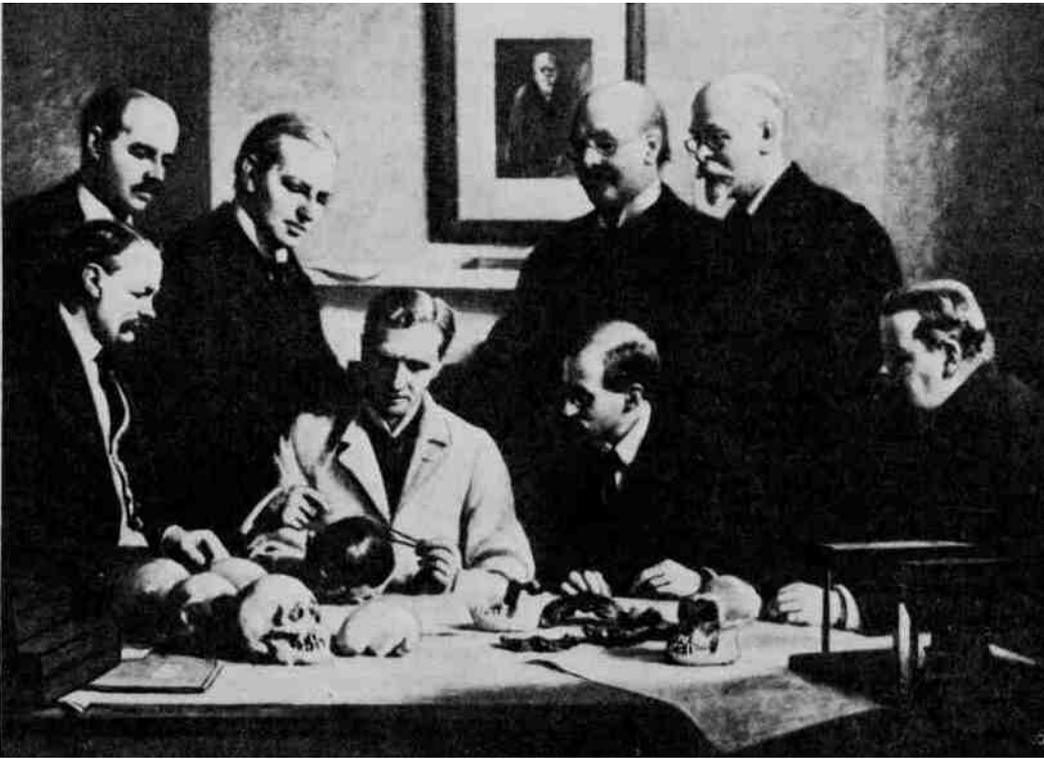
В общем-то Миллар по-доброму относится к Доусону. По его мнению, сложность подделки — а осуществить ее было далеко не так просто, как могло бы показаться, — говорит об участии профессионала. Доусон не был человеком этого сорта. Он не мог быть даже сообщником: он слишком почитал Вудворда и не способен был так подло предать его. В конце книги Миллар называет неожиданную кандидатуру-сэра Графтона Эллиота Смита. Этот человек обладал нужными знаниями, имел доступ к коллекциям ископаемых остатков, работал в Северной Африке, откуда мог привезти зуб мастодонта, и, наконец, у него были очевидные мотивы для такого поступка.

Смит не переносил Кизса. Много лет между ними шли столкновения по важным научным вопросам. Поэтому Смицу было бы приятно одурачить Кизса. Вудворда он тоже презирал; он мог бы помочь ему с реконструкцией пилтдаунского черепа, но он этого не сделал. Свои собственные суждения об этом черепе он всегда сопровождал оговоркой, что они основаны на изучении муляжей и реконструкций, а не оригинальных ископаемых остатков. Почему, спрашивает Миллар, Смит так и не удосужился исследовать пилтдаунский череп, хотя он мог сделать это в любое время? Если бы он этим занялся, то, будучи превосходным анатомом, наверное, тотчас же обнаружил бы массу изъянов во всем пилтдаунском сооружении. По мнению Миллара, пилтдаунский человек был, в сущности, не столько подделкой, сколько чудовищным розыгрышем, рассчитанным на то, чтобы привести в замешательство Кизса и Вудворда.

История пилтдаунского человека не завершается книгой Миллара. Через семь лет после ее выхода первые страницы американских и английских газет запестрели сенсационными заголовками. В 1979 году в возрасте 93 лет умер английский геолог Джеймс Дуглас. Незадолго до смерти он наговорил на пленку свои воспоминания о пилтдаунской афере и назвал нового кандидата в ее авторы — Уильяма Солласа.

Соллас был тот человек, который во время споров о «бэби из Таунга» писал Реймонду Дарту, понося Кизса. Он ненавидел его, как, впрочем, и Вудворда. Соллас заведовал кафедрой геологии в Оксфорде вплоть до 1937 года, пока его не сменил на этом посту Джеймс Дуглас.

В надиктованных на пленку воспоминаниях Дуглас рассказывает о своем тридцатилетнем общении с Солласом. Он согласен, что пилтдаунская подделка никак не могла быть делом рук дилетанта Доусона, но ее вполне мог осуществить про-

Групповой портрет основных персонажей «пилтдаунского дела» Сидящий за столом человек в халате — сэр Артур Кизс, полностью восстановивший череп из нескольких фрагментов Справа от него стоит Чарлз Доусон, археолог-любитель, нашедший ископаемые остатки Рядом с ним человек с козлиной бо-

профессионал Соллас. Дуглас вспоминает, что в свое время он послал Солласу из Боливии зубы мастодонта, похожие на зуб, который был обнаружен в пилтдаунском раскопе. Он также хорошо помнит, что однажды Соллас получил пакет бихромата калия — того самого вещества, с помощью которого Доусон придавал костям коричневую окраску. По свидетельству Дугласа, Соллас как-то взял из Оксфордской коллекции несколько обезьяньих зубов (в пилтдаунской реконструкции фигурируют зубы, найденные отдельно от челюсти).

Дуглас указывает и возможный мотив поступка Солласа: профессиональная месть. Он помнит, в какой

родкой — сэр Артур Смит Вудворд, который потратил последние тридцать лет своей жизни на изучение пилтдаунского человека По другую сторону от Кизса сэр Графтон Эллиот Смит, который, по мнению ряда лиц, мог быть автором подлога из-за своей глубокой неприязни к Кизсу и Вудворду

яности был Соллас, когда Вудворд пренебрежительно отклонил его технологию изготовления отливок с ископаемых остатков. По словам Дугласа, Соллас терпеливо выжидал и в конце концов дождался своего часа. Если Дугласу не изменяет память, можно представить себе, с каким удовольствием Соллас в течение многих лет наблюдал, как два великих человека — Вудворд и Кизс — беспомощно корчились, попав в капкан с приманкой из фальшивого гоминида.

Дуглас, конечно, мог и ошибаться. Его уже нет среди нас, так что перекрестный допрос ему не устроишь. Многие из тех, кто скрупулезно ана-

лизировал его свидетельства, полагают, что улики против Солласа недостаточны — они носят косвенный характер, да и фактов слишком мало. Соллас, как они утверждают (а многие знали его лично), — просто «не такой» человек. Но этот же аргумент выдвигали и в защиту Доусона. Вероятно, автор пилтдаунской подделки так никогда и не будет найден.

Третье большое событие произошло в 1959 году и связано с именем Луиса Лики.

Луис Сеймур Базетт Лики родился в Кении в 1903 году в семье английского миссионера. В детстве он говорил на языке кикуйю, прежде чем выучился английскому; всю жизнь он гордился тем, что в молодости был принят в племя кикуйю.

Когда его послали в Англию, маленький мальчик из африканской саванны не захотел быть таким, как все. Он всегда выделялся. Шумный и своевольный, он был предметом ненависти своих сверстников. Тем не менее ему удалось поступить в Кембридж. Вскоре он был вынужден оставить учение из-за травмы головы, полученной во время игры в регби. Он вернулся в Кембридж через несколько лет и, несмотря на все пробелы в предшествующем образовании, с отличием закончил университет. Луис был ярким молодым человеком с вулканической энергией и огромной способностью к концентрации.

Дети миссионеров обычно бедны, а Луис был самым бедным из них. У него не было средств ни в школе, ни в университете, ни после его окончания. В течение многих лет он перебивался пожертвованиями и стипендиями, выпрашивал то, что мог выпросить, читал лекции за мизерную плату, писал случайные книги и статьи. С самого детства он бредил африканской пред историей. Прошлое зажгло в его груди неукротимый жар, который никогда не затухал. Тогда в Кении нельзя было заработать на

жизнь занятиями археологией или палеоантропологией. Луис делал все что мог. Однажды он отдал своему портному трость из африканского черного дерева в обмен на одежду. Зная, как анализировать почерк, он подрабатывал экспертизой сомнительных документов; помогал одному человеку, искавшему кости динозавров в Танзании; находил скелеты и керамику в захоронениях в Восточной Африке. Луис собрал огромную коллекцию каменных орудий. Доставив ее в Лондон для каталогизации, он получил субсидию, чтобы вернуться в Африку для сбора новых орудий. Так он и ездил туда и обратно все двадцатые годы. Однажды сэр Артур Смит Вудворд предоставил ему четыреста фунтов для двухлетних полевых исследований. В другой раз ему было поручено написать работу о пред истории Африки. Он представил труд, состоявший из 700 тысяч слов, который оставался неопубликованным в течение 30 лет, так как Луис отказался сократить в нем хотя бы один абзац.

Занимаясь всем этим, испытал много неудач и разочарований — физических, профессиональных и финансовых, — он постепенно застолбил территорию, которая в конце концов принесла ему мировую славу. Он обнаружил местонахождения ископаемых остатков на берегу озера Виктория и в ущелье Олдувай в Танзании. Но при всем этом карьера его чуть было не потерпела крах.

Будучи молодым человеком, он дважды запятнал свою репутацию. Все еще разрываясь между стремлением к научной респектабельности и финансовыми проблемами, он женился на молодой англичанке Фриде Эйверн, которая как-то посетила Восточную Африку. Поначалу она охотно сопровождала его в бесконечных поездках и ничего не имела против жалкой лачуги, переполненной каменными орудиями, костями, африканскими поделками и шкурами животных. Но вскоре такая жизнь

Луис Лики в зените своей славы — одетый в комбинезон, который он всегда носил в поле, очки подвешены на шнурке, чтобы не разбить их во время бесконечных странствий, подчас ползком и на четвереньках, по отложениям. В руках — ископаемые зубы млекопитающих.

перестала ее удовлетворять. Она была счастлива только во время периодических поездок в Англию. Да и здесь она все чаще и чаще оказывалась в одиночестве, пока Луис работал в музее, разбирая горы привезенных им материалов. Этот стиль жизни не способствовал укреплению семьи, и раскол между ними увеличивался, несмотря на рождение двух детей. В конце концов Фрида решила, что с нее достаточно. На свои собственные деньги она купила маленький домик близ Кембриджа и поселилась в нем постоянно.

Луис мог навещать ее, когда хотел, но он все реже и реже пользовался этой возможностью. Он был увлечен грандиозными проектами, а в 1933 году встретил Мэри Николь, молодую студентку-археолога и иллю-

стратора. Она должна была сделать рисунки каменных орудий для книги, которую он писал. Вскоре после этого они полюбили друг друга. Мэри ездила с ним в следующем году в ущелье Олдувай, а позднее, когда Луис и Фрида формально развелись, вышла за него замуж.

Вся эта история шокировала общественное мнение, она подтверждала представление о сумасбродном характере Луиса. Его отец был англиканским священником, а мать — достойной его супругой. Они были оскорблены поведением сына, так же как и обе сестры Луиса, вышедшие замуж тоже за священников (один из них позднее стал епископом Восточной Африки). Оба семейства — Лики и Базетт (девичья фамилия его матери), составлявшие большую, переплетенную родственными узами ультраконсервативную группу, считали поступок Луиса скандальным. Общественное мнение Найроби, косное, как во всех колониальных странах, тоже было недовольно неортодоксальным поведением Лики.

Луису было суждено пережить не только это. Вскоре разразился еще более серьезный скандал, на этот раз научный. Работая на озере Виктория, он сделал две интересные находки. Первая состояла из нескольких кусочков черепа с удивительно гладким лбом, не имевшим ничего общего с тяжелыми надбровными дугами неандертальского или пекинского человека. Вторая представляла собой нижнюю челюсть, которая позднее получила печальную известность как «канамская челюсть». Она была гораздо более человекоподобной, чем по-прежнему пленявшая всех пилтдаунская. Обим окаменелостям сопутствовали остатки вымерших слонов, а вместе с канамской челюстью было найдено еще более древнее слоноподобное животное-*Dinotherium*. Обнаружив столь древние остатки млекопитающих и эти странные, по-современному выглядевшие фрагменты костей гоминид, Лики решил,

что он нашел нечто необычайное. Его вдруг осенила невероятная мысль (что вообще было характерно для всей его научной карьеры): если пекинскому и неандертальскому человеку свойственны примитивные черты, а вновь найденная форма ими не обладает, то именно она и должна представлять ту линию развития, которая привела к современному человеку; другие же линии — просто тупиковые ветви.

На протяжении всей своей научной деятельности Лики был склонен видеть в своих находках все более и более древних представителей линии истинного человека. Он считал, что гоминиды, найденные другими учеными в Китае, на Яве, в Южной Африке или пещерах северной Европы, не были нашими предками. Все это боковые ветви. Трудно сказать, когда именно эта мысль овладела им, но он отстаивал ее до самой смерти. Понятно, что ученый, склонный к таким идеям, был прямо-таки окрылен находками на озере Виктория.

Он послал ликующий доклад в Лондон, собираясь отправиться туда вслед за ним и лично представить находки. Один из друзей предупредил его, что сделанные им выводы о геологической локализации находок и их связи с вымершими животными нуждаются в более солидном обосновании. Лики уже попал однажды впросак. Он поспешил объявить о древности человека из Олдувая, а геолог Перси Босвелл из английского Имперского колледжа, посетивший Олдувай, установил, что эта «древность» — результат захоронения в более давнем слое. Позднее было показано, что возраст находки — всего лишь около 15 тысяч лет. Но Лики был молодым упрямым, настолько переполненным верой в себя и в свои возвышенные идеи, что он отмахнулся от предостережений, как от надоедливых мошек.

В Лондоне он опять встретился с Босвеллом, который уже относился к

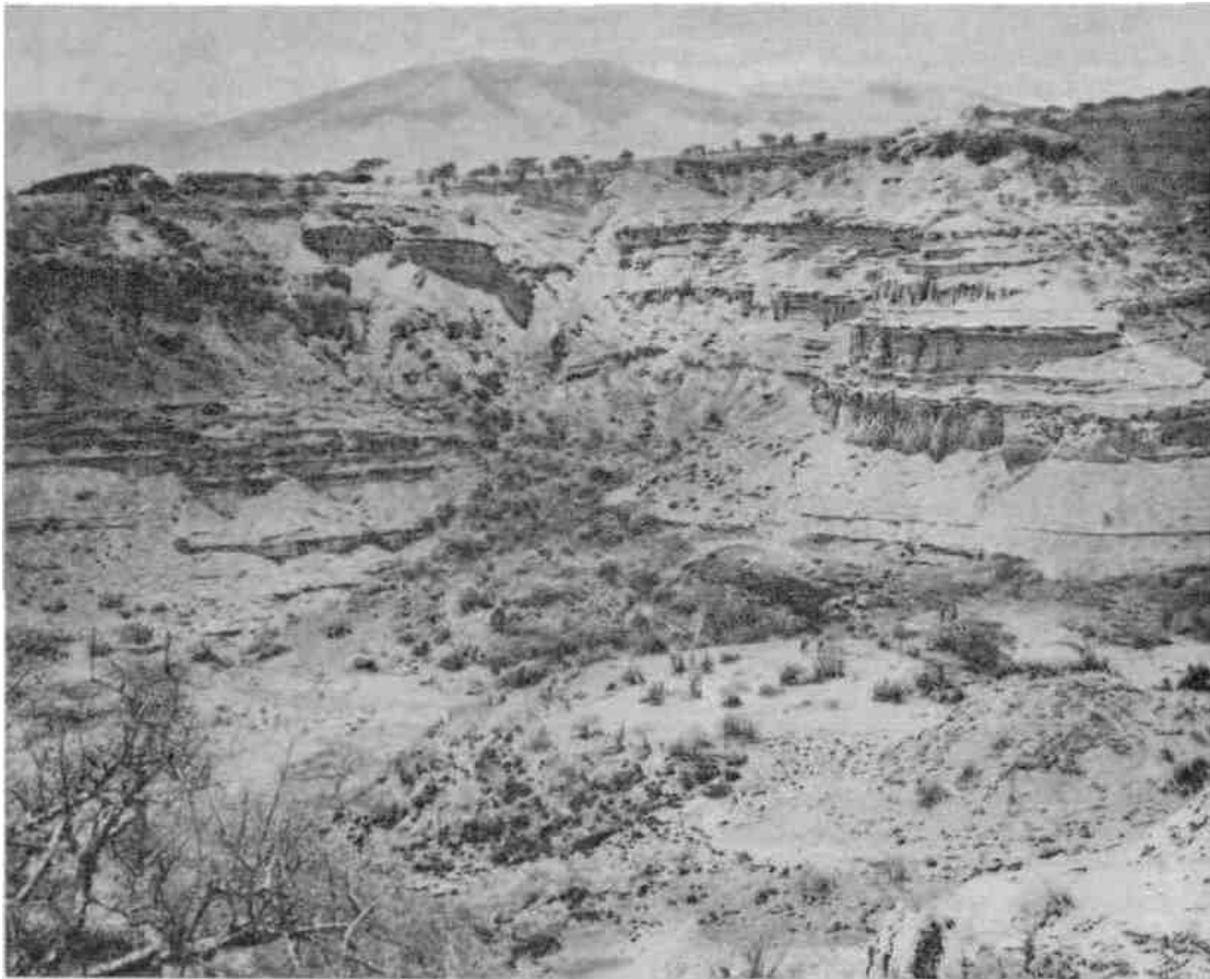
Лики с недоверием из-за его оплошности с олдувайским человеком. Теперь Босвелл без конца придирался и придирался к находке на озере Виктория, так что Лики, доведенный до отчаяния, попросил, чтобы Королевское общество предоставило Босвеллу субсидию для поездки в Африку. Друзья вновь предупредили Лики, что ему нужно иметь бесспорные доказательства.

Но он их не имел. Металлические колышки, которыми он отметил местонахождение ископаемых остатков, были использованы туземными воинами как наконечники для копий. Проливные дожди изменили вид местности. Теперь Лики трудно было с точностью указать, где он нашел кости. Но хуже всего было то, что некоторые из сделанных им ранее фотоснимков изображали совсем другое место.

Вернувшись в Англию, Босвелл опубликовал в журнале *Nature* разгромную статью.

Отзвуки этих катастроф преследовали Лики в течение многих лет. Такие вещи забывались бы скорее, если бы он признавал свои ошибки. Но Лики был воплощенным упрямством. Он писал: «Значение челюсти из Канама заключается в том, что она может быть датирована с помощью геологических, палеонтологических и археологических данных. Это... не только самый давний из всех фрагментов, найденных в Африке, это древнейшая в мире находка истинного *Ното*».

Столь далеко идущие мысли действуют подобно наркотику. От них трудно отказаться, и Лики никогда не смог этого сделать. Он направил всю свою энергию на раскопки в ущелье Олдувай, где работал вместе со своей женой Мэри. В отличие от Фриды Мэри была очень довольна такой жизнью. Она понимала работу Луиса и дополняла ее собственным археологическим анализом первобытных каменных орудий и древних стоянок. Свои лучшие иссле-

Олдувайское ущелье — образовавшийся в результате эрозии овраг глубиной около 100 метров. Сейчас при взгляде на него может создаться впечатление, что древние гоминиды жили на его дне, как бы в траншее, так как именно здесь найдены их кости вместе с каменными орудиями. Однако два миллиона лет назад на этом месте не было оврага, а

дования они делали вдвоем, пока их не разделили растущие противоречия во взглядах. К тому же Лики стал все чаще отлучаться в лекционные туры. Горькая ирония состоит в том, что Лики в последние годы жизни совершенно не посещал Олдувай — место, где он сделал свои наиболее выдающиеся открытия. Заботу о продолжении исследований взяла на себя Мэри, которая в конце концов переехала в Олдувай на постоянное жительство. Она и теперь живет здесь в небольшой хижине, примыкающей к ее лаборатории.

простирался плоский берег озера; поверхность почвы в то время находилась на уровне теперешнего дна оврага. Все слои осадочных пород, которые видны на этой фотографии, образовались позднее, скрыв в своей толще остатки гоминид. Само ущелье, промытое рекой, появилось еще позднее.

В Олдувае Луис и Мэри привлекали каменные орудия. Луис собирал их уже много лет, и ему удалось выявить ряд аналогий в способах обработки камня в Восточной Африке и в Европе. Однако в Олдувае орудия были совершенно иными. Они были настолько примитивны — отдельные булыжники с одним-двумя сколами на конце для создания режущего или рубящего края, — что неопытный глаз не увидел бы здесь следов обработки. Тем не менее Луис и Мэри распознавали эти орудия. Они назвали этот тип каменной техники «олдувайской».

культурой» (Олдувай — другой вариант названия того же ущелья).

Олдувай защищен от дождей близостью огромного потухшего вулкана, знаменитого кратера Нгоронгоро. Как и Хадар, где я пятнадцать лет спустя нашел Люси, это дно высохшего озера. И так же, как в Хадаре, оно заполнено отложениями частично вулканического характера. Слои этих отложений видны на склонах глубоких оврагов, промытых ручьями. Само ущелье Олдувай представляет собой овраг, который имеет форму буквы У, длиною в несколько миль. Глубина его достигает ныне трехсот футов [около 100 м]. К западу верхняя часть склона становится более пологой и постепенно переходит в равнину Серенгети. Первые олдувайские орудия были найдены супругами Лики на самом дне ущелья. Нижний слой здесь получил название пласта I; над ним — вулканические отложения, отделяющие его от пласта II, и так далее вплоть до самого молодого пласта IV, лежащего около поверхности земли.

Когда Лики с женой в 30-х годах впервые приехал в Олдувай, дорог здесь еще не было. Чтобы добраться сюда из Найроби, нужны были четыре дня тяжелого пути. Поэтому, оказавшись в ущелье, супруги Лики работали здесь до тех пор, пока не кончались запасы продовольствия. Они возвращались, как только удавалось наскрести достаточно средств для следующей экспедиции. В течение многих лет они приезжали сюда снова и снова, так как верили, что создатели столь примитивных орудий сами должны быть крайне примитивными и что рано или поздно их остатки будут найдены.

Луису и Мэри не везло около тридцати лет, хотя они находили огромное число других окаменелостей — остатков вымерших животных, иногда еще неизвестных науке. Постепенно они все лучше знакомились с геологией ущелья и начинали распознавать, где в различные эпохи находил

ся край озера, когда оно усыхало или наполнялось водой. В 50-х годах Луис стал получать в музее постоянную зарплату, и супруги смогли, наконец, приезжать в Олдувай каждый год. Репутация Луиса как добросовестного ученого укреплялась, по мере того как его работы по геологии ущелья и ископаемой фауне становились все более детальными и основательными. В Олдувай приехал молодой Кларк Хоуэлл, только что окончивший университет. Они подружились, и Лики помог Хоуэллу начать самостоятельные раскопки южнее Олдувая. Это было характерно для Луиса. Он всегда был великодушным и благородным наставником по отношению к своим ученикам, способности и устремленность которых глубоко уважал. Он сознавал масштабы стоявших перед наукой задач и считал, что чем больше важной работы сможет сделать молодежь, тем лучше.

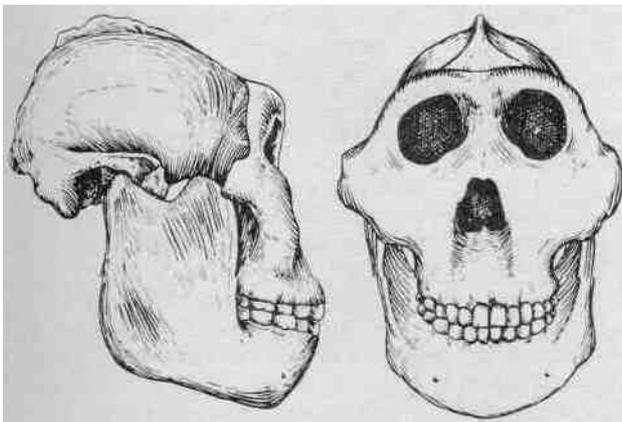
В 1959 году Хоуэлл, опять-таки с помощью Лики, совершил путешествие из Найроби в южную Эфиопию. Когда он вернулся, Луис пригласил его на обед. После трапезы Луис сказал, что у него есть на десерт что-то особенное.

— С забавной усмешкой, — рассказывал мне позднее Кларк, — он поставил на стол большой поднос для бисквита и смотрел, как я снимаю с него салфетку. Под ней оказался великолепный ископаемый череп.

Кларк был ошеломлен. Он сразу же понял, что находилось перед ним. Работая в Южной Африке, он основательно изучил коллекции австрало-питековых в Претории и Йоханнесбурге. Он хорошо знал отличительные особенности грацильных (*africanus*) и массивных (*robustus*) австралопитеков. Череп, пяливший на него свои глазницы с бисквитного подноса, принадлежал массивному типу. Это был лучший экземпляр из когда-либо виденных Кларком. Пожалуй, даже «супер-робуст» с такими огромными коренными зубами, что

Гоминид, найденный Мэри Лики в 1959 году, «зиндж», как его назвал Луис Лики. Это был первый австралопитек, обнаруженный за пределами Южной Африки, а также первая из всех находок, получившая надежную датировку. Возраст зинджа — 1,8 млн лет. Он относится к супермассивному типу, выделяясь среди остальных находок мощнейшими зубами и челюстями. При сравнении с рисунком на с. 47 видно его близкое сходство с *Australopithecus robustus*.

ими можно было колоть орехи.

— Как видите, — сказал Луис, — мы наконец нашли его.

В действительности череп обнаружила Мэри. Был уже самый конец полевого сезона 1959 года, и она отпра-

вилась работать одна, поскольку Луис лежал в палатке с сильным приступом малярии. От природы крепкий, он тем не менее был подвержен различным болезням, возникавшим часто из-за его беспечного отношения к своему здоровью. Он не раз заболел шистосоматозом¹ — тропической паразитарной инвазией, которую подцеплял, купаясь в озере Виктория. У него было также заболевание желчного пузыря, на которое он не обращал внимания, пока дело не дошло до того, что потребовалась операция. Иногда с ним случались обмороки от усталости и истощения, а также, возможно, от отдаленных последствий травмы головы. Из-за прогрессирующей болезни тазобедренного сустава он едва мог ходить, и потребовалась операция, чтобы вернуть ноге подвижность. Однажды на него напал пчелиный рой, его ужалили сотни пчел, и он едва не умер. Он страдал также коронарной болезнью, получил несколько травм при падении, перенес операцию головы и в конце концов умер от инфаркта, наступившего во время лекционного турне, которое он непременно хотел закончить, хотя был уже серьезно болен.

Когда Мэри примчалась в лагерь и сообщила, что она нашла то, за чем они охотились многие годы, Луис вскочил с постели и, забыв о лихорадке и обо всем остальном, побежал к месту находки. Он почти онемел от счастья при виде черепа, торчащего из отложений.

Это одна версия событий, наиболее популярная. Согласно другой версии, Луис взглянул на окаменелость, проворчал «Да ведь это всего лишь проклятый массивный австралопитек», — и вернулся в постель. В поддержку этого второго варианта высказывается биограф Луиса Соня

¹ Шистосоматоз (бильгарциоз) — заболевание, вызываемое червем *Schistosoma*, промежуточными хозяевами которого служат пресноводные моллюски
-Прим ред

Коул, которая приводит слова Мэри: «Когда Луис увидел зубы, он был разочарован, так как надеялся найти *Homo*, а не австралопитека».

Восторг Лики перед *Homo* был его навязчивой идеей. Австралопитековые, утверждал он, хотя и представляют интерес, но все-таки не люди. Они даже не были нашими предками, так же как не был нашим предшественником, по мнению Лики, пекинский или неандертальский человек. В голове Лики глубоко засела мысль, что должна существовать прямая линия от *Homo sapiens* к какому-то более грубому, но уже явно сапиентному предку. И он рассчитывал найти его.

Сомнения Лики относительно претензий австралопитековых на место в ряду наших предков имели некоторое основание.

«Вспомните, — говорил Кларк Хоуэлл, — когда Лики нашел первый череп в Олдувае, он еще ничего не знал о его древности. Было очевидно, что это не череп человека. Эта форма была еще меньше похожа на человека, чем менее человекоподобный из двух южноафриканских типов; не забудьте, что и их возраста в то время никто толком не знал. К 1959 году ученые наконец-то признали, что австралопитеки не были обезьянами. Но превратить их в наших прародителей — значило сделать слишком большой скачок. Мы ассоциируем человеческое существо с культурой, с орудиями труда. Однако, несмотря на утверждения Реймонда Дарта, достоверной связи между южноафриканскими австралопитеками и орудиями обнаружено не было. Мы и сейчас не знаем, пользовались ли они орудиями. Если полагаться на факты, то похоже, что нет».

Именно поэтому поразила Кларка олдувайская находка Лики. Он знал, что в ущелье обнаружено множество разнообразных орудий. Присутствие черепа в одном с ними слое ошеломило его — это был совсем «не тот» череп! Кларк мог ожидать, что здесь

будет найден *Homo erectus* какого-то очень раннего типа. На худой конец он еще кое-как примирился бы с грацильным *Australopithecus africanus*, который обладал зубами, похожими на человеческие. Но перед ним был массивный австралопитек (*Australopithecus robustus*). Такая находка была совсем непонятной. Ведь *robustus* менее человекоподобен, чем *africanus*. А экземпляр из Олдувае еще меньше напоминал человека.

И все-таки нашли именно его, и притом вместе с орудиями.

Пытаясь переварить эту неожиданность, Кларк, моргая, уставился на Лики. Тот с улыбкой наблюдал за шоковым эффектом своего «десерта». К тому времени Лики, разумеется, уже преодолел первоначальное разочарование, что череп принадлежит австралопитеку, а не *Homo*. Ведь это *его* находка, а значит — нечто экстраординарное. Лики решил, что поскольку зубы найденного им существа гораздо крупнее, чем у массивных австралопитеков, то оно вполне заслуживает собственного названия. Он писал: «Я против того, чтобы сочинять слишком много наименований для различных гоминид, но думаю, что желательно выделить данную находку в особый род. Поэтому я предлагаю назвать новый череп *Zinjanthropus boisei*». Первая фраза здесь звучала крайне фальшиво. Лики был известным «дробителем» — использовал мелкие различия как предлог для провозглашения новых видов — в отличие от «объединителей», которые пытаются упрощать дело, относя несколько типов к одному виду.

Родовое название, которое он предложил, происходило от арабского слова «Зиндж», означающего Восточную Африку, а видовое — *boisei* — было дано в честь Чарлза Бойса, оказывавшего финансовую поддержку трудам Лики. Однако это название долго не просуществовало.

Другие исследователи, отмечая близкое сходство найденного Лики существа

с массивным типом, предложили переименовать его в *Australopithecus boisei*, и постепенно это название вошло в обиход. Лики не особенно противился этому. Он называл череп «дорогуша». К нему пристало также прозвище «Щелкунчик» ("*Nutcracker*") из-за его необычайно мощных коренных зубов. Но большинству антропологов этот череп известен под названием «зиндж». Он и теперь, когда прошло уже больше двадцати лет, остается лучшим образцом данного типа.

Благодаря этой находке Лики в один день стал знаменитым. Однако в действительности открытие принадлежало Мэри, а не ему. Именно она нашла череп. Именно она склеила несколько сотен кусочков, из которых он состоял, потратив на это месяцы кропотливого труда. Кларк Хоуэлл был одним из первых, кто увидел череп в собранном виде. Луис не раз предоставлял подобную возможность неизвестным молодым антропологам. Очевидно, он помнил, какую роль играли сходные события в его собственной карьере.

Публичная демонстрация зинджа состоялась на Четвертой панафриканской конференции по предыстории человека в Леопольдвиле в конце того же года. Это был гвоздь программы. Те, кто там присутствовал, до сих пор помнят трепет удивления, который пробежал по залу, когда Луис с гордостью представил череп. Все поражались, как столь примитивное существо могло произвести каменные орудия, которые находили на дне ущелья. Ученые могли думать все что угодно, но они вынуждены были считаться с публичным заявлением Лики, что зиндж — хоть это и казалось невероятным — создавал орудия.

Но это было еще не все. Не прошло и года, как Хоуэлл прослышал о совершенно новом методе датировки, разработанном итальянскими учеными. Они определяли возраст отложе-

ний лавы и вулканического пепла в окрестностях Рима по данным о распаде радиоактивного изотопа калия и его превращении в другой элемент — аргон. Поначалу это не привлекло внимания Хоуэлла; вероятно, он был так поглощен изучением ископаемых остатков и другими геологическими и финансовыми проблемами, что не оценил потенциальных возможностей нового метода.

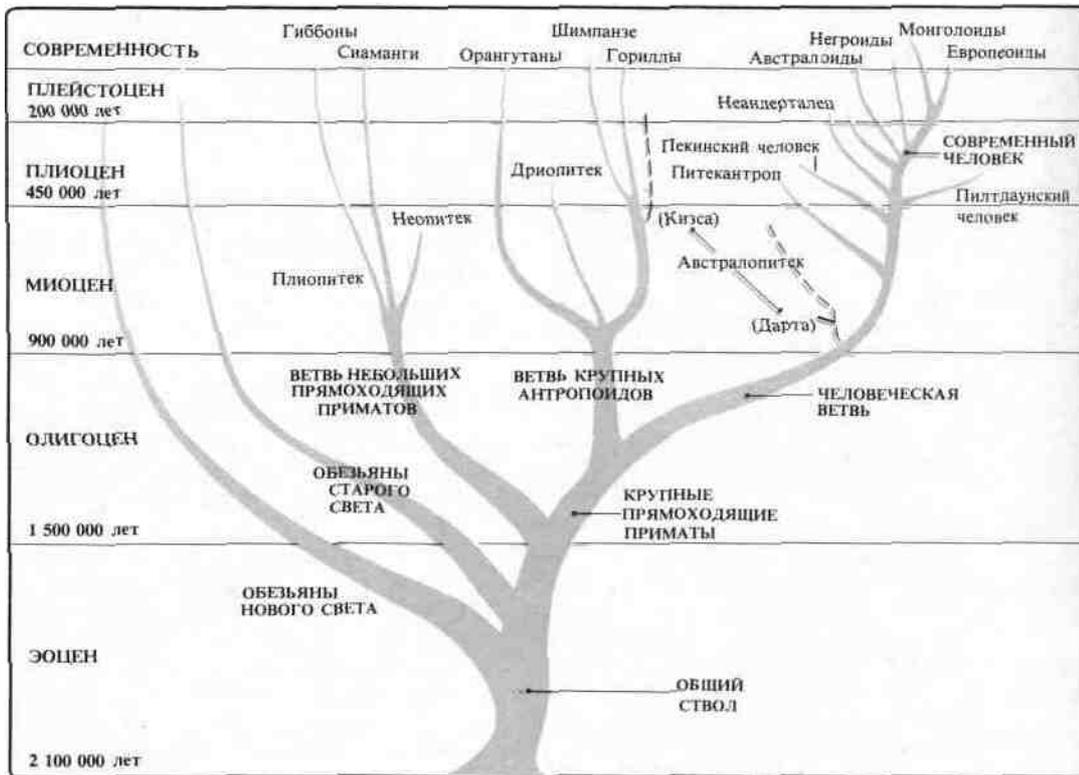
Однако так продолжалось недолго. На конференции в Филадельфии Хоуэлл услышал выступление двух геологов — Джека Эверндена и Гарнисса Кёртиса, применивших изотопный метод для определения точного возраста вулканических туфов из Олдувая. Кларк был потрясен. Он мгновенно осознал, что наконец-то найден способ абсолютной датировки, уже не ограниченный рамками нескольких тысячелетий, — если только он окажется надежным.

А он, видимо, был надежен. Со дна Олдувая брали один за другим образцы туфов, и в пределах некоторой погрешности результат получался один и тот же. Пласт I имел возраст примерно 1,8 млн. лет. Значит, и возраст зинджа не меньше. Это были первые костные остатки гоминид, датированные достаточно надежно.

Использованный метод известен сейчас как калий-аргоновый. Он революционизировал геологию и палеоантропологию. Его разработка явилась завершающим триумфом самого плодотворного десятилетия в долгой истории исследований, посвященных происхождению человека.

Суммируя, можно назвать следующие достижения 50-х годов:

Первое. Благодаря морфологическим исследованиям Ле Гро Кларка австралопитеки — прямоходящие существа с обезьяноподобным мозгом — были наконец-то признаны гоминидами. Это означало, что они относятся к тому же семейству, что и человек. Но оставалось еще неясным, были ли они нашими предками или двоюродными братьями. Большин-

Родословное древо приматов, построенное Артуром Кизсом в 1931 году, отражает существовавшие в то время неверные представления об эволюции гоминид. Причинами ошибок были: малочисленность ископаемых находок; плохое понимание их взаимосвязей; преувеличение роли индивидуальных различий между находками; неразоблаченная

ство специалистов, основываясь на предполагаемом возрасте *Australopithecus africanus*, стали теперь еще более склонны считать их нашими гипотетическими предками — вопреки утверждениям Луиса Лики. Ход мысли был примерно таков: если зинджу (массивному австралопитеку) почти два миллиона лет, то массивный тип из Южной Африки должен быть приблизительно того же возраста; это значит, что больше похожий на человека грацильный австралопитек, найденный в более древних южноафриканских пещерах, жил еще раньше. Насколько раньше, никто не знал, но считали вероятным, что возраст *Aus-*

пилтдаунская фальсификация; и наконец, фатальная недооценка истинной шкалы времени. Радиометрические методы датировки ныне относят границу миоцена приблизительно к 20 млн. лет. Согласно Кизсу, миоцен начался около миллиона лет назад. Сравните этот рисунок со схемой, составленной Дэвидом Пилбимом в 1979 году (с. 270).

tralopithecus africanus составляет по меньшей мере два, а может быть, и два с половиной миллиона лет — достаточное время, чтобы эволюционировать в человека.

Второе. Пилтдаунский человек был наконец низвергнут, и все с облегчением узнали о бесславном конце подложных костей.

Третье. Определение возраста с помощью калий-аргонового метода вынудило геологов и палеоантропологов всего мира пересмотреть датировки, которые они приписывали минеральным отложениям и ископаемым остаткам. Узнав, что зинджу 1,8 млн. лет, палеонтологи стали

удивленно сопоставлять эту цифру с датами, которые они размечали на конструируемых ими схемах эволюции млекопитающих. С самими схемами все было в порядке: последовательность появления различных видов животных — свиней, антилоп, жирафов, слонов — была отработана с элегантно четкостью, однако датировки этих эволюционных событий оказались ужасающе заниженными. Началом плейстоцена тогда считали время около миллиона лет до н. э. В 1961 году эта дата была удвоена, Интересно, что бы подумал об этом неожиданном растяжении исторического времени сэра Артур Кизс. В 1931 году он попытался построить генеалогическое древо для известных в то время ископаемых приматов, вписав его во временную шкалу собственного изобретения. Для него плейстоцен начался около 200 тысяч,

а миоцен — около 900 тысяч лет назад. Благодаря новому методу датирования теперь выяснилось, что эту последнюю цифру он занизил на двадцать с лишним миллионов лет. Бедный Кизс! Разоблачение пилтдаунской подделки нанесло тяжелый удар по его профессиональной репутации. Ему было далеко за восемьдесят и он уже удалился от дел, когда навестившие его Оукли и Уэйнер сообщили ему о развязке этой истории. «Потребуется некоторое время, чтобы приспособиться...», — прошептал Кизс. Но он так никогда и не сказал, удалось ему это или нет. Сэр Артур Кизс уже сошел с антропологической сцены, дымка старости окутывала его жизнь. Спустя 18 месяцев он умер, так и не узнав, что, занимаясь всю жизнь определением возраста ископаемых остатков, он каждый раз был до смешного далек от истины.

Глава 4

Восточная Африка: *Homo habilis* -самый древний человек?

"Homo habilis" получил широкую известность сразу же после его внезапного открытия. К сожалению, эта известность пришла к нему задолго до того, как был завершен полный и подробный анализ всех связанных с ним находок... Судя по кратким отчетам, которые были опубликованы, есть надежда, что он исчезнет так же быстро, как и появился.

Уилфрид Ле Гро Кларк

Я возражаю против использования кавычек при употреблении названий *Homo habilis*, *Zinjanthropus* и *Kenyanthropus* в письме сэра Уилфрида, равно как и против нежелания писать их курсивом. Все это не просто прозвища, а узаконенные термины зоологической номенклатуры.

Луис Лики

Homo habilis — это пустой таксой, предложенный без достаточных на то оснований, и он должен быть формально отвергнут.

К. Лоринг Брейс

Находка зинджа в 1959 году не только сделала знаменитым Луиса Лики, но и превратила палеоантропологию в модную область науки. Со времени

двадцатых-тридцатых годов, когда были открыты «бэби из Таунга» и пекинский человек, не было ни одной находки ископаемых гоминид срав-

нимого масштаба, способной заинтересовать широкую публику. В университетах геологию и палеонтологию считали скучнейшими дисциплинами. В ответ на просьбу субсидировать палеоантропологическую экспедицию в малоизвестные места представители научных фондов поворачивались спиной. Газеты полностью игнорировали эту тематику.

Находка зинджа свалилась в руки Луиса, как наследство от давно забытого дядюшки. Теперь у Лики был свой гоминид, и это совершенно меняло дело. Национальное географическое общество начало финансировать его работу и печатать о нем статьи в своем журнале. До открытия зинджа общество никогда не давало ему ни гроша.

Находки ископаемого человека обладают особой магией. Нас всегда больше интересует собственное происхождение, чем родословные других существ. Мы прослеживаем генеалогию своей семьи и гордимся ее давностью. Мы доводим историю наций до ее начала. Мы заглядываем за порог исторических источников, чтобы проследить возникновение цивилизации и в конечном счете самого человечества. Весь интерес в том, от кого мы произошли. Ископаемые остатки человека интригуют нас куда больше, чем окаменелости моллюсков.

Я все еще учился в школе, когда прочел о находке зинджа в журнале *National Geographic*. Название Олдувай, звучавшее так таинственно и экзотично, отдавалось в моей душе, как удар гонга. Годы учебы близились к концу, и что бы ни говорил мой ментор Пол Лезер о достоинствах профессии химика, я все больше и больше думал об антропологии. Опыт Лики доказывал, что, открывая окаменелости, человек тоже может сделать карьеру.

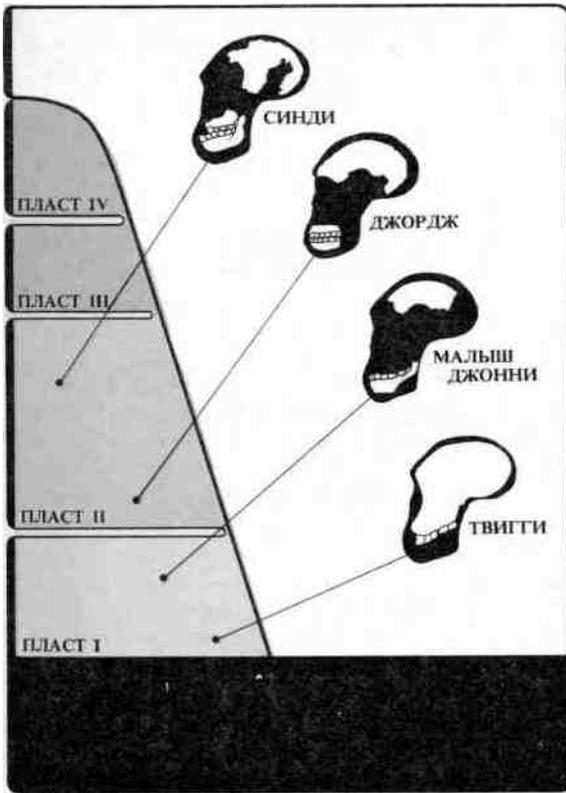
Когда я был уже в колледже, Лики вновь буквально потряс меня. В 1962 году появилось сообщение, что он нашел в Олдувае остатки еще одного

представителя гоминид, на этот раз не австралопитека, а настоящего человека. Зная склонность Лики к нахождению — и наименованию — вещей, отличавшихся от всего, что было известно до тех пор, ученые ожидали более подробных сведений о находке. В 1964 году в печати появился полный отчет. Лики организовал группу, в которую входили англичанин Джон Нейпье, Филип Тобайес (бывший студент Дарта) и он сам. Они внимательно изучили новые окаменелости, найденные в ущелье Олдувай за два предшествующих года, и пришли к выводу, что костные остатки принадлежали существу с большим объемом мозга, чем у австралопитеков. Оно достаточно отличалось от них и в других отношениях и поэтому заслуживало места в роде *Homo*.

Самым поразительным было сообщение о возрасте нового представителя рода *Homo* — около 1,75 млн. лет, т. е. он был ровесник зинджа. Одним махом Лики и его коллеги устроили древность человека.

Новая находка получила название *Homo habilis* (человек умелый), которое предложил Реймонд Дарт в знак того, что именно это существо было творцом орудий из ущелья Олдувай. Большинство ученых восприняло это с глубоким удовлетворением: представление о зиндже как о создателе орудий всегда казалось сомнительным. Не верилось, что такое крайне примитивное существо с огромными, непохожими на человеческие коренными зубами, небольшим мозгом и костным гребнем на черепе создавало орудия и, следовательно, могло быть предком человека. Приятно было отодвинуть зинджа в сторону и признать нашим возможным прародителем существо с более развитым мозгом.

Но дальше с *Homo habilis* начинались трудности. Главная причина состояла в фрагментарном характере материала: от всех четырех найденных экземпляров мало что сохранилось. Как это часто бывает, каждо-

Homo habilis, древнейший представитель рода *Homo*, получил свое название в 1964 году. Он был идентифицирован Луисом Лики по изображенным здесь четырем находкам из Олдувайского ущелья. Сохранившиеся фрагменты выделены в виде светлых пятен на фоне темного силуэта черепа *Homo habilis*. Противники нового вида утверждали, что найденные остатки слишком малочисленны и неполны, чтобы обосновать их отнесение к роду *Homo*, и что они, вероятно, принадлежат грацильным австралопитекам.

му из них были даны имена. Первая находка — нижняя челюсть с двумя кусочками черепа — была названа «Малыш Джонни», потому что ее обнаружил сын Лики — Джонатан. Вторую находку, состоящую из нижней челюсти, зубов, обломков верхней челюсти и осколка черепа, назвали «Синди». Третья находка — «Джордж» — состояла всего лишь из зубов и очень мелких фрагментов черепа. Четвертая — «Твигги» — представляла собой сломанный череп и

семь зубов. История «Джорджа» была крайне драматичной. Ископаемые остатки были обнаружены в конце дня, и деликатную работу по их извлечению из породы решили перенести на следующее утро. Однако ночью по ущелью прошло стадо коров, принадлежавших масаям. Они затоптали «Джорджа», совершенно расплющили и разбили его на кусочки — многие из них так и не были найдены. «Твигги», череп которой тоже был расплющен, но не скотом, а беспощадным давлением скалы, получила свое название по имени популярной плоскогрудой английской манекенщицы. «Синди» — сокращенное от Синдерелла (Золушка). И кажется, никто не знал, откуда взялось название «Джордж».

Несмотря на фрагментарное состояние найденных черепов, предварительные подсчеты показали, что их емкость больше, чем у южноафриканских грацильных форм. Для Лики этого было достаточно. Всегда одержимый мыслью об ископаемых остатках человека, он решил, что его находки принадлежат роду *Homo* и должны быть названы соответствующим образом. Когда его коллеги более внимательно ознакомились с костными остатками и нашли другие признаки их соответствия роду *Homo*, они тоже присоединились к мнению Лики. Тобайес занялся реконструкцией черепов, чтобы оценить возможные размеры мозга. Эта работа оказалась исключительно сложной, так как кусочки черепа были настолько малы, что ученый не всегда мог решить, под каким углом к поверхности они должны располагаться в его реконструкции. Увеличьте немного угол — и емкость черепа окажется больше, уменьшите его — и мозг станет меньше. Несмотря на эти трудности, Тобайес, работая с тремя черепами, подсчитал, что их емкость в среднем составляет около 642 см³. Лики эта цифра показалась огромной, так как она на 200 см³ превышала средние размеры мозга массивных

австралопитековых, что позволяло выделить троих найденных в Олдувае гоминид в новый, более совершенный вид.

Но будет ли этот вид относиться к роду *Homo*? А почему не к роду *Australopithecus*? Каков минимальный объем мозга, при котором представителя гоминид еще можно считать человеком? И в чем вообще заключается специфика человека?

Может показаться странным, что ученые более ста лет рассуждали о человеке, предчеловеке и проточеловеке, не имея определения, что такое человек. Но дело обстояло именно так. Даже сегодня у нас нет общепринятой дефиниции человеческого рода — четкого набора критериев, которые позволили бы любому антропологу быстро и уверенно сказать: вот это человек, а это — нет.

Правда, это не означает, что нет вообще *никаких* норм для определения человеческого существа. В те дни, когда Кизс и Вудворд измеряли емкость пилтдаунского черепа, большой мозг считался *conditio sine qua non*¹. Вопрос тогда стоял так: при каких минимальных размерах мозг еще можно признать человеческим? Ответ гласил: при таких, какие встречаются у людей. Это замкнутый круг в рассуждениях, но для Кизса и его современников, не располагавших достаточным ископаемым материалом, лучшего выхода не было. Минимальной цифрой тогда обычно считали 750 см³.

Позднее Ле Гро Кларк снизил этот предел до 700 см³. Но то была опять-таки спорная цифра — она соответствовала емкости наименьшего из известных в то время черепов ископаемого человека. Устанавливая эту новую границу, Ле Гро Кларк сознавал, что последующие находки могут привести к ее дальнейшему понижению. Его беспокоила еще одна проблема, волновавшая многих других

ученых. Он знал, что для определения вида недостаточно какого-то одного признака. Нужно учитывать несколько показателей, а именно их-то и не хватало при изучении самых ранних форм *Homo*. Если бы окаменевшие кости руки, ноги, стопы, таза встречались так же часто, как черепа и зубы, можно было бы, наверное, выработать нужные критерии и для этих частей скелета. Но посткраниальные остатки крайне редки. Вот почему приходилось использовать другие признаки черепа — не только его размеры, но и форму, а также строение челюстей и зубов.

Австралопитековые частично заполнили разрыв протяженностью во много миллионов лет между истинными людьми и позднемiocеновыми антропоидами. Как показал знаменитый одонтологический анализ Ле Гро Кларка, австралопитеки не были человекообразными обезьянами. Но они не были и людьми. Строение зубов обособляло их от тех и других, так же как и их мозг объемом 430-550 см³ — больше, чем у человекообразных обезьян, но существенно меньше, чем у *Homo erectus*. Промежуточное положение австралопитековых по этим двум признакам и позволило ученым рассматривать их как переходную ступень на пути от обезьян к человеку — шаг к *Homo*, но еще не *Homo*.

Кем же был *Homo habilis* — человеком или австралопитеком?

Безусловно, человеком, — заявляли Лики, Нейпье и Тобайес. Мозг у него гораздо больше, чем у австралопитековых. Зубы тоже иные — ближе к человеческим, так же как и форма черепа. Остальной костяк был очень похож на скелет современного человека.

Определенно нет, — говорили многочисленные оппоненты, по мнению которых вычисленный Тобайесом объем мозга (642 см³) был весьма сомнительным из-за плохой сохранности находок. Они критиковали выводы относительно зубной си-

¹ Необходимое условие (лат.).-Прим. перев.

стемы. Они указывали на то, что сведений об остальном скелете *Homo habilis* явно недостаточно для какого-либо решения дилеммы.

Однако по вопросу о размерах мозга возражения вскоре смолкли. Ральф Холлоуэй из Колумбийского университета, всемирно известный специалист по внутреннему содержимому голов гоминид, обследовал Синди, Джорджа и Твигги и пришел к тем же выводам, что и Тобайес. Спустя несколько лет результаты обоих ученых получили неожиданное подтверждение — в северной Кении был найден почти полный череп сходного типа и емкость его оказалась больше, чем у любого из трех олдувайцев.

Что касается остального скелета, то здесь оппоненты Лики были правы. Посткраниальных остатков сохранилось так мало, что использовать их как критерий для выделения нового вида *habilis* многие считали невозможным.

В отношении зубов позиции сторонников Лики были более прочными. В строении моляров и премоляров *Homo habilis* обнаруживались черты сходства с человеком. По сравнению с зубами австралопитековых они были уже в щечно-язычном направлении и длиннее в передне-заднем. Однако Дж. Т. Робинсон — молодой южноафриканский палеонтолог, в прошлом ученик Брума, — оторвавшись от своих собственных исследований зубной системы австралопитековых, заявил, что выявленные различия статистически недостоверны. Он утверждал, что в популяции современного человека можно обнаружить большие различия по форме зубов, чем найденные Лики различия между австралопитеками и *Homo habilis* или между *Homo habilis* и *Homo erectus*. По мнению Робинсона, в одонтологическом плане австралопитек и *Homo erectus* слишком близки друг к другу, чтобы между ними мог втиснуться еще один вид. На него — «объединителя» — несколько бо-

лее узкие и длинные зубы не производили никакого впечатления. Иное дело Лики, типичнейший «дробитель»: никогда не уклонявшийся от публичных споров, он начал обмениваться на страницах журнала *Discovery* довольно-таки ядовитыми письмами с Ле Гро Кларком, принявшим сторону Робинсона.

Полемика осталась незавершенной, так как проблема *Homo habilis* касалась не одних только количественных признаков. Она затрагивала гораздо более глубокие и принципиальные вопросы: как выделять виды, какие критерии следует использовать, каковы допустимые пределы внутривидовой изменчивости? Возьмем хотя бы один пример. В наши дни величина мозга сама по себе считается сомнительным критерием для идентификации видов. Она слишком непостоянна. У современного человека объем мозга варьирует в пределах от 1000 до 1800 см³, пере-крываясь в своих нижних значениях с верхней областью соответствующего диапазона для вида *Homo erectus* (700-1250 см³). Если поставить рядом самого головастого *Homo erectus* и современного *Homo sapiens* с самым маленьким мозгом, то, игнорируя все остальные признаки, их видовые названия придется поменять местами. Точно так же (как мы увидим позднее) диапазон размеров мозга *Homo habilis* от 500 до 800 см³ — перекрывает соответствующие величины для *Homo erectus*.

Очевидно, что рассмотрение одного только объема черепа может привести к неверным выводам. Тем более что различия в величине мозга в пределах нашего собственного вида никак не связаны с уровнем интеллекта, а скорее зависят от размеров тела. У крупных людей мозг больше, но они от этого не становятся умнее своих низкорослых собратьев. Мужчины в среднем превосходят женщин по размерам тела и соответственно по величине мозга, однако интеллект у обоих полов развит одинаково. По-

скольку у гоминид всегда был сильно выражен половой диморфизм, их ископаемые черепа тоже должны быть различными. Если два черепа сходны во всем, кроме своей величины, то не исключено, что один из них мужской, а другой женский и оба относятся к одному виду, несмотря на разницу в размерах.

Добавьте к этому возможные различия в скоростях эволюции разных частей тела, и трудность выделения видов в непрерывном ряду потомков станет еще более очевидной. В таком ряду никогда не бывает внезапных разрывов. Сын австралопитеков не мог быть человеком. В какой-то период у родителей и их отпрысков наверняка создавалось столь непонятное сочетание признаков, что отнести их к тому или иному виду было бы почти невозможно. Если собрать полную серию скелетов родителей и их детей, живших на протяжении пары миллионов лет, то в процессе превращения бесспорно дочеловеческой формы в бесспорно человеческую мы вряд ли сможем хотя бы приблизительно указать: вот момент, когда произошел переход к человеку.

В этом и состоит проблема *Homo habilis*. Эта форма относится к таинственному отрезку пути от австралопитека к человеку прямоходящему, и, возможно, ей там не хватает места. Лики продолжал настаивать, что *Но*

mo habilis — это человек, притом самый древний из всех найденных. По мнению других, это всего лишь грацильный австралопитек, слегка отличающийся от южноафриканского типа только потому, что две разновидности разделяло расстояние в две тысячи миль.

Все были согласны в том, что нужны новые данные — более древние и более многочисленные ископаемые находки. Но искать их в Олдувае не было смысла; лопаты ученых достигли скальной основы, возраст которой составлял менее двух миллионов лет. А два миллиона лет — это было, по новым данным, начало плейстоцена. Теперь взоры антропологов со все возрастающим интересом устремлялись еще дальше — туда, где лежал плиоцен, эпоха протяженностью в три миллиона лет. И может быть, где-то в его недрах сохранились остатки более древних гоминид, которые могли бы пролить свет на происхождение австралопитековых и отношения между различными их видами, позволили бы лучше понять природу *Homo habilis*. Среди древнейших представителей гоминид, возможно, нашелся бы и такой, который уже три миллиона лет назад или даже раньше передвигался на двух ногах. Это были большие ожидания, но когда не видишь, что за горой, можно вообразить там все что угодно.

2

Часть вторая

Золотое десятилетие 1967-1977

Глава 5

Омо и его магическая шкала времени

Меня не волнует, как они выглядят. Мы не можем выяснить их взаимоотношения, пока не знаем, каков их возраст. А об этом нам поведают свиньи.

Ф. Кларк Хоуэлл

Ах, эти чудесные свиньи!

Бэзил Кук

Мышлению Луиса Лики была чужда всякая мелочность. Его ум легко скользил из плейстоцена в плиоцен и еще дальше — в миоцен. У Лики не было возможности получить точные датировки, но он полагался на свои приобретенные упорным трудом, хотя и поверхностные, геологические познания, а также на суждения экспертов — впрочем, всегда оставляя за собой право не соглашаться с ними. Для изучения стратиграфии Олдувая он пригласил д-ра Ричарда Хэя из Беркли, который проработал в Африке больше пятнадцати лет. В результате исследований Хэя стены Олдувайского ущелья ныне почти так же хорошо известны специалистам, как небоскребы Пятой авеню тем, кто изучает архитектуру Нью-Йорка. Подобно всем остальным палеоан-

тропологам до 1960 г. и до открытия калий-аргонового метода датирования, Лики при определении возраста находок в рамках третичного периода (см. схему на форзаце) опирался на стратиграфию и распределение ископаемых остатков животных в различных слоях. Работая на маленьких островках и побережье озера Виктория, он по характеру окаменелостей отнес изучаемые отложения к миоцену, хотя абсолютная датировка этого периода была ему неизвестна. Тем не менее благодаря своей разносторонней профессиональной подготовке Лики обладал более тонким «чувством» геологического времени, чем многие его коллеги-антропологи. В то время как большинство ученых указывало для нижней границы плиоцена предположительные цифры в

5-10 миллионов лет, а Кизс выступил со смехотворной датой 900 тысяч лет, Лики широким жестом отвалил минимум 20 миллионов, и последующая датировка с помощью калий-аргонового метода подтвердила его правоту.

Находки миоценовых окаменелостей на берегах озера Виктория, сделанные Лики между 1932 и 1955 годами, хотя и не получили такой широкой известности, как знаменитое двойное открытие зинджа и человека умелого в Олдувае, не менее важны для науки. Они включают костные остатки многих форм миоценовых человекообразных обезьян и позволяют заглянуть в отдаленное прошлое, от которого до наших дней не осталось в живых ни одного вида млекопитающих. В миоцене было много человекообразных обезьян различной величины — не то что в современном мире, где их потомки, всего пять родов, почти все занимают крайне ограниченный ареал и находятся под угрозой вымирания, кроме одного — человека. Грустно сознавать, что человек остается в наши дни практически единственным наследником этой процветавшей в миоцене группы. Но еще грустнее становится при мысли, что именно люди ответственны за то поистине катастрофическое состояние, в котором находятся сейчас популяции всех человекообразных обезьян. Еще несколько охотничьих вылазок в горные леса Руанды, Бурунди и Конго — и не будет горилл. Уничтожьте леса Будонго в Уганде, расширьте посевные площади в районе Гомбе-Стрим, нарушите хрупкое природное равновесие в нескольких других местах — и исчезнут шимпанзе. Не оставляйте обезьян в покое на Борнео, убейте несколько сотен самок, отправьте осиротевших детенышей в зоопарки — и вы навсегда распроситесь с орангутанами. Превратите остатки высокоствольных лесов Индокитая и Малайзии в древесину — и пропадут гиббоны. Таким

будет конец человекообразных обезьян. Он может наступить в ближайшие полстолетия, и тогда затухнет, как слабый язычок пламени, линия эволюции, продолжавшаяся двадцать миллионов лет и создавшая, наконец, орудие собственного уничтожения — человека. Интересно, что низшие обезьяны, не связанные с нами таким близким родством и, по-видимому, меньше конкурирующие с человеком, пребывают в относительном благоденствии. Сравнительно редкие в миоцене, сегодня они стали гораздо более многочисленными.

Миоценовые антропоиды, остатки которых нашел Лики, оказались крайне примитивными. Сходство их с более специализированными современными антропоидами было весьма отдаленным. Усматривались, правда, интригующие намеки на то, что некоторые формы могли быть предками шимпанзе, а другие — предками горилл, но все это представлялось очень неясным. Во всяком случае, ни одну из древних обезьян нельзя было связать с линией гоминид — характерные признаки этой ветви еще не начали формироваться. Для Лики, всегда интересовавшегося начальными этапами становления человека, миоцен оказался попросту слишком древним.

Лики занялся плиоценом. В 1935 году в районе Летоли, к югу от Олдувая, он обнаружил остатки плиоценовых млекопитающих. Однако находки были скудны и не включали остатков гоминид — вернее, так думал Луис в то время. На самом деле ему таки попался один клык, но Лики не смог определить его принадлежность, и лишь много лет спустя его находку идентифицировали другие. Как бы то ни было, он забросил Летоли и сосредоточил все свои усилия на Олдувайском ущелье. Однако он не забывал и о плиоцене. В 1959 году Лики предложил Кларку Хоуэллу свою помощь в обследовании местности к западу и северу от озера Туркана (бывшее озеро Рудольф), так

как знал об обширных плио-плейстоценовых отложениях, которые лежат по обе стороны озера, выходят за пределы Кении и продолжаются в Эфиопии, в частности вдоль реки Омо (эта река берет начало в эфиопских высокогорных районах и впадает в озеро Туркана, предохраняя его от высыхания).

Кларк раздобыл денег, получил у Лики в Найроби лендровер и несколько советов по поводу своего маршрута и отправился в путь. Предварительно он запасся в Вашингтоне разрешением на въезд в Эфиопию. Но когда он прибыл на границу, полковник, возглавлявший пропускной пункт, отказался пропустить его.

«Я показал ему свою туристскую визу, — рассказывал Кларк, — но он заявил, что не позволит мне передвигаться по стране, а именно этим я и собирался заниматься. Пограничный пост находился далеко от Аддис-Абебы, и полковник сообщил, что должен связаться по радио с начальством и получить инструкции. Поскольку радио не работало, мне пришлось в течение нескольких дней слоняться без дела. Проблема заключалась в том, что для разговора с полковником я был вынужден пересечь границу и теперь находился в Эфиопии. Вернуться назад я не мог, так как разрешение мне было дано только на въезд. Сущая нелепость — сидеть в нескольких метрах от Кении, зная, что на сотню миль вокруг нет ничего, кроме этого пограничного пункта, и не иметь возможности сдвинуться с места».

В конце концов Кларк убедил полковника выдать ему письменное разрешение на выезд. Он вернулся в Кению и в течение нескольких недель разъезжал по этой стране и по южному Судану, осматривая местность в одной из самых пустынных областей земного шара. Большую часть времени он провел в одиночестве. У него был с собой запас пищи, воды и топлива, он ехал в ту сторону, куда ему хотелось. Так он перемещался по

огромным территориям, безмолвие которых как бы возвращало его в далекое прошлое. Кларк вспоминает об этом путешествии как об одном из самых впечатляющих событий в его жизни. Возле суданской границы он обнаружил несколько стоянок с раннепалеолитическими орудиями, но он мечтал о находках, которые сулил район Омо, и потому вновь отправился к полковнику.

На этот раз полковник оказался более покладистым. Хотя из Аддис-Абебы еще не было никаких указаний, он пошел на уступки и «в виде исключения» разрешил заняться осмотром местности, но только поблизости от пограничного поста и в сопровождении капитана и сержанта, которые должны были следить, чтобы Кларк не делал ничего предосудительного.

Во время первой же прогулки Кларк наткнулся на торчавший из земли череп слона. Он сфотографировал его и вечером доложил о своей находке полковнику, который, вытащив из ящика письменного стола бутылку виски, пригласил Кларка выпить по глоточку. Полковник прекрасно говорил по-английски и, очевидно, истосковался по собеседнику. После нескольких застольных бесед Кларку было позволено расширить поле деятельности. Дело кончилось тем, что он мог ездить куда ему вздумается.

Отложения в долине Омо поразили Кларка Хоуэлла. Он никак не думал, что столкнется с такой сложной стратиграфией. Около тридцати лет назад в этом месте побывал французский палеонтолог Камил Арамбур, который собрал здесь коллекцию окаменелостей, а позже опубликовал претенциозную монографию, охарактеризовав в ней геологическую историю Омо как очень простую и одномоментную. По мнению Кларка, геологическая структура Омо была отнюдь не проста. Она показалась ему невероятно сложной — тут было множество слоев, иногда очень

толстых, относящихся, по-видимому, к огромным промежуткам времени.

Кларк сделал кое-какие записи, отснял несколько пленок и собрал небольшую коллекцию ископаемых костей, которую он, уезжая, оставил полковнику с просьбой переправить ее в Аддис-Абебу, а затем в Соединенные Штаты. С тех пор он никогда ее не видел.

— Неужели вам не жаль вашей коллекции? — спросили его однажды.

— Ничуть. Там были только млекопитающие и ни одного гоминида. А сейчас у нас больше 45 тысяч остатков млекопитающих, найденных в Омо. Так что потерю тех немногих можно пережить.

Хоуэлл сообщил Лики, что он обнаружил в ущелье Омо превосходную стратиграфию и множество слоев с окаменелостями. Лики пригласил его на обед — тот самый, в конце которого показал «на десерт» череп зинджа. В следующем году с помощью калий-аргонового метода были получены первые датировки для Олдувайского ущелья, а начало плейстоцена было отодвинуто назад к периоду около двух миллионов лет до нашего времени. Это означало, что некоторые из слоев, увиденных Кларком в Омо, вероятно, должны быть датированы тремя миллионами лет, т. е. плиоценом.

Сгорая от нетерпения вернуться в Омо, Кларк Хоуэлл был, однако, вынужден заниматься другими делами, в первую очередь раскопками стоянки в Испании, где жили охотившиеся на слонов группы *Homo erectus*. Кроме того, снарядить экспедицию в Эфиопию в то время было попросту невозможно. Слово «Омо» не упоминалось вплоть до 1965 года, когда Лики приехал в США и заговорил на эту тему с Кларком.

— Это должна быть международная экспедиция, — сказал Лики.

— Что это значит? — спросил Кларк.

— То, что мы пригласим францу-

зов. Ведь они там уже были. Кроме того, я бы хотел, чтобы мы тоже приняли участие в экспедиции.

Кларк решил, что говоря «мы», Лики имеет в виду одного себя. «Это было бы чудесно», — заметил он.

— Похоже, что так оно и будет, — про должал Лики. — Подождите немного, и я сообщу вам, как идут дела. Вы сможете поехать?

— Ну конечно.

— Это наверняка?

— Разумеется.

Вскоре после этого разговора император Эфиопии Хайле Селассие нанес официальный визит президенту Кении Джомо Кениата. Рассказать гостю об ископаемых сокровищах Кении и Танзании было поручено Лики.

— Почему же в моей стране нет окаменелостей? — спросил император.

— Они у вас есть, — ответил Лики.

— Можно ли их найти?

— Это очень просто, Ваше величество. Я знаком с молодым человеком, который знает, где их искать. Проблема состоит в том, чтобы получить разрешение на организацию экспедиции.

Селассие замахал руками: «Завтра же я распоряжусь об этом».

Через несколько недель Кларк получил телеграмму от Лики: «*Омо в порядке скоро увидимся*».

Лики очень хотелось самому возглавить кенийскую группу объединенной экспедиции, которая вскоре была сформирована и в которой приняли участие три страны. Однако его серьезно беспокоили боли в спине, а тазобедренный сустав был в таком состоянии, что Луис едва мог ходить. Не без сожаления он решил поставить во главе группы своего сына Ричарда.

Ричарду Лики в то время исполнилось 23 года. Это был изящный и живой молодой человек с тонкими чертами лица и резкими энергичными манерами. Он почти не был похож на

своего крутого отца, унаследовав лишь некоторую долю его упрямства, стремления все сделать по-своему. Хотя мы были почти ровесниками, Ричард реагировал на находки зинджантропа и человека умелого совсем иначе, чем я. Вместо того чтобы загореться, он отвернулся от них. Ричард с малолетства получал изрядную дозу антропологии и был по горло сыт ею. Когда пришло время поступать в университет, он заявил, что не хочет продолжать образование. Отец, который надеялся, что Ричард пойдет по его стопам и станет палеоантропологом, вышел из себя и поставил сына перед выбором: либо университет, либо самостоятельная жизнь без родительской помощи.

Прекрасно, сказал Ричард. С него достаточно костей и окаменелостей. Он любит походную жизнь, умеет выслеживать животных и охотиться на них. Он стал профессиональным проводником и охотником и начал организовывать сафари для туристов, оснащенных ружьями или фотоаппаратами. Он преуспел на этом поприще и к двадцати годам усвоил многое из того, что нужно знать человеку о жизни вне цивилизации. Именно этот опыт, а также очевидный организаторский талант Ричарда убедили Луиса, что его сын, не будучи профессионалом в области антропологии или геологии, сумеет возглавить кенийский отряд экспедиции. Он знал не так уж мало — как-никак он вырос в семье Мэри и Луиса Лики, — но его формальное образование ограничивалось колледжем.

Так была организована исследовательская экспедиция в долину Омо. Предложение Лики о включении в нее французских ученых было весьма разумным. Не только потому, что французы наверняка были бы возмущены, если бы их не пригласили (и это могло бы привести к осложнениям ввиду дружественных отношений их страны с Эфиопией), но и потому, что по неписаным законам

палеоантрополог не должен вторгаться на чужую территорию и искать там самородки. Арамбур был первым из крупных ученых, работавших в Омо. Его знали местные власти. Хотя прежние выводы Арамбура о геологической структуре Омо были по сути ошибочны, а сам ученый за прошедшие годы постарел и его здоровье пошатнулось, он все же возглавил отряд французских палеоантропологов. Его помощником и заместителем стал Ив Коппанс. Хоуэлл руководил американской группой, Ричард Лики — кенийской.

Организация экспедиции, доставка провизии и оборудования обеспечивалась из Найроби. Хотя этот город находился на расстоянии более пятисот миль от долины Омо — намного дальше, чем Аддис-Абеба, — добраться до него было гораздо легче: изрезанный ландшафт и отсутствие дорог делали путешествие до столицы Эфиопии практически невозможным. Кроме того, в Аддис-Абебе тогда нельзя было достать такие простые вещи, как туалетная бумага или клей, так что их пришлось бы присылать из других стран. Найроби был более удобен в транспортном отношении, лучше снабжался, и наконец, там жили супруги Лики, которые следили за ходом исследований.

Раскопки в долине Омо, начавшиеся в 1967 году, были задуманы как первая международная антропологическая экспедиция, основанная на сотрудничестве сторон. Однако на деле эти принципы не были полностью реализованы. Каждый отряд начал действовать независимо от других. Кларк Хоуэлл и Ричард Лики вскоре обнаружили, что французы, пользуясь правом первооткрывателей, оставили за собой самый большой участок, тянувшийся вдоль реки Омо на несколько миль выше места ее впадения в озеро Туркана у границы с Кенией. Кларку достался участок поменьше, примыкавший к французскому с севера. Территория Ричарда Лики находилась еще выше по течению.

нию, в излучине реки, на ее дальнем берегу. Ричард был разочарован и недолго пробыл там. По натуре он не был склонен работать под чьим-либо началом и к тому же быстро понял, что в экспедиции его ожидает роль Исава — ему придется выполнять самые трудные обязанности, в то время как пожинать славу будут Иаковы — Арамбур, Коппанс и Хоуэлл. Кроме того, Ричарда не устраивал и возраст отложений, для него довольно поздний. В прошлом не благоволивший к палеоантропологии, он решил, что уж если в конце концов занялся ею, то лучше работать самостоятельно и в более подходящем месте. Надеясь на свое везение, он воспользовался вертолетом, предоставленным для нужд экспедиции, и полетел на северо-восток, назад в Кению, вдоль восточного берега озера Туркана, где тянулась широкая полоса обнаженных пород, казавшихся весьма перспективными. Приземлившись, Ричард обнаружил, что находится в пустынной местности среди плио-плейстоценовых отложений, изобилующих окаменелостями. Даже он, непрофессионал, был потрясен тем, что увидел. Вернувшись в Омо, он заявил, что покидает экспедицию и будет вести собственные исследования в своей родной стране — смелый шаг для двадцатитрехлетнего молодого человека, который знал о том, с каким неудовольствием воспримет его решение отец.

Путешествие на вертолете имело далеко идущие последствия. Ричард Лики собрал отряд компетентных специалистов и организовал постоянный лагерь в Кооби-Фора на мысу, вдающемся в озеро. Находки, обнаруженные здесь в последующие годы (мы подробно рассмотрим их в шестой главе), оказали огромное влияние на наши представления о происхождении человека.

Французский и американский отряды оставались на прежних участках. Арамбур умер, его место занял

Коппанс. Работы в Омо продолжались каждый полевой сезон вплоть до 1974 года, когда вследствие осложнения политической обстановки в стране пришлось сократить масштабы исследований.

Еще до 1967 года методичный Хоуэлл с согласия Лики предложил пригласить опытного геолога для осмотра местности. «Я не профессиональный геолог, — говорил Кларк, — хотя мне пришлось немало заниматься геологией. Мне казалось, что, прежде чем послать сорок-пятьдесят человек неизвестно куда, было бы хорошо с кем-нибудь проконсультироваться. Я был уверен, что отложения, обнаруженные мною во время поездки в 1959 году, относятся к плио-плейстоцену, но я хотел знать это наверняка».

Геолог Фрэнк Браун повторил путь Кларка до одинокого пропускного пункта на кенийско-эфиопской границе и, вернувшись в декабре 1966 года в Калифорнийский университет, с широкой улыбкой сказал Хоуэллу: «Как вы и предполагали, это плио-плейстоценовые отложения». И добавил: «Вы будете ими довольны».

Впоследствии выяснилось, что это было весьма сдержанное высказывание. Величие Омо состоит в его геологии, сочетающейся со сменой фаун. На сумрачном небосводе палеоантропологии — области, где постоянно бушуют страсти по поводу древности тех или иных находок и их связи между собой, — название Омо сверкает как звезда первой величины. Южная Африка по-прежнему покрыта почти непроницаемой мглой. В других местах датировки сомнительны из-за запутанной стратиграфии или из-за примесей в вулканических образцах, выбранных для определения возраста.

Но Омо — это чудо. Здесь сохранилась непрерывная летопись событий — редкий случай в истории изучения ископаемых гоминид. Уникальность Омо складывается из сочетания нескольких особенностей.

Отложения в Омо получили известность благодаря своей толщине (около 800 метров), легкой доступности и хорошей датировке. Они состоят из нескольких сотен слоев, наклоненных под углом вследствие движений земной коры, так что даже самые древние и глубокие пласты выходят на поверхность

«Во-первых, сравнительно большая территория, — объяснял Хоуэлл. — Не просто одно ущелье, как Олдувай, а целая масса выветрившихся обнажений, занимающих по меньшей мере две сотни квадратных километров. Во-вторых, толщина отложений. Она достигает более тысячи метров, а это значит, что нижние слои необычайно древние. Чтобы образовалась такая громада, нужно время. В-третьих, сбросовый характер отложений. Чтобы добраться до нижнего слоя, не обязательно копать через всю толщу. Земная кора поднималась и опускалась, так что слои, даже самые древнейшие, изгибаясь под разными углами, то здесь, то там выходят на поверхность. На самом деле вам вообще не нужно ничего копать. Вы просто проходите по поверхности, и

длинными параллельными волнами из различного материала. На переднем плане видны более древние отложения, на заднем — более поздние. Их возраст составляет от четырех до одного миллиона лет и хорошо определяется по прослойкам вулканических «маркерных» туфов.

каждый шаг переносит вас вперед или назад во времени».

Последовательность слоев на поверхности земли в Омо — это как бы огромная геологическая шкала, на которой временные интервалы отмечены примерно двумя сотнями четких горизонтов ила, глины, песка, гравия и продуктов вулканических выбросов. Больше ста из этих слоев содержат окаменелости. Взятые вместе, они охватывают период примерно в три миллиона лет — от четырех до одного миллиона лет назад

«Следы вулканической активности — лавовые потоки и туфы — это четвертая удивительная особенность Омо, — продолжал Кларк. — Они служат своеобразными маркерами, возраст которых можно определить. В прежние времена Омо был, должно

быть, одной из горячих точек — здесь насчитывается несколько десятков слоев туфа. Некоторые из них достигают в толщину около пятнадцати метров — поистине грандиозные следы активности вулкана, который давно исчез и остатки которого мы до сих пор ищем. Граница между осадочными породами и туфами во многих местах необычайно резкая. Подарок судьбы для геологов! Они могут собрать чистейшие образцы пепла и отправить его в Штаты для калий-аргонового анализа. Получив результаты лабораторных исследований, можно довольно точно узнать возраст ископаемых, так как некоторые слои туфа расположены на редкость близко друг к другу. Их разделяют какие-нибудь пятьдесят тысяч лет. Это значит, что для окаменелости, зажатой между двумя такими слоями на уровне, скажем, двух с половиной миллионов лет, ошибка при определении возраста составит всего 25 тысяч лет — сущие пустяки. Это все равно, как если бы мы спросили у очень старого человека: «Вам, наверное, лет сто, не меньше?» А он бы ответил: «Нет, только девяносто девять».

С точки зрения датировок во всей истории палеоантропологии не было ничего подобного Омо. Хронологическая шкала такой точности позволяла составить ряды остатков млекопитающих, которые, как и сами отложения, выходили на поверхность и были во множестве разбросаны по всей местности. За восемь лет работы объединенной экспедиции было собрано 50 тысяч окаменелостей, представляющих более 140 видов млекопитающих. Особенно ценными были находки мелких животных — крыс, мышей, землероек и т.п., так как эти животные держатся в пределах ограниченной территории и очень чувствительны к изменениям условий среды. Так, находки определенных форм мышевидных грызунов в тех или иных отложениях позволяют довольно точно судить о том, каким был климат в те времена, когда про-

исходило формирование слоя. То же самое отчасти справедливо и для более крупных млекопитающих, но выводы получаются не столь точными, так как многим из этих животных, например антилопам, свойственны сезонные миграции. Однако можно все-таки выделить фаунистический комплекс, связанный с сухим климатом; находки других животных (бегемотов и т.п.) свидетельствуют о наличии болот, озер, рек. Из сочетания сведений о животных, растениях и геологической структуре начала вырисовываться подробная картина географических и климатических особенностей Омо в древнейшие эпохи, точность которой возрастала по мере накопления данных.

Не менее существенным было и то, что благодаря привычке Кларка пунктуально отмечать на карте место каждой находки стало возможным проследить эволюцию различных типов животных во времени. Были построены изящные ряды для антилоп, жирафов, слонов — новые виды развивались из старых, потом в свою очередь исчезали, и на смену им приходили другие, появляясь в более молодых слоях. Короче говоря, глазам работавших в Омо ученых предстала картина эволюционного процесса, и они могли соотносить ее со шкалой времени. Прекрасным примером служат линии разного рода свиней, которые были широко распространены в Омо и эволюционировали очень быстро. Распутать узлы их истории взялся палеонтолог Бэзил Кук. Он получил несколько родословных с такими точными датировками, что свиньи с тех пор стали эталоном, к которому можно обратиться в случае сомнений в возрасте ископаемых находок, если им сопутствуют сходные виды свиней.

Этот метод называется биостратиграфией. Он монотонен, требует большой затраты времени и бесконечных повторов. Им занимаются в уединенных лабораториях, и за пределами узкого круга профессионалов

о нем мало что известно. И тем не менее это тот стандарт, с которым палеоантропологи должны соотносить полет своей мысли. Какой бы роскошной ни казалась гипотеза об эволюции восточноафриканских гоминид, она увянет, если не будет согласоваться с прозаическими свинными последовательностями. Но, если теория соответствует им, с ней надо будет считаться.

Что нового мы узнали благодаря Омо об эволюции австралопитековых и человеку умелом? На первый взгляд немного. Найденные там остатки гоминид фрагментарны, сохранность их оставляет желать лучшего.

«Я должен признаться, — сказал мне однажды Кларк, — что за восемь лет можно было найти побольше. Конечно, были и остатки гоминид. На восьмидесяти шести участках. Но большинство их пострадало от абразии, и уцелели в основном только зубы. А по одному зубу многого не скажешь».

Кларк недооценивал значение сделанных находок. Он надеялся найти «идеальный череп», но это ему не удалось. И, мне кажется, никогда не удастся. Дело в том, что Омо — это место, изрезанное реками, с быстротекущими потоками, а не стоячей водой болот или озер. Размеры песчинок, гравия, гальки, переносимых водой, тем больше, чем быстрее она течет. Зубы нисколько не крупнее мелких камушков и так же, как и последние, могут быть отнесены течением на много миль от того места, где осталась челюсть, из которой они выпали. Саму челюсть вода обкатает и изменит до неузнаваемости. Именно так и обстояли дела в Омо.

«Плохая сохранность костей в Омо, — объяснял Кларк, — связана с их перемещением. Но я думаю, что мы сумели бы обойти эту проблему. К концу работы экспедиции мы начали отмечать те места, где находки были особенно многочисленны, и

уже выявили наиболее богатые слои. Именно там мы собирались в последующие годы сосредоточить свои усилия — отказаться от простого сбора ископаемых на поверхности земли и перейти к систематическим раскопкам. Дела бы, конечно, пошли медленнее, но зато качество находок, я думаю, улучшилось. К сожалению, местные политические события помешали нам продолжить работы. Так часто бывает в нашей профессии: наконец-то вы поняли, в чем загвоздка, но тут что-нибудь происходит и нарушает все ваши планы».

Мне кажется, Кларк, как всегда, преуменьшал собственные успехи. Разумеется, никому не могло придти в голову недооценивать значение его фантастических датировок или эволюционных рядов ископаемых животных. Но за этими блестящими достижениями иногда забывали о добрых старых гоминидах. Между тем Кларк находил их, и немало. Конечно, один или два зуба сами по себе не могут многое объяснить, но их значение сразу же изменится, если в другом месте в сходном по времени горизонте будут найдены остатки лучшей сохранности, и в том числе — челюсть с такими же зубами. Так произошло в Кооби-Фора и Хадаре: в обоих местах были найдены прекрасные окаменелости, проливающие свет на находки Кларка.

Работу палеоантрополога часто сравнивают с составлением картинголоволомки. Это хорошая аналогия, так как в обоих случаях нужно восстановить из отдельных частей единое целое. Но собрать головоломку гораздо проще. У того, кто этим занимается, все нужные детали под рукой. Можно высыпать их на стол и приступить к работе. Если у человека есть капля здравого смысла, он не будет перебирать все кусочки, подыскивая пару к какому-то одному из них. Он начнет с того, что разложит их по цвету: синие в одну сторону, красные — в другую. Потом он отберет все фрагменты с прямыми

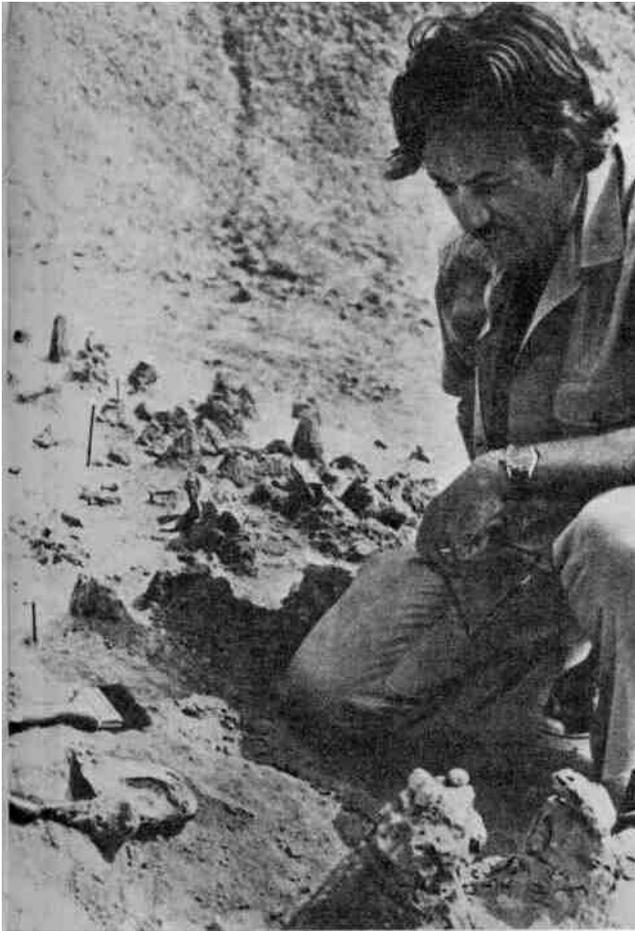
Камиль Арамбур (стоит) приезжал в Омо в поисках окаменелостей и работал там еще в 30-х годах. Он вновь посетил это место в 1967 году вместе с Кларком Хоуэллом и Ричардом Лики, возглавив французскую группу совместной экспедиции трех стран. Вскоре Арамбур умер, и его сменил Ив Коппанс, который на этом снимке очищает челюсть слона.

краями, так как именно они образуют «рамку» складной картинки, которую несложно составить. Затем наступит очередь синих и красных фрагментов, и пространство внутри рамки постепенно заполнится.

Антрополог не может так работать. Кусочки попадают ему в руки не по порядку. Когда был найден первый неандертальский череп, его просто не с чем было соединять. Потом был найден яванский обезьяночеловек, неизвестно каким образом связанный с предыдущим. Затем — находки в южноафриканских пещерах; это было множество отдельных кусочков, различавшихся как бы по цвету: скажем, синие для грацильных особей и красные для массивных. Дарт, Брум и Робинсон сумели сложить вместе часть мелких фрагментов, но «рамки» все еще не получалось. Зиндж, найденный Луисом Ли-

ки, явился еще одним элементом; и наконец, его *возраст* оказался первой из деталей, образующих край картинки.

Заслуга Кларка Хоуэлла заключается в том, что полученные для Омо датировки составили «рамку», а найденные им остатки гоминид (хотя сохранность их была далеко не идеальной) хорошо вписались во внутреннее пространство. Кларк нашел четыре различных типа гоминид. Поскольку древность их была ему известна, он сумел если и не подогнать отдельные элементы друг к другу, то все же разложить их на столе в определенном порядке, чего никто раньше не мог сделать. Не менее важно и то, что некоторые фрагменты относились к плейстоцену и имели возраст больше двух миллионов лет. Кларку, как он и надеялся, удалось вырваться за пределы плейстоцена.

Кларк Хоуэлл — пионер в области комплексного изучения местонахождений ископаемых остатков. Планомерное обследование отложений Омо — в конечном счете его заслуга. На этом снимке Кларк Хоуэлл расчищает горизонт, содержащий небольшие фрагменты ископаемого материала, чтобы не нарушить их расположения, он удалил породу вокруг находок, так что каждая из них оказалась на небольшом возвышении.

Вот перечень, составленный Хоуэллом в 1976 году и содержащий описание найденных им четырех типов гоминид:

Некрупный тип, напоминающий южноафриканскую грацильную разновидность австра-

лопитеков. Появляется в Омо около 3 млн. лет назад и сохраняется на протяжении полумиллиона, а может быть, и миллиона лет. Правда, качество находок делает эту последнюю цифру спорной.

Массивный вариант, более сходный с «супер-робустом» зинджем, чем с массивными южноафриканскими особями. Он появляется около 2 млн. лет назад и исчезает на уровне 1 млн. лет. Среди найденных в Омо остатков гоминид представители этого типа встречаются чаще всего.

Следы *Homo habilis*. Они представлены несколькими зубами человеческого типа, датированными приблизительно в 1,85 млн. лет.

И наконец, *Homo erectus*. Впервые появляется около 1,1 млн. лет назад.

Как только эти четыре типа были отделены друг от друга и расположены в хронологическом порядке, стали возникать идеи об их возможных родственных отношениях. Поскольку, например, все грацильные особи встречаются ранее двух миллионов лет, а все массивные — после этой даты, возникло подозрение, что вторые — потомки первых. Это подозрение усилилось, когда был изучен южноафриканский материал, где грацильные австралопитеки тоже оказались старше массивных. Было это простым совпадением или же намеком на истинное расположение фрагментов загадочной картинки?

Далее, *Homo habilis* появляется в Омо, так же как и в Олдувае, после рубежа в два миллиона лет. Может быть, и у него был грацильный предок? Все эти данные так хорошо увязывались друг с другом, что возникал соблазн объединить четыре линии в одно родословное древо (см. схему на с. 208, справа). Но Кларк

считал, что не следует спешить. «Предположения — это еще не выводы», — не раз напоминал он мне. Мы сознавали, что, прежде чем принять эту схему, хотя она и была уже признана многими, нам нужно иметь дополнительные данные. Как мы увидим в следующей главе, они были получены в Кооби-Фора, Летоли, Хадаре.

Когда я перевелся из Университета штата Иллинойс в Чикагский университет к Хоуэллу, слово «Омо» было у всех на устах. Студенты и аспиранты только о том и говорили. В лабораторию хлынул поток данных — карт, цифр, самих окаменелостей; гипотезы относительно их интерпретации возникали как грибы. Сам Кларк, по обыкновению, был очень осторожен в выводах.

Он признает, что в те времена сомневался в реальности *Homo habilis*. «Мне предстояло взять этот барьер, — рассказывал Хоуэлл. — Я колебался. Утверждение Луиса Лики, что человек умелый — это древнейший из известных представителей рода *Homo*, казалось мне логичным в той мере, в какой оно могло быть подкреплено ископаемым материалом. Однако найденные костные фрагменты не позволяли делать столь далеко идущих выводов. Я не раз имел возможность изучить олдувайские окаменелости и был хорошо знаком с ними. Материал был необыкновенно интересным, но не вполне убедительным. Лишь гораздо позже, когда мы начали находить похожие окаменелости в Омо с аналогичной датировкой в 1,85 млн. лет, я почувствовал, что первоначальное предположение Луиса было, по-видимому, верным и что между австралопитековым предком и *Homo erectus* хватит места для промежуточного вида. Но тогда мы еще не могли этого доказать».

Попав сразу в гущу научных споров и дискуссий, я испытывал страшное возбуждение — присутствовать там, где рождаются новые идеи, это

ли не счастье! Я с большим оптимизмом относился к *Homo habilis*, чем Кларк. Мне это было простительно — я был моложе, не столь опытен и нес меньший груз профессиональной ответственности на своих плечах. В то время мой голос ничем не выделялся из общего детского лепета аспирантов Кларка.

Впервые взглянув на зубы гоминид, найденные в Омо, я решил: человек. Это было интуитивное чувство — я не имел права так думать. Я никогда не изучал коллекции австралопитековых в Южной Африке. Я только читал о них и видел некоторые муляжи в лаборатории Кларка. Предметом моих занятий были шимпанзе. В качестве темы диссертации я выбрал подробное исследование зубной системы этой обезьяны. Полная морфология: половые различия, популяционная изменчивость, ранний онтогенез каждого бугорка на каждом зубе. Мне хотелось ответить на все возможные вопросы о зубах шимпанзе: как они растут, каким образом пережевывается пища и почему именно так, а не иначе.

Изучив три сотни черепов шимпанзе (все доступные в США материалы), я разработал собственную систему сопоставления индивидуальных данных с помощью перфокарт. В процессе работы я настолько хорошо изучил зубы шимпанзе, что, начав позднее сравнивать их с зубами других антропоморфных обезьян — горилл, орангутанов, а затем с зубами человека и австралопитеков (по муляжам), я вдруг стал интуитивно сознавать, что характерно для обезьяны, что — для австралопитека и что — для человека.

Большинство антропологов рано или поздно специализируются в какой-нибудь одной узкой области. Моей областью оказались зубы. Мне повезло, что я ими занялся. Доктор наверняка говорил вам: «Какова пища, таков и сам человек». В этом больше правды, чем может показаться поначалу. Ваши зубы выдадут

вас: они расскажут, что вы собой представляете и откуда вы родом. Тут уж ничего не поделаешь.

Взглянув на найденные в Омо зубы, которые Кларк предположительно относил к роду *Ното*, я подумал, что можно без колебаний назвать их человеческими. Повторяю, я так *подумал*. Но тут же поймал себя на мысли, что мне нужны дополнительные знания. Хорошо бы самому посмотреть южноафриканские коллекции — оригинальные находки, а не муляжи. Впервые в жизни я осознал, что существует нечто такое, о чем я просто обязан знать больше. Я ощутил также острое желание выехать в поле и самому найти что-нибудь стоящее.

Чтобы закончить диссертацию, мне нужно было изучить еще некоторое количество черепов шимпанзе. Две коллекции хранились в Европе. Вместе с теми, что я обследовал в США, получилось бы 826 черепов — достаточно солидная с точки зрения статистики выборка. (Между прочим, все черепа принадлежали современным шимпанзе. Наука не знает ни одного ископаемого черепа этой обезьяны.)

В этот момент я осмелился заявить о своем существовании. Кларк помог мне получить небольшую субсидию для поездки в Европу и знакомства с упомянутыми коллекциями. Зная, что тем же летом он собирается поехать в Южную Африку для изучения австралопитековых, я спросил, могу ли я поехать с ним. Я показал разработанную мной систему кодирования одонтологических признаков и объяснил, как ее можно использовать для более детального и упорядоченного описания зубов этих существ. Идея понравилась Кларку. Он знал, что некоторые особенности расположения бугорков и борозд на жевательной поверхности еще не были проанализированы. «Хорошо, — сказал он. — Увеличьте сумму в вашей просьбе о выдаче субсидии, включив туда стоимость авиабилета из

Европы до Южной Африки. Встретимся в Найроби».

И тут я *снова* подал голос, заявив, что уж если я окажусь в Найроби, то не попасть в Омо и не поработать там просто стыдно. Кларк выразительно взглянул на меня и опять согласился. Он поговорил с Джерри Экком, ответственным за организацию экспедиции. Экк знал меня как аспиранта и проворчал: «Я не уверен в этом парне. Мне кажется, он из тех, кто любит большие города и яркие огни. А что, без него не обойтись?».

Должен признаться, что Экк не ошибся относительно меня: я действительно люблю огни города. Но Кларк объяснил ему, что я работал археологом и могу оказаться полезным, если они приступят летом к раскопкам. И потом, я останусь в экспедиции всего на несколько недель. Экк неохотно сдал свои позиции.

Весной 1970 года я отправился в Европу, поработал с коллекциями черепов шимпанзе и вылетел в Найроби, где мы с Кларком провели вместе несколько дней. Это было волнующее время — начало профессиональной карьеры, когда передо мной открывались новые горизонты! Наконец-то я был в Африке и мог воочию узреть легендарные находки — зинджа, Твигги, Синди, Джорджа, о которых так много читал. Вот они лежат передо мной на столе. Стоит протянуть руку, и я могу дотронуться до любой из них. Я взял череп Твигги и удивился, до чего же он тяжелый — как камень! Я думал о том, удастся ли мне когда-нибудь найти что-либо похожее, и прикидывал, хватит ли у меня терпения, если придется реконструировать округлый череп из такого расплющенного блина, каким была Твигги.

Я был представлен Мэри Лики и возобновил свое прежнее знакомство с Ричардом. Лики-младший стал к этому времени легендарной фигурой; о нем часто писали на страницах ми-

ровой прессы. Он только что вернулся из Кооби-Фора с новыми сенсационными находками массивных австралопитеков. Мне довелось взглянуть на них — еще одно острое ощущение, так как эти материалы пока не были опубликованы.

Я был горд тем, что находился на переднем крае науки, общался с людьми, которые создавали ее форпосты, находили знаменитые окаменелости и сами становились знаменитыми. Чувство сопричастности не покидало меня и тогда, когда мы вместе с Кларком отправились в Омо на небольшом самолете, служившем в экспедиции для переброски людей и запасов продовольствия. Мы летели на север, и я смотрел, как проплывают мимо зеленые отроги плоскогорья Аббардар, как осталась позади снежная вершина горы Кения. Наш путь лежал дальше — в пыльные сухие районы. Постепенно ландшафт совершенно изменился — под нами расстилалась коричневатая пустыня с высившимися на ней серовато-лиловыми горными хребтами. Вдали показалось озеро Туркана — сотня миль водной глади с длинной змеящейся полосой зелени в северном конце, которая продолжалась еще дальше на север и терялась в раскаленном мареве. Зеленая змейка означала зону прибрежного леса, узкую полосу деревьев, жмущихся к воде по берегам реки Омо.

На изрытой колдобинами гравийной посадочной полосе нас встретил Джерри Экк — без особой радости, но вполне дружелюбно. Он отвел меня в палатку, где я должен был спать. Я распаковал вещи, надел шорты и тотчас выскочил наружу, полный решимости продемонстрировать Экку свои профессиональные способности. Однако меня хватило ненадолго; через полчаса я был близок к обмороку и едва мог стоять. Между тем Экк деловито осматривал местность, быстро передвигаясь под палящим солнцем в поисках окаменелостей. Я остро ощутил собственную неполно-

ценность: я не только не поспевал за Экком, но и не мог различить на поверхности земли ни одного из костных фрагментов, которые нам попадались. В ту ночь, изнемогая от духоты в своей палатке, я понял, что должен вести себя иначе, и наутро признался Кларку в своей беспомощности. Он успокоил меня, сказав, что я должен прежде всего приспособиться к непривычно жаркому климату, и предложил в полуденные часы заниматься вместе с ним сортировкой собранного за день ископаемого материала. Я пересчитывал окаменелости, писал этикетки, внимательно слушал, что говорил мне Кларк, и через неделю начал сам различать, где кость свиньи, а где антилопы. И однажды Хоуэлл сказал: «С сегодняшнего дня *вы* будете говорить *мне*, что есть что».

Мне нравилось жить и работать в лагере. По мере сил я старался приносить пользу: вел учет продовольствия, чинил старые механизмы, отмечал на карте находки, занимался всякого рода писаниной. Я прошел хорошую школу определения плио-плейстоценовых млекопитающих и, что не менее важно, начал понимать основные принципы организации полевых исследований — роль Кларка как начальника и Экка как его заместителя, стиль их руководства, многие детали, которые следует учитывать в работе. Я внимательно приглядывался к Экку и вскоре оценил его удивительные качества. Он сочетал в себе бездну практических знаний, не имевших ничего общего с его специальностью — изучением ископаемых низших обезьян, и использовал их так умело, что в лагере никогда не иссякали запасы пищи, местные рабочие были жизнерадостны и трудолюбивы, а усилия ученых прекрасно скоординированы. Не менее пристально присматривался я и к Кларку. Когда мое трехнедельное пребывание подошло к концу, я вспомнил, что за все время ни разу не взял в руки лопату — хотя по первоначальному

замыслу меня приглашали именно как археолога.

— Вы хорошо поработали, — сказал мне Кларк, когда мы с ним сидели в самолете, взявшем курс на Преторию и Йоханнесбург. — Вы здесь кое-чему научились, не так ли?

— Еще бы!

В Южной Африке, как и в Найроби, опять-таки благодаря Кларку, я получил возможность взглянуть на коллекции ископаемых остатков, на те самые находки, которые Брум собственноручно извлекал из брекции пещер Стеркфонтейна и Кромдрая. На один из черепов — знаменитую «миссис Плез» — я смотрел почти с благоговением. Это был образец *Australopithecus africanus*, отличавшийся великолепной сохранностью. Я взял череп, потрогал пальцами многочисленные швы между мелкими костными фрагментами, собранными четверть века назад умелыми руками самого Брума. И я снова спросил себя, доведется ли мне когда-нибудь сделать нечто подобное? Я разглядывал находки Робинсона, огромную коллекцию Дарта из Макапансгата — легендарные открытия легендарных людей. Вот они все передо мной — сотни ископаемых костей. До этого момента я как-то не понимал, насколько обширны южноафриканские материалы. Правда, в большинстве своем они состояли из челюстей и зубов, но ведь именно это и было моей специальностью. По договоренности с Хоуэллом я занялся их анализом. Предложенная мной система кодирования отлично работала. Мы собрали огромное количество данных и решили на их основе написать в будущем году совместную статью. Но мы так и не сделали этого — были настолько заняты, что на статью уже не хватило времени.

Я уехал из Южной Африки с живым ощущением реальности австралопитеков, которого прежде никогда не испытывал. Десятки челюстей и сотни зубов, просмотренных

мною, как бы воскресили их владельцев. Я смог отчетливо видеть характер стертости зубов — небольшие плоские участки, образовавшиеся на их поверхности в процессе жевания один или два миллиона лет назад, сохранились в окаменевшем виде с точностью, недостижимой при изготовлении гипсовых отливок. Благодаря этим стершимся зубам особи, которым они принадлежали, явились передо мной во плоти и крови — жующими и переваривающими пищу.

Мне, так же как Хоуэллу и в свое время Бруму и Робинсону, было ясно, что существуют две разновидности австралопитековых. Я начал улавливать, каким образом особенности зубов, челюстей, формы черепа и мест прикрепления мышц сочетаются с массивным или грацильным типом. Установить принадлежность отдельного зуба не всегда возможно; у некоторых зубов диапазоны изменчивости величины и формы, свойственные двум типам, даже несколько перекрываются. Однако весь комплекс признаков делает различие совершенно ясным. У массивного типа более мощные челюсти; моляры крупнее, шире и с более толстым слоем эмали; отчетливо выражены премоляры; сильно развита жевательная мускулатура; на голове костный гребень, служащий для прикрепления мышц. Все эти признаки, вместе взятые, говорили об одном — о мощном развитии жевательной функции у массивных австралопитеков. Судя по всему, *Australopithecus robustus* специализировался на грубой растительной пище: корнях, почках, стеблях. Грацильные австралопитеки были менее приспособлены к ней.

Именно к этому выводу пришел Робинсон десять с лишним лет назад в знаменитой монографии о зубах австралопитековых. Теперь я своими глазами убедился, что он прав. Я уезжал, искренне восхищаясь работой этого исследователя — не только убе-

дительностью его логических построений, но и скрупулезностью в описании отдельных находок. Будучи учеником Хоуэлла, я привык высоко ценить точность изложения. На мой взгляд, робинсоновские описания ископаемых остатков можно считать образцовыми. Находясь в Африке, я решил, что если когда-нибудь мне удастся самому найти окаменелость, то при ее описании я использую «модель» Робинсона.

Вернувшись в Омо, я попытался проверить свои впечатления на Кларке.

— Вы знаете, эти массивные моляры выглядят как бы продолжением грацильных. Те же зубы, только с более выраженными признаками.

— Угу.

— Со временем они увеличиваются и делаются более специализированными.

— Так, так.

— Тогда, может быть, это адаптация, которая начинается у грацильных типов и продолжается у массивных?

— Вполне возможно.

— Постепенно они становятся все крупнее и, наконец, превращаются в «массивные».

— Может быть.

— Но если *africanus* превращается в *robustus*, то разве может он быть одновременно предком *Homo habilis*?

Кларка трудно было загнать в угол. Я настаивал: «Как мы сможем это объяснить?».

— Со временем.

— Нужны новые данные?

— Новые находки.

— Но мы только что просмотрели огромную коллекцию.

— Они плохо датированы.

— Но ведь мы знаем, что *robustus* моложе.

— Насколько моложе? — спросил Кларк. — Вы можете это сказать? А я должен знать точно. Мне нужны новые находки, лучшей сохранности, с хорошими датировками и из других мест.

— Мне кажется, нам всегда будут нужны новые находки.

— Угу.

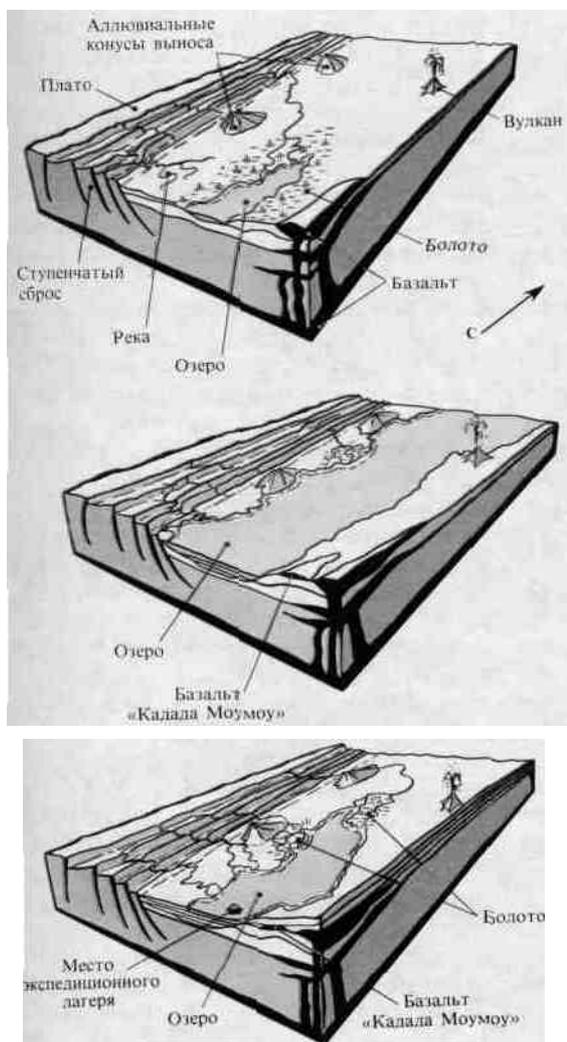
На протяжении всей зимы я продолжал заниматься в аспирантуре и работать над диссертацией, а лето 1971 года снова провел в Омо. К концу полевого сезона я стал неплохо разбираться в плио-плейстоценовых млекопитающих и хорошо понял, с какими трудностями связана разработка стратиграфии геологически сложных районов и точная датировка. Моя квалификация «охотника за окаменелостями» значительно возросла, и пару раз я нашел даже остатки гоминид.

Кое-что я узнал и о подводных камнях, подстерегающих комплексные экспедиции. У французов все было не так, как у американцев: и финансирование экспедиции, и поддержка со стороны посольства, и отношение к работе.

Первоначально оба исследовательских лагеря находились друг от друга на значительном расстоянии. Но после смерти Арамбура Коппанс предложил Хоуэллу передвинуться ближе к французской территории и начать работу на небольшом участке в ее северном конце. Теперь от французов нас отделяла дорога, ведущая к реке; ее стали называть ДМЗ¹ -этот рубеж запрещалось переходить при поисках ископаемых.

Экк рассказывал, что до моего приезда в Омо французы относились к американцам чуть ли не как к «публике второго сорта». Это бесило его. Он вспоминал, например, историю с посадочной площадкой. Каждый год, приехав на место, американцы первым делом начинали заниматься ее сооружением. В течение трех дней они вручную с помощью ножей выкорчевывали растущую пучками траву на полосе шириной в

¹ Демилитаризованная зона.-Прим. пер.

Три этапа в геологической истории Хадара, связанной с изменениями климата, землетрясениями и вулканической активностью. Вверху представлено состояние местности 4,0-3,6 млн. лет назад, с небольшим озером, формирующимся в низине. С плато и с горных хребтов, расположенных на западе, в долину уже устремился поток наносных пород, образовав ряд аллювиальных конусов выноса. Вулкан (в нижнем правом углу) извергает базальтовые породы. На среднем рисунке (3,6-3,3 млн. лет): реки, прорезавшие плато, приносят все больше ила и гравия в озеро, которое благодаря более влажному климату значительно увеличилось в размерах. На нижнем рисунке (3,3-2,6 млн. лет): климат вновь изменился, стал более засушливым, и озеро уменьшилось. Гоминиды жили вдоль края воды на протяжении всего представленного здесь периода (4,0-2,6 млн. лет). Слой базальта «Кадада Моумоу», возраст которого определял Джеймс Аронсон, был скрыт под толщей аллювиальных отложений. Нынешний Хадар — почти пустыня. Озеро исчезло, сохранилась лишь небольшая речушка Аваш, на берегу которой расположился наш лагерь. Слой базальта вновь оказался на поверхности.

полсотни футов и длиной в полмили. Это был тяжелый, изнурительный труд, но он был необходим, так как иначе пропеллер сдувал пыль в промежутках между пучками и дорога делалась настолько ухабистой, что можно было запросто поломать крыло самолета. Каждый год американцы стойчески расчищали площадку, а французы, едва она была готова, тотчас начинали ею пользоваться — «даже не поблагодарив нас, — рассказывал Экк. — Это-то меня больше всего и злило. Я был тогда как бешеный».

Однако к моменту моего появления в экспедиции, особенно во время второго полевого сезона, когда я помогал Экку управляться с лагерным хозяйством, страсти улеглись и отношения между двумя отрядами наладились. Мне нравились французы. Я постоянно контактировал с ними и частенько заходил в гости.

Вскоре у меня появились друзья среди французских ученых. Осенью, вернувшись в Париж для окончания работы над черепами шимпанзе, я навестил их. Однажды на какой-то вечеринке меня представили молодого-

му геологу по имени Морис Тайеб, который с интересом отнесся к моему рассказу о южной Эфиопии.

— Я сам собираюсь в Эфиопию, — сказал Тайеб.

— Вы? И куда же?

— В Афарский треугольник, к северо-востоку от Аддис-Абебы. Тема моей диссертации — геологическая эволюция долины реки Аваш.

Он объяснил мне, что это место представляет особый интерес, так как здесь сходятся три рифтовые системы. Их история связана с движением тектонических плит, огромных континентальных массивов, которые, как стало теперь известно, перемещаются по поверхности земли. Всего лишь четверть века назад мысль о том, что континенты движутся, почти у всех ученых вызывала только усмешку. В этом мире, где все изменяется, если что-то и признавали стабильным, так именно материками.

Однако немецкий геолог Альфред Вегенер доказывал, что это не совсем так. Пораженный сходством очертаний Южной Америки и Африки, он высказал предположение, что эти континенты некогда плотно примыкали друг к другу, а потом разошлись в разные стороны. Он начал собирать данные в поддержку своей теории и обнаружил на обоих континентах сходные геологические формации и элементы сходства в фауне и флоре.

Идеи Вегенера получили признание только в 50-х годах, когда началось изучение дна Мирового океана. В океанах были обнаружены грандиозные продольные трещины, наполовину опоясывающие земной шар, через которые происходит непрерывный выброс вулканических пород, извергающихся из недр земли и расталкивающих континентальные плиты в разных направлениях. Последние достижения в области лазерной техники позволяют даже измерить скорость этого «дрейфа континентов».

Великая Рифтовая долина в Африке — это тоже одна из континент-

тальных щелей, продолжение подводной трещины, которая начинается в Антарктике; эта щель пересекает Африку, проходя через Танзанию, Кению и Эфиопию, и оканчивается в Мертвом море, между Израилем и Иорданией. Рифты — самые беспокойные зоны земной коры. Здесь силы, бушующие в недрах земли, выплескиваются наружу, создавая цепь вулканов, рождающихся и умирающих на протяжении миллионов лет. Олдувайское ущелье с его исчезнувшим озером и окружающими вулканами, потухшими и действующими, — это часть рифта. Туркана — небольшое рифтовое озеро. Красное море-водоем посолоннее. Африка раскалывается вдоль этого шва: одна часть ее со скоростью несколько сантиметров в столетие скользит по направлению к Аравии, другая — приближается к Европе. Именно в результате того, что эта вторая, северо-западная плита теснит европейскую, на последней образовалась складчатость, известная под именем Альп.

Афарский треугольник — одно из редких мест на Земле, где сталкиваются три рифтовые системы. Тайеб, занимаясь там картографическими работами, обнаружил обширную зону выветренных отложений, содержащих ископаемые остатки, по его мнению плио-плейстоценовые. Они были разбросаны по всей территории и, как ему показалось, отлично сохранились. Не будучи палеонтологом, он, конечно, не имел ни малейшего представления, кому они принадлежат.

— Вам надо бы поехать со мной и заняться ими, — сказал Тайеб.

Это было в высшей степени заманчивое предложение. Проработав два сезона в Омо, я начал думать, что там никогда не будет сделано выдающихся находок гоминид. Между тем я знал о ряде весьма перспективных мест, расположенных вдоль северного рифта. Например, Кооби-Фора, где работал Ричард Лики. А что если Афар окажется не хуже и по количе-

ству, и по качеству находок? Ричард рискнул и напал на золотую жилу. Может быть, и мне повезет?

С другой стороны, мои личные дела находились в крайне запутанном состоянии. Я не закончил диссертацию, не мог пока рассчитывать на преподавательскую работу, не имел лишних денег. Я уже дал согласие приехать еще на один сезон в Омо. Хотя я женился всего два года назад, моя семейная жизнь разваливалась на глазах из-за интенсивной работы, поглощавшей все свободное время, и продолжительных отлучек, связанных с экспедиционными выездами.

Но если я откажусь, Тайеб наверняка пригласит кого-нибудь другого. Он показал мне несколько фотографий афарских окаменелостей. Я тотчас узнал их: пара зубов плиоценовых свиней; необычайно хорошо сохранившийся череп слона. Этот череп и решил мою судьбу. Для человека, заиклившись на далеком прошлом, эта фотография была тем же, чем будет редкостная марка для филателиста — непреодолимым соблазном, стоящим любого риска.

«Хорошо, едем», — сказал я, понадеявшись, что так или иначе найду способ увязать путешествие в Афар с массой других дел, которыми мне предстояло заняться. Мы договорились, что вместе с Тайебом я приму участие в недолгой рекогносцировочной экспедиции в апреле-мае 1972 года, до начала полевого сезона в Омо. Чтобы попасть в Афар, я воспользуюсь своим авиабилетом, сделав дополнительную остановку в Аддис-Абебе. Все остальные проблемы я тоже рассчитывал как-нибудь разрешить.

Когда, вернувшись в Соединенные Штаты, я обо всем рассказал Кларку, он счел мои действия крайне неразумными.

— Вам нужно закончить диссертацию и получить степень, — втолковывал он. — Без нее вы ничто: ни денег, ни карьеры.

Я задумался.

— Вы не сможете даже добиться денежной субсидии, — добавил Кларк.

После этого разговора я чувствовал себя подавленным. Однако через несколько недель на горизонте блеснул луч надежды: я получил предложение вести курс антропологии в университете «Кейс-Вестерн» в Кливленде. Отправившись туда, чтобы обсудить условия, я ошеломил своих работодателей заявлением, что смогу осенью приступить к чтению лекций, если получу аванс в 1000 долларов для летних полевых исследований.

Молодой человек, не закончивший аспирантуру, вообще не может претендовать ни на какие денежные субсидии, пока его не приняли на работу. Не знаю, как я осмелился заикнуться об этом. Но, видимо, иногда нужно идти напролом. Мне повезло, что я познакомился с Тайебом, и еще раз повезло, когда я получил предложение из Кливленда. Услышав о тысяче долларов, администраторы факультета потеряли дар речи. Однако я был нужен, приехал с отличными рекомендациями, и мне все-таки выдали необходимую сумму.

Прибавив к ней все свои сбережения — 600 долларов — я отправился в путь. Мы встретились с Тайебом в Аддис-Абебе и провели в городе целую неделю. Обзавелись примусом, который одолжили у четы американцев, любившей путешествия и походы, палаткой, взятой на время у знакомого Тайебу голландца, банками консервов. Мне удалось купить спальный мешок. Тайеб раздобыл пару видавших виды лендроверов в Национальном центре научных исследований — организации, субсидирующей деятельность французских ученых и имеющей отделения во многих странах мира, в том числе и в Эфиопии. Но самым ценным приобретением было разрешение на проведение научных изысканий, которое Тайеб получил в министерстве культуры Эфиопии. Запасшись всем необ-

ходимым, мы устремились на север. Дорога постепенно шла вниз, мы спустились с центрального высокогорного плато и оказались в жаркой засушливой местности, совершенно плоской и безмолвной. Если бы не редкие встречи с афарами, пасущими своих коров, коз и верблюдов, можно было подумать, что в этом краю вообще нет ничего живого.

Вскоре мы выехали на дорогу, которую сооружала европейская строительная компания «Трапп» от Аддис-Абебы до Ассаба. Эта дорога стала для нас своеобразным плацдармом: остановка в одном пункте, быстрый осмотр местности, потом переезд, снова остановка на день или два и т. д. Такими «наскоками» мы старались охватить как можно большую территорию в максимально сжатые сроки. Мы подружились с рабочими, строившими дорогу. Эти одинокие люди были рады приютить нас, поделиться запасами воды и пищи, чтобы иметь возможность пообщаться и посидеть вечером в компании за бутылкой вина. Как-то раз Тайеб, желая поразить всех, приготовил на походном костре блюдо жареных бананов, перед тем обильно полив их коньяком.

Мы взяли себе проводника-афара по имени Али Аксинум. Он помогал находить почти исчезнувшие тропы, показывал, как спуститься в овраг или высохшее русло реки («вади») и как потом выбраться, знакомил с местными названиями рек, гор и деревень, которые мы по мере продвижения наносили на карту. Нам удалось найти часть тех отложений, которые Тайеб видел раньше. Как он и говорил, они изобиловали ископаемыми остатками исключительной сохранности. В одном месте мне попался почти целый скелет гверцы — многообещающая находка для антрополога.

— Ну что, можно сравнить это с Омо?
— без конца спрашивал Тайеб.

— Здесь гораздо лучше, — отвечал я. Особенно хороши были два места,

Хоуна и Леаду, — обширные, сильно расчлененные эрозией участки площадью в несколько сотен квадратных километров и древностью в 2-2,5 млн. лет. Мне очень хотелось задержаться для их обследования, но Тайеб уверил меня, что у него на примете есть кое-что получше. Мы искали это заветное место целый день, петляя по территории, однообразной и ровной, как бильярдный стол. Наш проводник Али, нажевавшись листьев растения «кат», обладающих наркотическим действием, как видно, потерял ориентировку и заблудился. Несколько раз мы застревали в занесенных песком руслах высохших рек и нам с трудом удавалось выбраться оттуда. И вдруг, уже на закате, перед нами внезапно открылась сильно изрезанная местность, простиравшаяся до самого горизонта. В косых лучах заходящего солнца слои выветренных отложений отсвечивали разными цветами. В глубине одного из оврагов журчала небольшая речушка.

— Вот оно, — сказал Тайеб.

— Хадар, — добавил Али.

Я в жизни не видел ничего похожего. Мы сделали привал на самом краю, и ночью нас едва не сдуло вниз порывами ветра, бушевавшего на равнине. Позже я узнал, что на дне «вади», к сожалению, царит полное безветрие — там настоящее пекло. Мы поднялись на рассвете. Больше часа ушло на то, чтобы спуститься на лендровере в зону эродированных отложений. Здесь мы могли разъезжать, как нам заблагорассудится, — в любую сторону, минуя овраг за оврагом, на ходу восхищаясь их прекрасной стратиграфией и очевидным обилием окаменелостей. Словом, это был край, о котором палеоантрополог мог только мечтать.

Мы пробыли там три дня, составив небольшую коллекцию хорошо сохранившихся черепов и длинных костей млекопитающих. Я собирал также зубы свиней, которые хотел сравнить с образцами из Омо для опреде-

ления возраста. Благодаря знакомству с окаменелостями Омо я был почти уверен, что отложениям Хадара около трех миллионов лет, но мне хотелось бы иметь на этот счет точные данные. Ив Коппанс, по договоренности с Тайебом присоединившийся к нам незадолго до того, как мы попали в Хадар, поддержал мое мнение относительно возраста отложений. Будучи руководителем французского отряда в Омо, он хорошо знал относительную хронологию. «Свиньи те же самые, — сказал он, — но место гораздо лучше».

Возвратившись в Аддис-Абебу, мы с Тайебом и Коппансом пришли к соглашению об организации совместной экспедиции. Было решено строить работу на равноправных интернациональных началах и не допускать тех сепаратистских настроений, которые так затрудняли проведение исследований в Омо. Финансовые дела и набор персонала оставались в самостоятельном ведении руководителей групп, но работа должна была проводиться совместно всеми участниками экспедиции. Тайебу отводилась роль главного геолога, Коппансу — главного палеонтолога, мне — главного палеоантрополога. Мы заключили формальное соглашение, упомянув в нем наши многочисленные обязанности. Так возникла Международная афарская научно-исследовательская экспедиция. Я поехал в Омо, провел там все лето, потом вернулся в Штаты, начал преподавать, лихорадочно работая по ночам и выходным, чтобы закончить свою гигантскую диссертацию о зубной системе шимпанзе, которая в конечном виде, несмотря на все сокращения, занимала 450 страниц. Защитив ее и получив степень доктора философии, я обратился в Национальный научный фонд с просьбой предоставить мне 130 тысяч долларов на два года полевых исследований. Фонд счел возможным выделить 43 тысячи долларов.

Я взял двух человек: Джина Доула,

который представил отличные рекомендации, и Тома Грея, явившегося без оных. Грей изучал археологию в университете «Кейс-Вестерн». На факультете Грея считали ленивым и ненадежным студентом, но я придерживался иного мнения, ибо знал о его необыкновенной эрудиции и чувствовал, что он окажется незаменимым помощником в поле.

Отбор людей, с которыми еще не приходилось работать, — это сплошная лотерея. Никогда не знаешь, как себя проявит человек, пока не поживешь с ним бок о бок. Доул был серьезным специалистом, но экспедиционный быт оказался для него слишком тяжелым. Он с трудом переносил жару, боялся слухов о военных действиях на эфиопской границе, все время жаловался на плохое самочувствие и на следующий год не приехал в Хадар. Зато Грей, которого считали плохим студентом и едва не отчислили с факультета, оказался настоящей находкой. Очевидно, Хадар послужил стимулом для проявления его энергии и способностей. Вскоре Грей стал моим помощником и незаменимым партнером.

Между тем Тайеб тоже набирал людей в свой отряд. В их числе были художник и ученый Гийемо и две молодые женщины, которые впоследствии принесли неоценимую пользу экспедиции: ботаник, знаток ископаемой пыльцы Раймонда Бонфий и геолог Николь Паж. Французский отряд по численности превышал американский, но субсидии, предоставленные ему Национальным центром научных исследований, были гораздо меньше, чем у нас. Поэтому еще до окончания первого полевого сезона мне пришлось всячески помогать французским коллегам.

Было решено, что работы в Афаре начнутся осенью 1973 года, сразу после закрытия важной антропологической конференции в Найроби, где обсуждались находки из различных мест вокруг озера Рудольф (Туркана). Конечно, в основном речь шла

об Омо и Кооби-Фора. Хоуэлл и Коппанс долго распространялись о работе в Омо. Гвоздем программы, однако, был Ричард Лики, который впервые перед широкой аудиторией дал подробное описание своих находок. Это была настоящая сенсация. Ричард нашел не только множество различных костей массивных австралопитеков, но еще и великолепный череп, принадлежащий *Ното*, возраст которого по калий-аргоновому методу был определен в 2,9 млн. лет. Череп и его датировка произвели ошеломляющее впечатление.

Я тоже присутствовал на конференции, но старался держаться незаметно. Ведь я еще ничего не нашел, а только застолбил территорию и надеялся на удачу. На фоне блистательных открытий Лики я чувствовал свою незначительность. Когда Ричард спросил о моих планах, я стал рассказывать ему о Хадаре.

— И вы надеетесь найти там гоминид?
— поинтересовался он.

— Более древних, чем ваши, — храбро ответил я. — Держу пари на бутылку вина, что так оно и будет.

— Хорошо, — сказал Ричард.

Глава 6

Кооби-Фора: триумф *Ното habilis*

Я только нахожу окаменелости и предоставляю специалистам давать им названия.

Ричард Лики

Задача науки в том, чтобы находить наиболее простые объяснения сложным фактам. Поскольку простота — конечная цель наших поисков, легко впасть в ошибку упрощения самих фактов. Каждый естествоиспытатель должен следовать девизу: «ищи простоту, но не доверяй ей».

Альфред Норт Уайтхед

За годы, прошедшие после того, как Ричард Лики уехал из Омо и обосновался в Кооби-Фора, он превратился из безвестного проводника и охотника в одного из самых выдающихся молодых антропологов мира. Кенийское правительство оказывало ему финансовую помощь и вскоре предложило возглавить все палеоантропологические исследования в стране. Национальное географическое общество США тоже покровительствовало ему, как прежде его отцу. Статьи о Ричарде в номерах журнала *National Geographic*

читали миллионы людей.

Попасть в Кооби-Фора намного проще, чем в Омо, но все же не так легко. Сначала нужно добраться до Марсабита, единственного города в северной приграничной части Кении, куда ведет хорошее шоссе из Найроби. Потом остается преодолеть еще около двухсот миль, но уже по плохой дороге — проехать едва заметной колеёй через солончаковую пустыню, а затем взять курс на север и пересечь каменистое плато, усеянное вулканическими валунами, — это выдержат только са-

мые крепкие машины. Всем известны романтические фотографии Ричарда Лики, едущего по выжженной солнцем пустыне верхом на верблюде и подстегивающего его прутиком. Однако лучше всего воспользоваться грузовиком, лендровером или небольшим самолетом. За годы, проведенные в Кооби-Фора, Лики научился управлять самолетом и мог посадить его на площадке около мыса, где был расположен экспедиционный лагерь. Именно на этом выступающем в озеро участке суши Лики и разместил свою штаб-квартиру. В 1969 году он был по горло занят расшифровкой крайне сложной стратиграфии восточного края озера Рудольф (Туркана). Уровень озера в прошедшие эпохи многократно поднимался и опускался, так что слои из разных мест не всегда соответствовали друг другу из-за вмешательства эрозионных процессов или позднейших включений различного материала. Например, река сравнительно недавнего происхождения могла оставить свой след в виде слоев песка или гравия, а затем исчезнуть; теперь ничто уже не будет напоминать о ее существовании, кроме этих причудливых наносов, приводящих в недоумение ученых.

Геологи, работавшие в Кооби-Фора, постепенно реконструировали стратиграфическую колонку отложений, относящихся к периоду времени от трех до одного миллиона лет. В нее входило несколько «эталонных» слоев вулканического туфа с точными калий-аргоновыми датировками. Один из них, открытый молодой сотрудницей Йельского университета Кей Беренсмейер, был назван туфом KBS и обессмертил ее имя. Он имеет первостепенное значение, так как расположен посередине между нижним эталонным слоем и другим, находящимся выше. Благодаря такому промежуточному положению он позволяет датировать множество окаменелостей, найденных непосред-

ственно под ним или над ним.

Помимо форсирования геологических исследований, Ричард Лики предпринял еще один важный организационный шаг, обучив группу местных кенийцев искусству находить и идентифицировать ископаемые кости. Вскоре эти люди стали знатоками своего дела: им принадлежит большинство самых известных находок, сделанных в районе Кооби-Фора, а их руководителя Камоя Кимеу считают сегодня лучшим специалистом по розыску ископаемых гоминид в Восточной Африке.

Едва были начаты поиски, находки на трех участках не заставили себя ждать. Один из этих участков, начинаясь буквально у самого лагеря, 10-мильной полосой протянулся от края озера в глубь суши; второй лежал примерно в 12 милях к северу от лагеря, а третий, пожалуй самый продуктивный, — в Илерете, в 25 милях севернее. Повсюду видны были результаты смещения слоев вверх или вниз в одном месте по сравнению с другим — эрозионные размыты. Геологам приходилось разбираться в этой путанице и устанавливать аналогии между различными участками, т. е. распознавать сходство в чередовании горизонтов, обнаруженных в разных пунктах. Такие сопоставления позволяли датировать находки даже в тех случаях, когда вулканические эталонные слои были разрушены эрозией, — по единообразию напластований.

Гоминиды, которых стали в изобилии находить участники экспедиции в Кооби-Фора, относились к массивным австралопитекам. Были также обнаружены остатки менее крупных особей, сходных, по мнению Лики, с Синди, Джорджем и Твигги — загадочными находками *Homo habilis* из Олдувая. Это необычайно обрадовало Ричарда. Подобно отцу, он был одержим идеей существования древнейшего *Homo* и надеялся не только подтвердить обоснованность выделения *Homo*

habilis в самостоятельный вид, но и значительно увеличить его возраст. Для этого в Кооби-Фора были все возможности: отложения — толще и богаче, чем в Олдувае, — относились к более древним эпохам, а сохранность находок была намного лучше.

В 1972 году Ричард Лики объявил сногшибательную новость: под слоем KBS найден прекрасно сохранившийся череп. Поскольку возраст самого туфа, по определению двух английских знатоков калий-аргонового метода, составлял 2,6 млн. лет, древность черепа была еще больше, по подсчетам Лики около 2,9 млн. лет.

— Как вы его назовете? — спросили у Ричарда во время одного интервью.

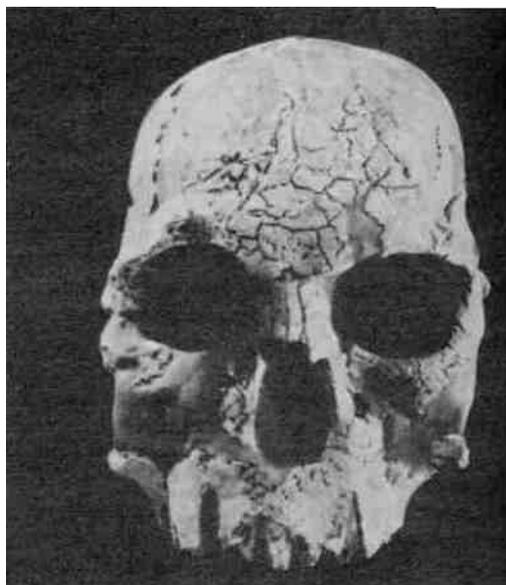
— Просто *Homo*. Я не буду давать видового названия, это не моя область. В районе озера Туркана я различаю всего два типа гоминид:

всех массивных отношу к австралопитекам, всех грацильных — к людям.

Новой находке был присвоен шифр KNM-ER 1470. Это означало: Kenya National Museum — East Rudolf¹, череп № 1470 (порядковый номер в коллекции). По какой-то причине он не получил никакого прозвища и стал известен как «1470-й». Это одна из самых знаменитых находок нашего столетия. Если кто-нибудь произнесет цифру 1470 в обществе палеоантропологов в любой части света, все сразу поймут, о чем идет речь.

Да, это был *Homo*, и притом какой! Череп тоньше, выше и более округлый, чем у любого из австралопитеков; но самое поразительное — это его емкость 777 см³. Абсолютно точная цифра, никаких «если», никаких оговорок, как в случае с олдувайскими находками: череп 1470 сохранился практически полностью. Его собрала из множества кусочков, подобно головоломке, жена Лики-

¹ Кенийский национальный музей — Восточный Рудольф (англ.).-Прим. перев.

Череп 1470 — наиболее драматичное из открытий Ричарда Лики в Кооби-Фора и вообще одна из самых важных находок ископаемых гоминид. Перед нами несомненный *Homo*. Череп сохранился гораздо лучше, чем остатки *Homo habilis* из Олдувая, и вмещал более крупный мозг. Вначале возраст находки был определен почти в три миллиона лет. Цифра вызвала недоумение, так как была значительно больше возраста многих австралопитеков — предполагаемых предков человека. Последующая датировка по более чистым образцам туфа показала, что черепу 1470 меньше двух миллионов лет.

младшего, Мив, когда сам Ричард и несколько других ученых отказались от этой тяжелой работы: чересчур много осколков, они слишком малы, их можно соединить многими способами... Мив, действуя медленно и чрезвычайно осторожно, сумела реконструировать череп. Она тщательно подыскивала место для очередного фрагмента, каждой новой победой приближая решение задачи.

Находка черепа № 1470 ошеломила всех, кроме Луиса Лики. Он был безмерно доволен, так как подтверждалась его точка зрения: человечество имеет древнюю, очень древнюю историю, — доказательства ког-

да-нибудь появятся. Для Луиса это было одно из немногих ярких событий года. Старый, неизлечимо больной, он с трудом нес на себе бремя многочисленных обязательств, от которых не хотел отказываться. Для отца особая радость заключалась в том, что сын своей поистине сенсационной находкой рассеял тень недоверия, нависшую над последним, самым главным из его притязаний — требованием признать *Homo habilis* самостоятельным видом. Это был великий момент, особенно своевременный еще и потому, что шел 1972 год — год смерти Луиса.

В «1470-м» ученых поражаало удивительное сочетание человеческих признаков с поразительной древностью. Другие находки *Homo habilis* — Синди, Джордж, Гвигги — имели возраст от 1,5 до 1,8 млн. лет и среднюю емкость черепа 640 см³. Объем черепа из Кооби-Фора был существенно больше, а возраст — на миллион лет старше.

Такого рода внезапные откровения выбивают палеоантропологов из колеи. Им нужно посидеть в одиночестве и основательно подумать, прежде чем они привыкнут к мысли, что их генеалогические схемы могут оказаться совсем неверными. Ведь открытие черепа 1470 ставило под сомнение многие общепринятые взгляды относительно родственных отношений древнейших гоминид.

Прежде всего становилось совершенно ясно, что массивные австралопитеки не были предками человека. Самым древним ископаемым остаткам этого типа, найденным в Омо, насчитывалось около двух миллионов лет. Древнейшие образцы из Кооби-Фора были примерно того же возраста. Если цифра в 2,9 млн. лет для черепа 1470 верна, то элементарная логика говорит, что его обладатель не мог произойти от существ, которые были по меньшей

мере на 3/4 миллиона лет моложе его.

Та же логика подсказывает вопрос : *а были ли вообще австралопитеки среди предков «1470-го»?* И тогда мнение Луиса Лики, что их не следует включать в число наших прародителей, покажется не столь уж беспочвенным. Правда, большинство ученых считали, что для этой роли подойдет грацильный тип, *Australopithecus africanus*, но после находки черепа в Кооби-Фора даже такая идея сделалась менее правдоподобной. Все опять-таки упиралось в датировки. Возраст грацильного типа из Южной Африки еще не был достоверно установлен, но накапливалось все больше данных в пользу того, что он составляет от 2 до 2,5 млн. лет. В Омо было найдено несколько зубов гоминид возрастом 2-3 миллиона лет, но в столь плачевном состоянии, что Кларк Хоуэлл смог лишь констатировать их принадлежность австралопитекам, не уточняя, были ли это остатки грацильных форм, их предков или что-то иное. Во всяком случае, ни на севере, ни на юге Африки в то время не было хорошо сохранившихся остатков австралопитеков возрастом больше 2,9 млн. лет, способных претендовать на роль предков «1470-го».

Правда, в северной Кении были обнаружены две более древние находки гоминид: плечевая кость из Канапой насчитывала около четырех миллионов лет и фрагмент челюсти с сидевшим в ней моляром из Лотагама — около пяти с половиной миллионов лет. Однако эти костные остатки находились в таком плохом и фрагментарном виде, что классифицировать их точнее, чем «гоминиды», не представлялось возможным. Никто не знал, кому они принадлежали — собственно австралопитековым, их предкам или двоюродным братьям. Они уже относились к той отдаленной эпохе, где сами черты гоминид становятся расплыв-

Луис Лики во время визита в Кооби-Фора незадолго до своей смерти рассматривает ископаемый череп, найденный его сыном Ричардом. Оба Лики в течение ряда лет не были связаны профессиональными узами, но в по-

чатыми.

Итак, после невероятного открытия Ричарда Лики все коллекции австралопитековых были спешно пересмотрены, и стало ясно, что череп 1470, обладающий гораздо более прогрессивными чертами, по древности ничуть не уступает им. Иными словами, одна из безусловно старейших и наиболее сохранившихся ископаемых находок гоминид принадлежала человеку, а не австралопитекам, хотя последние во многом были гораздо более примитивными. Все это с трудом укладывалось в голове.

Однако стоило вспомнить о *Homo habilis*, и положение не казалось таким запутанным. Акции человека умелого неожиданно и резко поползли вверх. Как уже говорилось, Ричард Лики сознательно не хотел

следние годы жизни Луиса объединились; этому способствовали находки Ричарда, будто бы подтверждавшие представление отца об изолированности и исключительной древности линии *Homo*.

давать черепу 1470 видовое название. «Я просто буду звать его *Homo*», - неоднократно повторял он. Другие ученые без труда установили связь между «1470-м» и тремя олдувайскими находками *Homo habilis*. Теперь узкий промежуток времени, в который с трудом втискивались Синди, Джордж и Твигги, растянулся до миллиона лет. Это позволяло свободно поместить туда отдельный вид, которым, по общему мнению, и был человек умелый.

Конечно, у *Homo habilis* оставались и противники. Из них главным был К. Лоринг Брейс из Мичиганского университета. В течение многих лет Брейс разрабатывал чрезвычайно простую родословную схему. Ярый «объединитель», он сводил к минимуму число видовых названий, предпо-

читая объяснять различия между ископаемыми находками огромной *внутривидовой* изменчивостью, вместо того чтобы создавать новые таксономические единицы. Родословная человека, согласно Брейсу и его приверженцам, имела вид прямой линии: *Australopithecus* -> *Homo erectus* -> *Homo sapiens*. Это означало, что все австралопитеки вместе с *Homo habilis* попадали в один вид. Достоинством схемы Брейса была ее простота, но после открытия «1470-го» пользоваться ею можно было лишь с большой натяжкой. Не так давно Брейс нашел выход из положения, отделив массивных австралопитеков, но он продолжает относить грацильные формы и человека умелого к одному виду.

Ричард Лики решает проблему иначе. До последнего времени он отказывался признать существование грацильных австралопитеков в Восточной Африке. Все грацильные формы, по его мнению, относятся к роду *Homo*, а все массивные — к австралопитекам. Но оба они — и Брейс, и Лики — не делали различий между *Australopithecus africanus* и *Homo habilis*. Они сваливали их в одну кучу, но прикрепляли разные ярлычки.

И здесь перед нами вновь встает извечный вопрос: каково определение «человека»? Или в более широком плане: каково определение вида? Или еще шире: а должно ли это нас волновать? Сперва ответим на последний вопрос: да, должно. Основу всякого научного познания составляет разумная классификация данных. Эволюцию нельзя было бы понять или проследить, не продемонстрировав на цепочках окаменевших остатков, что она вообще происходила. Эти остатки невозможно соединить в цепи и дать им названия, если путем тщательного описания и выявления различий не установить их родственные отношения. Мы не сможем уяснить себе, как произошел человек — где, когда и почему, —

если не изучим все стадии этого процесса. И вот тут возникнет необходимость наименования видов, так как теперь уже невозможно утверждать, будто вымерший древний человек не отличается от современного. В конце концов вопрос сводится к следующему: сколько видов будет выделено?

Что касается определения вида, то, согласно Эрнсту Майру, вид есть «группа свободно скрещивающихся природных популяций, в репродуктивном отношении изолированных от других подобных групп». Таково классическое определение биологического вида. Ле Гро Кларк развивает его, добавляя, что вид — это «генетическая совокупность, генетически изолированная от других видов».

Оба ученых подчеркивают роль изоляции, так как только в изоляции, при невозможности свободного обмена генами, в группе животных или растений постепенно начинают возникать функциональные или морфологические отличия. Изоляция может быть физической, когда, например, пустыня или океан разделили в прошлом единую популяцию на две. Она бывает и поведенческой, если особи двух популяций избегают друг друга в качестве партнеров для спаривания. Разумеется, собаки не скрещиваются с кошками не только по этой причине, но и потому, что генетические различия между двумя группами делают это абсолютно невозможным. Сегодня даже путем искусственного осеменения бесполезно пытаться получить «кошечат» (или как их можно еще называть?) — гибридное потомство между этими двумя видами животных. Лошади и ослы, генетически более близкие между собой, чем собаки и кошки, при скрещивании производят на свет мулов. Однако это не противоречит определению вида, так как мулы стерильны. Репродуктивная изоляция сохраняется — потомство лошади и осла бесплодно.

Эти примеры касаются ныне живу-

щих видов, и их можно назвать «горизонтальными». Они относятся к определенному моменту времени — к современности — и показывают, что виды могут возникать в результате эволюции от общего предка в двух разных направлениях. Если два вида разделились сравнительно недавно, как в случае лошади и осла, то возможность скрещивания, хотя и не вполне успешного, еще сохраняется — мулы рождаются, но не способны размножаться. Вернемся на миллион лет назад и мы, быть может, обнаружим прародителей лошади и осла, которые могли производить на свет плодовых «мулов». Во всяком случае, два или три миллиона лет назад это наверняка было возможно. Современные лошади и осла еще не появились на сцене, а их общие предки свободно скрещивались с себе подобными. Только благодаря разделению популяций и постепенному накоплению различий между ними в конце концов появились два вида — лошадь и осел — вместо одного.

Изоляция в пределах одной популяции может также быть связана с ходом времени. Здесь она носит скорее вертикальный, чем горизонтальный характер. Нас интересуют нисходящие цепочки родственных звеньев и те изменения, которые происходят при смене поколений внутри групп, а не между ними. *Homo erectus* не стал родоначальником нескольких линий, потомки которых миллион лет спустя были бы биологически чужеродными. Сегодня люди из самых разных уголков земного шара могут вступать в брак и рожать детей. Но самого *Homo erectus* они вряд ли признали бы подходящим половым партнером. Смогла бы женщина, относящаяся к этому древнему виду, произвести с современным мужчиной плодородное потомство? Наверное, да; происшедшие с тех пор эволюционные изменения, видимо, не помешали бы успешному скрещиванию. Однако это не противоречит определению вида.

Современный человек и его далекий пращур — человек прямоходящий — никогда не обзаведутся общим потомством: они репродуктивно изолированы во времени. Вот почему где-то на пути эволюционных изменений можно провести границу, отделяющую один вид от другого, если, по мнению морфологов, возникшие между ними различия носят существенный характер.

Поскольку слово «существенный» разные люди понимают по-разному, споры о том, где проводить пограничную линию и проводить ли ее вообще, неизбежны. Лоринг Брейс признает существование заметных различий между грацильными австралопитеками и *Homo habilis*, но он считает их не столь значительными, чтобы можно было выделить человека умелого в самостоятельный вид. Он предпочитает подождать, пока эволюционные изменения станут более отчетливыми — мозг еще крупнее, пропорции черепа еще характернее, лицевая часть короче, а зубы больше похожи на человеческие, как у *Homo erectus*. Тогда можно без особых раздумий провести здесь разграничительную линию и отнести все более ранние типы к австралопитековым, а более поздние — к человеку. Многие ученые не согласны с Брейсом: они вставляют посередине человека умелого. И после находки черепа 1470 это добавление выглядит вполне уместным.

Далеко не все остались довольны датировкой в 2,9 млн. лет для «1470-го». Тем не менее цифра была объявлена и с осторожностью принята. Это означало, что найденный череп — одна из древнейших хорошо сохранившихся находок гоминид, а остатки предков этой формы следует искать в слоях возрастом в три и более миллионов лет. Впервые услышав о «1470-м» на конференции, где обсуждались находки с берегов озера Рудольф, я сразу же понял, что мне представляется бле-

стоящая возможность — отложениям Хадара *как раз* насчитывалось три миллиона лет.

— Если мне удастся найти там гоминид, — взволнованно объяснял я своему коллеге, — то это будут наши предки.

— Желаю успеха и надеюсь, что вам повезет.

— Возможно, они окажутся представителями рода *Ното*.

— Сомневаюсь.

— Почему? — удивился я. — «1470-му» 2,9 млн. лет, и он *Ното*.

— Не ссылайтесь на меня, но я думаю, что «1470-й» вовсе не так древен.

— Но ведь он найден под туфом KBS, возраст которого по калий-аргону 2,6 миллиона лет.

— В этой цифре есть что-то подозрительное. Судите сами. Вот мы перевалили за два миллиона и не нашли там ничего кроме горстки австралопитеков — примитивных существ с маленьким мозгом и нелепыми зубами. Прибавили еще полмиллиона, и вдруг откуда ни возьмись появляется «1470-й», настолько современный, что у вас волосы встают дыбом.

— Так вы думаете, что неверна датировка? — спросил я.

— Меня бы это не удивило.

У меня не было собственного суждения на этот счет — я не имел возможности как следует рассмотреть и изучить череп 1470. Однако во время визита в Кооби-Фора в 1971 году я воочию убедился, что стратиграфия этого района необычайно запутанна и с трудом поддается интерпретации. Отложения были очень поверхностными, подверженными эрозии, с включениями других столь же поверхностных отложений. К тому же вулканические «эталонные» туфы редко шли сплошным слоем. По большей части они прерывались в результате эрозии или сбросов, и их трудно было соотносить друг с другом. Но больше всего меня поразило то, что ископаемые остатки животных, об-

наруженные выше или ниже слоя K.BS, выглядели совсем не так, как находки древностью в 2,6 млн. лет из Омо. Теоретически окаменелости животных со сходной датировкой, разделенные расстоянием всего в 90 км, должны быть очень сходны. Ведь млекопитающие с широким ареалом, такие как слон, вполне могли переходить из одного места в другое, тем более что климат здесь и там был практически одинаковым.

Примерно в это же время Кларк Хоуэлл заметил Бэзилу Куку, специалисту по свиньям: «Свиньи из Кооби-Фора отличаются от наших той же древности. Там они выглядят гораздо моложе». «Согласен», — сказал Кук. За годы работы в Омо его интерес к ископаемым свиньям еще больше возрос.

Я вернулся в Кливленд к преподавательской работе. В ответ на расспросы моих студентов о «1470-м» я предложил им такое задание:

Представьте себе, что вы нашли новый череп. Вы знаете, что в нем помещался крупный мозг объемом почти 800 см³; что толщина свода не очень велика; что надбровные дуги не очень сильно выступают; что обладатель черепа был существом истинно прямоходящим, судя по строению костей нижних конечностей, найденных рядом и не отличающихся от костей современного человека; что череп был разбит на несколько сотен фрагментов, обнаруженных под слоем туфа древностью в 2,6 млн. лет. Сопоставьте эту находку с вашей моделью плиоплейстоцена и укажите, какое влияние она может оказать на современные представления о ранних стадиях эволюции гоминид, в частности на таксономическое деление австралопитековых (один или два вида?). Какую дополнительную информацию об этом открытии нужно иметь, чтобы решить возникшие в связи с ним проблемы?

Иными словами, мне хотелось знать, что думают *они*. Я надеялся, что они определят принадлежность черепа к роду *Ното*. Вместе с описанием я роздал фотографии, определенно свидетельствующие об этом. Но *если* это было человеческое существо, тогда возникал целый ряд проблем. Я решил, что поставлю высшую оценку тем, кто задастся вопро-

сом, были ли австралопитеки предками «1470-го», исходя из соотносительной древности находок, и тем, кто усомнится в датировках. «Отлично с плюсом» получит тот, кто заявит о своем желании подробнее узнать, как была сделана реконструкция, т. е. выразит сомнение в правильности определения размеров мозга. Это показало бы, что он задумывается о таких вещах. Студенты обычно верят тому, что им говорят. Всюду в учебниках было написано, что грацильный австралопитек — наш предок. Я хотел, чтобы они усомнились даже в этом. Сторонники выделения одного вида получают плохую оценку. *Homo* древностью в два с лишним миллиона лет и массивный австралопитек, возраст которого не превышает миллиона, просто не могут принадлежать к одному виду.

Надо отдать должное сторонникам «теории одного вида»: они сами сознавали абсурдность ситуации. Сформулированная задолго до противоречащих ей находок, эта теория выглядела в то время более логичной, чем сейчас.

Прежде всего, некоторые из самых опытных палеоантропологов, работавших между 1930 и 1960 годами, осознали, что внутривидовая изменчивость намного больше, чем предполагалось ранее. Это становилось все очевиднее по мере накопления ископаемых остатков. В противовес тенденции давать видовые названия каждой новой находке было высказано разумное предложение пока что относить их все к одному виду. Лишь после того, как в южноафриканских пещерах были найдены два явно различных типа австралопитековых, новая теория впервые попала в затруднительное положение, но быстро нашла выход: самцы и самки! Это казалось правдоподобным, так как у многих приматов, особенно горилл и павианов, черепа и зубы у особей разного пола сильно различаются между собой. Такое объясне-

ние, однако, лопнуло, когда обратили внимание на то, что все австралопитекисамцы жили в Сварткрансе и Кромдрае (здесь были найдены остатки массивных особей), а самки — в Стеркфонтейне и Макапансгате (места находок грацильного типа). Подобная территориальная сегрегация полов не известна ни в одном из сообществ приматов.

Объяснение было отвергнуто, но сама «теория одного вида» не рухнула. Ее сторонники заявили, что массивный тип более поздний — он мог произойти от грацильного, и тогда различия между ними связаны с эволюцией, происходившей в пределах одного вида. Такой взгляд на австралопитековых как на цепочку последовательных звеньев позволял объяснить их разнотипность на обоих концах.

Однако самым важным аргументом в пользу «теории одного вида» была идея (сложившаяся еще на заре учения об антропогенезе), согласно которой на Земле никогда не существовало и не могло существовать одновременно более одного вида прямоходящих предков человека. Наши двуногие предшественники всегда были уникальными. Таким остается человек и поныне. Сегодня на Земле живет только один вид — *Homo sapiens*. Раньше был тоже один — *Homo erectus*. Почему же в более далеком прошлом мы хотим искать следы, нескольких видов? Вставшая на ноги обезьяна, где и когда бы она ни появилась, одна будет нести факел, освещающий путь к человеку. Со временем этот двуногий предок займет ту нишу, которую отчасти сам и создаст, благодаря своему прямохождению, растущему мозгу и развивающейся культуре. Всякий, кто придет позже и попытается конкурировать с ним, окажется в невыгодном положении, так как будет хуже передвигаться на двух ногах, проявит меньше сообразительности, меньше ловкости в применении орудий и т. д. Не выдержав конкурен-

ции, он очутится на обочине магистрального пути, а скорее всего никогда и не вступит на этот путь.

Изложенная здесь концепция представляет собой мощный аргумент в защиту «теории одного вида», так как апеллирует к основному догмату биологии, согласно которому два вида не могут занимать одну и ту же нишу одновременно. Тот из них, который окажется хуже приспособленным, должен либо исчезнуть, либо перейти в какую-то другую нишу.

Среди пятидесяти с лишним видов певчих птиц, прилетающих на лето в Северную Америку, нет конкурирующих — каждый имеет собственную экологическую нишу. Разные виды обычно размножаются в разных частях континента. Если же ареалы нескольких видов перекрывают друг друга, то птицы живут в различных местообитаниях — в густых зарослях кустарника, сосновых или лиственных лесах, наконец, в разных древесных ярусах — и питаются разными видами насекомых, которые тоже приурочены к определенным условиям среды. Одно из удивительных достижений эволюции — то, что множество как будто бы сходных животных и растений могут существовать бок о бок. Очевидно, так же обстояло дело и с ранними гоминидами. Представители грацильных австралопитеков и рода *Ното* начинают формироваться как всеядные создания с зубами и челюстями меньшей величины, а существа массивного типа специализируются на поедании грубой растительной пищи. Уже одно это разделение в диете могло бы быть достаточной основой для совместного существования двух видов прямоходящих гоминид. Благодаря исследованиям Ричарда Лики мы теперь знаем, что они действительно жили в одно время. Одна из самых значительных находок из Кооби-Фора — прекрасно сохранившийся череп *Ното erectus* возрастом в 1,5 млн. лет.

Сегодня ни один антрополог в мире не станет оспаривать, что этот вид существовал рядом с массивными австралопитеками.

Если полтора миллиона лет назад было два типа прямоходящих гоминид, то и в более отдаленные времена число видов могло быть не меньшим, а даже большим. Для того чтобы окончательно решить этот вопрос, нужны были новые, хорошо сохранившиеся находки древностью от двух до трех миллионов лет. Приступая к первому полевому сезону в Хадаре в 1973 году, я надеялся, что буду одним из тех, кто отыщет их.

Я со всем энтузиазмом, на который был способен, рассказывал о Хадаре на конференции, посвященной открытиям вокруг озера Рудольф. Среди присутствовавших было много крупнейших знатоков плио-плейстоцена, ученых с мировым именем. Я надеялся заинтересовать кое-кого из них и уговорить работать со мной. Однако сделать это было не так просто, потому что все они были очень заняты. Они вежливо слушали мои красноречивые рассказы об отложениях, изобилующих первосортными окаменелостями, и обещания непременно найти гоминид. Они слушали меня по той причине, что я был из команды Хоуэлла, проработал с ним три года в поле и приобрел хорошую репутацию.

Но я ни разу в жизни не руководил экспедицией. Где гарантия, что я на это способен? Что за люди будут в моем отряде? Окажется ли надежной стратиграфия отложений в Хадаре? Будет ли обеспечена точность датировок и тщательность при нанесении находок на карту? Разрешат ли мне вывезти найденные окаменелости за пределы страны? И если да, то будут ли они доступны для дальнейшего анализа или десяток лет проваляются в музейных шкафах, пока кто-нибудь случайно не вспомнит о них? Я понимал всю важность поставленных вопросов: ведь именно эти

моменты нередко подводят. А для занятого антрополога самая досадная вещь-это впутаться в научное предприятие, которое потерпит неудачу из-за недостаточного внимания, нехватки средств, решимости или, что хуже всего, из-за сомнений в надежности полученных данных.

Мне позарез нужна была помощь пяти-шести специалистов в нескольких различных областях. Но на конференции в Найроби моим единственным козырем была собственная уверенность в успехе.

Я должен был склонить этих людей на свою сторону, любым способом убедить их. Я пообещал прислать кости антилоп, чтобы они смо-

гли удостовериться в точности датировок. Я объяснял, что отложения в Хадаре сопоставимы по времени с нижними горизонтами Омо, но сохранность ископаемых остатков гораздо лучше; с их помощью можно будет заполнить многие пробелы на этом отрезке эволюционной истории. Я убеждал Алана Джентри из Британского музея — это общепризнанный авторитет по антилопам. Я должен был заинтересовать его. Я рассказывал Джону Харрису о жирафах, а Бэзилу Куку — о свиньях. Поговорить пришлось немало.

Уезжая из Хадара, я увозил с собой массу благих пожеланий, но очень немного твердых обещаний.

Глава 7

Первый полевой сезон в Хадаре: коленный сустав

Дон сидел на корточках под палящим солнцем, складывая вместе две кости, и вдруг его осенило — это не обезьяна, это человеческое существо.

Морис Тайеб

Аддис-Абеба, хотя это и столица Эфиопии, мало похожа на национальный центр и по внешнему виду представляет собой смесь караван-сарая и быстро растущего города. Правда, ее дворцы и деловые кварталы с расположенными там министерствами и ведомствами великолепны, но торговые районы ветхи и убоги. Большая часть города несет на себе отпечаток африканской деревни, непомерно расплывшейся в разные стороны. При императоре Хайле Селассие вся бюрократическая машина находилась в его полном подчинении. Чтобы добиться какого-нибудь решения, иностранцу нужно было лично пройти по всем инстанциям.

Морис Тайеб прекрасно знал об этом. Когда мы с Доулом и Греем осенью 1973 года появились в Аддис-Абебе, мой французский компаньон уже бегал от чиновника к чиновнику, добывая нужные бумаги: разрешение на лендроверы, на въезд в район Афара, на вывоз окаменелостей. Каждый документ должен был быть скреплен печатью определенного должностного лица, а иногда и нескольких лиц. Я присоединился к Тайебу и уныло плелся вслед за ним по ступеням бюрократической лестницы.

Сколько чашек кофе выпили мы в ходе бесконечных переговоров! Эфиопы — необычайно сердечные и гостеприимные люди, но они не

всегда настроены на ту же волну, что и вы. Поэтому, чтобы добиться своего, нам понадобилось немало упорства и терпения.

Через неделю я многое узнал об эфиопских порядках, выяснил, к кому именно и в какое министерство следует обращаться археологу. Кроме того, я приобрел очень ценного знакомого-англичанина по имени Ричард Уилдинг, который преподавал историю в Национальном университете. Со временем он стал представителем нашей экспедиции в Аддис-Абебе — ее доверенным лицом, советником, ангелом-хранителем и поставщиком. Наконец-то подписана последняя бумага, отремонтирован последний автомобиль, загружен последний куль с мукой, и наш небольшой караван взял курс на Афар. В составе экспедиции было четверо американцев, семеро французов, несколько рабочих из племени амхара, которых мы наняли в Аддис-Абебе, повар Кабете и служащий министерства культуры Алемайеху Асфав. Мои 43 тысячи долларов таяли на глазах. Мне пришлось купить противомоскитные сетки и другое оборудование для членов французского отряда, которые приехали недостаточно экипированными и почти без денег.

Мы разбили лагерь на некрутом обрыве над рекой Аваш. Здесь было не так жарко, как в безветренных овражках и душных ущельях, где мы искали окаменелости. Кроме того, в реке можно было купаться и брать из нее воду, которую после фильтрации мы использовали для питья и приготовления пищи. Но если в далеких горных районах шли дожди, мы всегда узнавали об этом: уровень воды поднимался, она становилась буро-коричневой и непригодной для бытовых нужд. Том Грей рассказывает:

«Я не очень-то люблю купаться, но однажды я залез в спальный мешок и почувствовал, что мне просто необходимо помыться. Я пошел к реке и засунул в нее ногу. Вытащив ее на бе-

рег, я увидел, что она сделалась темно-коричневой. Ну нет, решил я, лучше обождать недельку».

Поначалу некоторые из членов экспедиции вообще не купались из-за обилия крокодилов в реке. Правда, здесь эти животные были меньше своих собратьев, пожиривших людей в Кении и Уганде. К тому же работавшие у нас афары то и дело ныряли в реку, и крокодилы их не трогали. Спустя пару недель почти все сотрудники экспедиции стали купаться в реке. К счастью, из-за быстрого течения нам не угрожала опасность заразиться шистосоматозом. Это изнурительная болезнь поражает тысячи людей, купающихся в стоячих водоемах, таких, например, как озеро Виктория.

Организация лагеря была простой и удобной. Он состоял из широкого тента, под которым мы обедали и обрабатывали геологический и палеонтологический материал. Там же находились противомоскитные сетки для спанья. Тент защищал от солнца, а пространство под ним продувалось ветром. Здесь стояли длинные столы. В послеобеденные часы, когда мы не могли из-за жары заниматься поисками на местности, мы разбирали, классифицировали, очищали и шифровали находки, а также делали необходимые описания. По вечерам света наших бутановых ламп было явно недостаточно для такой деликатной работы.

Когда с устройством лагеря было покончено, настал черед научных изысканий. Тайеб вплотную приступил к интерпретации геологии Хадара. Это была непростая задача. В отличие от отложений Омо горизонты Хадара более ровные. Здесь было мало сбросов, и поэтому глубинные слои редко выходят на поверхность. Вместо этого они обнажаются на склонах оврагов вследствие эрозии. Одни овраги мелкие и прорезают лишь верхние слои, другие опускаются до самых нижних отложений. Некоторые участки почти плоские,

иногда в них встречается материал, отложившийся гораздо позднее на месте более ранних пород, смытых водой. Это затемняет первоначальную стратиграфию. На других участках слои не нарушены, не содержат посторонних примесей, и их так же легко дифференцировать, как коржи в слоеном пироге. Все вместе превращает Хадар в запутанный клубок эродированных отложений различной глубины залегания и различного стратиграфического профиля. Тайеб должен был интерпретировать эти различия и составить для всего района единую схему расположения слоев снизу доверху — так называемую стратиграфическую колонку.

Сначала он делал это медленно, знакомясь с наиболее обычными и легко распознаваемыми слоями и постепенно привыкая к порядку их расположения. Затем, установив некую закономерность, он начал обследовать овраги и лощины со знакомым чередованием слоев, стремясь соотнести их друг с другом. В некоторых местах этих слоев-ориентиров вообще не было: или они уже подверглись полной эрозии, или все еще лежали в глубине земли. Нередко Тайеб приходил в замешательство, встречая в отдельных местах комплексы слоев, ни на что другое не похожие. Каковы эти отложения, более древние или, напротив, более молодые?

Чтобы выяснить это, приходилось отыскивать «связующие звенья», где верхние слои одних участков соответствовали нижним слоям других и наоборот. Пользуясь этим методом, Тайеб сумел составить несколько коротких стратиграфических последовательностей. Иногда ему удавалось соединить две такие цепочки в одну более длинную. Это был триумф, который нередко сменялся разочарованием: дальнейшие изыскания показывали, что объединение было неверным, так как связующий слой вдруг появлялся в самой середине ни на что не похожих отложений. Тогда приходилось ломать построенную

цепочку и соединять ее отрезки по-иному.

Работу затрудняли и повторения сходных последовательностей, плохо различимые чередования грязи или глины и песка. Не так-то просто, глядя на небольшой сэндвич из двух-трех таких слоев, определить, относится ли он к верхней или нижней части отложений. Конечно, можно измерить его толщину, но даже этот показатель варьирует в зависимости от угла наклона к поверхности земли и глубины воды в озере.

Во всей этой путанице был один довольно четкий ориентир — различия в размерах зернистости между слоями. Чем быстрее течение, тем крупнее перемещаемые водой предметы. Когда в сезон дождей реки сбегают с далекого горного хребта на западе и растекаются по равнинам, величина камней, переносимых рекущими потоками, постепенно уменьшается. Через сотню миль вода достигает Хадара, но движется уже очень медленно, ее энергии едва хватает на гравий, песок, ил и глину. Приближаясь к озеру, она совсем замедляет свое течение. Песок оседает по берегам озер и в дельтах рек. Более мелкие частички глины движутся дальше, к центру озера, и там опускаются на дно. По расположению слоев с мелкозернистой фактурой, лишенных окаменелостей, можно, определить, где находилось в Хадаре дно древнего озера. Пласты грязи или глины, в которых уже встречаются костные остатки, обычно считают следами болот, некогда окаймлявших озера.

Пока Тайеб и его помощники боролись с геологией Хадара, палеонтологи тоже начали свою работу. У них не было топографической карты района или материалов аэрофотосъемки, но они тщательно отмечали места своих изысканий. Всякий раз, найдя новую окаменелость, месту находки («участку») присваивали номер, который писали краской на ближайшем камне. В конце концов информацию обо всех находках сво-

дали на генеральную карту, чтобы зафиксировать их взаимоотношения во времени и пространстве.

Без этого мы бы совсем запутались. Надо было совершенно точно знать, где найдена каждая окаменелость. Я поручил это заботам Тома Грея, который сформулировал «Закон Грея»: если ты не можешь точно обозначить место находки, не подбирай ее. Однажды Том пришел в ярость из-за того, что один ученый принес в лагерь интересные остатки млекопитающих, собранные неизвестно где. Находки оказались бесполезными, и Том выбросил их в реку.

Грей заботился также о представительности выборки ископаемых образцов, которые начинали накапливаться. Не склонен ли специалист по рогам антилоп пропускать зубы свиней и таким образом исказить картину количественного соотношения видов? Нет ли тенденции собирать только редкие ископаемые и игнорировать обычные?

На недавнем симпозиуме в Сан-Франциско Грей, описывая работу в Хадаре, обрисовал следующую дилемму, с которой постоянно сталкивается собиратель ископаемых остатков.

— Задыхаясь в этой жаре, вы тащитесь в поисках окаменелостей. Вы уже нашли сотню лошадиных зубов и вдруг видите еще один. Ну и что? Подумаешь, зуб лошади! Захотите ли вы подойти и подобрать его? Ведь для этого вам надо отметить новый участок, обозначив его на генеральной карте, а позднее послать туда геолога — и все для того, чтобы датировать один единственный зуб.

— Так что же, подбирать его? — спросили Тома.

— В идеале — да. Если у вас достаточно времени и сил, вы должны собирать каждый кусочек в каждом обозначенном участке. Но на практике так бывает редко. Это беспокоит меня, так как может привести к ошибке выборки. Мы пытались проводить работу по плану, системати-

чески обследуя отложения. Но некоторые члены экспедиции не всегда соблюдали это правило. Иногда я двигался по их следам и брал контрольные пробы, чтобы узнать, соответствует ли в процентном отношении то, что подобрал я, тому, что нашли они.

— Ну и что же?

Грей неохотно признался, что обычно результаты совпадали. Но его, как и Джерри Экка в Омо, не очень удовлетворяла работа некоторых французов по сбору окаменелостей.

Что касается меня, то я всегда хорошо ладил с французами. Меня не слишком беспокоили различия в стиле работы французов и американцев. Мой партнер Тайеб и я имели совершенно разный характер. Морис был энергичным, подвижным, словоохотливым и дружелюбным человеком, который иногда становился нетерпеливым и немного раздражительным. Вместо того, чтобы огорчаться по поводу вспышек его темперамента, я полагал, что они даже полезны в те критические моменты, когда эфиопская летаргия и волокита угрожали приостановить работу экспедиции. В целом после четырех полевых сезонов я считаю, что плюсы совместной деятельности ученых двух наций преобладают над минусами.

Впрочем, в тот первый год меня беспокоили не «международные отношения», а ископаемые остатки. Прошла почти половина сезона, а у нас все еще не было гоминид. Не то чтобы я *обещал* Национальному научному фонду обязательно их найти, когда обращался с просьбой о субсидии. Но, описывая цели экспедиции, я не мог не включить раздел, связанный с гоминидами. Без этого я бы не получил денег; нас вряд ли послали бы в Эфиопию собирать зубы свиней. Даже со всеми намеками мне выдали только 43 тысячи долларов, т. е. всего лишь треть запрошенной суммы. Часть уже была израсходована на содержание французских

ученых, и мне становилось ясно, что, если они останутся в лагере до конца сезона, мне придется расстаться с еще большей суммой.

Что должен делать молодой исследователь, если он организовал первую в своей жизни экспедицию, получил субсидию на двухлетние работы, потратил большую часть денег в первый же год и не нашел того, что искал? Он, конечно, думает о том, что будет в следующем году. Сумеет ли он избежать катастрофы и славы плохого организатора в самом начале своей карьеры? От таких мыслей он покрывается испариной.

Я тоже потел от волнения, надеялся и чертовски много работал. И все придумывал объяснение, почему первоначальные расходы оказались так велики. Мне пришлось заплатить за все палатки и выложить 10 тысяч долларов за лендровер. Конечно, это были разовые, капитальные затраты, но обойтись без них мы не могли. Я начал отчетливо понимать, что все мои финансы растают к концу года. Будет ли у меня еще один шанс на продолжение экспедиции? Быть может, следовало начать с чего-нибудь поменьше, пригласить четверых-пятерых исследователей вместо одиннадцати?

Вот такие мысли одолевали меня, когда однажды после полудня я занимался осмотром местности и небрежно отшвырнул ногой то, что мне показалось похожим на ребро гиппопотама, торчавшее из песка. Оно упало, и я увидел, что это вовсе не ребро, а проксимальный отдел большеберцовой кости, ее верхняя часть, принадлежащая небольшому примату.

Обезьяна, подумал я и решил подобрать кость. Отметив место находки в записной книжке, я обозначил номер участка. И вдруг увидел в нескольких ярдах еще один костный фрагмент. Это была дистальная часть (нижний конец) бедренной кости, тоже очень небольшой. Кость была расщеплена посередине, так что сохранился только один из двух мы-

шелков, которые, соединяясь с большеберцовой костью, образуют коленный сустав. Другой мышцелок лежал рядом в песке. Я сложил их вместе и попытался соединить с большеберцовой костью. Они были одинакового размера, одного цвета и отлично подходили друг к другу. Редкостная находка.

Рассматривая ее, я понял, что соединил бедро с большеберцовой костью под углом. Я сделал это неумышленно. Они легко и естественно сочленились друг с другом, как будто так и надо было. Тогда я вспомнил, что у обезьян бедренная и большеберцовая кости составляют прямую линию. Я тут же невольно воспроизвел в памяти скелет человека и припомнил, что для прямоходящего существа характерно иное расположение костей — бедренная кость отклоняется от оси большеберцовой кнаружи.

Я попытался соединить кости по прямой линии, но они не сходились. Я понял, что держу в руках остатки гоминида.

Подошел Грей, и я показал ему большеберцовую кость.

— Что ты о ней думаешь?

— Может быть, обезьяна? — сказал он. — Какой-то небольшой примат? Трудно определить что-нибудь еще по одной кости.

— А если я добавлю вот это, — сказал я и протянул ему два куса бедренной кости. Я положил их на песок так, что угол между большеберцовой и бедренной костями был ясно виден.

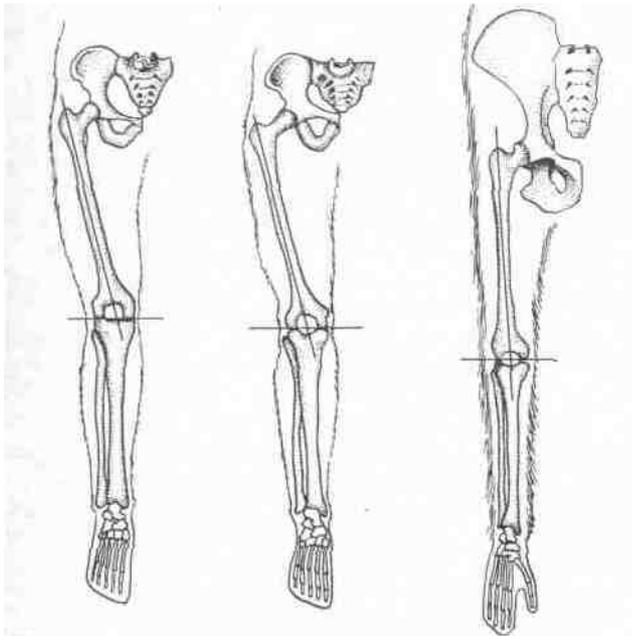
Грей уставился на кости, затем на меня.

— Неужели один из них? — сказал он наконец.

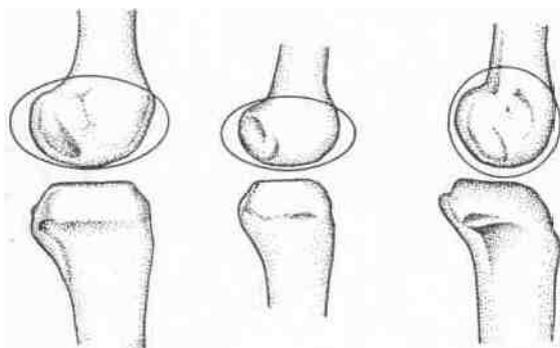
Я кивнул и в этот момент по-настоящему осознал, какая тяжесть давила меня в течение всего месяца. Внезапно она исчезла! Голова моя закружилась от радости, облегчения и почти неправдоподобной удачи. Когда я заворачивал кости, чтобы отнести их в лагерь, мне казалось, что все это было сном. За всю исто-

Первой находкой хадарских гоминид, сделанной Джохансоном, был коленный сустав, изображенный здесь между соответствующими суставами человека (слева) и человекообразной обезьяны (справа). Возраст находки больше трех миллионов лет, так что это самые древние в мире ископаемые остатки подобного рода. Джохансон убедился, что нашел кости гоминида, когда увидел, что они соединяются друг с другом под углом. У обезьян они располагаются по прямой линии. Вид сбоку (три нижних рисунка) выявляет большое сходство всех трех суставов. Однако на поперечном разрезе различия между гоминидами и обезьяной очевидны: кости гоминид имеют овальную, а кость антропоида — круглую форму.

Коленный сустав человека Коленный сустав *Australopithecus afarensis* Коленный сустав человекообразной обезьяны

рию антропологии никто еще не видел коленного сустава, принадлежащего гоминиду возрастом в три миллиона лет. Если это действительно гоминид, то он будет единственным в мире. Неужели именно я нашел эту необычайную редкость? Я всегда мечтал о том, чтобы отыскать зубы, челюсти или, в случае особой удачи, череп. Но обнаружить нечто совершенно неизвестное науке — это было уже слишком. На следующий день я начал сомневаться в верности своего молниеносного диагноза. Всю ночь я думал об истолковании этой находки и пришел к выводу, что человекоподобный коленный сустав означает человекоподобную походку. Это будет первое доказательство того, что три миллиона лет назад жили существа, ходившие на двух ногах.

— Нам надо найти что-нибудь, с чем можно сравнить нашу находку, — сказал я на следующий день Тому Грею. — Я не настолько доверяю своим знаниям анатомии. Нам нужен коленный сустав человека.

— Кто у нас в лагере самый большой болван? — сказал Грей. — Может быть, он одолжит нам свое колено?

— Будь немного серьезнее, — попросил я. — Мне действительно надо удостовериться.

Возникла еще одна проблема, о которой Грей не подозревал. Согласно договоренности с эфиопским правительством, каждая ценная ископаемая реликвия, которую мы собирались вывезти из страны, должна быть до этого описана на пресс-конференции. Это ставило меня в затруднительное положение. Если я неверно определю принадлежность коленного сустава, то испорчу свою первую самостоятельную интерпретацию ископаемой находки. А если не опишу ее, то вообще не смогу вывезти.

— Уловка-22¹ — сказал я. — Нам ну-

¹ Намек на книгу Дж. Хеллера «Уловка-22». Выражение «Уловка-22» означает замкнутый круг, безвыходную ситуацию. -

Прим. перев.

жен коленный сустав человека.

— Дай мне неделю, — сказал в ответ Грей, — и за это время я прикончу кого-нибудь из французов.

После полудня мне пришла в голову блестящая мысль, и я предложил Грею пройтись со мной к ближайшим холмам.

— Зачем? — спросил Грей.

— Там расположено кладбище афаров.

— Подожди-ка минутку, — сказал Грей. — Ты хочешь оставаться в хороших отношениях с афарами и при этом собираешься осквернить их могилы?

— Я только хочу взглянуть на них.

— А мне совсем не хочется этого делать. Ты не забыл тех стариков, что приходили к нам в лагерь?

Конечно, я их помнил-старейшин племени, которые появились в лагере через неделю после того, как мы его разбили. Они сидели на корточках, а за их спиной с ружьями в руках стояли молодые соплеменники. С помощью переводчика они потребовали, чтобы мы убирались прочь, так как чужеземцы приносят несчастья. «Какие именно?» — спросил я. Оказалось, что единственными незнакомыми людьми, с которыми раньше сталкивались афары, были правительственные чиновники, топографы и землемеры. Они пытались отобрать землю, строили плотины, словом, так или иначе вмешивались в кочевую пастушескую жизнь племени. Афары были мусульманами и не испытывали любви к христианам амхара, которые управляли страной в далекой Аддис-Абебе. Амхара со своей стороны пренебрежительно относились к афарам. В случае голода, засухи или других экстренных ситуаций правительство не оказывало афарам никакой помощи. С точки зрения горцев, все средства, затраченные на кочевников пустыни, считались брошенными на ветер. К тому же афаров подозревали в симпатиях мусульманам Эритреи и Сомали, с которыми у правительства Эфиопии были очень

натянутые отношения. На границах постоянно вспыхивали вооруженные конфликты, грозившие перерасти в настоящую войну. Все это крайне ухудшало отношения между амхара и афарами.

Тайеб и я, потратив на это почти весь день, терпеливо уговаривали старейшин афаров. Мы объясняли, что пришли сюда только затем, чтобы собирать древние кости и древние камни. Разумеется, старейшины не верили ни одному нашему слову. Вся земля здесь состояла из камня — на что он нужен? А костей полно повсюду. Есть их нельзя, сжигать тоже. Проще всего отшвырнуть их ногой; так делали афары на протяжении сотен лет... Однако нам все же разрешили остаться — после обмена небольшими подарками и предложения прикрепить к лагерю в качестве наблюдателей пару членов племени, которые воочию убедились бы, чем занимаются европейцы. Когда спустя несколько недель выяснилось, что сумасшедшие иностранцы действительно собирают камни и кости и ни о чем ином не помышляют, наши инспекторы удалились. Вместо них в лагере появились другие афары. Они продавали повару Кабете коз, некоторые нанялись рабочими. Вслед за ними пришли их жены с детьми. В нескольких сотнях ярдов от основного лагеря как грибы выросли хижины афаров. Вскоре застой местной экономики кончился и началось ее процветание.

— Мы можем все испортить, — сказал Грей. — А вдруг нас поймают?

— Уже поздно. Они ничего не заметят.

— Нас они пристрелят, а отряд выгонят.

— Мне нужна бедренная кость.

Между тем мы уже подошли к могиле. Это была пирамида из камней, сложенная, должно быть, много лет назад, так как одна из ее сторон совсем обвалилась. Я заглянул внутрь и увидел груды костей: захоронение было семейным. А на самом верху,

как нарочно, лежала бедренная кость. Том схватил ее. Мы оглянулись — вокруг не было ни души. Завернув кость в рубашку, Том принес ее в лагерь. В ту же ночь я сравнил ее с нашей находкой. Если не считать размеров, они почти ничем не различались.

Коленный сустав, найденный в конце первого полевого сезона, вызвал невероятное оживление в лагере. Хотя в последующие годы будут сделаны другие находки — в большем количестве и лучшей сохранности, — ни одна из них не подействует на меня так остро, как эта. Наверное, есть что-то особенное в первом самородке. Я думаю, золотоискатель чувствует нечто подобное. Ведь по натуре он игрок, мучимый надеждой. Он живет одной лишь верой, что в этом лотке грязи или в крайнем случае в следующем он обнаружит драгоценный металл. Если он однажды нашел золото, его существование, смысл самых тайных его поступков оправданы. Занимаясь сбором окаменелостей, вы испытываете приблизительно те же чувства. Пейзаж здесь очень однообразен, жара стоит невыносимая. Вы приехали издалека, и немало людей поставило на вас, веря в успех вашего предприятия. Конечно, кости и сами по себе интересны, но вы скоро пресыщаетесь. Как говорит Том Грей, наступает момент, когда вы уже не в силах поднять еще один лошадиный зуб. Но вы все же подбираете его. Постепенно перед вами начинает вырисовываться рамка складной картинки. Каждый новый кусочек дополняет ее. И вдруг вы находите *ключевую* деталь вашей головоломки! Это мгновение вы будете помнить всю жизнь.

Коленный сустав был самым выдающимся открытием первого полевого сезона. Поскольку проксимальный (верхний) конец бедренной кости не сохранился, мы не могли сказать, как он сочленялся с тазом. Однако неподалеку от первой наход-

ки были обнаружены еще два фрагмента — обломанные верхние части бедренных костей. Одна лежала совсем рядом с коленным суставом, другая примерно в пятнадцати метрах от него. На второй были заметны следы зубов хищника, который, видимо, тащил ее с места на место, а потом грыз. Кости относились к тому же горизонту, что и коленный сустав. Они были одного с ним цвета и размера. Я думаю (хотя не могу доказать), что это были остатки ног одного индивидуума.

Полевой сезон близился к концу. Тайеб со своей командой вернулся во Францию, мы с Греем остались сворачивать лагерь. Мы упаковали все имущество и сложили его в грузовики, покончили с писаниной, подчистую доели все остатки пищевых продуктов. Потом расплатились с местными рабочими, которых наш внезапный отъезд привел в не меньшее изумление, чем несколько месяцев назад — приезд.

Афары в то время уже вполне привыкли к нашему присутствию. Мы покупали у них коз по хорошей цене — около 15 долларов за штуку (до нашего появления ходовая цена была намного ниже). У них появились деньги, немалый запас консервированных продуктов и еще масса всякой всячины, с которой мы охотно расставались, чтобы иметь «никому не нужные» кости и камни. Некоторые из наших рабочих выучили несколько английских слов и с радостью узнали, что мы собираемся вернуться на будущий год. Они даже пообещали, что снова придут работать к нам.

Однако через год только один или два человека появились в лагере. Афары — прекрасные люди, но нельзя полностью доверять их словам. С другой стороны, назвать их ненадежными я бы не мог, это было бы несправедливо. Мы не должны оценивать их поступки по нашим стандартам. Кочевники совсем другие люди, у них иное ощущение времени.

Они не имеют понятия об историческом прогрессе, потому что их собственная жизнь не изменяется и за тысячу лет. У них нет никакого представления о размерах и форме Земли. Почти никто из них не бывал за пределами Афарского треугольника.

Всякий чужестранец, появившийся в их краях, представляется афарами странным и непонятным. Он не вписывается в местные условия, не приспособлен к жизни в пустыне. Через неделю он умрет от голода или жажды. Мы привезли с собой почти все необходимое, кроме воды, которую брали из реки, и коз, которых покупали у афаров. Но и коз здесь было немного. Афары редко едят мясо и почти никогда не пьют молоко; эти продукты обмениваются на другие товары.

Иногда я с беспокойством думаю о том, к чему может привести наше вторжение в жизнь афаров. Постоянно покупая коз, мы взвинтили на них цены. Люди пригоняли их к нам издалека, так как знали, что экспедиционный повар Кабете покупает по штуке каждые два дня.

Несмотря на все свойственные кочевникам особенности, афары были хорошими работниками — толковыми и исполнительными. Необыкновенно острое зрение позволяло им успешно заниматься осмотром местности. Когда они поняли, что мы ищем, и узнали, что нас особенно интересуют ископаемые остатки гоминид, они стали без труда распознавать их и приносить в лагерь. Однако поручить им просеивать гравий в жаркий день и ожидать, что они будут этим заниматься, когда у них есть дела поважнее, мог только человек, не понимавший их психологии и стиля жизни.

Самыми лучшими и надежными рабочими были люди из племени тигре, которое живет к северу от Афарского треугольника. У нас в лагере их было несколько, так же как и амхара — представителей правящего племени из эфиопских высокогорных

районов. Амхара более образованны по сравнению с другими жителями Эфиопии, на которых смотрят сверху вниз. Они привыкли отдавать распоряжения, а не выполнять их. Независимость афаров иного свойства. Они живут в своем собственном мире, недостижимом для других.

Однажды я сидел в кругу афаров и с помощью одного из наших рабочих, знавшего их язык, пытался объяснить им, чем мы занимаемся. Они вежливо слушали, но явно считали нас за не вполне нормальных людей. Правда, их это ничуть не беспокоило. Они с удовольствием наблюдали за нами и часто спорили, стремясь угадать, что мы станем делать дальше. Они развлекались тем, что передразнивали нас, но самым непревзойденным мимом был один из рабочих-тигре. Он считал сумасшедшим всякого, кто ходил вокруг, приставив к глазу маленький черный ящик, издававший смешные щелкающие звуки — «клик-клик-клик». Схватив коробку из-под сигарет или жестянку из-под бисквита, он, низко пригнувшись, бегал по лагерю и цокал языком, так что все покатывались со смеху. Вдохновленный всеобщим вниманием, он начинал с важным видом прохаживаться взад-вперед, выпятив грудь, уперев руки в бока и высоко задрал голову. Здесь уж никто не выдерживал — перед нами был вылитый Тайеб.

Возвратившись в Аддис-Абебу, я оставил все экспедиционное оборудование у моего друга, археолога и историка Ричарда Уилдинга, который согласился хранить его до следующего полевого сезона. Лендровер я на время отдал живущему в Аддис-Абебе американцу Иону Кэлбу, работавшему в экспедиции в качестве геолога. Тайеб вернулся в Париж и не мог принять участия в демонстрации коленного сустава, а я должен был сделать сообщение для прессы, прежде чем вывезти находку из страны. Работники отдела древностей в мини-

стерстве культуры были заинтересованы, узнав, что в Эфиопии найден чрезвычайно древний представитель ископаемых гоминид, но я просил их ограничить публикации в эфиопских газетах и подготовил короткую информацию.

На следующий день я вылетел в Найроби, чтобы показать коленный сустав и некоторые окаменелости млекопитающих семейству Лики. В аэропорту меня встретила жена Ричарда, Мив, и сообщила: «Вчера вечером мы слышали по радио о вашей находке».

Я крайне удивился. Откуда были получены эти сведения?

— Этого я не знаю. Известие передавала зарубежная радиостанция, которая, наверное, получила ваше сообщение для прессы. Говорилось, что вы нашли коленный сустав, которому от трех до четырех миллионов лет. Радио заявило, что эта находка — самое древнее свидетельство прямохождения. Это правда?

— Относительно прямохождения правда, — подтвердил я, остро ощутив при этом, что теперь на карту поставлена моя профессиональная репутация. А вот в датировке я не был уверен. Тайеб нашел в отложениях выходы лавы — базальтовые породы; образцы их были посланы на калий-аргоновый анализ, но результаты еще не были известны. Тем не менее по данным биостратиграфии мы оценили возраст базальта в три миллиона лет. Коленный сустав находился гораздо глубже базальтового слоя и, значит, был намного древнее. Насколько глубже, мнения расходились. Грей и я полагали, что базальт должен занять более низкое положение в стратиграфической колонке. В этом случае толща залегающих под ним слоев будет не столь велика и охватит меньший промежуток времени. Но Тайеб был главным геологом, и мы считались с его мнением. Кроме того, подобно каждому, прикоснувшемуся в своей работе к началу истории гоминид, мы инстинктивно скло-

нялись в сторону более древних датировок. Чем выше положение базальтового слоя в колонке, тем больше горизонтов будет залегать под ним и тем древнее окажутся найденные в них ископаемые остатки. Мы с Греем остановились на цифре «от трех до четырех миллионов» как на вполне приемлемой.

Мэри и Ричард Лики подтвердили мой вывод о принадлежности коленного сустава гоминиду. Для меня это было большое облегчение. Вместе с находкой я вылетел в Париж, где Тайеб и Коппанс в свою очередь официально поведали о ней миру, вкусив заслуженную порцию славы и похвал. Это было важно для получения денежных субсидий и дальнейшей поддержки афарской экспедиции правительством Франции. Покончив с выступлениями, я вылетел в Соединенные Штаты и направился прямо в Огайо, где в Кентском университете преподавал антропологию мой большой друг, известный специалист по локомоции Оуэн Лавджой. Во время разговора я как бы случайно открыл ящичек, в котором лежали три фрагмента коленного сустава. «Взгляни-ка на это, Оуэн».

— Взрослый, — сказал он, внимательно осмотрев кости.

— Я тоже так думаю.

— Но до чего же маленький!

— То-то и оно.

— Сколько лет, ты сказал, этим костям? — спросил он.

— Три миллиона.

— Быть того не может. Сустав как у современного человека. Этот твой лилипутик должен был ходить на двух ногах.

— *Около* трех миллионов, — уточнил я.

— Что значит «около»? У тебя нет точной датировки?

— У меня полно биостратиграфических данных — остатки животных давностью в три миллиона лет. Результаты по калий-аргону будут через несколько недель.

— Уж лучше бы все подтверди-

лось, — сказал Лавджой, сероглазый человек с прической Листа и всепроникающим, почти дьявольским чувством юмора. Он откинул голову назад и резко расхохотался.

— А что не так?

— Что *не так*? Да все не так с этой проклятой штуковиной. Интересно, что подумают люди, когда впервые увидят этого коротышку. Он мог ходить на двух ногах — даже бегать. И при этом бьюсь об заклад, что мозг у него был величиной с орех. Как это могло быть? Ведь и сам он был ростом не больше метра.

— Ну и что?

— А вот что. Скажи-ка мне, приготовил ли ты для него место на генеалогическом древе? Маленькая метровая обезьянка, бегающая на задних ногах? Да она спутает все карты. Куда ты ее определишь?

— Еще не знаю.

— Да тебе никто не поверит. Лучше возвращайся назад и привези целый скелет.

— Но он все-таки мог ходить на двух ногах, — упорствовал я.

— Друг мой, он мог ходить на двух ногах. Расскажи-ка ему о рубленом шницеле, и он помчится к Мак-Дональду¹ с такой скоростью, что ты за ним вряд ли угонишься.

Это и было то, ради чего я приехал, — мнение эксперта, подтвердившее мою правоту.

¹ Мак-Дональд — широко распространенная в США система кафе, где из полуфабрикатов готовят стандартные блюда. — *Прим. перев.*

Глава 8

Второй полевой сезон в Хадаре: челюсти гоминид и Люси

Я нашел нечто необычное: павиана с огромными коренными зубами.

Алемайеху Асфав

Жизнь — это искусство получать достаточно ясные выводы из недостаточных данных.

Сэмюэл Батлер

Выслушивайте все суждения, претендующие на истину, а затем подвергайте их сомнению.

Дэвид Рисмэн

Мое первое публичное сообщение о находке коленного сустава было заслушано на конференции антропологов, организованной в Нью-Йорке в 1974 году фондом «Уэннер-Грен», который был основан шведским промышленником для развития антропологических исследований.

Все спрашивали меня, кому могли принадлежать эти кости. Я отвечал, что еще не знаю наверняка; во всяком случае, двуногому существу очень небольшого роста. Если это был австралопитек, то самый миниатюрный из всех найденных до сих пор. Я думал, что убедил всех, но, когда мы встретились на завтраке с Мэри Лики, она сказала:

— Я не буду называть вам имен, однако некоторые из участников конференции считают, что эти кости принадлежат какой-то низшей обезьяне.

— Это не так, — сказал я.

— Конечно, нет. Мы-то с вами знаем это. Но, когда открывают что-то новое, всегда находятся скептики. Все эти анатомы слишком высокого мнения о себе. Они не допускают мысли, что можно найти нечто отличное от уже известного.

— Они так говорят?

— Конечно, именно так. Но вы не отступайте, ведь вы знаете, что на-

шли. Они просто завидуют. Говорят, посмеиваясь: пусть он это опубликует-тогда-то мы с ним и разделаемся.

Я не мог сразу опубликовать статью о своей находке. Мне надо было возвращаться в Кливленд и продолжать преподавательскую работу. Ассигнованные мне на два года 43 тысячи долларов были почти целиком израсходованы уже в первый сезон, и я не мог просить Национальный научный фонд о дополнительной субсидии. Тогда я решил в конце одной лекции, которую читал в Кливлендском музее естественной истории, прямо обратиться с просьбой о финансовой помощи экспедиции. К моему удивлению, вскоре у меня оказалось 25 тысяч долларов, в основном пожертвованных супружеской четой из Кливленда.

Ситуация была довольно деликатной. Мне впервые приходилось собирать деньги таким способом вместо обычного письменного обращения к какому-либо общественному фонду. Я просто-напросто брал шапку в руки и протягивал ее частным лицам, а не официальным организациям.

Была и другая причина нервничать. Год назад у меня уже произошла ссора из-за денег. Один американский ученый, услышав об афарской

экспедиции, сообщил, что осенью собирается посетить Африку, и спрашивал, сможет ли он недели две поработать в нашей экспедиции. Когда я дал согласие, он выразил надежду, что ему будут платить не только за дни работы в Хадаре, но и за все время, проведенное в Африке. Я ответил ему прямо: «Я смогу платить вам только за дни, проработанные с нами, и не несу ответственности за то, что вы будете делать в другом месте». Ученый обиделся и отказался от поездки в Хадар.

Я совершил ошибку и нажил себе врага. Мне нужно было вежливо объяснить, что из-за недостатка средств я не в состоянии полностью удовлетворить его требования. Но тогда я был слишком раздражен грубой попыткой урвать с нас побольше. Позднее я научился дипломатии. Именно благодаря ей мы были с Тайебом в прекрасных отношениях. Оба мы понимали, что должны быть более терпимы. Когда возникал какой-либо «франко-американский конфликт», мы садились за стол и обсуждали ситуацию. С Тайебом это было легко, так как мы уважали друг друга. С некоторыми другими приходилось быть осторожнее. Я начал понимать, что антропология — это не только поиски костей.

Но кости помогали, особенно если это были хорошие кости. Я не слышал никаких ворчливых придинок по поводу коленного сустава на конференции фонда «Уэннер-Грен». Большинство участников восхищались находкой. Вскоре я понял, что все это помогает моему продвижению: общаясь с другими учеными, я и сам приобретал вес. Теперь у меня были собственные уникальные остатки гоминид и несколько прекрасных находок млекопитающих. Ученые, которые год назад слушали меня только из вежливости, стали серьезно интересоваться нашей работой в Хадаре. Одним из них был Бэзил Кук, специалист по ископаемым свиньям; он согласился изучить соответствующий

материал из Хадара. Несколько французских экспертов были так заинтересованы находками млекопитающих, сделанными в первый год экспедиции, что пожелали принять участие в полевой работе следующего сезона. В их числе был Мишель Беден — его прельстили своим обилием и качеством остатки слонов. Договор о работе подписали также Вера Эйзенманн (предмет исследования — лошади), Жермена Петтер (хищники), Жан-Жак Йегер (грызуны) и Клод Герен (носороги). Год назад экспедиция занималась главным образом геологией и осмотром местности, специалистов — палеонтологов явно не хватало. Теперь же в равной степени были представлены все три направления. Дела складывались отлично. И вот когда мы уже получили деньги для экспедиции, заключили договора со всеми специалистами и собрались лететь в августе в Эфиопию для подготовки полевых исследований, пришло известие, которое привело нас с Тайебом в состояние шока. Министерство культуры сообщало в своем письме, что право на работу в Хадаре и нашу компетентность оспаривает другой исследователь.

Им оказался Ион Кэлб, американец, живший в Аддис-Абебе и будто бы занимавшийся какими-то изысканиями в области геологии. В свое время мне его рекомендовал Тайеб. В первый полевой сезон Кэлб работал в Хадаре, но отношения у нас не сложились. Когда мы с Тайебом прибыли в Аддис-Абебу, мы столкнулись с ним в министерстве, где он демонстрировал список наших недочетов и правонарушений: плохая научная работа, несоблюдение контрактов, подкуп населения, разжигание межплеменных конфликтов. Министр прочел этот документ и сообщил нам, что, пока обвинения эти не будут опровергнуты, он не даст разрешения на новые работы.

Тайеб был ошеломлен. Он чуть не упал в обморок. Единственный раз я

видел, как этот энергичный сангвиник был близок к тому, чтобы расплакаться. Делать было нечего, пришлось начать переговоры. И я занялся ими. Кэлб предлагал пригласить для разбора дела незаинтересованного арбитра. Я согласился и назвал имя Кларка Хоуэлла. Но Кэлб отверг Хоуэлла; оказалось, что у него уже есть кандидат — тот самый ученый, с которым я поссорился из-за оплаты его пребывания в Африке. Я знал, что этот человек до сих пор зол на нас, и поэтому отвел его. Я объяснил министру, что человек, никогда не работавший с нами в полевых условиях, не в состоянии судить о нашей компетентности и поэтому не может быть арбитром. Министр посчитал этот аргумент обоснованным. Я стал называть другие имена, предложил заслушать по телефону мнение Национального научного фонда, но оказалось, что, поскольку это правительственная организация, она не вправе высказывать суждения о своих ученых. Я все-таки написал обо всем Хоуэллу, и тот послал министру довольно сердитое письмо.

Мы ходили в министерство каждый день в течение двух недель, и постепенно чаша весов стала склоняться в нашу пользу. Я думаю, в конце концов министр понял, что мы вполне компетентные ученые, а Кэлб, возможно, не является таковым. Поэтому он выдал нам разрешение, посоветовав Кэлбу либо заключить с нами мир, либо выйти из игры. Кэлб выбрал последнее.

На заключительном этапе этого разбирательства я почувствовал, что начинаю заболевать. В день, когда мы получили разрешение, у меня началась лихорадка. Едва добравшись до телефона, я попросил Кэлба вернуть наш лендровер, который он еще в конце прошлого сезона поставил в свой гараж. Кэлб ответил, что машины у него больше нет, и повесил трубку. Я слег.

Но в это время возвратился к жиз-

ни Тайеб. Он узнал, что за лендровер полагался налог, однако Кэлб, несмотря на уведомление, не стал его платить. Он просто вернул машину в таможенную, а потом потерял ее технический паспорт. После этого не осталось никаких документов о провозе машины в страну и никакого способа их возобновления. К счастью, у меня сохранилась ксерокопия технического паспорта, и с ее помощью Тайеб мог получить документы на лендровер. Вооружившись пачкой бумаг, Тайеб, подобно танку, стал громыхать по бюрократическим колдобинам. Он переходил из приемной в приемную, махал руками, бумагами, заставляя чиновников ставить на них печати. Наконец, он добрался до человека, который сказал ему, что ксерокопия не действительна и что для возвращения лендровера нужен оригинал технического паспорта.

Тайеб взорвался.

Злиться на бюрократию глупо во всякой стране, а в среде от природы спокойных и выдержанных эфиопов это вообще бессмысленно. Но Тайеб был уже вне себя. Стукнув кулаком по столу, он закричал: «Я-бестолковый иностранец. Я делал все, что вы мне велели. Я получил бумаги, о которых вы спрашивали. Я ходил туда, ходил сюда. Целый день бегал по зданию. А вы теперь говорите, что все это — напрасно. Я не согласен. Подпишите вот здесь!» И чиновник так удивился, что поставил свою подпись.

На следующий день моя лихорадка прошла. Я пошел в министерство поблагодарить генерального директора, умудренного опытом человека, за разрешение на полевые работы. Директор открыл ящик стола и вытащил оттуда письмо.

Оказалось, что человек, претендовавший на дополнительную оплату, был злопамятнее, чем я думал. Он прислал письмо на бланке одного американского университета, в котором читал лекции. Адресованное в министерство, оно сообщало, что я

не компетентный ученый, что наш с Тайебом отчет о геологии Хадара не заслуживает доверия, что находки, которые я «на время» вывез из Эфиопии, так и не попали в США для исследования, а отправлены в Кенийский национальный музей, где и останутся навсегда. Я был потрясен.

— У вас было это письмо во время наших споров с Ионом Кэлбом?

— Да.

— Мне бы хотелось иметь его копию.

— Я не могу дать вам письмо. Я сознательно умолчал о нем во время дискуссии, зная, что оно предрешило бы дело не в вашу пользу. И теперь я уничтожаю его.

Он порвал письмо. Этот эпизод вывел меня из равновесия. Благодаря ему я познакомился с оборотной, закулисной стороной антропологии, о существовании которой раньше никогда не подозревал.

Через несколько месяцев мы вновь услышали о Кэлбе. Он организовал свои собственные полевые исследования-экспедицию под названием «Рифт-Вэлли» — и пригласил некоторых американских ученых присоединиться к нему. К тому же он убедил одного эфиопского чиновника подписать бумагу, согласно которой изрядная часть территории Хадара, предоставленная ранее нам, переходила в его распоряжение. Тайеб и я вновь отправились в министерство. Атмосфера там заметно изменилась по сравнению с нашим предыдущим визитом. В здании было больше охраны, чувствовалось беспокойство в связи с назревающим правительственным кризисом. Министр, к которому мы пришли, выглядел настороженным и утомленным.

— Чиновник, подписавший этот документ для мистера Кэлба, — сказал он, — переведен на другой пост. Политическая ситуация, как вы знаете, сегодня не очень благоприятная.

Мы утвердительно закивали.

— Если хотите, мы можем наказать

этого чиновника. Если мы установим, что он был подкуплен или превысил свои полномочия, его могут приговорить к смертной казни. Хотите вы этого?

Мы отрицательно покачали головами.

— Тогда разумнее будет подождать, чтобы дело разрешилось само собой. Вы согласны?

Этот министр был мудрым человеком. Мы опять закивали головами и удалились.

Наконец, мы с облегчением вернулись к более простым и непосредственным проблемам полевых исследований. Лагерь был расположен, как и раньше, на берегу реки Аваш, но только выше по течению. Его организация на этот раз была более продуманной и масштабной, топографические изыскания более обширными. На генеральной карте появились десятки новых участков, вскоре их число перевалило за двести.

Мы начали с участка № 1. Каждый раз, обнаружив ископаемые остатки на новом месте, мы вводили новое обозначение-№ 2, № 3 и т. д. Некоторые участки находились всего в 40-50 футах друг от друга, а иные в полумиле. Каждый участок надо было подробно описать. Если бы я нашел окаменелость у себя в комнате, я бы присвоил ей номер и записал что-нибудь в таком роде: «Участок № 300 около 12 футов в поперечнике, с диваном на севере и камином на юге; на его поверхности находится персидский ковер». В полевых условиях следовало записать: «Участок № 199 характеризуется песками типа DD₃ [слой, который мы сами идентифицировали и обозначили] на севере, а на юге и востоке изрезан глубокими оврагами». К этому нужно было приложить фотографию местности, отметив на ней границы участка и указав место находки, затем обозначить находку на аэрофотоснимке и, наконец, перенести всю существенную информацию на генеральную

топографическую карту.

Работы продолжались, на место собирателей находок приходили геологи и подробно изучали каждый участок. Таким образом из отдельных фрагментов постепенно воссоздавалась физическая характеристика целого района. Я уже упоминал о проблемах, связанных со стратиграфией Хадара. В 1974 году все звенья одной цепи начали смыкаться друг с другом. Мы уже знали, что некоторые пласты содержат больше окаменелостей, и именно на них сосредоточили свое внимание. Иногда один из слоев внезапно исчезал: мы шли вдоль него и вдруг теряли из виду. На выручку приходил Тайеб. Внимательно осмотрев горизонты, он говорил: «Забудьте об этом слое. Здесь произошел сброс. То, что вы ищете, погребено на глубине в 12 метров». Ассистент Тайеба, Николь Паж, была настоящим чудом. Знающий и добросовестный работник, она помогала нам проследить ход отдельных горизонтов, находить их на другой стороне оврага или вообще в другой части отложений. Представления Николь о стратиграфии Хадара были намного точнее, чем у остальных работавших здесь геологов, за исключением Тайеба и еще одного специалиста.

Этим одним был Джеймс Аронсон, американец из университета «Кейс-Вестерн», знаток по части калий-аргонового датирования. Именно ему я послал образцы базальтового слоя, обнаруженного Тайебом. Будучи вулканической породой, базальт поддается датировке с помощью калий-аргонового метода. Теперь Аронсон прислал результаты своих первых анализов. Он определил, что базальту как минимум три миллиона лет (с возможной ошибкой ± 200 тысяч лет). Поскольку коленный сустав был найден ниже базальтового слоя, наша предварительная оценка его возраста — «от трех до четырех миллионов лет» — теперь казалась более обоснованной.

— Слава богу, — сказал я. — Теперь нас никто не подловит.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Грей. — Нас и так никто не в состоянии подловить. Неужели ты не доверяешь своему знанию ископаемых? Ты же был в Омо и знаешь, как выглядят там окаменелости возрастом в три миллиона лет. Здесь у нас точно такие же находки.

— Безусловно. Но я рад, что это подтверждает и калий-аргоновый метод.

Все было хорошо, но что-то по-прежнему беспокоило нас. Изо дня в день занимаясь сбором окаменелостей, мы сами стали больше разбираться в геологии Хадара. Мы пришли к выводу, что наши прошлогодние сомнения относительно места базальта в стратиграфической колонке были оправданны. Тайеб поместил его слишком высоко.

— Ты тоже так думаешь? — спросил Грей.

— Я начинаю так думать.

— Что же нам делать?

— Пригласить сюда Аронсона. У нас не должно быть ошибок в геологических данных.

Эта мысль не давала мне покоя. Описывая в статье результаты первого полевого сезона, я дал стратиграфическую схему Хадара, в которой базальт был помещен довольно высоко. Правда, я оградил себя спасительной сноской, что все геологические данные носят предварительный характер и могут быть пересмотрены. Но все же стратиграфическая колонка печаталась под моей фамилией, и я чувствовал себя неловко. Теперь же, лучше узнав геологию Хадара, я стал тревожиться еще больше.

Меня беспокоила также дискуссия, развернувшаяся вокруг датировки туфа KBS в Кооби-Фора. Хотя Ричард Лики по-прежнему придерживался цифры 2,6 млн. лет, которую выдвинули английские ученые Фрэнк Дж. Фитч и Джек Миллер, шум вокруг датировки становился все гром-

че. Несколько месяцев назад Бэзил Кук опубликовал статью об эволюции свиней. Он показал, что свиньи из Омо (2 млн. лет) идентичны свиньям из Кооби-Фора (2,6 млн. лет по датировке туфа KBS). Это расхождение в 600 тысяч могло свидетельствовать об ошибке либо в выводах самого Кука, либо в калий-аргоновой датировке Фитча и Миллера. Поскольку Кук знал добросовестность Кларка Хоуэлла и точность датировок Омо, установленных по многим эталонным слоям вулканического туфа, он в вопросе о древности туфа KBS больше доверял своим свиньям. Лики же придерживался выводов Фитча и Миллера.

Я начинал подозревать, что Лики, быть может, ошибается, и если это действительно так, то весь сложный комплекс его идей об эволюции человека потребует пересмотра. На основе датировки туфа KBS в 2,6 млн. лет Лики пришел к выводу, что принадлежащий *Homo habilis* череп 1470 насчитывает 2,9 млн. лет. Это практически исключало всех известных австралопитековых из ряда предков человека. Поэтому Ричард, верный семейной традиции, отстаивал точку зрения, согласно которой австралопитеки — это наши побочные родственники, а предок *Homo*, когда он будет обнаружен, окажется больше похожим на человека и меньше на австралопитековых, чем любая из сделанных до того времени находок. Пересмотреть эти идеи, основываясь на данных об ископаемых свиньях, было для Ричарда Лики необычайно трудно. В 1973 году он писал: «Либо мы должны отбросить череп 1470, либо вынуждены будем отказаться от принятых теорий происхождения человека. Он попросту не вписывается ни в одну из известных схем человеческой эволюции». Лики предпочел отказаться от концепции, что австралопитековые были нашими предками.

Я решил не подставлять себя под

удар в вопросе о датировках. Все цифры, касающиеся Хадара, должны быть твердо обоснованы. Меня тревожили образцы, посланные Аронсону для анализа, — вдруг они окажутся некачественными? Я понял, что есть только один способ успокоить себя — пригласить Аронсона, чтобы он сам собрал нужные материалы. Я сказал об этом Тайебу.

— Хорошо, пусть приезжает, если согласится, — ответил тот.

Аронсона было трудно заполнить. Я приглашал его год назад, но у него в Кливленде скопилось слишком много образцов, присланных для анализа. Методика определения возраста была чрезвычайно трудной, а он только начал готовить себе помощника. Однако Аронсон хотел бы приехать в Хадар: патологически осторожный, он всегда готов был все пощупать собственными руками. К тому же он с недоверием относился к присланным ему базальтам. Но пока он оставался в Кливленде и сообщал результаты своих тестов с существенной оговоркой: «Я получил цифру в три миллиона лет, но не уверен в ее точности, так как образцы пород могли подвергнуться выветриванию. Если это так, забудьте о моей датировке, она никуда не годится. Было бы гораздо лучше, если бы я мог сам собрать необходимые образцы».

Имея согласие Тайеба, я ответил на это: «Хорошо, приезжайте и собирайте сами».

Аронсон принял предложение и сказал, что приедет в декабре 1974 года, в конце второго полевого сезона.

В полевом сезоне 1974 года были шире развернуты работы по осмотру местности. Не последнюю роль в этом сыграл представитель министерства Алемайеху Асфав, который стал одним из лучших специалистов-собирателей. Он с каждым днем все увереннее распознавал окаменелости. Вскоре я начал доверять ему самостоятельные поиски: он сам на-

ходил образцы и делал свои заметки о них. Ему это нравилось. Алемайеху был спокойным и очень наблюдательным человеком, который лучше всего работал в одиночестве.

Однажды Алемайеху нашел небольшой фрагмент нижней челюсти с несколькими коренными зубами. Они были большего размера, чем человеческие, и он сказал мне, что нашел челюсть павиана со странными крупными зубами.

— Вы думаете, это павиан? — спросил я его.

— Ну да, только с очень здоровыми молярами.

— Нет, это гоминид.

Найденный год назад коленный сустав подтвердил существование гоминид в Хадаре. Каждый из нас надеялся в 1974 году наткнуться на что-нибудь еще. Французы с первого же дня принялись рыскать в районе лагеря, предоставив американцам натягивать палатки. Когда несколько недель поисков ничего не дали, страсти немного улеглись. Теперь они вспыхнули снова, но с особой силой у самого Алемайеху.

Невозможно описать чувство, которое охватывает человека, когда он находит нечто особенно ценное. Теперь он понимает, зачем находится здесь. Можно долго работать, но удача приходит вдруг. Когда я сказал Алемайеху, что он держит в руках остатки гоминида, лицо его засияло, а плечи распрямились. Вдохновленный до необычайной степени и будучи свободным в послеполуденное время, он взял в привычку бродить, склонившись к земле, в течение часа-другого перед наступлением темноты. Он выбирал районы вблизи лагеря, куда легко добраться без лендровера. Хотя он не говорил этого вслух, на самом деле он понимал, что стал одним из самых наблюдательных исследователей среди тех, кто занимался этой работой.

На следующий день после челюсти гоминида Алемайеху принес совершенно целый череп павиана.

Днем позже я сидел за столом и детально описывал эту находку, как вдруг в лагерь снова ворвался Алемайеху.

Глаза его сияли. Он сказал, что нашел «еще одну такую же штуку». По его уверениям, это была очередная челюсть гоминида, которую он уже мог отличить по внешнему виду. Я отложил череп павиана и бросился за Алемайеху, забыв, что я босиком. Гравий так сильно жег и ранил ноги, что мне пришлось вернуться в палатку и обуться. Гийемо и Петтер, работавшие со мной, тоже помчались вслед за Алемайеху. Когда я догнал их, мы находились в небольшой ложбине в нескольких сотнях ярдов от поселения афаров. Мои спутники, склонившись, разглядывали прекрасную ископаемую челюсть, торчавшую из песка. Гийемо показал свои собственные следы, которые он оставил в первое утро пребывания в лагере. Он находился всего в трех ярдах от находки, но ничего не обнаружил.

В это время прибыла толпа других исследователей, которые бросились поспешно осматривать все вокруг. Один из французов закричал, что тоже нашел челюсть. Это оказалась челюсть гиены — отличная находка, если учесть, что хищники вообще попадаются редко. После этого возбуждение улеглось, стало темнеть. Большинство участников экспедиции вернулось в лагерь. Я перестал заниматься осмотром и начал извлекать челюсть, найденную Алемайеху, как вдруг снова увидел его. Совершенно запыхавшийся, он взбирался на ближайший склон и в волнении размахивал руками.

— Я нашел другую челюсть, — с трудом произнес он. — А может быть, две.

Я подбежал к нему. У него в руках были две половинки челюсти. Когда я соединил их вместе, они прекрасно сошлись, образовав совершенно целую верхнюю челюсть со всеми зубами. Это была превосходная находка-

ка. В течение часа Алемайеху добыл две из самых древних и наиболее сохранившихся челюстей гоминид. Если прибавить к ним фрагмент, найденный несколько дней назад, то Алемайеху вполне заслуживал того, чтобы попасть в «Книгу мировых рекордов» Гиннеса как человек, отыскавший наибольшее число костей ископаемых гоминид в минимальное время.

Эта небольшая ложбинка известна теперь как «Долина гоминид». Всего здесь было обнаружено три челюсти: две нашел Алемайеху и одну — рабочий нашего лагеря несколько дней спустя. Об этих сенсационных находках было сообщено в Аддис-Абебу.

В то время политическая ситуация в стране существенно осложнилась. Император Хайле Селассие был низложен. Многие столпы старого режима покинули страну. Экспедиция была связана со столицей самолетом, который, хотя и нерегулярно, доставлял продукты и сообщения о новостях. Насколько мы могли судить, новое правительство не занималось сменой чиновников в различных министерствах. Экспедиционные контакты оставались достаточно прочными. Известие о находках Алемайеху вызвало огромный интерес в министерстве культуры, и многие из его сотрудников выразили желание посетить Хадар. Были сделаны все необходимые приготовления, и вскоре к нам заструился непрерывный поток официальных гостей. Подлетая к лагерю, самолет подавал сигнал и приземлялся на посадочную дорожку в 45 минутах езды от лагеря. Лендровер привозил гостей, они оставались в лагере несколько часов, с любопытством, но без особого понимания рассматривали находки, инспектировали наши владения и затем возвращались в Аддис-Абебу, стремясь поскорее сменить жару пустыни на прохладу высокогорья.

Эти недели были особенно

трудными для меня. Уже при первом ознакомлении с челюстями я обнаружил у них ряд интересных особенностей. Мне хотелось внимательно и подробно описать их и хотя бы немного спокойно подумать, но на это не хватало времени. Я должен был подготовить сообщение для прессы, затем слетать в Аддис-Абебу и передать его, принимать посетителей-чиновников и репортеров, приехавших в лагерь. Хуже всего было то, что экспедиция опять оказывалась без денег. Мои двухгодичные ассигнования, полученные от Национального научного фонда, были растрчены, так же как и сумма, собранная мною в Кливленде.

Я обсудил свое финансовое положение с Кларком Хоуэллом, который по собственному опыту организации полевой работы знал, что экспедиция в Хадаре финансируется недостаточно. Когда я рассказал Кларку о «челюстях Алемайеху», он сразу же оценил их значение и решил сделать все возможное для того, чтобы наши поиски продолжались. Он запросил от меня по телеграфу более детальную информацию о находках, а затем попытался с ее помощью получить ассигнования для нашей работы. С этой целью он обратился в фонд имени Лики, основанный в честь Луиса Лики, умершего два года назад. Фонд прислал нам 10 тысяч долларов, которых хватило как раз для того, чтобы закончить сезон 1974 года, и это спасло меня от тягостной необходимости обращаться к кливлендским меценатам за вторичной денежной субсидией.

Когда мои финансовые проблемы на время разрешились, а поток официальных гостей иссяк, я смог наконец заняться челюстями. Они были чрезвычайно загадочными. Сначала я решил, что они принадлежат австралопитекам. Два года назад во время пребывания вместе с Хоуэллом в Южной Африке, где я занимался изучением и измерением иско-

паемых находок, в моей памяти прочно закрепилось представление о зубной системе австралопитековых. Зубы в челюстях, найденных Алемайеху, были в общем такого же типа, но с некоторыми отличиями. Одно из них я заметил сразу — оно касалось соотношений между отдельными группами зубов. У австралопитековых коренные зубы очень крупные, а резцы, т. е. передние зубы, — очень малы. У людей наоборот: коренные зубы малы, а резцы сравнительно велики. В этом отношении челюсти Алемайеху были ближе к человеческим, чем к челюстям австралопитеков. Клыки, однако, не походили на клыки человека или австралопитека, а были более обезьяноподобными.

Странные, очень странные челюсти. По сути дела ни то, ни другое. Кому же в конце концов они принадлежали? Чем больше я изучал их, тем больше удивлялся. Эта странная смесь *Номо* и австралопитековых с явными признаками чего-то еще более примитивного сбивала с толку. Немало озадачивали и размеры: хотя обе находки Алемайеху принадлежали взрослым существам, одно из них было больше другого. Может быть, в Хадаре жили два разных вида гоминид?

Я понимал, что настало время обсудить эти странные находки с другими искателями плиоплейстоценовых ископаемых. Я нуждался в аргументах за и против и в конце концов решил просить Ричарда Лики приехать в Хадар. Я был должником Ричарда: два года назад я посетил Кооби-Фора, имел возможность наблюдать за ходом работ и побеседовать с учеными. Теперь, когда я и сам мог показать кое-что Ричарду, я должен был в свою очередь пригласить его. Мне нужно было общение: поговорить, послушать, сравнить, обменяться идеями. Поэтому я послал Ричарду письмо, приглашая его самого, его мать Мэри, его жену Мив, а также всех, кого Лики захо-

тел бы взять с собой.

Приехали все трое, захватив для компании Джона Харриса — мужа сестры Мив, специалиста по жирафам, который работал палеонтологом в Кооби-Фора. Ричард доставил всех в Аддис-Абебу на своем собственном маленьком самолете. Здесь он посетил министерство культуры, чтобы навсегда покончить с обвинениями, будто находки, которые я вывез из Эфиопии, отданы музею в Найроби. В этих обвинениях, сказал Ричард со всей решительностью, нет ни слова правды. Находки отправлены в США для исследования и в пятилетний срок, обусловленный соглашением, будут возвращены. Затем он и его спутники вылетели к нам. Приближаясь к Хадару, они имели редкую возможность взглянуть на отложения с воздуха, чего мы, члены экспедиции, никогда не могли сделать, так как передвигались только на грузовиках. Гости были поражены масштабами территории: тысячи и тысячи квадратных миль эродированных отложений — этого хватило бы лет на двести дюжине палеонтологических экспедиций.

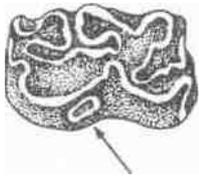
Мэри и Ричард с таким же волнением рассматривали челюсти, с каким я их показывал. Они изучали находку с предельной осторожностью.

— Это явно не массивный австралопитек, — сказал Лики. — Не похоже и на экземпляры *Australopithecus boisei*, которые мы находим в Кооби-Фора. Эти челюсти слишком изящны, а моляры слишком малы для массивных австралопитеков. Разве не так?

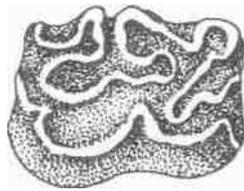
— Да, пожалуй, — ответил я.

— В общем и целом я назвал бы их *Номо*.

— И я тоже, — сказала Мэри. Это было именно то, что я надеялся услышать, наполовину предчувствуя подобный диагноз, наполовину веря в его неизбежность. Если он окажется правильным, то перед на-

Hipparion

Equus

Эктостилид, который Джон Харрис пытался найти в хадарской коллекции лошадиных зубов, это небольшой округлый бугорок (показан стрелкой) на жевательной поверхности зуба. *Hipparion*, на зубах которого обычно имеется этот бугорок, вымирает позже 3 млн лет, на смену ему приходит окоцо 2 млн лет назад истинная лошадь, *Equus*, на зубах которой нет эктостилида. Присутствие зубов *Equus* (возрастом не более 2 млн лет) в одном слое с ископаемыми остатками *Homo* в Кооби-Фора явилось одной из причин того, что Харрис и Тим Уайт усомнились в датировке черепа 1470 (якобы 2,9 млн лет).

ми древнейшие в мире остатки человека.

Я устроил гостям экскурсию, провел их по отложениям, показал базальтовый пласт, найденный Тайебом, в соответствии с возрастом которого (3 миллиона лет) датируются все находки Хадара. Потом мы вернулись в лагерь и стали осматривать зубы и кости млекопитающих. К этому времени у нас составила обширная коллекция, где многие образцы отличались превосходной сохранностью. Гости подвергли их внимательному анализу, в особенности зубы гиппариона, предка лошади, вымершего около трех миллионов лет назад. Истинная лошадь, *Equus*, — мигрант из Азии, она появилась в Восточной Африке два миллиона лет назад. Джон Харрис без конца вертел в руках зубы гиппариона.

— Что вы там ищете? — спросил я его.

— Эктостилид, — сказал Харрис. — Что-то я не вижу его.

Эктостилид — это маленький бугорок, который появляется на нижних зубах *Hipparion*, но отсутствует у

Equus. Его наличие — единственный способ, позволяющий различить эти две формы

— Он есть, — сказал я. — Он есть на всех этих зубах. Он должен здесь быть.

— Но я не вижу его на этом зубе.

— Вот тут, — сказал я. — Коронка просто недостаточно стерта.

— Да он вообще незаметен, — стоял на своем Харрис. — Может быть, его нет.

— Он есть. Если хотите, я возьму ножовку и распилю зуб пополам, чтобы доказать это. Эктостилид есть на каждом из зубов, которые вы сейчас рассматриваете.

Харрис нехотя со мной согласился.

— А в чем, собственно говоря, дело? — спросил Грей спустя некоторое время, имея в виду наш спор с Харрисом.

— Думаю, что в датировке, — ответил я. — Что-то у них там не в порядке. В Кооби-Фора они нашли зубы *Equus* прямо под туфом KBS, что по их датировке должно составить почти три миллиона лет. Однако во всей Восточной Африке не существует зубов *Equus* такого возраста: самые древние датируются двумя миллионами. Никто не поверит, что зубам из Кооби-Фора три миллиона лет. Харрис понимает это и пытается найти дополнительные доказательства. Я думаю, именно это он и хотел сделать.

— С помощью эктостилида?

— Совершенно верно Они видели сегодня наш базальтовый слой. Морис объяснил геологию отложений. Они знают, что найденные нами зубы лошадей насчитывают три миллиона лет. Осталось только обнаружить среди них такой, на котором бы не было эктостилида, и отнести его к роду *Equus* — это было бы как раз то, что им нужно. Джон просто пытался помочь Ричарду выбраться из западни.

— Почему он прямо не сказал об этом?

— Слишком деликатная тема.

Это была действительно самая деликатная из всех нерешенных палеоантропологических проблем текущего десятилетия: от возраста туфа KBS зависит возраст «1470-го», а от него в свою очередь — целая цепь выводов об отношениях между человеком и австралопитеками.

Ричард сам заговорил об этом после обеда. Отодвинув назад стул и закулив маленькую изогнутую трубочку, которая всегда была при нем, он сказал:

— Дон, я хочу задать тебе один вопрос. Каков возраст туфа KBS?

— Я думаю, около 1,8 миллиона лет, — ответил я.

— Какие основания для такого вывода?

— Это в основном результаты Бэзила Кука: свиньи из Омо, из Кооби-Фора и даже здешние свиньи. А также антилопы и слоны, характерные для рифтовой долины. Все говорит об одном. — В этот момент я посмотрел на Харриса. — В том числе и лошадиные зубы, Джон. Ты не сделаешь из гиппариона возрастом в три миллиона лет лошадь, которой всего два миллиона, просто потому, что тебе этого хочется.

Харрис понял, что проиграл этот раунд, но пустился в рассуждения о скоростях эволюции, которые могли быть у определенных видов разными из-за различий в окружающей среде. Он заявил, что условия жизни в Омо, где были лес и река, отличались от природы в районе Кооби-Фора с его сухой саванной. Это могло повлиять на скорость эволюционных изменений, а отсюда и некоторые расхождения в ископаемых материалах.

— Давайте говорить проще, — предложил я. — К чему сложные рассуждения, когда речь идет об абсолютно ясных свидетельствах.

— Ну а если все-таки принять точку зрения Джона? — вступил в разговор Ричард. — Разве различия в природных условиях Омо и Кооби-Фора

не могли повлиять на скорость эволюции?

Я ответил, что небольшие различия, возможно, имели место, но лишь на протяжении очень коротких периодов времени.

— Верно, — сказала Мэри Лики. — Не давайте сбить себя с толку. Он рассуждает, как Луис. Спорит и старается загнать вас в угол. Но вы стойте на своем.

Ободренный ее поддержкой, я добавил, что наши коллекции вообще не дают основания для подобных выводов. «Мы не можем расположить находки в хронологическом порядке в пределах сотен лет, — продолжал я. — У нас счет идет на десятки или сотни тысячелетий, и вот тогда картина получается необыкновенно ясной».

— Очень интересный вечер, — заметил Ричард, выбил пепел из трубки и отправился спать. О черепе 1470 — ключевой проблеме спора — не было сказано ни слова. На следующее утро гости покинули Хадар.

После их отъезда мне предстояло о многом подумать. Лики укрепили мое подозрение, что вновь найденные челюсти обладают чертами *Ното*. Более того, они превратили это подозрение в нечто подобное уверенности. Я чувствовал, что должен засесть за статью и изложить свои мысли на бумаге, но все время медлил, не решаясь приступить вплотную к делу. Проснувшись на следующее утро, я знал, что мне писать: я буду предположительно классифицировать эти челюсти как человеческие, одновременно подчеркивая те крайне примитивные черты, которые им свойственны. Я полагал, что если они принадлежат *Ното*, то, видимо, древнейшему из известных представителей этого рода, достаточно древнему, чтобы сохранить некоторые предковые обезьяноподобные черты. Этого вполне можно было ожидать. Когда проникаешь в прошлое на три миллиона лет,

странно было бы не найти там обезьяньих признаков. Внезапно я понял, что достиг той точки, на которой уже останавливались многие антропологи до меня, задаваясь вопросом: где провести черту?

Сам я никогда не пытался ответить на этот вопрос. Должно быть, потому, что не располагал собственными находками, которые подвели бы меня к нему. Теперь впервые я начал понимать, что могла значить эта проблема для других, представлявших себе, как нить человеческого развития по мере углубления в прошлое становится все тоньше, пока, наконец, не перестанет быть линией развития *человека*. Это была не только научная, но и эмоциональная проблема. Исследователь мог проникать все глубже в историю нашего рода, выйти за ее пределы и все-таки искать там человека: ведь и там должен был существовать наш предок — чутьчку древнее, немного примитивнее, но представитель человеческой линии.

Я старался отделаться от этих мыслей. Я говорил себе, что никогда не позволю чувствам увести меня в сторону, и в то же время сознавал, что именно сейчас, быть может, чувства-то и влияют на мои суждения. Итак, были ли эти челюсти действительно человеческими?

Были ли? В конце концов именно я должен был ответить на этот вопрос и высказать окончательное суждение, выделив единственную человеческую черту из массы обезьяноподобных. Я еще раз посмотрел на челюсти, взор мой скользнул по примитивно выглядевшим премолярам и остановился на коренном зубе, напоминавшем человеческий. Небольшой по сравнению с передними зубами, этот зуб был покрыт довольно тонким слоем эмали. Совершенно очевидно, что он не был похож на коренные зубы австралопитековых из Южной Африки. Этого было достаточно, мое решение созрело — я представляю находку как *Homo*.

Решив этот вопрос, я посмотрел на свой письменный стол. Здесь лежал ворох неразобранных бумаг, писем, на которые надо было ответить (чего я не успел сделать из-за гостей), и счетов, которые следовало оплатить (что теперь стало возможным, так как мы получили субсидию от фонда Лики). Всем этим нужно заняться тотчас же, наряду с описанием челюстей. Придется мне засесть за работу сразу после завтрака...

Я подошел к тенту, где мы обедали, и взял чашку кофе. Прихлебывая его, я вдруг почувствовал сильное желание отложить в сторону все бумаги и вместо этого пойти осматривать местность. Вообще-то мне не следовало этого делать, но тут вошел Грей и начал спрашивать, где находится участок 162. Чувствуя, что сегодняшний день предназначен для охоты за окаменелостями, я решился. Бумаги подождут. Мы с Греем покинули лагерь. А через два часа нашли Люси.

Люси озадачивала, другого способа охарактеризовать ее не было. Все связанное с нею было сенсацией. То, что на столе антропологической палатки скоро появится почти половина целого скелета, казалось ученым невероятным, хотя они сами собирали различные кости, сортировали и укладывали их.

Не менее удивительным было и существо, которое составилось из отдельных кусочков. Оно было чуть выше метра ростом, имело очень небольшой мозг и передвигалось на двух ногах. Челюсть у него была V-образной формы, т. е. без широкого закругления спереди, как некоторые другие челюсти, и уступала им по размерам. Кроме того, на первом премоляре у Люси имелся только один-единственный бугорок. В челюстях большего размера обычно сидят двухбугорковые премоляры. Поскольку зуб с одним бугорком более примитивен, а зуб с двумя бугорка-

ми ближе к человеческим зубам, я пришел к предварительному выводу, что Люси отличается от форм с более крупными челюстями. Изучив костные остатки, я, кажется, понял, что челюсти Алемайеху относятся к очень раннему этапу филогении *Homo* (о чем говорили и члены семьи Лики), а Люси — нечто совершенно иное; возможно, это очень древний представитель австралопитековых.

Когда костей мало, они могут стать поводом для самых смелых гипотез, которые нет возможности опровергнуть. Но когда костей становится больше и к одиночной находке присоединяется много фрагментов, принадлежащих разным индивидам, тогда эти фрагменты начинают говорить сами за себя и исключают некоторые из прежних предположений. Растущий объем информации автоматически отсекает ряд возможностей. С другой же стороны, хорошая подборка костей повышает «вес» других гипотез: они могут превращаться из простых догадок в логически правдоподобные построения. Лишь в очень редких случаях группа костей дает однозначный ответ.

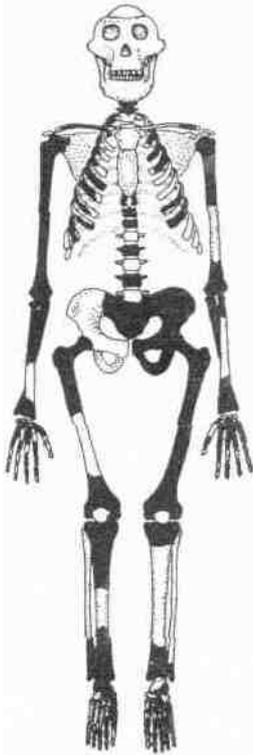
Именно такой ответ давала Люси. Прежние гипотезы о наличии или отсутствии раннего прямохождения, старые споры о том, передвигался ли *Australopithecus africanus* вперевалку, волоча ноги или шаркающей походкой, отпадали сами собой. У Люси — маленького создания с мозгом человекообразной обезьяны — кости таза и нижних конечностей должны были функционировать почти так же, как у современного человека. Я вспомнил свои сомнения по поводу найденного год назад коленного сустава и то облегчение, которое мне принесли слова Оуэна Лавджоя, подтвердившего сходство этого сустава с человеческим. Теперь благодаря находке Люси я знал наверняка, что гоминиды и три миллиона лет назад ходили на двух ногах. Особенно по-

ражало то, что они освоили прямохождение *раньше*, чем их мозг начал увеличиваться. Против этого уже никто не мог возражать, так же как и сомневаться в принадлежности тех или иных костей одному и тому же индивидууму. Все кости удивительного скелета Люси были найдены вместе.

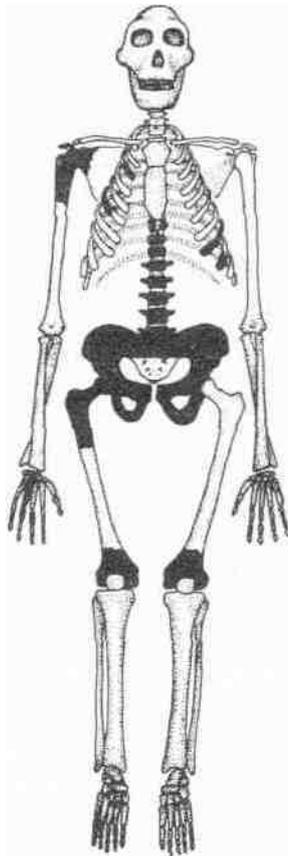
Но, подобно всем находкам, отвечающим на какой-то один вопрос, Люси ставила ряд других, новых вопросов. Один из них настоятельно требовал ответа: если прямохождение развивается и совершенствуется до увеличения мозга, то что же было причиной самого прямохождения? Согласно гипотезе, много лет бытовавшей в науке, сочетание ловкости рук, все большего употребления орудий и развития мозга заставляло определенных обезьян подниматься на задние ноги, а растущая день ото дня уверенность в манипулировании предметами побуждала их стоять прямо; это давало возможность оперировать все большим числом предметов. Подобную идею красноречиво отстаивал Шервуд Уошберн из Калифорнийского университета. В 60-х годах он утверждал, что употребление орудий и увеличение объема мозга предшествовали прямохождению, и, по-видимому, именно эти факторы были причиной его развития!

Люси покончила с этими аргументами. Что же должно занять их место? — размышлял я. Оуэну Лавджою придется поломать голову над этой задачей. Я с нетерпением ждал того момента, когда смогу показать ему Люси. Мне и самому хотелось на досуге подумать о проблемах прямохо-

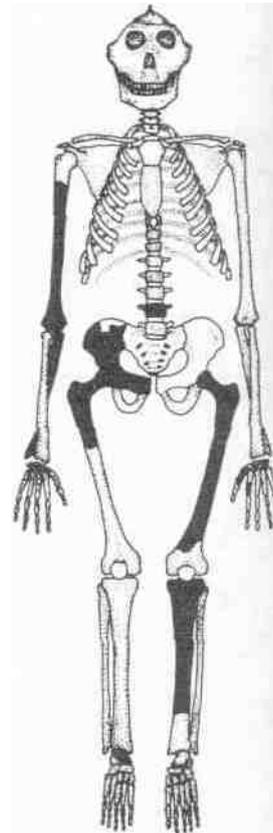
¹ Необходимо отметить, что уже в 1978 году Ш. Уошберн писал: «Прямохождение возникло на миллионы лет раньше, чем большой головной мозг, каменные орудия или другие характеристики, которые мы считаем человеческими» (см. сб. «Эволюция», М.: «Мир», 1981, с. 228).-Прим. иерее.

A. afarensis

A. africanus

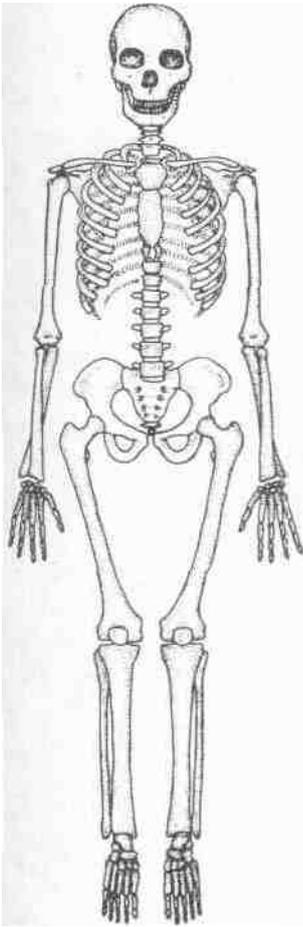
A. robustus

ждения, но в этот момент в Хадар приехал Аронсон, и я должен был проводить с ним много времени. Помимо постоянной работы по обследованию местности, мне предстояло написать сообщение о Люси для эфиопской печати, а затем поехать в Аддис-Абебу и зачитать его на пресс-конференции, продемонстрировав при этом свои находки.

Аронсон прибыл в декабре и провел в лагере две недели, занимаясь геологическими изысканиями и сбором образцов пород. В самом конце его пребывания передо мной вновь встала проблема, как вывезти ископаемые остатки в Соединенные Штаты.

Чтобы забрать Люси из Эфиопии, я вынужден был иметь дело с двумя организациями — Национальным музеем и Отделом древностей. Согласно процедуре, разработанной Тайебом и министерством культуры (которое было вершиной этой бюрократической пирамиды), все находки должны быть пронумерованы, описаны, внесены в книги поступлений, а затем разложены в хранилище музея. Чтобы взять их обратно, мне или Тайебу нужно было обращаться в Отдел древностей.

Прибыв в музей с грузом ископаемых остатков, я понял, что приехал в неподходящий момент. Оба учреждения вели ожесточенный спор

H. sapiens

Если бы все найденные в Хадаре кости можно было соединить в одном скелете, то в нем были бы представлены части, закрашенные черным на левом рисунке. Аналогичные рисунки сделаны и для других австралопитеков. Сразу видно, что об *Australopithecus afarensis*, хотя он и открыт совсем недавно, известно гораздо больше, чем об *Australopithecus africanus* или *robustus*. Черепа всех трех австралопитеков тоже следовало бы зачернить, но этого не сделано, чтобы сохранить изображение деталей. Справа для сравнения представлен скелет современного человека.

по поводу того, следует ли музею расширять хранилище. Директор музея отказался принимать наши находки, мотивировав свое решение тем, что в музее для них нет места. Это разрушало все мои планы: ведь если я не зарегистрирую находки в музее, то, естественно, не смогу получить их обратно. Целых пять дней я метался между двумя учреждениями и в конце концов убедил директора принять наши находки.

Но получить их оттуда оказалось еще сложнее. На протяжении следующей недели я каждодневно являлся в Отдел древностей, пытаюсь добиться разрешения на выдачу находок. Наконец, я понял, что никто

из служащих не возьмет на себя смелость дать мне такую бумагу, и тогда организовал встречу, пригласив на нее директора Отдела древностей, его заместителя, директора музея, главного хранителя и еще одного-двух чиновников. В результате что-то сдвинулось с места, и с согласия министра одному из служащих было поручено написать необходимое мне разрешение.

— Мне бы хотелось получить его сегодня же, — сказал я. — Музей закрывается через несколько часов и будет вновь открыт только после рождества. К тому времени мне нужно быть в США.

— Но я полагаю, что каждая на-

ходка должна быть взвешена, — неожиданно сказал один из присутствующих.

Я объяснил, что в этом нет необходимости, что раньше кости никогда не взвешивали и что в музее вообще нет весов. К моему великому облегчению, о взвешивании больше не упоминалось, и я наконец получил долгожданную бумагу. «Пожалуйста, позвоните в музей, что я выехал к ним», — попросил я и помчался туда.

Директор музея, судя по всему, решил выдать мне ископаемые находки, но, на беду, главный хранитель, который должен был проверить их и зафиксировать акт передачи, в тот момент куда-то ушел и никак не возвращался. А между тем приближалось время закрытия музея. Я был на грани отчаяния.

— Когда хранитель вернется, ему придется работать допоздна, — сказал я.

— Я не могу приказывать ему. У него очень трудный характер. Он уйдет домой ровно в шесть, что бы я ни сказал ему.

Была уже половина шестого.

— О боже, — простонал я.

— Мы можем сделать все сами, — сказал директор. — Но только надо спешить, пока не вернулся главный хранитель.

Внезапно мне пришла в голову мысль, что все это подстроено нарочно, что завтра утром меня задержат в аэропорту, конфискуют находки и упекут в тюрьму за похищение

национальных сокровищ. Однако я тогда ошибался. Директор изо всех сил старался мне помочь и прекратить волокиту. Я от души поблагодарил его. Уже выходя из дверей с окаменелостями в руках, я заметил в конце зала главного хранителя. Я не остановился и прошел мимо. На следующее утро, обуреваемый самыми мрачными предчувствиями, я приехал в аэропорт, но на таможне встретил только двух одетых в униформу девушек, которые с улыбкой махнули рукой, пропуская меня. Люси и я улетели.

На промежуточной посадке в Париже я вновь прошел таможню. Служащий потребовал показать, что находится в маленьких пакетиках, лежащих в моем чемодане. Я объяснил, что это ископаемые остатки из Эфиопии. «А, это, очевидно, Люси?» — спросил таможенник. Он интересовался антропологией и прочел о Люси в газетах. Собралась порядочная толпа, которая наблюдала, как кости Люси одна за другой выкладывались на таможенную стойку. Я впервые почувствовал огромный интерес, который пробуждала Люси, где бы она ни появлялась. И я понял, что превратился из никому не известного начинающего антрополога в подающего надежды молодого исследователя, находки которого уже могут соперничать даже с открытиями признанной палеоантропологической суперзвезды — Ричарда Лики.

Палеонтологическая летопись — это серия локальных поперечных срезов, выхватывающих отдельные моменты времени. Однако площадь этих срезов, как правило, не слишком велика. В одном месте вы можете получить хорошую датировку, в другом — нет. Непрерывные осадочные слои встречаются разве что на дне моря, но нам от этого мало проку.

Ф. Кларк Хоуэлл

Морис Тайеб проработал два года, пытаясь составить стратиграфическую колонку отложений Хадара. Это была нелегкая работа. Он нашел окаменевший лавовый поток — слой базальта, возраст которого можно было определить, — но поместил его слишком высоко в своей стратиграфической схеме, над всеми ископаемыми остатками.

Том Грей

Трудность, связанная с расположением базальтового слоя, заключалась в том, что он не доходил до тех мест, где были обнаружены ископаемые остатки. Нам пришлось выяснить взаимоотношения между слоями, после чего оказалось, что базальт на самом деле занимает очень низкое положение, а многие окаменелости были найдены над ним.

Джеймс Аронсон

Ввиду обилия ископаемых остатков гоминид, собранных наряду с костями различных животных в 1974 году, нас ожидала огромная работа по их очистке, систематизации в соответствии с событиями местной геологической истории и, наконец, описанию. Вообще, характеристика находок — длительный и трудоемкий процесс; он включает неисчислимое множество измерений и запись их результатов. Я проделал все это с челюстями, найденными Алемайеху, но впереди оставалась еще бездна работы. Теперь на меня обрушилась лавина костей Люси — новые горы измерений и описаний. И их нужно было закончить, прежде чем сформулировать четкую научную гипотезу о том, что представляли собой хадарские гоминиды. Решающую роль здесь должен был сыграть их возраст. Мы нуждались в точных, твердо обоснованных датировках, но в тот момент располагали лишь такими цифрами, которые никак нельзя было назвать безупречными. Я рассчитывал, что в этом отношении нам поможет Аронсон, недавно побывавший в Хадаре.

Тайебу посчастливилось найти слой базальта — окаменевший лавовый поток, а также менее мощные слои туфа (вулканического пепла), расположенные выше. Поскольку лава и пепел служат хорошим материалом для определения возраста, мы еще в предыдущий сезон собрали образцы пород и отправили их в Кливленд Аронсону для калий-аргоновой датировки. Пробы туфа из-за сильного выветривания Аронсон счел непригодными; однако базальт, хотя на нем тоже были следы разрушения, оказался вполне подходящим для анализа с помощью сконструированного Аронсоном прибора. Проведя несколько испытаний, Аронсон определил древность базальтового слоя в три миллиона лет с возможной ошибкой в 200 тысяч лет в ту или другую сторону.

Три миллиона лет — это усредненный результат нескольких опытов. Ошибка в 200 тысяч лет отражала различия в результатах отдельных тестов и была слишком велика, чтобы удовлетворить Аронсона. Если бы удалось собрать более чистые

образцы лавы, то полученные величины стали бы более однородными и возможная ошибка уменьшилась до 100 или даже 50 тысяч лет. Аронсона заботило не столько уточнение возраста базальтового слоя (хотя это тоже было бы неплохо сделать), сколько разброс в серии тестов, ставивший под сомнение надежность самой выборки. Конечно, породы с течением времени изменяются, но в какой степени? Ответить на этот вопрос Аронсон не мог, так как образцы не были собраны им самим. Он знал только, что изменение породы скорее всего приведет к занижению ее возраста из-за утечки какой-то части содержащегося в ней аргона.

Скальные образцы, даже если речь идет об одних и тех же породах, не похожи друг на друга. Поверхность валуна, подверженная действию воздуха, солнца и дождевой воды с растворенными в ней веществами, может существенно отличаться от его сердцевины. Наружный слой застывшей лавы разрушается и крошится в результате эрозии. Вулканический пепел, кроме того, незаметно засоряется посторонними частичками пыли, которые могут быть в 10 или 100 раз древнее его самого. Для обычного геолога качество собираемых образцов не столь существенно, и он может не учитывать всех этих деталей. Для того же, кто занимается датировкой, их значение неизмеримо возрастает. Состояние образцов в этом случае не менее важно, чем само их наличие. Геолог оценивает их опытным глазом специалиста. Годами он учится соотносить свои визуальные впечатления с результатами лабораторных анализов, пока не приобретет в этом деле почти безошибочного чутья. Едва взглянув на образец, он уже знает ему цену, подобно тому как знатоки собак или лошадей могут сразу составить верное представление о животном. Такой опыт, однако, приобретается очень медленно.

Джим Аронсон — обаятельный человек с рыжеватыми волосами, ярко-рыжей бородой и интенсивно-голубыми глазами. Его мягкие учтивые манеры странно сочетаются с крепким, почти стальным рукопожатием и жесткой, как бы выдубленной, кожей ладоней. Он не жалеет времени для других. Однажды я признался, что хотя в принципе кое-что знаю о калий-аргоновом датировании, но не имею понятия, как все это выглядит на практике. Джим немедленно пригласил меня на демонстрацию.

— Лучше всего на месте увидеть, как работает машина, — сказал он.

— Я как первокурсник. Считайте, что я ничего не знаю.

— Это лучше всего, — согласился он. Я встретился с Аронсоном в его кабинете в университете «Кейс Вестерн». Он провел меня через холл в комнату, набитую сложным оборудованием.

— Эту машину я сам сконструировал, — сказал он. — Вообще-то она невелика. Денег у меня не хватало, вот и пришлось довольствоваться небольшими размерами. К счастью, мне удалось достать хорошие маленькие насосы и масс-спектрометр (очень сложный измерительный прибор). Но он тоже слишком мал. Лучше всего определять им возраст не очень старых предметов.

— Что значит — не очень старых?

— Ну, таких, которым не больше двух или трех миллионов лет.

— По-вашему, это мало?

— Для геолога — да. Ведь есть масса людей, которым нужно определить возраст действительно очень древних образцов, например нефтяникам, специалистам по динозаврам и другим. В подобных случаях счет идет на сотни миллионов лет. Но я интересуюсь плио-плейстоценом и построил свою машину специально для этого периода. Когда будете осматривать ее, не трогайте вон тот толстый провод и даже не проходите под ним: он находится под высоким напряжением, и вас может убить.

Джеймс Аронсон раскаляет образец вулканического пепла в лабораторной установке, которую он сконструировал для определения возраста вулканических материалов. Принцип работы установки описан на с. 140-141.

Провод был оплетен изоляцией. Он выходил из электрической панели высотой в два метра с многочисленными выключателями и измерительными приборами. Дальше он тянулся по потолку и обвивался вокруг нескольких запаянных стеклянных сосудов величиной с молочную бутылку. Внутри сосудов находились

маленькие металлические контейнеры с образцами вулканического пепла. Снизу к запаянным сосудам были присоединены трубки, которые проходили через ряд стыков, регулировочных приспособлений, насосов, измерительных приборов и исчезали в другой части машины, подключенной к компьютеру.

— Масс-спектрометр находится на этом конце. Я не хочу забивать вам голову объяснением его устройства. Он служит для измерения минимальных количеств вещества. Мы включаем ток, чтобы разогреть вулканические образцы в этих сосудах. Когда образцы плавятся, они выделяют весь содержащийся в них аргон. Мы получаем очень мало этого газа. Вот почему нам нужен масс-спектрометр — он усиливает выходной сигнал настолько, что его можно уловить приборами. До изобретения масс-спектрометра это невозможно было сделать. Мы получаем так мало газа, что измерить его иным путем нельзя.

Аронсон включил рубильник и стал поворачивать рычажок на панели, постепенно увеличивая электрическое поле вокруг одного из стеклянных сосудов. Через несколько минут образец, находившийся внутри него, начал накаляться.

— Что ж, подождем, пока он совсем не расплавится. Затем погоним освободившийся газ к масс-спектрометру.

Он объяснил, что назначение массивных узлов — делать систему абсолютно герметичной. Насосы, хоть и маленькие, очень мощны, они откачивают из замкнутой системы 99,999999999999% воздуха, создавая почти полный вакуум.

— Роль вакуума такова: в окружающем воздухе много аргона, гораздо больше, чем в вулканических образцах, и если мы допустим хоть немного воздуха в машину, то сигнал будет просто забит шумом. Поэтому воздух необходимо полностью удалить.

Аргон, который измерял Аронсон,

был продуктом распада радиоактивного калия, редкого изотопа обычного элемента.

— В вашем теле сейчас находится около 400 граммов калия. Из этого количества только 20 миллиграммов — радиоактивный калий, или калий-40, если вспомнить его настоящее химическое название. Это очень немного, всего лишь одна 200-тысячная доля, но все же это огромное число атомов. Будучи радиоактивным, калий-40 непрерывно распадается, постепенно превращаясь в устойчивый элемент аргон, инертный газ. Вот сейчас калий-40, содержащийся в вашем теле, превращается в аргон со скоростью около 500 атомов в секунду. Вы, может быть, считаете, что это быстро и что таким образом скоро израсходуется весь калий-40. Но это не так. Если учесть число атомов, это совсем не быстро. Распад калия продолжается с момента образования Земли, и тем не менее этот процесс еще не кончился. В вашем теле находятся триллионы атомов калия-40. Это вещество циркулирует в природе в течение миллионов лет, распадаясь всегда с постоянной скоростью.

Он поправился:

— Я сказал «с постоянной скоростью». На самом деле это не совсем так. Скорость распада пропорциональна количеству калия-40, которое содержится в обычном калии. По мере того как доля калия-40 уменьшается, распад идет все медленнее. Во времена австралопитеков, три миллиона лет назад, скорость распада составляла 501 атом в секунду¹ — на один атом больше, чем сейчас. Следовательно, для наших целей эту скорость можно считать постоянной, хотя в эпоху динозавров она заметно отличалась от нынешней. Во времена, когда происходило формирование Земли, скорость распада составляла 4000 атомов в секунду¹. Но за прошедшие с тех пор миллиарды

лет было израсходовано такое количество калия-40, что его распад существенно замедлился. Так и должно быть, потому что скорость распада *по отношению к оставшемуся количеству изотопа* должна быть постоянной.

Калий-40, объяснял Аронсон, как и все радиоактивные элементы, характеризуется определенным «периодом полураспада», т.е. временем, которое необходимо для того, чтобы половина его исходного количества превратилась в другой элемент. Период полураспада калия-40 составляет 1,3 миллиарда лет. Поэтому из всего запаса этого изотопа, остающегося сегодня на Земле, половина исчезнет через 1,3 миллиарда лет, половина остатка — еще через 1,3 миллиарда лет, и т.д. Когда общее количество сократится до минимума, скорость распада станет совсем ничтожной. Если в каком-то неимоверно отдаленном будущем на Земле сохранится только сто атомов калия-40 и если Земля в то время еще будет существовать — понадобятся те же 1,3 миллиарда лет, чтобы число их сократилось до пятидесяти.

— Вы хотите сказать, что весь калий-40 постепенно распадается и превращается в аргон? — спросил я.

— Именно так. Калия становится все меньше и меньше. А аргона каждый день — все больше и больше.

— А куда девается весь этот аргон?

— В конце концов переходит в атмосферу. Когда возникла Земля и атмосфера только формировалась, в ней почти не было аргона. Но постепенно он стал накапливаться. Пока мы здесь разговариваем, атомы аргона выходят через нашу кожу в воздух. Сейчас в атмосфере около одного процента аргона. Вот почему я так забочусь о герметичности системы — иначе нельзя будет узнать, сколько его было в образце.

— Вы сказали, что по прошествии миллиардов лет аргона в воздухе всего один процент?

— Да.

¹ Разумеется, в расчете на те же 400 г исходного калия.—Прим. ред.

— Как будто это не так уж много.

— Для аргона много. Неизмеримо больше, чем в этих вулканических образцах. Аргон вообще очень редкое вещество.

Но тут мне пришел в голову один вопрос: если человеческое тело тоже содержит калий-40, который постепенно превращается в аргон, то почему нельзя измерять распад радиоактивного калия непосредственно в ископаемых остатках? Почему мы используем для этого вулканические образцы?

По нескольким причинам, ответил Аронсон, две из которых имеют решающее значение. Во-первых, в ископаемых костях так мало калия-40, что точные измерения были бы невозможны. Во-вторых, кости выделяли аргон в течение одного или двух миллионов лет. Поэтому нет смысла пытаться измерить то, что осталось. Для получения точной датировки нужно использовать образцы, которые не дают утечки аргона. В этом-то и состоит величайшее достоинство вулканических материалов: они практически не выделяют газа — он прочно «заперт» внутри небольших кристаллов.

Во время извержения, объяснял Аронсон, материал выбрасывается в воздух под огромным давлением и при очень высокой температуре. Он начинает остывать, как только попадает в атмосферу, и сплавляется в стекловидную массу или же образует небольшие кристаллы. Это происходит очень быстро, за несколько часов. Поэтому формирование кристаллов можно рассматривать как одномоментное событие. Они появляются на свет абсолютно чистыми, без примеси аргона, образовавшегося раньше. А так как в дальнейшем они будут сохранять в себе весь аргон, образующийся в них при распаде калия-40, ясно, почему в принципе так легко определить их возраст.

— Я просто выпариваю аргон и измеряю его количество, — продолжал

Аронсон. — Зная количество калия в начале эксперимента и скорость распада, я могу вычислить возраст образцов с помощью простой арифметики.

В действительности дело обстоит несколько сложнее. На поверхности самих образцов всегда адсорбируется небольшое количество воздуха, и как бы хороши ни были насосы, его никогда не удастся полностью удалить. Эту атмосферную примесь тоже надо измерить и учесть. Для этих целей используют одну особенность аргона. Подобно калию, аргон представлен различными изотопами. Изотоп, в который превращается калий-40, — это аргон-40. Именно он преобладает в атмосфере. Однако в воздухе содержится также более редкий вариант — аргон-36. Его нет в вулканических породах, и поэтому любое его количество, обнаруженное масс-спектрометром, принадлежит остаточному воздуху, который не смогли удалить вакуумные насосы. Поскольку аргон-40 и аргон-36 содержатся в атмосфере в неизменной пропорции — 295,5 атомов первого на один атом второго, Аронсон просто измеряет количество аргона-36 в образце, умножает эту величину на 295,5, а затем вычитает ее из итогового результата. Оставшаяся цифра и представляет собой количество аргона-40, образовавшегося при радиоактивном распаде внутри кристалла.

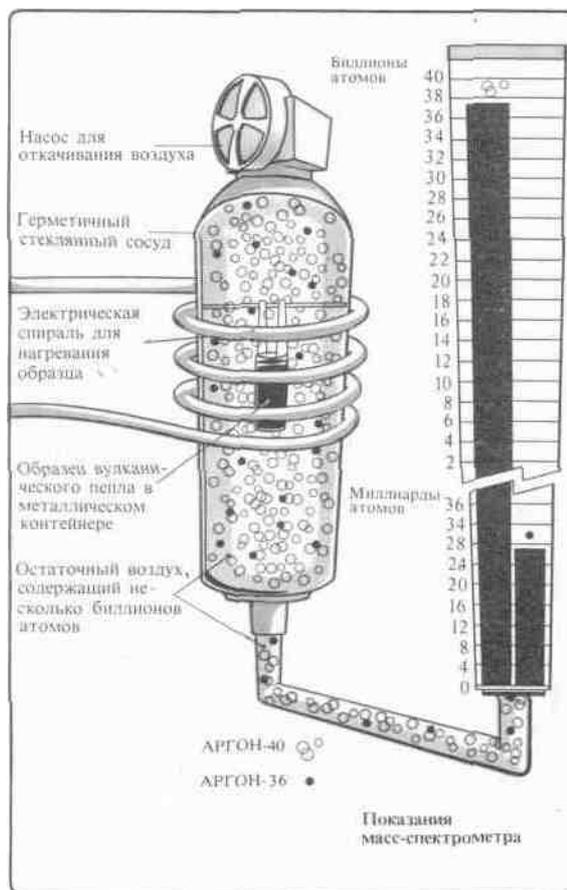
— И количество это так мало, — добавил Аронсон, — что его едва можно измерить.

— А почему?

— Да потому, что сами породы слишком молоды. Я говорил вам, что мы имеем дело с материалом, которому всего два или три миллиона лет. Этого времени просто недостаточно для образования приличного количества аргона.

— Сколько же аргона содержится в образцах вулканических пород, которым три миллиона лет?

— Очень немного. Всего лишь несколько триллионов атомов.

— Это, по-вашему, немного?

— Но ведь атомы ужасно малы, —

ответил Аронсон.

Помимо специфических трудностей, связанных с анализом не очень древних пород, Аронсону досаждала еще одна проблема-получение достаточно чистых образцов.

— Они должны быть чистыми, без посторонних примесей и, кроме того, целыми, а не разрушенными, чтобы исключить утечку части аргона. Этим-то и грешили образцы базальта, присланные вами из Хадара. По их внешнему виду я заподозрил, что они подверглись эрозии и утратили какое-то количество аргона. Мне трудно было судить, сколько именно; и все же я решил использовать их,

Вычисление возраста по данным калий-аргонового анализа

1. Измерить массу образца и определить количество содержащегося в нем калия. Это легко сделать с помощью стандартных лабораторных методов. Предположим, что образец содержит 0,1 г калия.
2. Вычислить, сколько атомов распадается в образце такой величины за год. Известно, что калий-40, содержащийся в одном грамме обычного калия, превращается в аргон со скоростью 3,5 атома в секунду. Поэтому:

$$3,5 \times 60 = 210 \text{ в минуту,}$$

$$\times 60 = 12600 \text{ в час,}$$

$$\times 24 = 302400 \text{ в сутки,}$$

$$\times 365 = 110376000 \text{ в год.}$$

Итак, 0,1 г калия даст 11037600 атомов аргона в год.

3. Прокалить образец, направляя аргон (вместе с остатками воздуха, которые могли быть в сосуде) в масс-спектрометр.
4. Получить показания масс-спектрометра.

Предположим, что наш образец дал следующие результаты:

36 765 875 000 000 атомов аргона-40 (из воздуха и образца);

2707000000 атомов аргона-36 (только из воздуха).

5. Учесть примесь атмосферного воздуха. Поскольку на один атом аргона-36 в атмосферном воздухе приходится 295,5 атома аргона-40, нужно умножить общее число атомов аргона-36 на 295,5:

$$\begin{array}{r} 2707000000 \\ \times \quad 295,5 \\ \hline 799185000000 \end{array}$$

Такое число атомов аргона-40 должно быть отнесено за счет примеси атмосферного воздуха. Поэтому из общего показания масс-спектрометра вычитаем атмосферную примесь:

$$\begin{array}{r} 36765875000000 \\ - 799185000000 \\ \hline 28774025000000 \end{array}$$

Такое число атомов аргона образовалось из калия-40, содержавшегося в образце.

6. Вычислить возраст образца. Поскольку скорость распада составляет для данного образца 11 037 600 атомов в год, необходимо разделить предыдущую цифру (число атомов аргона в образце) на эту величину:

$$\frac{28774025000000}{11037600} = 2606909,5$$

Ответ: возраст образца 2,6 млн. лет.

хотя воздух, адсорбированный на их поверхности, создавал дополнительные трудности.

Мне хотелось испробовать и присланную вами партию образцов вулканического пепла, — продолжал Аронсон, — но я сразу увидел, что они слишком сильно изменены, чтобы быть полезными. Обычно я предпочитаю работать с пеплом. Он, как правило, содержит кристаллы полевого шпата или слюды, богатые калием. Когда имеешь дело с такими молодыми образованиями, приходится работать буквально на грани возможностей измерительных приборов. Поэтому лучше брать для анализа материалы с относительно высоким содержанием калия. Если вы этого не сделаете, то получите так мало аргона, что все равно не сможете его измерить, тем более при большой примеси атмосферного воздуха.

— А разве всякий вулканический пепел содержит калий? — спросил я.

— В большинстве случаев да. Но далеко не всегда в таком количестве, чтобы с ним можно было работать. Кроме того, при анализе пепла возникают свои трудности. Нужно знать наверняка, что кристаллы не были повреждены. Если структура их нарушена выветриванием или воздействием высоких температур, они могут терять аргон. Еще хуже то, что пепел часто содержит примеси более старых кристаллов. Способ образования подобных инородных включений может быть различным: например, более древние вещества лежали на поверхности почвы и были покрыты слоем пепла или, наоборот, попали в него значительно позднее. Полевой шпат, как вы знаете, довольно обычная горная порода. Допустим, я взял образец пепла из вулканического слоя в Хадаре, и в нем оказалась примесь полевого шпата, смытого с гор дождями. Он может быть на 200 миллионов лет старше самого образца и содержать огромное количество аргона. Достаточно всего нескольких кристаллов, чтобы свести на нет всю

работу по анализу образца. Именно поэтому мне пришлось самому поехать в Хадар и выбрать как можно более надежные образцы. Я понимал, что ваши находки слишком важны, чтобы снабжать их сомнительной датировкой.

Прибыв в Хадар в декабре 1974 года, Аронсон в первую очередь стремился познакомиться с реконструкцией стратиграфии, сделанной Тайебом. Он хотел также собрать образцы из базальтового горизонта, определить при случае другие слои, которые можно было бы датировать, и взять из них хорошие пробы. Они с Тайебом сразу же понравились друг другу. Тайеб показал свою схему стратиграфической колонки, провел Аронсона по отложениям. После этого Аронсон был предоставлен самому себе и приступил к самостоятельным изысканиям. Он отличался феноменальной работоспособностью, вставал каждое утро до рассвета и выскальзывал из лагеря, прихватив с собой геологический молоток и рюкзак. «Вот еще один глупый иностранец», — рассуждали уже успевшие подняться афарские женщины, когда он проходил мимо в предрассветных сумерках.

Аронсон бродил повсюду. «Сидя в автомобиле, геологию не выучишь», — говорил он. Он начал с крайней западной части отложений и постепенно пересек весь массив, делая записи и собирая образцы. За день он проходил 10-15 миль. Он выделил несколько эталонных слоев, уже идентифицированных Тайебом, и проследил их ход через овраги и ущелья. Аронсон проделал это и с так называемым тройным туфом Тайеба — тремя узкими полосами вулканического пепла, которые образовались одна за другой в сравнительно короткий промежуток времени и были разделены отчетливым слоем. Это был слой остракод, названный так из-за обилия раковинок мельчайших водных организмов, процвета-

ние которых в определенный геологический период было связано с наличием в озере веществ, благоприятных для их роста. Этот слой вместе с окружающим его тройным туфом был одним из наиболее легко распознаваемых эталонных горизонтов в стратиграфической колонке Тайеба. Для Аронсона он значил то же, что табличка с названием улицы в незнакомом городе.

Аронсон медленно шел вдоль тройного туфа и слоя остракод в восточном направлении. Он распознал еще один горизонт, выделенный Тайебом. — слой гастропод, в котором преобладали раковины небольших пресноводных улиток. Он проследил ход и этого горизонта, а также хорошо выраженного слоя глины, который на нашем жаргоне получил название слоя «ГК» (глиняное конфетти), потому что под действием эрозии выглядел совсем как конфетти. Ознакомившись с расположением слоев, Аронсон был поражен скрупулезностью стратиграфической реконструкции Тайеба.

Наконец, Аронсон достиг базальтового слоя — лавового потока, который появляется в верхней части отложений восточного края массива и поддается датировке. Напомним, что его первые, несколько сомнительные образцы позволили определить возраст слоя в три миллиона лет с ошибкой ± 200 тысяч лет. Аронсон хотел удостовериться в точности полученной цифры и уменьшить величину ошибки. Он собрал ряд образцов, заботясь главным образом о том, чтобы целостность их структуры не была нарушена.

Базальтовый слой с самого начала поставил геологов в затруднительное положение, так как место его в стратиграфической колонке было не вполне ясным: он не проходил через все отложения, а встречался только в их восточной части. Чтобы соединить его с основным массивом, где были найдены ископаемые остатки, нужно было изучить слои, располо-

женные выше или ниже, и найти аналогичные горизонты в других местах. Правда, над базальтом ничего не было — все вышележащие слои были разрушены эрозией. Он выходил прямо на поверхность, и геологи могли гулять по базальтовым обнажениям, ниже которых было несколько слоев, настолько невыразительных, что обнаружить их продолжение в других местах было очень трудно. Тайеб сделал все что мог. Он решил, что нашел хорошее соответствие, и поместил базальтовый слой на высоте 90 метров от основания разработанной им стратиграфической колонки.

Как-то раз Аронсон вернулся в лагерь и сообщил, что базальт расположен не там где нужно. Он намного древнее и должен находиться соответственно гораздо ниже.

— У вас есть какие-нибудь доказательства? — спросил Тайеб.

— Думаю, что да.

Во время своих каждодневных скитаний Аронсон замечал такие детали, которые укрывались от менее зорких глаз других геологов, наезжавших в Хадар. Во-первых, он установил, где находился край лавового потока, прежде чем начать отвердевать. Другие тоже видели эту границу, но не обследовали ее подробно. Аронсон занялся этим делом. Непосредственно перед лавовым натеком он обнаружил заполненную песком ложину, возникшую в результате эрозии после извержения вулкана. О том, что это произошло позже, свидетельствовали блоки базальта, отколовшиеся от основного массива и упавшие в ложбину. Если бы ложбина образовалась до извержения, она была бы заполнена песком и гравием, а базальтовые глыбы могли оказаться только на ее поверхности, но не на дне, как это было на самом деле.

Удостоверившись в этом, Аронсон занялся обследованием содержимого ложбины, которое оказалось на редкость неинформативным. По структуре оно напоминало другие песчаные породы, часто встречающиеся-

Кабете, экспедиционный повар, занимался приготовлением пищи на свежем воздухе, развесив тряпки, кастрюли, сковородки и даже съестные припасы на ближайшей акации. На снимке Кабете месит тесто, чтобы печь хлеб. Две козьи туши ждут своей очереди.

ся в отложениях Хадара. Но в слое, расположенном непосредственно над углублением, Аронсон обнаружил отчетливые отпечатки корней древних растений. Горя от нетерпения, он проследил за ходом этого слоя и выявил аналогичные отпечатки корней в основной части отложений — они находились на 20 метров ниже слоя остракод. Наконец-то было найдено убедительное связующее звено.

— Я боюсь, что придется опустить базальтовый слой вниз, — сказал Аронсон Тайебу.

Это могло быть неприятным моментом, но не для Мориса Тайеба. Он был из тех, кто всегда стремится к истине и забывает о своем самолюбии. Я знаю антропологов и геологов, которые до последнего держатся за свои выводы, даже тогда, когда всем становится ясно, что они ошибочны. Не таков был Морис. Когда Аронсон выложил перед ним поистине блестящие результаты своего детективного расследования геологической истории, Тайеб был в восторге.

Работы в лагере близились к завершению, Тайеб вернулся во Францию. Те из нас, кто еще не уехал — Аронсон, я и несколько других, — вынуждены были умерить аппетит и питаться остатками продуктов, которые наш повар Кабете стремился по возможности растянуть. В основном он готовил блюда из козлятины: жареная козлятина, печеная козлятина, фрикасе из козлятины, кебаб из козлятины, котлеты из козлятины. И вот настал черед маленького козленка, к которому очень привязался Аронсон. Сидя за ужином, он спросил: «Что это?».

— Козлятина.

— Какая козлятина? Ведь коз больше не осталось.

— Нам пришлось зарезать вашего маленького козленка.

Аронсон встал из-за стола, отказался от ужина и ушел из лагеря в пустыню. Никто больше не видел его до самого утра.

— Мы были вынуждены это сделать, - извиняющимся тоном сказал я, когда встретил Аронсона.

— Да, да, я знаю, — ответил он, но было ясно, что убийство маленького беспомощного существа, с которым он встретился и подружился в этой пустынной стране, произвело на него тягостное впечатление. В тот же день он уехал в Соединенные Штаты, забрав с собой образцы пород.

Эти образцы рассказали Аронсону о многом. Во-первых, в результате серии опытов были получены цифры, близкие к трем миллионам лет. Это были обнадеживающие итоги. Они не только подтверждали прежние датировки, но и позволили снизить возможную ошибку с ± 200 тысяч до ± 50 тысяч лет. Иными словами, разброс уменьшился в четыре раза.

Однако Аронсон все еще не был удовлетворен. Изучив базальтовые образцы под микроскопом, он нашел, что даже самые лучшие из них отмечены хотя бы незначительными следами разрушения и, следовательно, могли утратить некоторое количество аргона. Если это так, то возраст базальта, несомненно, больше трех миллионов лет. Правда, нельзя было сказать, насколько больше, — неизвестно, какая доля газа улетучилась.

Тогда Аронсон решил проверить свои догадки. Он специально подобрал ряд в той или иной мере измененных образцов и подверг их анализу, исходя из предположения, что чем сильнее разрушен образец, тем ощутимее будет утечка аргона и меньше определяемый возраст. Это предположение подтвердилось. Возраст образца, эродированного настолько, что цвет его вместо почти черного был серым, оказался на 400 тысяч лет меньше. А еще более серый и разрушенный кусок породы оказался моложе на 500 тысяч лет, так как потерял еще больше аргона. Поскольку деформация «плохих» образцов (хорошо заметная невооруженным глазом) носила, по существу, такой же характер, как и видимые только под микроскопом изменения «хороших» образцов, Аронсон с неохотой признал, что и они в какой-то мере деградировали и, значит, он вынужден будет мириться с небольшой, но пока не поддающейся учету ошибкой.

— Вашему базальту по меньшей мере три миллиона лет, можете быть в этом уверены. Но я подозреваю,

что он еще древнее, — заявил мне Аронсон.

— И насколько древнее?

— Этого я пока не знаю. Может быть, нам придется прибегнуть к помощи палеомагнитного метода.

Как выяснилось, Аронсон был прав, и метод палеомагнетизма (изучение магнитных свойств самой Земли) действительно помог нам уточнить датировки. Земля — это магнит. Подобно всем магнитам, она имеет положительный и отрицательный полюсы. Сегодня положительный полюс близок к Северному, а отрицательный — к Южному полюсу. Такое состояние считается «нормальным». Но по причинам, связанным с перемещениями расплавленного магнитного вещества в недрах Земли, полюса время от времени меняются местами, наступают периоды «аномалий», когда Северный полюс становится отрицательным, а Южный — положительным.

Изучая расположение магнитных кристаллов внутри скальных пород, геологи смогли зафиксировать периоды аномалий, имевшие место на протяжении нескольких прошедших миллионов лет. Разумеется, ученые были не в состоянии определить точное время, когда происходили эти смены полюсов, а могли, лишь указать на их последовательность. В 1972 году, воспользовавшись хлынувшим из лабораторий потоком абсолютных датировок, основанных на изучении изотопов, трое специалистов независимо друг от друга пришли к сходным выводам относительно времени палеомагнитных изменений. Связав их с реальными геологическими событиями, они получили цифры, пригодные для всего мира, а значит, и для уточнения датировок Хадара. Для этого нужны были только образцы с магнитными кристаллами.

Геолог Том Шмитт подобрал серию из четырехсот образцов горных пород, расположив их в хронологиче-

ском порядке. В результате анализа их магнитных свойств выяснилось, что базальтовый слой формировался в один из периодов аномальной полярности. Но когда именно? В так называемый «период Маммот» (3,1-3,0 млн. лет назад)? Или в более древний «период Гилберт» (3,6-3,4 млн. лет)? Во всяком случае, не в промежутке между ними, так как здесь на протяжении 300 тысяч лет полярность все время была нормальной.

— Итак, — сказал я Аронсону, — с помощью палеомагнетизма мы можем установить, что возраст базальта должен быть от 3,1 до 3,0 миллиона лет или же больше 3,4 миллиона.

— Совершенно верно, — ответил Аронсон. — Я считаю вторую цифру более подходящей, но пока не могу этого доказать. Если базальт все-таки подвергся изменению — а я думаю, что так оно и было, — тогда наши тесты несколько занижают его возраст. В этом случае его датировка не уложится в пределы «периода Маммот», ограниченного цифрой в 3,1 млн. лет. Возраст 3,2 или 3,3 млн. лет исключается, так как магнитная полярность в этот промежуток времени была нормальной. Значит, остается «период Гилберт» с соответствующей датировкой в 3,4-3,6 млн. лет.

— Хорошо, но какую именно цифру я должен принять?

— Это уж от вас зависит. На мой взгляд, самое разумное придерживаться датировки в три миллиона лет. Эту цифру дает нам калий-аргоновый анализ, и пока она не будет опровергнута, лучше исходить из этого результата. Но я бы сделал оговорку и сказал «не меньше трех миллионов». Именно это и нужно написать в нашей статье о датировке Хадара.

Недостаточно точное определение возраста базальтового слоя чрезвычайно беспокоило Аронсона. Чтобы внести необходимые коррективы, он решил привезти в Хадар одного из

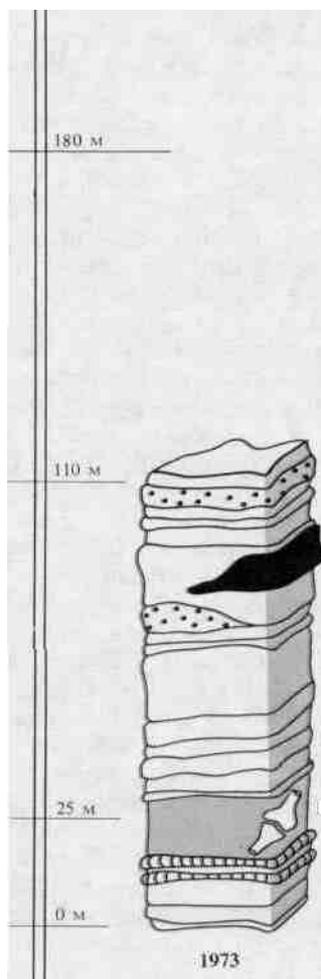
своих помощников — специалиста-вулканолога Боба Уолтера. Во время долгих странствий по отложениям Хадара Аронсон понял, что история вулканической активности этого района необычайно сложна, и надеялся с помощью Уолтера внести в нее некоторую ясность. А что если тому удастся найти вулканические туфы, пригодные для датировки! Ведь до сих пор единственным надежным горизонтом был базальт, а между тем при определении возраста важно иметь несколько датированных слоев для возможных сопоставлений и проверки.

Уолтер прибыл в Хадар осенью 1975 года и довольно быстро обнаружил нечто весьма ценное: три довольно тонких слоя вулканического пепла, расположенных близко друг к другу и занимающих относительно высокое место в стратиграфической схеме отложений. Он назвал эти слои ВКТ-1, ВКТ-2 и ВКТ-3. От первого и третьего горизонтов пришлось почти сразу же отказаться — они содержали слишком много примесей и были непригодны для датировки, зато второй (средний) выглядел весьма многообещающе. Уолтер показал его нам с Тайебом, и мы, основываясь на положении слоя в стратиграфической колонке, с ходу прикинули его возможный возраст.

— Ему, видимо, около двух с половиной миллионов лет, — заявили мы.

Боб собрал ряд образцов и отвез их в Кливленд. Несколько он отдал Аронсону для калий-аргонового датирования, остальные использовал для определения возраста иным способом, которым он прекрасно владел. Мы с нетерпением ждали результатов и очень надеялись, что оба метода анализа дадут сходные ответы.

Для определения возраста Уолтер применял так называемый «метод следов распада». Он основан на присутствии урана в мельчайших кристаллах циркона, встречающихся в

Недатированный базальт

Коленный сустав

1974, 1975, 1976

**Орудия
ВКТ-2**

$2,63 \pm 0,04$ (K/Ar)

$2,58 \pm 0,23$ (по следам распада)

Люси

Первое семейство»

Базальт

$3,0 \pm 0,05$ (K/Ar)

Гастроподы

Остракоды

Коленный сустав

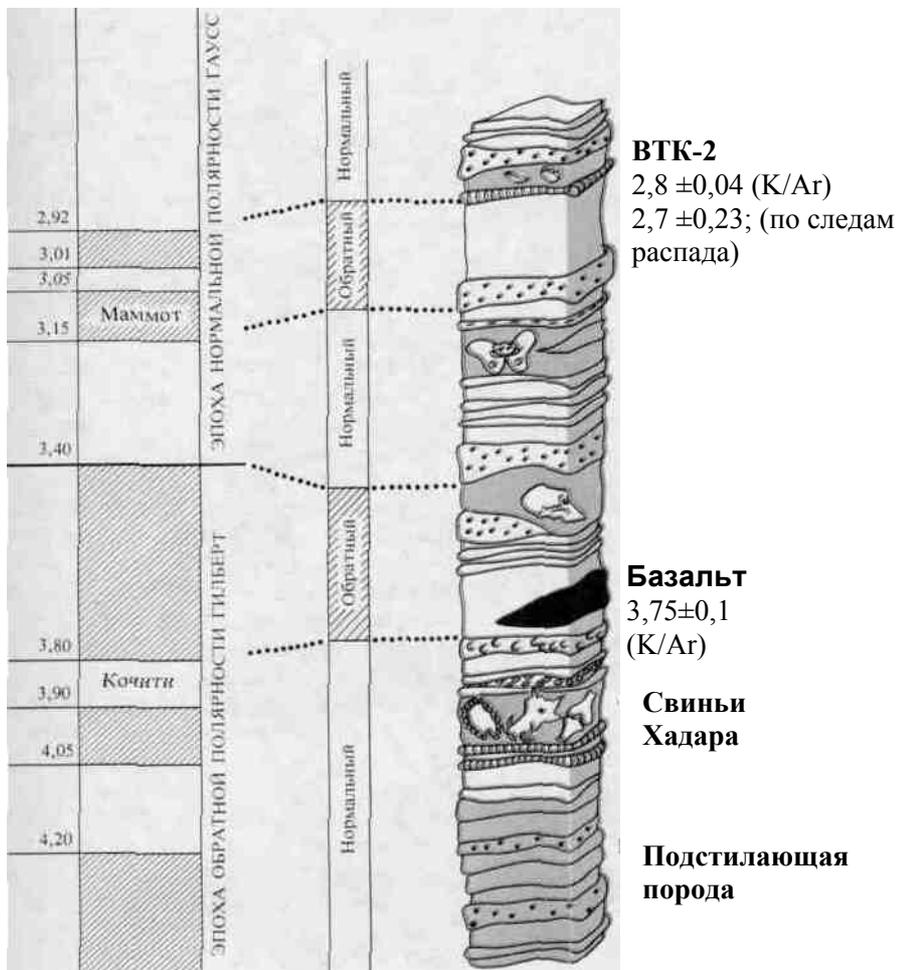
Челюсти 1974 SHT

Определение возраста ископаемых остатков из Хадара заняло семь лет и потребовало сопоставления результатов пяти различных методов: геологического, калий-аргонового, метода следов распада, палеомагнитного и биостратиграфического. Все они были необходимы для постепенного создания подробной и точной стратиграфической колонки. Слева представлен первый вариант колонки, разработанный Тайебом в 1973 году на основании одних только геологических данных.

вулканическом туфе. Эти кристаллы бывают разных размеров; крупные считаются полудрагоценными камнями. Те, которые вкраплены

Последующие три года принесли массу нового ископаемого материала и новых датировок, которые в 1979-1980 годах были исправлены с учетом данных о палеомагнетизме и об ископаемых свиньях (биостратиграфия). Полученные результаты позволяют Аронсону утверждать, что возраст базальта 3,75 млн. лет. Если это так, то древность Люси и «первого семейства» составляет около 3,5 млн. лет, а челюстей и коленного сустава — около 4 млн. лет.

в вулканические породы, чрезвычайно малы. Это прозрачные, как стекло, брусочки с заостренными концами, чем-то похожие на хрустальные

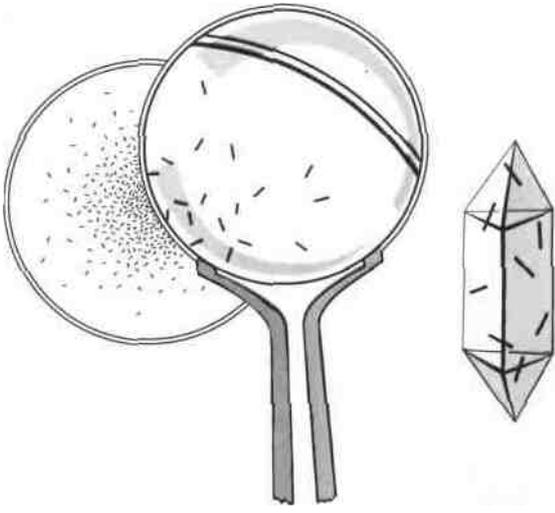

1979, 1980

Палеомагнитные данные Палеомагнетизм Хадара

подвески для люстр. Однако они настолько малы, что распознать их кристаллическое строение можно только под микроскопом. Подготовленный для анализа образец одинаковых по размеру кристаллов циркона, взятых из вулканического туфа и очищенных от посторонних примесей, напоминает пробирку, заполненную речным песком с такими мелкими зернами, что по структуре он приближается к порошку. Подготовка образца начиналась с отбора сходных по внешнему виду

проб вулканического пепла из какого-либо горизонта туфов Хадара. Затем Уолтер просеивал пепел через ряд сеток с постепенно уменьшающимися ячейками с целью отделить мельчайшие кристаллы различных минералов. Чтобы получить циркон в чистом виде, он погружал кристаллы в растворы различной плотности. Кристаллы циркона, будучи самыми тяжелыми, всегда опускались на дно, тогда как более легкие всплывали. Уолтер сливал всплывшие частицы и сохранял осадок. По-

Мельчайшие кристаллы циркона позволяют определить возраст по следам распада урана. Вначале нужно получить чистые образцы кристаллов, затем отполировать их, удалив с поверхности все царапины. Любые следы, оставшиеся в кристалле, — результат расщепления ядер урана, которые распадаются один за другим на протяжении длительного времени. Число таких следов указывает на возраст кристаллов.

вторив эту процедуру несколько раз, он получал практически чистый образец циркона.

Затем кристаллы циркона нужно выложить в небольшую плоскую тефлоновую посудину, причем таким образом, чтобы они образовали на ее дне плотный слой толщиной в один кристалл. Сделать это не так трудно, как кажется: длина кристаллов в несколько раз больше их ширины, поэтому для них естественно лежать на боковой грани. Зафиксировав кристаллы с помощью специального клеящего вещества, их полируют, чтобы удалить с наружных поверхностей все возможные царапины и следы разрушения. Эта процедура совершенно необходима — в дальнейшем Уолтер будет искать под микроскопом небольшие, похожие на царапины следы, образовавшиеся при распаде урана внутри кристалла. Для определения возраста Уолтеру нужно будет считать эти следы, поэтому

на поверхности не должно быть ничего такого, что можно с ними спутать, — даже малейших неровностей.

Уран-238 — радиоактивный элемент, который распадается с малой, но постоянной скоростью и превращается в свинец, подобно тому как калий-40 превращается в аргон. Различие состоит в том, что образование аргона из калия — это «тихий» процесс, тогда как распад урана сопровождается выбросом энергии. Хотя сила взрыва невелика, он способен вызвать смещение других атомов в кристалле циркона, и в результате остается малозаметный след. Так по примятой ржи можно определить, что по полю недавно прошел человек. Трещинки, образовавшиеся в кристалле циркона, носят название следов распада. После соответствующей химической обработки они увеличиваются и делаются видимыми под микроскопом.

Уран-238 распадается гораздо медленнее, чем калий-40. Период его полураспада составляет много миллиардов лет. Если содержание урана в цирконе невелико, то при таких темпах в кристалле и за сотни тысяч лет может не произойти ни одного «взрыва».

— Чтобы число следов распада было сколько-нибудь значительным, нужна довольно высокая концентрация урана, — объяснял Уолтер. — Правда, если урана окажется слишком много, то дорожки следов будут пересекаться и мы не сможем их подсчитать. Для наших целей наилучшее соотношение — двести или триста частей урана на миллион частей циркона. Когда концентрация ниже 50 частей на миллион, работать невозможно. Получив образец с нужным содержанием урана и тщательно отполировав поверхности кристаллов, я кладу его под микроскоп и приступаю к подсчету следов. Я просчитываю их примерно в десяти кристаллах. Вы, наверное, сейчас подумали, почему я ограничиваюсь таким малым числом, а не просматриваю

50 или 60 кристаллов. Однако по опыту работы я знаю, что десяти вполне достаточно. Все подсчеты, сделанные сверх этого, лишь укрепят вас во мнении, которое уже сложилось.

Определение возраста по следам распада урана дает менее точные результаты, чем калий-аргоновый метод. Зато для первого метода разрушение (выветривание) образцов не служит помехой, как для второго. Еще важнее, с точки зрения Аронсона, то, что датировка осуществляется совершенно иным способом. Допустим, кто-нибудь оценивает возраст дерева по годичным кольцам, а затем берет серию фотографий из семейного архива и, зная возраст лиц, снятых на фоне того же дерева, косвенным путем еще раз определяет его возраст. Наконец, находится пара стариков, которые будто бы помнят, когда это дерево посадили. Если результаты трех методов согласуются между собой, можно с уверенностью сказать, что возраст дерева удалось установить.

Примерно так же обстоит дело и с методикой Уолтера. Полученные с ее помощью результаты повысили надежность датировок Хадара. Так, древность туфа ВКТ-2 оказалась равной 2,58 млн. лет, т. е. почти совпала с калий-аргоновой датировкой Аронсона — 2,63 млн. лет.

После того как Аронсон и Уолтер завершили свою работу, стратиграфическая колонка Хадара выглядела следующим образом: почти на самом верху слой вулканического пепла древностью примерно в 2,6 млн. лет — возраст подтвержден двумя различными методами; глубже лежит базальтовый слой возрастом в три миллиона лет-установлено с помощью десятка калий-аргоновых тестов, давших сходные результаты. Между ними находилась Люси. Возраст ее, судя по уровню залегания, можно было определить в 2,9 млн. лет.

— Но *наверняка* мы этого все же не

знаем, — заявил я Аронсону. — Если вы считаете, что базальт древнее, то древнее будет и Люси. Может быть, стоит снова взяться за ископаемых животных?

— В подобной ситуации это самое лучшее.

Ну что же, опять Бэзил Кук с его цепочками свиней. Они уже помогли разгадать тайну датировок, приписываемых находкам с берегов озера Туркана. В частности, возраст черепа 1470, найденного Ричардом Лики и принадлежащего *Homo habilis*, уменьшился с 2,9 до 2,0 млн. лет. Не исключено, что свиньи внесут свои коррективы и в датировку нашей Люси. Однако они могут лишь увеличить, а не уменьшить ее возраст. По мере того как я рассматривал исключительно примитивные костные остатки животных из нашей коллекции, во мне крепла уверенность, что так именно и произойдет.

Однако в те времена моим предположениям не суждено было выйти из разряда гипотетических. Оказалось, что хотя Бэзил Кук и проследил линии свиней вплоть до уровня в четыре миллиона лет, он был еще не готов обнародовать свои результаты. Фактически до 1978 года он хранил молчание, а затем опубликовал статью, в которой, сравнивая свиней Хадара и Омо, писал: «Для Люси более правдоподобен возраст 3,0-3,4 млн. лет, чем цифра 2,9 млн., которую дал анализ базальтового слоя».

Эта на первый взгляд простенькая фраза была равносильна взрыву бомбы. Она означала, что базальт относится не к периоду Маммот, а к периоду Гилберт, что древность Люси возрастает до 3,3-3,4 млн. лет, что фрагменты челюстей, найденные в самом низу, под базальтом, могут насчитывать 3,7 млн. лет.

Я много бы дал, чтобы получить эту информацию еще в 1975 году. Это упростило бы некоторые проблемы. Может быть, мне следовало дожидаться выводов Кука. Но тогда я должен был сообщить о находках

Хадара. Нельзя во всеуслышание объявить о каком-нибудь открытии, а потом умолкнуть. Публика требует от вас подробностей. Я выпустил в свет статью — и совершил ошибку. Вообще в своих ранних публикациях я допустил несколько промахов. В первой статье мы с Тайебом слишком высоко поместили слой базальта. Затем появилась вторая статья о Люси и челюстях — и вместе с ней вто-

рая ошибка: я отнес описываемые находки к разным видам. Позднее, касаясь вопроса о датировках, я выступил с цифрой три миллиона лет для базальтового слоя. Оказалось, что я сделал третью ошибку. Для ровного счета. Одна — в геологии, одна — в антропологии, одна — в датировке. Но ведь не ошибается тот, кто ничего не делает. В процессе работы все можно исправить.

Глава 10

Третий полевой сезон в Хадаре: „первое семейство“

Когда Дон показал мне первый коленный сустав, я отправил его назад, велел вернуться с целым скелетом. И ему пришлось найти Люси. Тогда я вновь велел ему вернуться и привезти останки нескольких особей. И на следующий год он нашел Маму, Папу и Детенышей.

Оуэн Лавджой

Возвратившись в США в 1975 году, я оказался в совершенно иной ситуации, чем год назад. В тот раз я перерасходовал свой бюджет, мало что нашел и едва не прослыл плохим организатором полевых исследований. Теперь же я обладал самой сенсационной находкой в мире, и ученые из многих стран хотели работать со мной. Деньги перестали быть для меня серьезной проблемой. Журнал *National Geographic*, проявивший великодушие после того, как шахта начала выдавать на-гора самородки, заказал мне статью и решил послать следующей осенью в Эфиопию фотографа Дэвида Брилла, чтобы сделать для нее иллюстрации. Почти одновременно к нам собиралась приехать французская киногруппа. Национальный научный фонд возобновил свои ассигнования. Но самым важным для меня было то, что датировки Аронсона и па-

леонтологические изыскания, произведенные Греем и мной, убедили большинство ученых в научной добросовестности и профессионализме наших исследований в Хадаре. Теперь они были согласны рискнуть своим временем и репутацией, чтобы принять участие в экспедиции.

Вместе с тем находка Люси на-, кладывала на меня повышенные обязательства. В 1974 году мне было предоставлено место куратора отдела антропологии Кливлендского музея естественной истории. Я стал постепенно отбирать лучших студентов, которые заканчивали университет «Кейс-Вестерн» и хотели писать свои диссертации у меня в музее. К тому же мне предложили читать курс лекций. В результате у меня едва хватало времени для работы над статьей о полевом сезоне 1974 года, которую я все же написал в соавторстве с Тайебом и Коппансом. Суть ее заключа-

лась в описании находок двух видов гоминид: во-первых, «челюстей Алемайеху», принадлежавших чрезвычайно примитивному *Ното*, и, во-вторых, маленькой Люси, представляющей собой нечто иное.

Сегодня я взял бы эту статью обратно, если бы мог. Ее публикация была для меня хорошим уроком, чтобы в будущем не торопиться с выводами. Я вовсе не стыжусь описательной части статьи. В этом я стремился подражать робинсоновским характеристикам южноафриканских австралопитеков и думаю, что мое описание было не хуже. Но вот интерпретация находок... С тех пор я кое-чему научился и сегодня сделал бы иные выводы. Несмотря на поддержку таких авторитетов, как Мэри и Ричард Лики, я больше не считаю, что «челюсти Алемайеху» принадлежат человеческому существу. Точно так же я больше не думаю, что Люси представляет собой нечто отличное от обладателя челюстей. Она — всего лишь уменьшенный вариант того же самого типа.

Моим величайшим желанием в 1975 году было вернуться в Хадар. Однако после конца полевого сезона 1974 года политическая ситуация в Эфиопии начала существенно изменяться. Всё контролировали военные, без их ведома ничего нельзя было делать. К тому же назревала война с Эритреей. Поэтому, когда в сентябре 1975 года я вернулся в Аддис-Абебу, в посольстве США мне сказали, что о поездке в Афар нечего и думать. «Мы не хотим, чтобы вы туда ехали. Иначе нам придется вас спасать». Я узнал, что с точки зрения Эфиопии опасность конфликта с Эритреей была вполне реальна. Однако я оценивал ситуацию по-иному. Столкновения обычно происходят в пограничных районах. Для того чтобы попасть в Хадар, вооруженным отрядам пришлось бы пересечь обширные малонаселенные территории, где живут только афары, ко-

торые наверняка дадут им отпор. Вероятность того, что отряд эритрейцев сможет проникнуть в район Хадара и уцелеть, была незначительной. Если нарушители столкнутся с племенами, им не удастся вернуться живыми.

Мое мнение поддержал археолог и историк Ричард Уилдинг, осуществлявший поставки продовольствия и оборудования для нашей экспедиции. Это был типичный англичанин колониального склада. Аддис-Абеба много лет была для него родным домом, и он никогда не собирался покидать этот город. Хладнокровный и невозмутимый, он терпеливо переносил неудобства, связанные с политическими неурядицами. Если на улице взрывалась бомба, он не обращал на это внимания. Когда кончалась вода в водопроводе или на местном рынке исчезало продовольствие, он воспринимал это как необходимую плату за желание жить в стране, которую любишь. Что-то он припрятывал, что-то выклянчивал, а без чего-то мог и вовсе обойтись.

Поддерживаемые Уилдингом в оценке ситуации и уверенные в том, что правительство окажет нам необходимую помощь, мы с Тайёбом накануне отъезда из Аддис-Абебы в Хадар созвали на совещание всех членов экспедиции. Я сказал им, что всякий выезд в пустыню при такой беспокойной обстановке связан с определенным риском. Трезво оценив степень этого риска, я решил для себя, что игра стоит свеч. Но любой из членов экспедиции, кто думает иначе, волен уехать без всякого стеснения; стоимость обратного билета на самолет будет возмещена за счет экспедиционных средств.

Никто не произнес ни слова. Тогда я повторил свой вопрос, и все сказали, что хотят ехать в Хадар. Это меня не удивило. Наша группа была необычной. Действительно, в Хадаре не было особого комфорта, но все члены экспедиции, включая и меня, любили это место. Оно удерживало

нас своей красотой, уединенностью, тишиной. А ведь была еще и работа, она создавала ощущение, что в любой момент может произойти нечто значительное. Если вы помешаны на прошлом — а все мы были действительно на нем по мешаны, — то лучшего места в мире не найти.

К тому же ни один из нас всерьез не думал, что существует реальная опасность. Мы уже провели два сезона вместе с афарами и неплохо с ними ладили. Они были вооружены, а мы нет. Я сделал правилом, чтобы никто из членов экспедиции не имел при себе оружия. В результате афары как бы взяли нас под свое покровительство. Во всяком случае, *мы* себе так это представляли. Рабочие из племени амхара, которые пришли к нам из горных районов, думали иначе. Они боялись афаров, ощущали их неприязнь и потому старались селиться поближе к нашему лагерю. Я слышал, как во время спора один из афаров сказал рабочему из племени амхара: «Когда начнется заварушка, я тебя прикончу первым». И это не было пустой угрозой. Полицейские патрули были далеко от нас и редко заглядывали в эту часть страны. Хотя и считалось, что она подчиняется центральному правительству, на деле ею управляли вожди племен.

В целях предосторожности мы с Уилдингом разработали систему сигналов, предупреждающих об опасности. Не имея радиосвязи, которая была запрещена правительством, мы просили Уилдинга, чтобы он, совершая свои еженедельные полеты, не только доставлял продовольствие и забирал находки, но и удостоверился, что у нас все идет нормально. Сигналом должен был служить способ расстановки грузовиков. Если они будут стоять в одном ряду, то летчик, пролетая над лагерем, прежде чем приземлиться на посадочной дорожке, будет знать, что все обстоит благополучно. Если же машины будут стоять в беспорядке, то это послужит сигналом тревоги.

Но случилось так, что в день одного из первых прилетов Уилдинга мы нашли череп слона и послали за ним грузовик с прицепом. Когда самолет появился над лагерем, прицеп стоял перед палаткой палеонтологов, а грузовик находился в совершенно другом месте. Уилдинг даже не приземлился. Он полетел прямо в Аддис-Абебу и начал договариваться о нашей эвакуации вертолетом, а также известил о случившемся подразделение американского военно-морского флота, находившееся в Красном море. Но затем решил еще раз удостовериться, вновь полетел в Хадар и увидел, что все грузовики опять выстроились в одну линию. Поэтому тревога была отменена.

Самые большие затруднения были с пилотами. Уилдинг употреблял все свое красноречие, чтобы заставить их летать. Посадочная дорожка находилась в 45 минутах езды от лагеря. Пилоты не хотели бросать самолет без охраны и в то же время боялись оставаться одни, пока Уилдинг уезжал в лагерь. Они опасались нападения афаров. Однако никто их не трогал, и полеты продолжались весь сезон без всяких приключений.

Зато совершенно невозмутимо относился к афарам Дэвид Брилл, фотограф, присланный к нам редакцией *National Geographic*. Он оказался длинноногим верзилой с коротким туловищем и бейсбольной кепкой на голове. Когда самолет снизился над нами и пошел на приземление, Грей поехал на посадочную полосу. Вначале он никого там не обнаружил. Самолет уже улетел. Наконец, в дальнем конце полосы он заметил на кусте какую-то одежку, а в ее тени дремал Брилл. Прибыв в лагерь, он заявил мне: «А вы, должно быть, доктор Дон?». Ему следовало бы сказать: «Я полагаю, вы доктор Джохансон», но он обошелся без этого. Мы просили редакцию журнала прислать кого-нибудь пожестче, и они действительно постарались. Брилл был не только замечательным фото-

графом, но и самым неприхотливым и выносливым человеком, которого я когда-либо встречал.

В то время я чувствовал, что мне недостает сладостей. Они даже снились мне по ночам, и я попросил, чтобы Брилл привез их мне. Поэтому сразу же при встрече я поинтересовался: «А вы привезли мне шоколад?».

— Протяните руку и отвернитесь — сказал Брилл.

Я так и сделал. Он пошарил в карманах и вытащил три или четыре кусочка липкой, наполовину растаявшей шоколадки.

— И это все? — спросил я.

— Знаете, я очень спешил в аэропорт. К тому же я был голоден и почти все съел.

Вечером за ужином Брилл опять заговорил о шоколаде и о том, как ему стыдно, что он не смог выполнить мою просьбу. А когда мы вечером ложились спать, он вновь завел разговор на эту тему, сказав, что мне, наверное, будет сниться шоколад, который бы я сейчас ел, если бы не его спешка.

— Да заткнитесь же, наконец, — не выдержал я.

— Хорошо, — ответил Брилл. — Но прежде... — И тут он открыл свой рюкзак, в котором лежали восемнадцать плиток вкуснейшего швейцарского шоколада.

Брилл не был таким уступчивым, когда дело касалось его работы. Он вышагивал по отложениям с не менее решительным видом, чем Аронсон, но с совсем иной целью: он хотел знать, как будут выглядеть ископаемые находки и обнажения пород при различном освещении. Когда мы нашли великолепный череп саблезубого тигра, он пожаловался: «Почему вы всегда находите что-нибудь в середине дня? Отчего бы не к вечеру, когда освещение получше?».

Я промолчал.

— Когда вы собираетесь найти следующего гоминида? — спросил он.

— Завтра, — ответил я раздраженно.

Позднее Брилл будет всем говорить, что для того, чтобы в Эфиопии нашли гоминида, нужно только заранее попросить об этом. И действительно, «завтра» оказалось одним из самых необычных дней в истории палеоантропологии. Я осматривал местность с Майком Бушем, молодым врачом, который интересовался археологией. Майк был очень спокойным человеком, работягой, который никогда не говорил ничего лишнего, но всегда смотрел в оба. Французы даже сердились на него за то, что он всегда молчал. «Почему он так неразговорчив? — спрашивали они. — Почему он такой странный?»

А между тем ничего странного в нем не было. Мы работали уже около часа, как вдруг он очень спокойно позвал меня с откоса: «Мне кажется, я что-то нашел». Я подошел к нему. Действительно, перед нами лежала каменная глыба, из которой торчали два премоляра (малых коренных зуба) гоминида. Они были совершенно неприметны. Я не знаю, как ему вообще удалось их обнаружить. Пожалуй, даже Алемайеху не смог бы это сделать.

В это время к нам подошел Брилл, и я сказал ему:

— А вот и тот самый гоминид, что я вам вчера пообещал.

— Опять не вовремя! — завопил Брилл. — Вы нашли его в полдень, в самый неподходящий момент для съемок.

— Очень хорошо, Ваше высочество, когда прикажете вновь заняться поисками гоминид?

Брилл оценивающе посмотрел на солнце. «Завтра утром в восемь часов».

Мы временно приостановили работу и начали извлекать находку Буша на следующее утро. Брилл подготовил оборудование, чтобы сфотографировать все этапы операции. Здесь же присутствовала французская киносъемочная группа, состоявшая из мужа и жены. Мишель (так звали жену) всегда с энтузиазмом от-

носились к находкам, но не могла отличить окаменевшую кость от горлышка бутылки из-под кока-колы. А поскольку мы работали на дне крутого оврага, она забралась повыше, чтобы укрыться в тени небольшого куста акации, и уселась прямо на груды костей.

— Что это? — спросила она, поднимая кости с земли. Я взобрался к ней и обомлел. Одна из них была пяточной костью гоминида, другая — бедренной, точно такой же, какую я нашел два года назад, только вдвое больше. Все это было заснято Бриллом и французскими операторами. Вероятно, это был первый случай, когда профессиональные съемки производились действительно в момент находки окаменелостей. Все, что вы видите в книгах, — *без исключения* — это инсценировки событий, имевших место ранее.

Находка зубов на дне оврага и двух костей на середине склона заставила нас лучше обследовать местность. И почти тотчас были обнаружены новые фрагменты. Оглядывая склон по ту сторону от куста акации, я спокойно подобрал одну за другой две малоберцовые кости. Неужели еще одна Люси? Нет, обе кости принадлежали правой ноге и, значит, двум разным особям. Тем временем со всех сторон начали раздаваться крики, каждый что-то находил, и это были кости гоминид. Казалось, на склоне холма забил фонтан и засыпал все вокруг ископаемыми остатками. Нас охватила лихорадка: толкаясь и натываясь друг на друга, мы в суматохе подбирали их.

Некоторое время я не осознавал, что делаю. Я никогда не видел ничего подобного, никогда о таком не слышал. Мы были как безумные. Но в конце концов жара доконала нас, и мы успокоились.

На генеральной карте склон с рассыпанными на нем костями обозначен как участок 333. Весь остаток этого полевого сезона и большую часть

следующего мы посвятили его тщательной разработке. Сначала весь склон был подвергнут систематическому осмотру, не похожему на сумбурные поиски в тот первый безумный час. Затем мы начали спускаться вниз гравий — многие тонны — и просеивать через крупные сита порцию за порцией. В результате было обнаружено около двух сотен зубов и мелких костных фрагментов. Анализ показал, что найденные остатки принадлежат по меньшей мере тринадцати индивидуумам. Среди них были особи мужского и женского пола и как минимум четверо детенышей. Оказалось невозможным составить из множества отдельных костей хотя бы частичные скелеты, как это посчастливилось сделать с Люси: кости были перемешаны и рассыпаны по всему склону. Не исключалась вероятность того, что число особей было еще большим.

Как при настройке радиоприемника всегда сохраняется некоторый шумовой фон, так и в Хадаре гоминидам обычно сопутствовал «фон» из окаменелых остатков животных. Вы их найдете всюду — в одних местах больше, в других меньше, но почти нигде не окажется, чтобы их не было вовсе. Слишком многообразны возможности их случайного сохранения на протяжении геологических эпох — всюду происходили бесконечные миграции животных, и великое множество их гибло за то время, пока формировались многометровые толщи пород. Один из сюрпризов, преподнесенных нам участком 333, состоял в том, что в материалах, собранных с его склона, практически не было костей животных. Тот самый фон, который неизменно выявлялся при интенсивном поиске ископаемых остатков, в данном случае почему-то отсутствовал. Все фрагменты, найденные на этом участке, принадлежали гоминидам.

Как объяснить подобный факт? Быть может, целая группа гоминид погибла столь внезапно, что за это

Морис Тайеб изучает разрез участка 333, пытаясь найти геологические свидетельства, которые могли бы объяснить внезапную одновременную гибель большого числа австралопитековых.

короткое время остатки животных просто не успели накопиться? Похоже, так оно и было. Кости гоминид, по-видимому, происходили из общего источника, расположенного в одном из горизонтов верхней части склона. За последние несколько дождевых сезонов слой был размыт, а кости вынесены на поверхность. Их-то мы и нашли на склоне. Эти рассуждения подтвердились, когда мы, проведя пробные раскопки, обнаружили сам слой и еще около двадцати фрагментов ископаемых костей. Стало ясно, что если бы не эрозия, кости лежали бы рядом, поблизости друг от друга. Так же как и существа, которым они принадлежали и которые, по-видимому, погибли одновременно.

Но отчего они погибли? Может быть, от эпидемии? Тогда почему их тела не были растерзаны хищниками? И что помешало образованию «фона» из ископаемых костей животных?

Чем больше я думал над этими двумя парадоксами, тем меньше склонялся к мысли об эпидемии.

Маловероятно, чтобы целая группа гоминид, умерших естественной смертью за несколько дней или недель, сохранилась в таком «чистом» виде.

Но что же тогда? Сражение? Может быть, перед нами один из первых примеров той свирепой агрессивности, которую Реймонд Дарт считал частью биологического наследия человека? Группа австралопитеков, уничтоженная своими же сородичами? Это тоже казалось в высшей степени невероятным. Чисто умозрительная гипотеза, не подкрепленная никакими данными. Массовое убийство? Но почему на костях не было следов насилия, а в слое полностью отсутствовали ископаемые остатки животных? Согласно теории Дарта, австралопитеки поедали друг друга, и эта пища служила главным источником белка в их рационе. Если мы имеем дело именно с таким случаем, то почему нет разбитых и расщепленных костей, из которых пытались извлечь костный мозг?

Может быть, интересующие нас существа утонули — оказались в узком

ущелье, где их неожиданно настиг водный поток? Это выглядело более правдоподобным. Жители пустынь никогда не останавливаются лагерем в оврагах или ложбинах. Один журналист, побывавший недавно в Синайской пустыне, рассказывал, что бедуины испытывают панический страх перед всякого рода лощинами. На собственном горьком опыте они поняли, что каменистые ущелья без растительности, способной поглощать влагу, в случае дождя могут превратиться в настоящую западню. Ливень, может быть, давно кончился или вообще разразился за много миль отсюда, а здесь бушует ревущий поток — за несколько минут вода может подняться на 10-20 футов и смыть все на своем пути.

Мы обсудили эту проблему с Тайебом, и он особенно тщательно изучил стратиграфию оврага, чтобы посмотреть, нет ли там следов внезапного наводнения. Он пришел к выводу, что все кости относятся к одному слою, почти целиком состоящему из мелкодисперсной глины. Слой был тонким и, судя по этому, мог сформироваться в результате какого-то одномоментного события. Но консистенция глины противоречила гипотезе о наводнении. Быстро бегущие потоки увлекают частицы более крупных размеров. По мнению Тайеба, в действительности могло произойти следующее: кости, грязь, песок — все это было принесено стремительным течением к краю озера или в другое более спокойное и открытое место, где кости опустились на дно и постепенно покрылись мелким осадочным материалом. Тайеб подчеркивал, что при всей логичности его гипотеза по сути недоказуема. Изучение отложений, вулканических явлений, сбросовой деятельности и т.п. может доставлять массу сведений, но все же методы геологии еще не настолько совершенны, чтобы можно было восстановить картину событий, происшедших за один день три миллиона лет назад. Самым

сильным доводом в пользу «гипотезы об утоплении», продолжал Тайеб, служит факт отсутствия ископаемых костей животных. Очевидно, животные не часто посещали овраг, заселенный гоминидами, и поэтому избежали катастрофы. К тому времени, когда они вновь появились в этой местности, гоминиды уже были занесены слоем глины. То, что животные все-таки вернулись, подтверждали их многочисленные остатки (знакомый «фон»!) в слоях, расположенных над глиной в участке 333.

Это было все, что мог сказать Тайеб. Почему гоминиды сосредоточились в одном месте, оставалось загадкой. Чтобы узнать точные размеры группы, нужно было дождаться результатов анализа всех костных остатков, а также провести раскопки на склоне холма. Я был уверен, что мы обнаружим в глубине другие кости, гораздо лучшей сохранности. Я надеялся найти еще одну Люси, может быть в более полном комплекте, чем предыдущая. Я хотел бы иметь череп взрослой особи лучше того, какой был у Люси. А самое главное, я попросту рассчитывал найти как можно больше костей, чтобы получить хорошую выборку. В этом-то и состояла истинная ценность участка 333. Здесь были кости, принадлежавшие существам разного рола и возраста, что в своем роде не менее важно, чем драгоценная находка Люси. Люси уникальна, с этим никто не спорит, Она возникла из мрака небытия, как бы озаренная на мгновение вспышкой молнии. Мы многое узнали о Люси за это мгновение — почти увидели ее всю целиком. Но разве мы сможем понять, что она такое, если не сумеем ни с чем сравнить? Типична ли она для своего вида? Если да, то все ее сородичи должны быть очень небольшого роста. Нижняя челюсть у Люси странной V-образной формы. Очертание челюстей Алемайеху было иным. Принадлежат ли они другому виду? Может быть, они походят на челюсти и зубы особей, найденных

Палеонтологическая палатка в Хадаре (7), куда приносили все окаменелости для очистки и изучения Слева Том Грей, рядом с ним Вера Айзенманн и Клод Герен из французской группы экспедиции. Перед палаткой разложены ископаемые остатки слонов. Лагерь располагался на берегу реки Аваш (2) Алемайеху нашел челюсти в небольшом овраге, расположенном слева, позади хижин местных жителей.

1

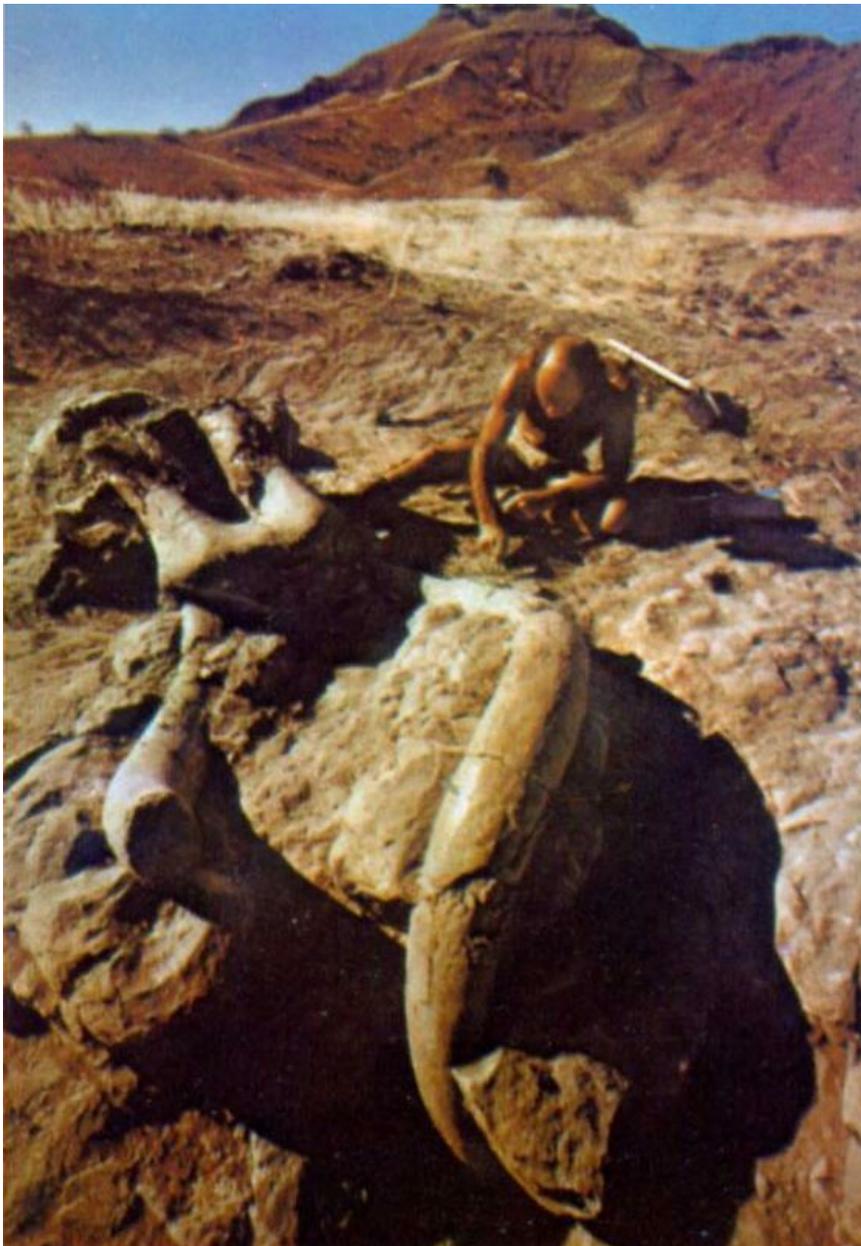
2

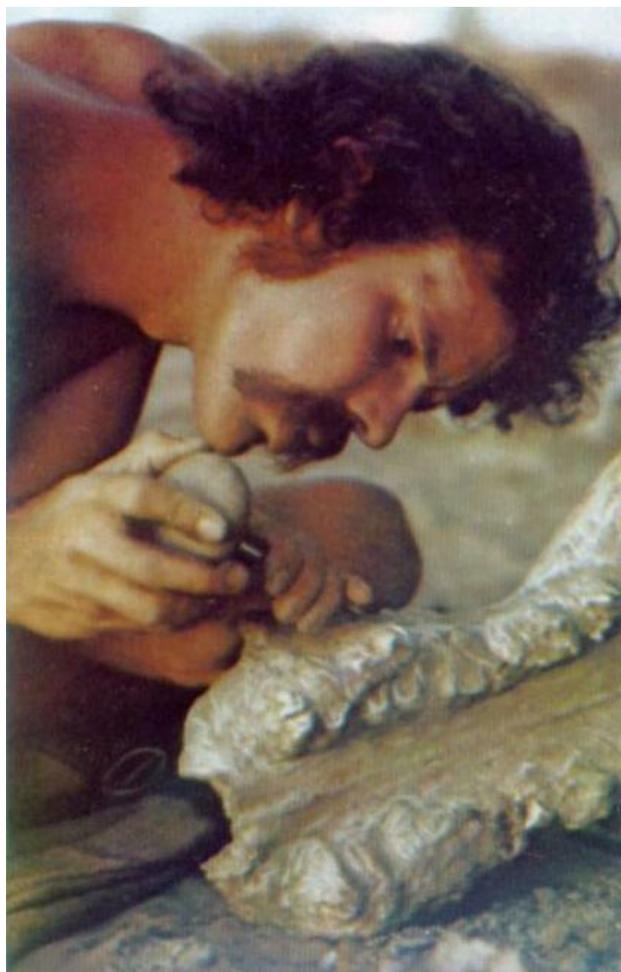
3

4

Двое рабочих из племени афаров (3) просеивают гравий в том месте, где Джохансон и Харрис обнаружили каменные орудия. В поисках ископаемых остатков гоминид на этом участке были произведены раскопки на глубину до 60 см, но ничего не было найдено (после возобновления работы экспедиции поиски в этом месте будут продолжены). Клод Гийемо расчищает почти полный скелет ископаемого слона (4). Ныне эта находка хранится в Аддис-Абебе.

5

6

Том Грей (5) очищает челюсть бегемота. Для удаления породы он пользуется заостренным инструментом, по которому аккуратно-чтобы не поцарапать и не расколоть кость-постукивает камнем. Участок 333 (6), где было найдено «первое семейство», представляет собой крутой склон. Мелисса, рабочий из племени тигре, лопатой сгребает вниз землю, где ее будут тщательно просеивать и просматривать.

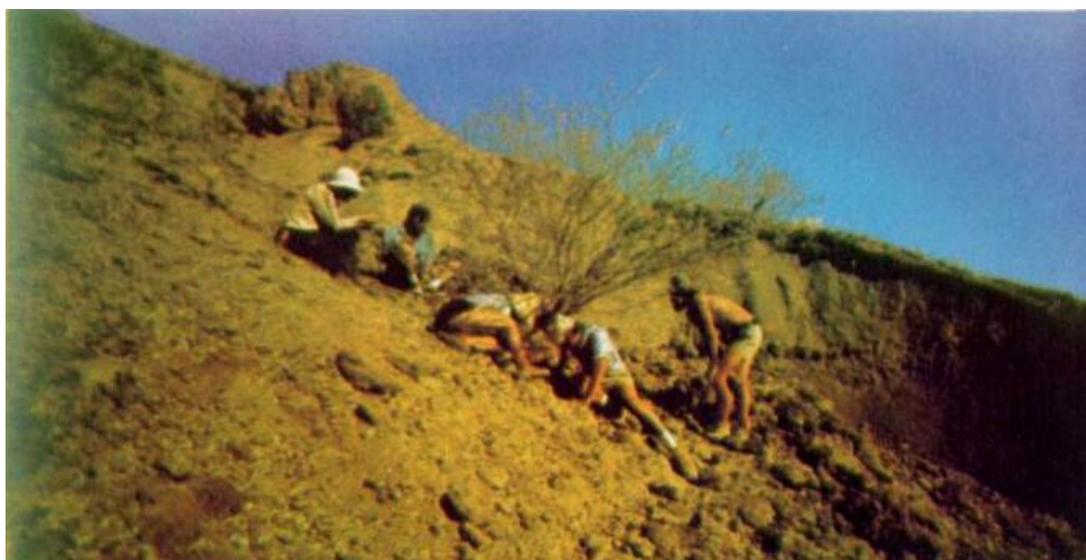
7

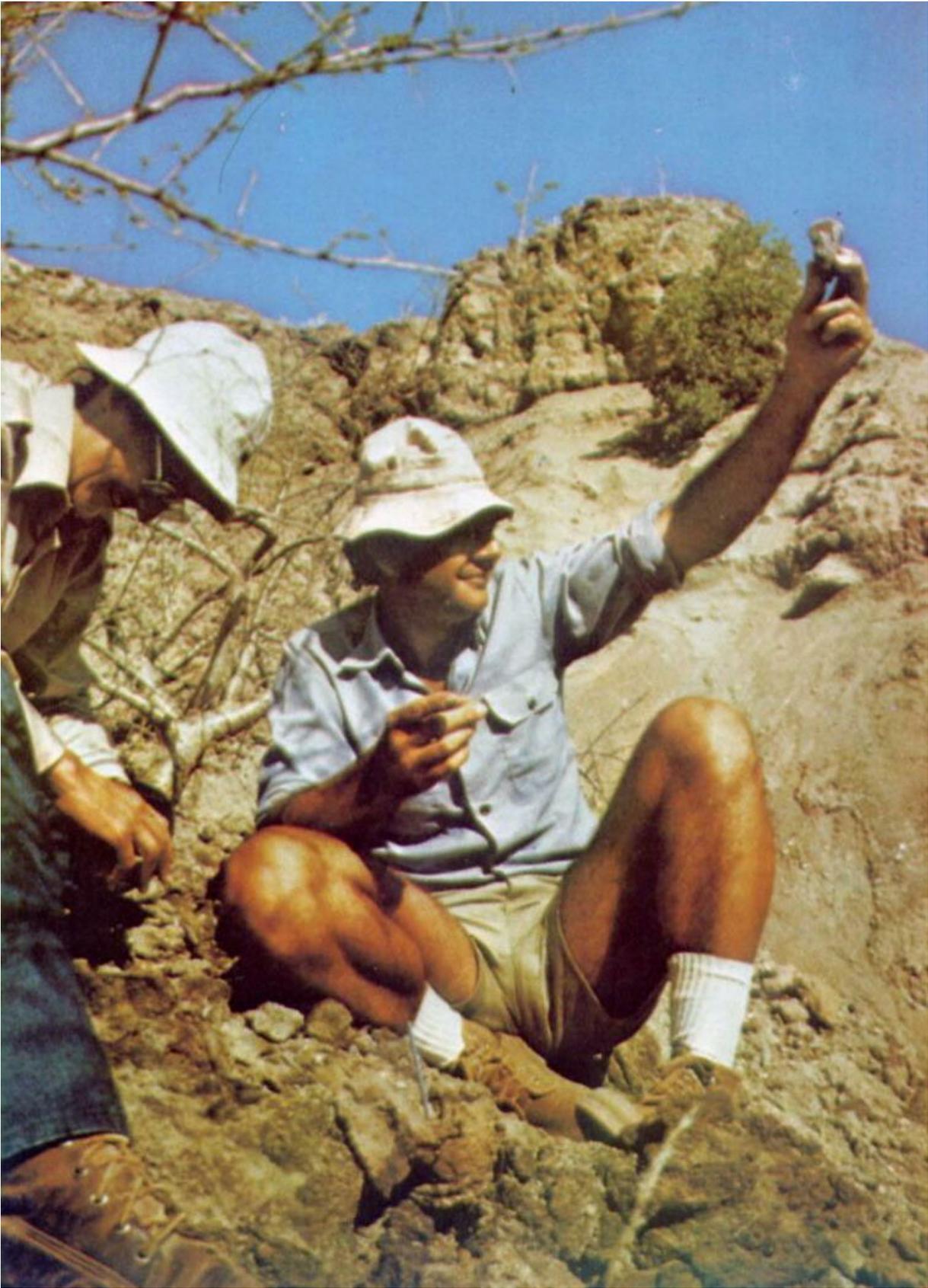

Датировкой и стратиграфией в Хадаре (7) занимался Джеймс Аронсон (на переднем плане). Он часами бродил по отложениям в такой позе. Позади-его помощник Боб Уолтер, опытный вулканолог. Небольшой кустик акации (8), возле которого уселась жена французского оператора Мишель Кавайон, едва не

раздавлив остатки гоминид. Так было положено начало лихорадочным поискам на участке 333. Фотография сделана в момент открытия. Джохансон (справа) только что взобрался наверх, чтобы взглянуть на находку. Рядом с ним Мишель.

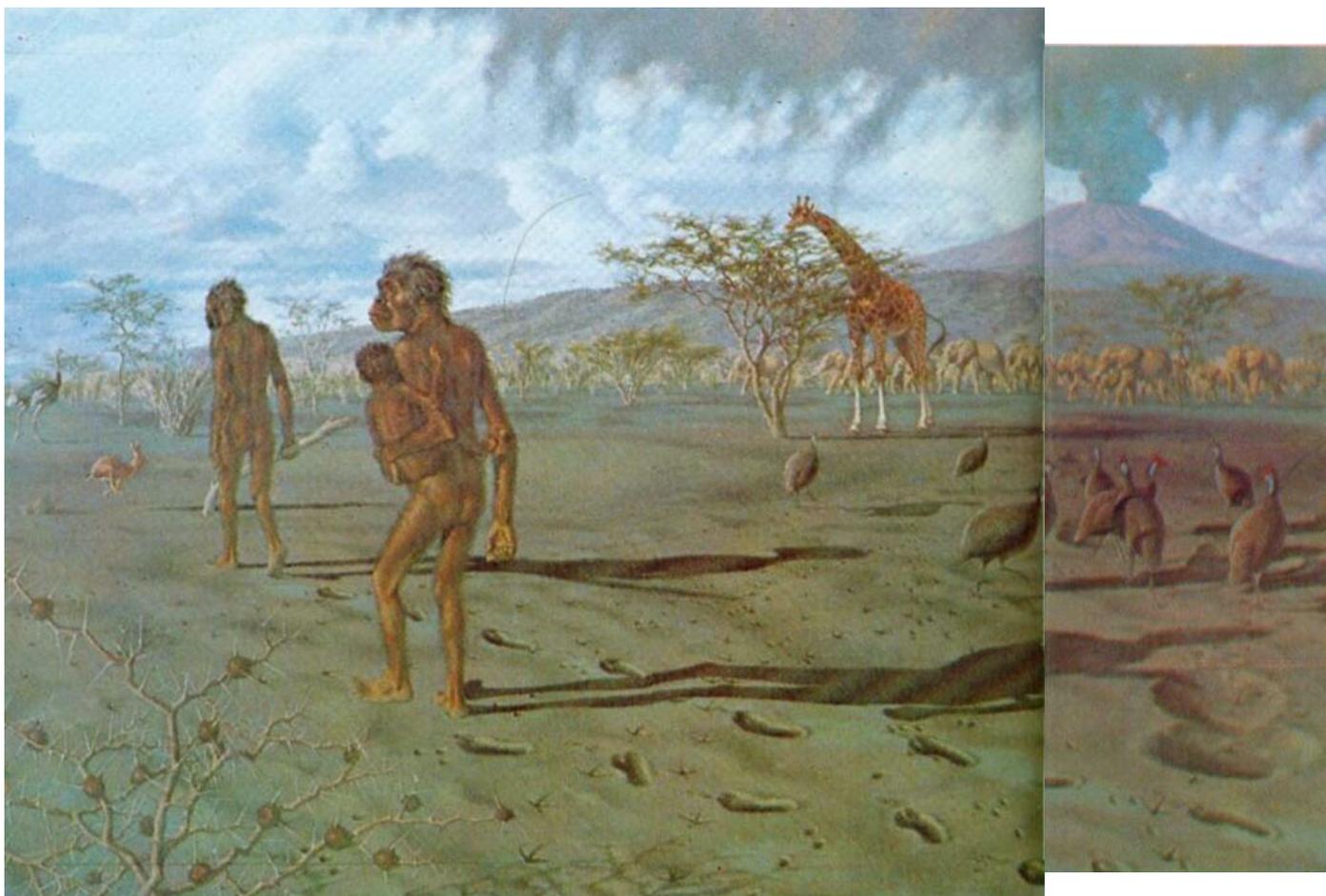
8

9

Спустя несколько минут Джохансон (9), объявивший о том, что найденные Мишель ископаемые остатки принадлежат гоминидам, об наруживает еще одну кость — часть нижней конечности. Он подобрал ее по другую сторону куста, в полутора метрах от места первой находки.

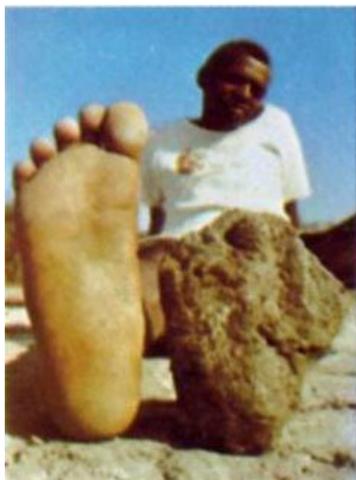
10

11

Эта картина (10) воссоздает события далекого прошлого, которые привели к возникновению знаменитой цепочки следов в Летоли. При сравнении слепка одного из этих следов с человеческой ступней (12) видно их близкое сходство. В лаборатории в Найроби (11) Джохансон (справа) показывает часть своих находок, сделанных в 1975 году, Тиму Уайту, Ричарду Лику и Бернарду Буду; это первое знакомство троих специалистов с окаменелостями Хадара и первая встреча Джохансона с Уайтом.

12

Небольшая часть удивительных находок Хадара. Среди челюстей (13) выделяется своей V-образной формой челюсть Люси (вверху). В середине — челюсть, которую нашел на другой стороне реки мальчик-афар. Верхняя челюсть внизу справа — одна из находок Алемайеху. Отдельно изображена кисть (14), составленная из многих фрагментов с участка 333.

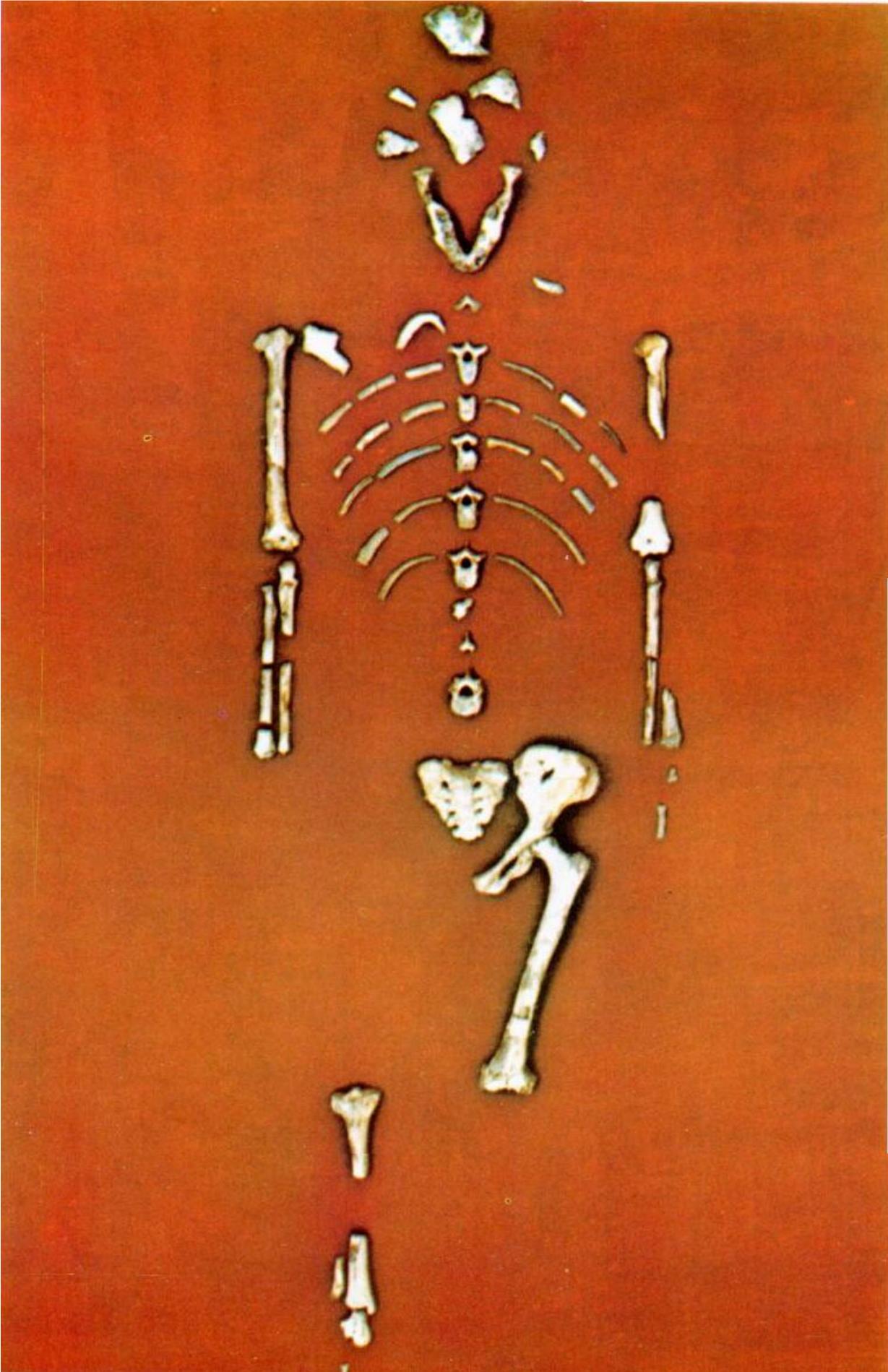
На обороте (15) -костные остатки Люси (*Australopithecus afarensis*).

13

14

на участке 333 и в шутку названных нами «первое семейство»?¹ Прежде чем ответить на эти вопросы, нужно было изучить сами кости — целую грудку костей, которые нуждались в очистке, сортировке, описании и, наконец, интерпретации. На эту работу должно было уйти несколько лет.

В декабре 1975 года закончился третий полевой сезон в Хадаре. Тайеб и его коллеги возвращались во Францию, чтобы зимой заняться классификацией костей млекопитающих, пыльцевым анализом и геологическими исследованиями. Аронсон и Уолтер отправились в Кливленд, нагруженные образцами вулканических пород. Я вместе с «первым семейством» поехал в Аддис-Абебу, чтобы получить для него выездную визу.

Поскольку однажды я уже прошел эту процедуру, на этот раз мне было гораздо легче. Мы с Тайебом провели неизбежную пресс-конференцию, обрисовали значение новых находок, а затем пустились по инстанциям, чтобы оформить нужные документы. Все шло гладко. Успешно пройдя таможенную, мы с Томом Греем вылетели в Найроби. Я хотел показать находки моим друзьям Мэри и Ричарду Лики и другим участникам экспедиции в Кооби-Фора, которых я уже знал. Я встретил также несколько человек, мне незнакомых; они работали с Мэри Лики в Летоли — районе Танзании, расположенном в нескольких милях к югу от Олдувая.

Когда я разложил на столе ворох привезенных костей, все пришли в изумление. До сих пор никто не находил ничего, что могло бы сравниться с нашими окаменелостями по их древности, удивительной сохранности и разнообразию. Сразу же вокруг находок возникла оживленная дискуссия. Мэри и Ричард Лики рассматривали их с огромным вниманием и

¹ «Первым семейством» в США обычно называют семью президента. — Прим. перев.

высказали мнение, что «первое семейство» подтверждает тот вывод, к которому они пришли год назад во время своего визита в Хадар: остатки принадлежат *Номо*, хотя и очень примитивному. Люси, по их мнению, была чем-то иным. В тот момент я был склонен согласиться с этими выводами.

В общей суматохе, возникшей вокруг находок, лишь один из присутствующих оставался в стороне. Это был молодой человек с мягкими светлыми волосами, в очках с толстыми стеклами, одетый в белый халат. Он стоял поодаль, что я приписал его застенчивости. Позже я узнал, что это американец, проработавший два сезона палеонтологом у Ричарда Лики в Кооби-Фора, а в настоящее время помогающий его матери. Его звали Тим Уайт.

По прошествии нескольких лет я напомнил Тиму о первом дне нашего знакомства:

— Ты тогда забился в угол и, казалось, боялся оттуда выбраться. Припоминаешь? Я подошел, представился, и мы начали беседовать.

— Боже мой, да вовсе я не стеснялся. Просто сохранял разумную осторожность. Ты же был юным баловнем судьбы, изрекающим суждения обо всех ваших замечательных находках. Я не был с тобой знаком. Я не знал, сумеешь ли ты отличить ребро гиппопотама от хвоста носорога, и ждал, когда ты сядешь в лужу и начнешь пороть чепуху.

Эта сентенция вызвала смешок у Оуэна Лавджоя, который слушал наш разговор.

— Тим — это Фома неверующий, — сказал я. — Колючий, упрямый тип, который ни во что не поверит, пока не убедится собственными глазами. Он готов спорить с каждым из-за любой мелочи.

— Дон — торговец лаком для ногтей, настоящий делец. Я чувствовал, что надо понаблюдать за ним. Он проглотил весь этот вздор относительно *Номо* возрастом в три мил-

лиона лет, который подсовывали ему Лики. — Тим повернулся ко мне. — Ведь так оно и было.

— Лики тут вовсе ни при чем, — возразил я. — Я и *сам* был того же мнения. Данные, которыми мы располагали в то время, позволяли думать именно так.

— Конечно, позволяли, если ты нахватался всяких дат и даже не потрудился взглянуть на примитивные черты зубной системы. Позволяли, поскольку ты был легкомысленным и наивным.

— Это я легкомысленный? Я наивный?

— Вот именно ты.

Несмотря на то что Уайт с первой нашей встречи в Найроби принял меня за верхогляда, а я счел застенчивостью хладнокровный подход ученого, который в сочетании с идеализмом не позволял Тиму сближаться в экспедиции более чем с одним-двумя людьми, мы с ним поладили с самого начала. Тим рассказал о находках, которые стали поступать от Мэри Лики из Летоли, а затем

перешел к оценке хадарских окаменелостей. Посмотрев на них, он высказал мнение, которое я никогда не забуду: «Мне кажется, ваши ископаемые остатки из Хадара и те, что нашла Мэри в Летоли, очень сходны». Для сравнения он показал несколько костей. Они казались почти идентичными.

Это было потрясающе. Места находок разделяла добрая тысяча миль. Возраст костей из Летоли составлял предположительно 3,7 млн. лет — на три четверти миллиона больше, чем возраст базальтов Хадара по данным Аронсона (3 млн. лет). Правда, не исключалось, что базальт еще древнее. Но свиньи Бэзила Кука, которые могли это подтвердить, еще не выступили на сцену — до этого оставалось три года.

Принадлежали ли окаменелости из Хадара и Летоли одному виду? И, черт возьми, как тогда все это объяснить?

Тим и я договорились поддерживать связь друг с другом.

Глава 11

Четвертый полевой сезон в Хадаре: завершение

Знание зиждется не на одной только истине, но также и на ошибках. *К. Г. Юнг*

Вы знаете, ... все люди невежды, только в разных областях.

Уилл Роджерс

Когда я был четырнадцатилетним мальчишкой, мой отец казался мне таким невеждой, что мне было стыдно находиться с ним на людях. Но когда мне стукнул двадцать один год, я был поражен, как много нового узнал мой старик за семь лет.

Марк Твен

После возвращения в США в начале 1976 года я был безумно занят. Новые находки с участка 333, главным образом «первое семей-

ство», виселись передо мной, как целый Эверест материала, который нужно было систематизировать и описать. Я начал подбирать из числа

своих аспирантов наиболее талантливых молодых людей, способных помочь мне в этой работе. В конце концов я выбрал двух: Билла Кимбела, крепкого юного гиганта с копной вьющихся черных волос и усами в стиле Фу Манчу, и Брюса Лэтимера, рыжеватого блондина, очень напоминавшего идеал «американского парня». Оба уже зарекомендовали себя как чрезвычайно добросовестные помощники и теперь получили место в моей лаборатории в Кливлендском музее. Кимбел занимался черепом молодого гоминида с участка 333, первым достаточно полным черепом этого типа, который можно было бы сравнить с другой известной находкой Реймонда Дарта-черепом «бэби из Таунга» (в 1979 году Кимбел сам отправился в Южную Африку, чтобы произвести сравнение). Лэтимеру были доверены описание и анализ костей стопы из Хадара. Майк Буш, нашедший первую окаменелость на участке 333, занялся костями кисти. Оуэну Лавджою, специалисту по локомоции, достались кости нижних конечностей, таз и позвонки. Себе я оставил свое: зубы и челюсти.

Эти планы предстояло осуществить, несмотря на два серьезных затруднения. Первое из них было связано с хранением коллекций. Небольшое помещение в Кливлендском музее, переполненное непрерывно поступающими находками и изучающими их аспирантами, грозило лопнуть по швам. В конце концов я поставил перед музеем решительный ультиматум: либо мы получаем более просторное помещение, либо мне придется искать для себя новую работу.

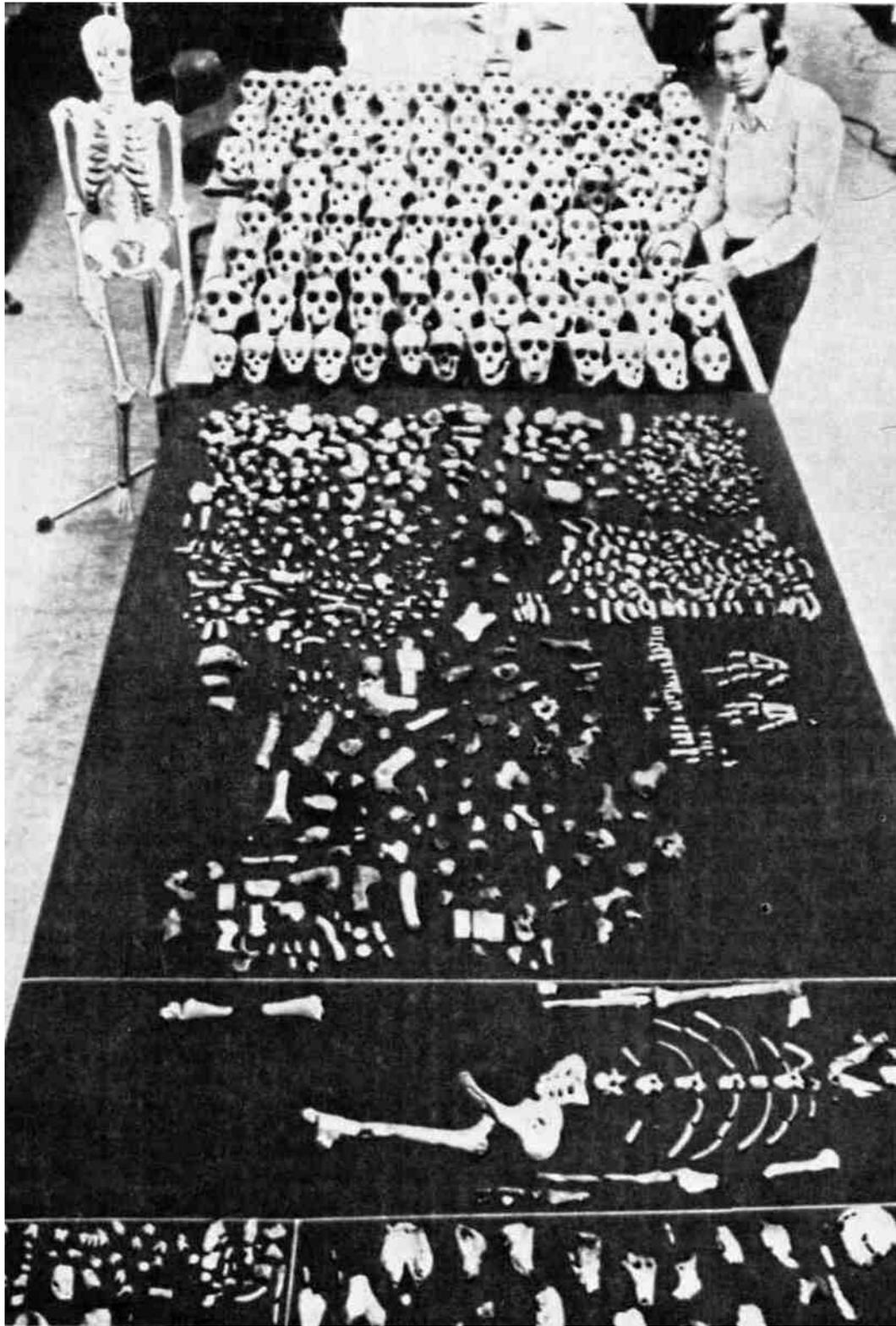
Музей согласился предоставить нам больше места, но потребовал, чтобы я сам раздобыл часть денег, необходимых для оборудования нужной нам лаборатории. Я занялся поисками субсидий и за несколько месяцев сколотил сумму в 200 тысяч долларов, вполне достаточную, чтобы оснастить превосходную лабо-

раторию. Она была официально открыта в декабре 1976 года, что помогло нам вовремя разрешить и вторую проблему.

Дело в том, что в результате переговоров о вывозе из Эфиопии ископаемых остатков, найденных на участке 333, я получил разрешение держать их у себя только в течение года. За это короткое время их, во всяком случае, нужно было очистить (а это трудоемкая и сложная работа) и затем сделать с них слепки. Чтобы решить последнюю задачу, требовалось устроить в новой лаборатории муляжную мастерскую. Я уже нашел опытного специалиста в этой области — Билла Мак-Интоша. Ввиду срочности дела он начал свою работу задолго до того, как остальная часть лаборатории была окончательно переоборудована.

В течение года я написал несколько научных статей и популярный очерк для журнала *National Geographic*. Первая статья содержала предварительную схему стратиграфической колонки, которую составил Тайеб, поместив базальтовый слой не в том месте, где ему следовало быть. Однако ошибка была не очень серьезной. В примечании было сказано, что геологические выводы носят предварительный характер и, возможно, потребуют изменений.

Одновременно с поступлением новых окаменелостей нас захлестнул поток сведений о результатах геологических исследований и о возрасте находок недавно закончившегося полевого сезона. Это требовало публикации еще одной статьи, уточняющей первую и существенно дополняющей ее. Во второй статье в соответствии с данными Аронсона базальтовый слой был переставлен в другое место; здесь указывалось, что его возраст — три миллиона лет, но эту цифру «следует считать минимальной». Работа была замечательной, ее украшало уникальное созвездие имен соавторов. Среди них: Джеймс Аронсон (специалист по калий-аргоновой

Коллекция ископаемых находок из Хадара, наконец-то собранная в одном месте, разложена на столе в новой кливлендской лаборатории, чтобы дать представление о ее размерах и разнообразии. На переднем плане справа - коленный сустав, челюсти и некоторые другие разрозненные костные остатки. Далее

идет Люси. Следом за ней все «первое семейство» с участка 333 (фрагменты рассортированы по частям скелета). На заднем плане, рядом с коллекцией черепов шимпанзе, стоит Тим Уайт. На переднем плане слева - остатки гоминид Летоли.

датировке), Т. Дж. Шмитт (американский геолог, который собрал 400 образцов пород), Боб Уолтер (специалист по датировке с помощью следов распада), Морис Тайеб (геолог), Ж.-Ж.Тьерселен (французский геолог, работавший с Тайебом), У. Нэзер (американский специалист по датировке с помощью следов распада), А. Нэрн (английский специалист по палеомагнетизму) и я сам. Тайеб и я имели теперь активную поддержку выдающихся специалистов и постарались использовать ее наилучшим образом.

Еще одна моя работа 1976 года, опубликованная под давлением обстоятельств, была посвящена оценке сделанных находок. Мир антропологов был уже наслышан о коленном суставе, о челюстях и о Люси. Можно ли как-то свести эти материалы воедино? Читатели хотели узнать обо всем подробнее.

Беда в том, что они хотели узнать об этом прежде, чем я готов был им рассказать. За короткий период я нашел так много окаменелостей и был настолько занят их описанием и классификацией, что даже не имел времени подумать об их месте в общей схеме эволюции. Кроме того, мне надо было показать находки другим ученым. Я не собирался прятать их — напротив, считал своей обязанностью предоставить новый материал коллегам для осмотра. Однако я сознавал, какой вред могут принести ошибочные описания и неверные заключения других специалистов, если они попадут в научную литературу. Я вышел из положения, согласившись предоставить находки для анализа экспертам при условии, что никто не будет о них писать, пока

я сам не смогу опубликовать эти материалы. Это, конечно, заставляло меня спешить с публикациями. Я напечатал одну совместную работу с Тайебом и Коппансом по-французски, а другую с Тайебом на английском языке в журнале *Nature*, который в свое время возвестил о находках «бэби из Таунга» и *Homo habilis*. В обеих статьях я поддерживал вывод, к которому мы пришли с Мэри и Ричардом Лики в Хадаре в 1974 году, а затем в Найроби в 1976 году: крупные особи, представленные «челюстями Алемайеху», и вновь найденное «первое семейство» относились к роду *Homo*. Люси, по-видимому, к нему не принадлежала.

В то время как первая, не совсем верная с точки зрения геологии работа была вскоре исправлена и не доставила особых хлопот, статья в *Nature* принесла немало осложнений. Чтобы внести в нее коррективы, мне предстояло пересмотреть свои собственные представления, а затем перейти к фундаментальным выводам относительно эволюции гоминид. Если эти выводы будут приняты, они должны будут повлиять на взгляды всех палеоантропологов о происхождении человека.

Когда я подписывал статью и отправлял ее в печать, я еще не осознавал всех этих далеко идущих последствий.

В 1976 году я снова встретил Тимоти Уайта, в этот раз на конференции в Ницце. У него были с собой муляжи костей, найденных Мэри Лики в Летоли, над которыми он тогда работал. Мы начали сравнивать их с находками из Хадара. Тим уже как-то высказывал в Найроби мысль, что обе серии находок представляют го-

минид одного и того же типа. Когда он вновь повторил ее, я тотчас переспросил: «Гоминиды? Одного типа?».

— Да, одного типа.

— Но в Хадаре найдены два типа. Маленькая Люси и большие гоминиды.

— Быть может, это вовсе не так. Мы еще посмотрим.

После этого интригующего замечания мы расстались. Тим поехал в Мичиган, чтобы заканчивать свою диссертацию, а я вернулся к накопившимся текущим делам, прежде всего к описанию находок с участка 333 и изготовлению их муляжей. Я решил, что не смогу поехать этой осенью в Хадар — слишком много дел оставалось дома. Руководителем американской группы я назначил Тома Грея, затем вызвал к себе в кабинет аспиранта Билла Кимбела и сказал: «Вы хорошо поработали, успешно справились со всеми обязанностями. Хотели бы вы поехать в Хадар в качестве помощника Тома Грея?».

От неожиданности Кимбел потерял дар речи. К тому времени Хадар стал самым притягательным местом для специалистов по плио-плейстоцену. Я думаю, в стране не было ни одного аспиранта-антрополога, который в тот момент не позавидовал бы Кимбелу.

Я уведомил Тайеба о перестановках в нашей группе и с огорчением узнал из ответного письма, что политическая ситуация в Эфиопии изменилась. Тайеб уговаривал меня, несмотря на всю мою занятость, бросить все дела и помочь ему организовать новый полевой сезон — иначе экспедиция вовсе не состоится.

— Вполне возможно, что нам и так не удастся ее организовать, — заявил Тайеб, — и у нас, конечно, ничего не выйдет, если мы не будем вместе сражаться за нее.

Мы встретились в Аддис-Абебе в сентябре 1976 года. Я очень скоро понял, что Тайеб был прав. Мы посетили французское и американское по-

сольства, и в обоих нам настоятельно советовали воздержаться от любых экспедиций. По мнению сотрудников американского посольства, «важные события» ожидались со дня на день. Правда, я не нашел никого, кто толком объяснил бы мне, что это значит, но мне говорили: «Если вас где-нибудь задержат, вы окажетесь в затруднительном положении».

— Вы что, вправе запретить нам экспедицию? — спросил я.

— Нет. Но мы хотим, чтобы вы ясно поняли, что нам не нравится ваша затея. Вы будете для нас еще одной обузой, нам придется заботиться о вас, следить за вами и в конце концов спасать.

Даже Уилдинг, этот невозмутимый британец, советовал отменить экспедицию — ведь племена афаров, которые были нашей защитой, сейчас находятся в состоянии брожения и могут оказаться ненадежными.

Тайеб и я решили все проверить сами. Штаб-квартира вождя афаров располагалась на хлопковой плантации в 50 милях к северу от Хадара. Мы договорились о встрече с ним и вылетели туда на маленьком самолете, взятом напрокат. На посадочной площадке нас встретили вооруженные люди и привезли в дом, у входа в который стояла стража. Все это напоминало военный лагерь. Внутри дома за столом сидел маленький человек с лицом, как будто высеченным из гранита, по имени Хабиб; за его спиной стояли еще несколько охранников. Хабиб был сыном прежнего правителя этой местности, который несколько лет назад был изгнан другим султаном, али-Мира.

Али-Мира властвовал на территории афаров в течение всех предыдущих наших полевых сезонов. Он собирал свои собственные налоги, правил свой собственный суд и не имел никаких контактов с центральным правительством, полагаясь на негласную договоренность, разрешавшую ему делать все, что он захочет, в

стране афаров, но нигде больше. Политические перемены, происходившие в столице, достигли и этих отдаленных мест. Али-Мира был изгнан своими врагами, сторонниками прежнего султана.

Теперь у власти находился Хабиб. Это был бесстрастный маленький человек, тихо сидевший за пыльным столом. Но у него был суровый, исполненный решимости взгляд ястреба. Он спросил, что нам нужно.

Мы ответили, что нуждаемся в поддержке для обеспечения безопасности экспедиции. Мы опасались, что в случае каких-либо столкновений можем оказаться между сражающимися сторонами.

Нам сказали, чтобы мы не тревожились. Да, несколько банд сторонников али-Мира все еще действуют, но они скоро будут разбиты. В общем-то район уже безопасен. Мы можем рассчитывать на гостеприимство, так как в прошлом поддерживали хорошие отношения с племенами и не вмешивались в политику.

Новый правитель приказал своему помощнику помогать нам.

— Его зовут Мухаммед Гоффра. Он будет жить с вами, а его люди — охранять вас. Я убежден в его верности мне, а это значит, что вы будете в безопасности.

Слушая его речь, я снова почувствовал, что нахожусь в военном лагере. Но, как ни странно, это придавало уверенность. В грубой силе была своя положительная сторона, она вполне соответствовала суровому образу жизни пограничных поселений и вызывала доверие. Все это не имело ничего общего со сложными, напоминающими паутину интригами столицы. Уже сидя в самолете, я сказал Тайебу, что чувствую себя гораздо увереннее.

— Я тоже, — ответил он.

— Ну что, будем осуществлять наш план?

— Я за.

лась так, как и было задумано. Грей возглавил американскую группу, я же вернулся в США, чтобы закончить оставшиеся там дела. В декабре, т.е. в самом конце полевого сезона, я вновь приехал в Хадар с находками прошлого года, которые, по соглашению с эфиопскими властями, должен был им возвратить.

Мне хотелось попросить о продлении срока возврата еще на один год, но из-за политической ситуации я не рискнул сделать это. Мне нужно было любой ценой поддерживать хорошие отношения с властями. Я знал, что сбор окаменелостей на участке 333 был уже почти закончен, что он дал массу нового материала и что через несколько недель передо мной встанет проблема пересылки в США новой партии ископаемых остатков. Кроме того, на участке 333 был сделан небольшой разрез и в нем найдены новые окаменелости. Я ожидал, что систематические раскопки холма могут в следующем сезоне принести сенсационные открытия, обнаружить золотую жилу, в которой окажутся скелеты целых особей. В своих мечтах я видел другие, улучшенные копии Люси. Наконец, на противоположном берегу реки в отложениях, которые мы еще не обследовали, была найдена великолепная челюсть и зубы. Можно было только предполагать, какие открытия таит в себе это место.

Возвращать находки, с которых еще не сняты слепки и которые еще до конца не описаны, и получать новые — это все равно что ломиться во вращающиеся двери. Есть ли смысл в том, чтобы вывезти интересные остатки, поддержать их немного у себя, а затем вернуть, освобождая место для других?

В этот удручающий момент я понял, что единственно разумное решение — взять с собой Билла Мак-Интоша и организовать временную мастерскую по изготовлению слепков прямо в Эфиопии. Я надеялся, что Мак-Интош успеет снять слепки хотя

бы с части тех находок, которые предстояло вскоре возвратить в Национальный музей.

Между тем у Грея были свои проблемы. В этом году у него возникли большие трудности с транспортом. Экспедиция получила новый фургон, и мы планировали каждую неделю привозить из Аддис-Абебы мясо, фрукты и овощи. Но прошлогодний водитель, напуганный беспорядками, не подписал очередной контракт. Грей присмотрел нового шофера и попытался проверить его водительские таланты на улицах Аддис-Абебы. Через три квартала тот врезался в грузовик и помял фургон. Когда машину починили, Грей пригласил старого водителя и, употребив все свое красноречие, убедил его сесть за руль. Тот сделал пару рейсов и вновь отказался. Его мать, сказал он, боится, что он попадет в засаду и погибнет при переезде реки, где приходится сбавлять скорость. Тогда Грей нашел третьего шофера, у которого при виде нового фургона загорелись глаза. Он был опытным водителем, но в душе своей оказался гонщиком. На свой страх и риск он помчался так, как будто был чемпионом мира по авторалли, и вскоре свалился вверх колесами в пятиметровую канаву, разбив фургон вдребезги и поранив себе голову.

Таким образом, все усилия снабжать экспедицию из Аддис-Абебы оказались тщетными. Было сделано несколько самолетных рейсов, но и от них пришлось отказаться — опасность быть сбитым стала слишком

реальной для летчика. В результате повар Кабете был вынужден обходиться местной козлятиной.

Прибыв в лагерь, я застал Грея и Кимбела в прекрасном настроении, несмотря на все эти неурядицы. Кимбел без конца болтал. Он рассказывал мне о челюсти, найденной по ту сторону реки. Ее принес в лагерь афарский мальчуган. Слушая разговоры взрослых о том, какие кости больше всего ценят «эти сумасшедшие иностранцы», он сам научился распознавать челюсти гоминид.

Мальчик нашел правую половину нижней челюсти со всеми зубами — действительно превосходный образец. Он сказал, что вторая половина осталась на том берегу; он знает, где она находится, и покажет это место Кимбелу, если его возьмут на работу помощником повара. После полудня Кимбел и Николь Паж перешли вброд реку, и через полчаса мальчик привел их ко второй половине челюсти. Сложенные вместе, обе половинки составили замечательную находку, одну из лучших в хадарской коллекции.

Другим важным результатом полевого сезона 1976/1977 года было открытие каменных орудий в Хадаре. Они были найдены одной из сотрудниц Мориса Тайеба, французским археологом Элен Рош, которая подобрала несколько таких орудий прямо на склоне глубокого оврага в трех милях от лагеря. К сожалению, ей пришлось уехать во Францию раньше, чем она успела тщательно изучить эту необычайно важную находку. Таким образом, лагерь остался без археолога — без специалиста, который мог бы исследовать орудия и судить по ним о вероятном образе жизни ранних гоминид. Поэтому я спросил Тайеба, не будет ли он возражать, если я приглашу на несколько недель другого археолога. Я имел в виду молодого новозеландца по имени Джек Харрис, очень способного археолога, который занимался анализом каменных орудий, когда

работал в Кооби-Фора под руководством Айзека Глинна и Ричарда Лики. Согласие Мориса мне нужно было потому, что французы считают себя экспертами в археологии Хадара. Морис знал Харриса и высоко отзывался о нем. Поразмыслив, он решил, что присутствие в экспедиции археолога не француза может принести определенную пользу, и не стал возражать против моей идеи.

Каменные орудия играют сложную роль в истолковании ранней африканской предыстории. Их время от времени находили в Южной Африке, и не раз делались попытки соотнести их с остатками австралопитековых. Если бы это удалось, то пришлось бы признать, что орудиям не меньше миллиона, а быть может, и около двух миллионов лет. Однако эта связь никогда не была установлена — никто не мог доказать, что австралопитековые в Южной Африке пользовались орудиями. Наоборот, все большее число данных указывает на то, что австралопитековые *нигде и никогда* не изготавливали и не использовали каменных орудий. находки очень древних орудий обычно ассоциируются с ископаемыми остатками *Homo*. Например, орудия, найденные в Южной Африке, по-видимому, созданы *Homo erectus*. В Олдувайском ущелье, где встречаются орудия возрастом около двух миллионов лет, находят следы *Homo habilis*.

Определить древность каменного орудия непросто. Изотопные методы датирования здесь неприменимы, даже если орудие сделано из вулканического материала. Дело в том, что кусок камня, взятый для обработки, вполне может быть древнее творца орудия на пятьдесят или сто миллионов лет. Орудие могли сделать в одном месте, а затем перенести в другое и бросить там. Кроме того, поверхность отколотых и разбросанных отщепов часто бывает настолько изменена, что при любой попытке определить их возраст ошибка

будет слишком велика. Вот почему при оценке возраста орудия приходится учитывать его связь с геологическими слоями и ископаемыми остатками.

Орудие само по себе часто почти ни о чем не может сказать. Это один из самых долговечных предметов на Земле. Однажды сделанное, оно не поддается разрушению. Брошенное и засыпанное отложениями, оно через пару миллионов лет может вновь появиться на поверхности земли, не сохранив почти никаких следов своего путешествия во времени и в геологических пластах. Если мы нашли орудие прямо на поверхности и не можем датировать его по характерным приемам обработки камня, то как можно определить его возраст? Иными словами: если человек изготавливал сходные орудия на протяжении огромного промежутка времени, то каким образом археолог различит орудия, сделанные тысячу и миллион лет назад?

Существуют особенности технических приемов, которые могут кое-что сказать о возрасте орудий. Например, исключительно примитивная олдовайская культура, открытая супругами Лики в ущелье Олдувай и названная по месту находки, датируется в 1,8, а может быть, и в 2 миллиона лет, если судить по сходным орудиям, обнаруженным в районе Омо и озера Туркана. Известна также более развитая ашельская культура, как полагают связанная с *Homo erectus*. Похоже, что и человек, и орудия этого типа внезапно появились около 1,5 млн. лет назад и с тех пор мало эволюционировали, упорно сопротивляясь изменениям в течение по меньшей мере миллиона лет. Очевидно, ашельские орудия вполне удовлетворяли раннего африканского охотника и собирателя, так что не было нужды улучшать их.

Именно этой теме коснулся Харрис, говоря со мной об орудиях. Он сказал, что практически невозможно определить возраст орудий, най-

денных на поверхности земли у озера Туркана. Нуждаясь для разделки туш животных в грубых каменных пластинах с острым краем, человек продолжал во множестве изготавливать их еще тысячу лет назад. Некоторые люди делают их по сей день. Харрис отметил, что разбросанные повсюду в Африке орудия, подобно костям животных, тоже играют роль своеобразного фона. Однако ценность этого фона невелика, так как орудия очень мало подвержены эволюционным изменениям. Определить возраст орудия можно только в одном случае — если оно будет найдено при раскопках в том слое, где его, по видимому, оставил изготовитель.

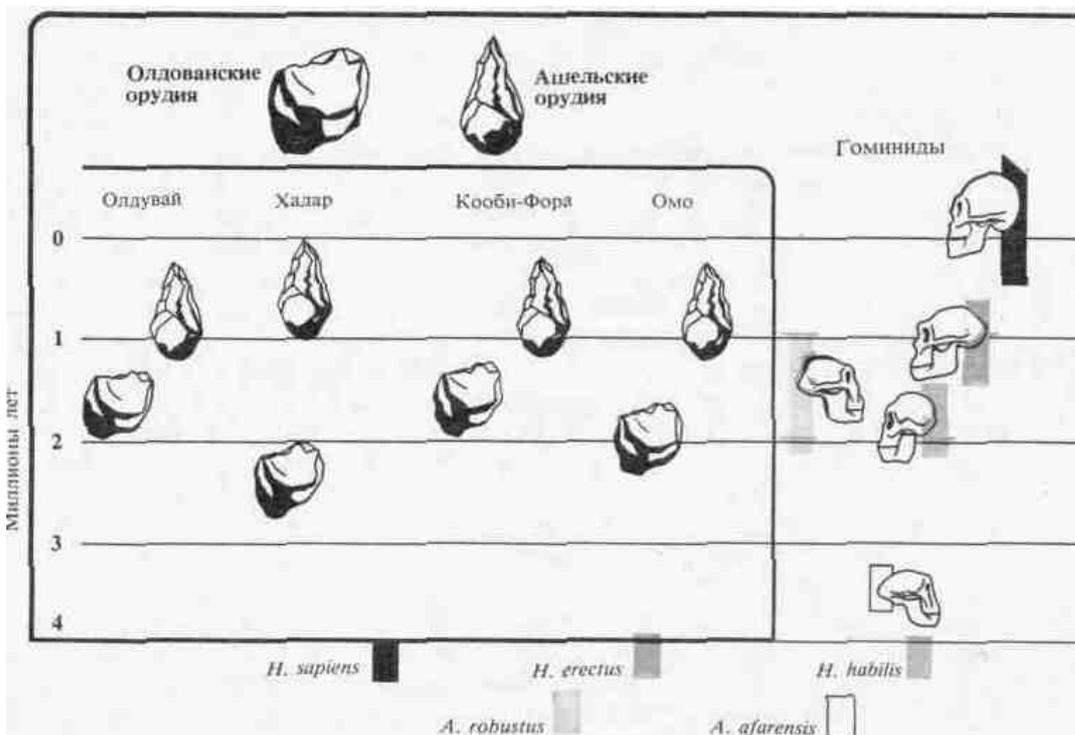
Однако проводить раскопки значило вторгаться в вотчину французов. Тайеб посоветовал Харрису держаться подальше от того места, где работала Элен Рош. Так как никто точно не знал, в какой части склона находился ее раскоп, я сказал Харрису, чтобы он копал на другой стороне оврага.

Харрис занялся раскопками, а я приступил к расчистке окаменелостей. У меня с собой были кое-какие прошлогодние находки с участка 333, все еще не очищенные и не описанные. Я привез небольшой насос для подачи сжатого воздуха в инструмент, которым мы пользовались в лаборатории. Это было пневматическое приспособление, миниатюрный отбойный молоток, с помощью которого мы скалывали породу, покрывавшую ископаемые остатки. При очистке зубов пользоваться им нужно было очень осторожно, чтобы не поцарапать поверхность зуба, — иначе будет затруднен анализ следов износа, образующихся при жевании. Поэтому окончательную очистку челюстей и зубов всегда производят с помощью зубочистки.

Едва я успел расположиться с окаменелостями, как появился Харрис. По его словам, он нашел место, богатое орудиями, и вернулся за по-

мощью. Будучи студентом, я участвовал в раскопках индейских поселений в Соединенных Штатах. Мне не нужно было объяснять, как держать в руках рейку, пользоваться теодолитом и делить участок на квадраты. Мы отправились вдвоем с Харрисом и приступили к работе. Через некоторое время мы вырыли раскоп 3,5 на 3,5 метра и глубиной чуть более полуметра. Мы нашли больше двадцати орудий, часть коренного зуба слона и несколько костных фрагментов. По расположению слоев я понял, на каком уровне стратиграфической колонки найдены орудия: мне показалось, что я могу различить слой пепла ВКТ, который Аронсон и Уолтер использовали для датировки в другой части отложений. Однако, чтобы убедиться в этом, я попросил Уолтера взять образцы для отправки в Кливленд. Познакомившись со стратиграфией, Уолтер сказал, что на первый взгляд орудия расположены где-то между туфами ВКТ-2 и ВКТ-3; тогда их возраст около 2,5 млн. лет — значит, мы нашли древнейшие орудия в мире.

Найденные нами орудия были сделаны из базальта по определенному плану и даже несколько более искусно, чем олдувайские. Это была совершенная неожиданность; она как будто подкрепляла высказанное мною публично мнение, что крупные гоминиды в Хадаре относились к роду *Ното*. Могли ли австралопитеки создавать такие орудия? Не думаю. Мысленно я уже прикидывал, что будет главным в работе экспедиции на следующий год — повсеместные поиски орудий или штурм богатого костными остатками горизонта в верхней части оврага на участке 333. А может быть, и то и другое? В последнем случае экспедицию придется расширять, что потребует увеличения ассигнований. Однако, располагая остатками самого древнего человека и древнейшими в мире орудиями, которые можно было использовать как

Судя по древности и местам находок олдованских и ашельских орудий, творцом олдованской культуры был, вероятно, *Homo habilis*, а ашельской — *Homo erectus*. Найденные в Хадаре олдованские орудия древностью в 2,5 млн. лет позволяют предположить, что воз-

раст *Homo habilis* не меньше, так как нет убедительных доказательств, что австралопитеки изготовляли орудия какого-либо типа. По-видимому, каменные орудия — это изобретение *Homo*.

приманку для общественных фондов и отдельных меценатов, я чувствовал, что крепко стою на земле.

Правда, наши дела в Париже оказались не слишком удачными. Элен Рош узнала о вторжении на «ее» территорию и пожаловалась Тайебу. Обсуждение конфликта отложили до сентября 1977 года, когда обе заинтересованные стороны должны были приехать в Найроби на Panaфриканский конгресс. Там все уладилось. Немалую роль в этом сыграли мои отношения с Тайебом, которые неизменно строились на принципах взаимного доверия и уважения.

— Если вы хотите пригласить Харриса в экспедицию на будущий год, — сказал Тайеб после конференции, — мы придумаем, как его использовать. Я уверен, что он и Рош сработаются.

— Я и сам надеюсь на это. Если мы действительно намерены утвер-

ждать, что орудиям два с половиной миллиона лет, нам нужно подкрепить это безупречными археологическими данными; ведь у всех глаза ползут на лоб от изумления.

— Уж это точно, — согласился Тайеб.

Конференция в Найроби состоялась через несколько месяцев после окончания полевого сезона. Лагерь был уже закрыт, и почти все участники экспедиции разъехались. Я запаковал находки и отправился с ними в Аддис-Абебу, поручив окончательную эвакуацию лагеря Грею и двум его помощникам. Как обычно, в последние дни мы доели все припасы. В день моего отъезда Кабете сделал грандиозный омлет из одного-единственного яйца страуса. Его хватило на одиннадцать человек, и все были в восторге от этого блюда.

У Грея оставалось много работы. Надо было упаковать для хранения обширную коллекцию костей ископаемых животных, которую мы из-за ее большого объема не могли вывезти в США. Палатки, кровати, кухонные принадлежности, фильтры для воды, столы, стулья, походные лампы были загружены в машины. Пустые консервные банки, картонные ящики, мотки проволоки и веревок, куски полиэтилена и другие «ценные вещи» разобрали афары: женщины стали обшаривать территорию лагеря еще до того, как караван грузовиков с ревом и грохотом, трясясь на ухабах, тронулся в долгий путь к расположенной на высоком плато столице Эфиопии.

Тем временем я уже прибыл в Аддис-Абебу с новыми окаменелостями с участка 333, а также небольшой выборкой прошлогодних находок, которые мне удалось в последнюю минуту очистить от породы.

Основная масса ископаемых остатков, собранных в 1975 году на участке 333, оставалась в Соединенных Штатах, где с ними продолжали работать мои сотрудники. Я договорился, чтобы кто-нибудь из них в самый последний момент привез окаменелости в Эфиопию и сообщил мне о том, что еще не успели сделать. После этого мне предстояло решить, нужно ли обращаться в музей с просьбой об отсрочке возвращения находок. Тот факт, что я взял на себя труд привезти все вверенные мне предметы обратно, должен был, мне казалось, свидетельствовать о моей надежности и добрых намерениях.

Как и было задумано, почти одновременно со мной в Аддис-Абебу прибыла одна из моих сотрудниц Бобби Браун. Она привезла с собой все находки и сообщила, что многие отливки еще не сделаны. Я представил все окаменелости властям. Поскольку в прошлом году опись составлялась под наблюдением Алемайеху, представителя министерства культуры, он же должен был зафик-

сировать возвращение коллекций. Я не был уверен, что он придет. Но, к моему огромному облегчению, он вскоре появился, проверил сохранность находок и подтвердил, что они возвращены полностью. Все шло так гладко, что я рискнул попросить некоторые окаменелости назад для окончания работы над ними. К моему удивлению, просьба была удовлетворена.

Разобравшись с коллекцией 1975 года, я занялся находками 1976-1977 годов. Чтобы оформить бумаги на вывоз, необходимо было присутствие другого эфиопского представителя — Гетачеу, который вместо Алемайеху наблюдал в прошедшем сезоне за ходом полевых исследований. Его не пришлось долго ждать, он вскоре прибыл и на следующий день вместе со мной пошел в министерство культуры, где были составлены списки коллекций, поступивших в музей и вывезенных оттуда. Они были представлены постоянному секретарю министерства, энергичному молодому человеку, который, приветливо улыбаясь, поставил на бумагах свою размашистую подпись. Была уже половина шестого. Через полчаса секретарь поехал домой и был убит у своего порога.

Я узнал об этом лишь на следующее утро, когда вместе с Гетачеу приехал в министерство для оформления бумаг. Все сотрудники были в состоянии шока. Я ходил из кабинета в кабинет и, шепча слова соболезнования, показывал фотографии, демонстрировал кости и подписанные документы. Тем, кто артачился, я напоминал, что похороны секретаря состоятся во второй половине дня, и мне бы хотелось до того времени покончить со всеми формальностями. К полудню я обежал всех и получил нужные подписи. Бумаги я передал Гетачеу, чтобы он сохранил их до следующего утра, когда мы должны были передать их в музей и получить находки обратно.

— Что случилось с этими людь-

ми? — спросил я Гетачеу, когда мы покинули здание министерства. — Похоже, что они здорово напуганы.

— Я тоже бы напугался на их месте, — ответил он.

— Некоторые выглядят так, как будто их тоже хотят перестрелять.

— Да.

— Что значит «да»? Неужели кто-то охотится за гражданским населением?

— Я не знаю. Ходит столько слухов. Что-то происходит.

— А вы пойдете на похороны секретаря?

— Нет, не пойду. И вам не советую. Я не пошел на похороны и решил позвонить во французское посольство атташе по вопросам культуры — человеку, с которым подружился через Тайеба. Атташе пригласил меня на обед. «Запакуйте свои вещи и принесите их с собой. Переночуете у нас. Из-за комендантского часа вы не сможете вернуться в гостиницу».

Я принял его предложение. В одиннадцать часов утра атташе позвонил своему послу и с удивлением узнал, что утром в Эфиопии произошел переворот и страной теперь правят несколько военных из числа высшего командования. Все это случилось в то время, когда я бегал по министерству. «Переворот? — переспросил я атташе. — Настоящий переворот?»

— Да, так мне сказал посол. Вечером посол рассказал нам еще кое-что. Я узнал, что утром состоялось совещание, созванное правительством страны и его главой, полковником Тефери Банти. На совещании в верхах произошел раскол и был избран новый лидер Менгисту Хайле Мариам, который теперь возглавляет правительство.

Я провел бессонную ночь, кляня

себя за то, что отдал все документы Гетачеу. Я был уверен, что больше не увижу ни его, ни Алемайеху. В стране, находящейся на грани анархии, кто будет слушать заумного иностранца, желающего вывезти какие-то кости? Пропадут две недели, потраченные на выправление бумаг, два года полевых работ пойдут насмарку. Какой прок будет только от неполного «первого семейства»? Проснувшись на следующее утро, я попрощался с атташе, рассчитался в гостинице и глубоко подавленный отправился в музей. К моему удивлению, Алемайеху и Гетачеу уже ждали меня, готовые приступить к работе. Новые находки были зарегистрированы и внесены в книги поступлений. Затем часть окаменелостей из коллекции 1975 года, которые я хотел получить обратно для изготовления муляжей, и абсолютно все находки 1976 года были аккуратно упакованы в большую коробку и вручены мне. Я принял ее с бьющимся сердцем.

Теперь оставался аэропорт. Я прибыл туда, опасаясь, что он может быть закрыт, но все выглядело нормально. Пару недель назад, проходя через таможеню, я роздал служащим несколько экземпляров своей статьи из журнала *National Geographic*, полагая, что рассказ об эфиопских находках заинтересует их. Женщина, осматривавшая мой багаж, помнила меня: человек с ископаемыми находками.

— Опять новые находки? — спросила она.

— Да. Очень интересные и важные. Она махнула мне рукой, чтобы я проходил. Я буквально побежал к самолету, крепко прижимая к себе драгоценную коробку.

Глава 12

Кооби-Фора и Летоли: споры о датировках и окаменевшие следы

Я всегда старался сохранять способность мыслить непредвзято, чтобы суметь отвергнуть любую гипотезу, сколь бы дорога моему сердцу она ни была (а я не могу отказать себе в удовольствии сформулировать гипотезу по каждому интересующему меня вопросу), если ей противоречат факты. Да у меня и не было выбора — я не мог поступать иначе. За исключением случая с коралловыми рифами, я не припомню ни одной гипотезы, которую мне не пришлось бы со временем отвергнуть или сильно видоизменить.

Чарлз Дарвин

Аргументов следует избегать. Они всегда вульгарны и нередко убедительны.

Оскар Уайльд

В феврале 1977 года я вернулся в Кливленд. Теперь здесь находилась впервые собранная в одном месте хадарская коллекция: коленный сустав, челюсти, Люси и все члены «первого семейства» с участка 333. Оглядываясь назад, я каждый раз заново осознавал: то, что мы нашли эти кости, было почти чудом. Удача, настойчивость и иногда дерзость — вот слагаемые нашего успеха в создании весьма солидной коллекции. Конечно, она уступала по размерам южноафриканским коллекциям, взятым вместе, но по качеству превосходила их. По нашим находкам можно было составить лучшее представление о скелете в целом, и у нас были убедительные датировки, которых так недоставало южноафриканским материалам.

В общей сложности мы собрали больше 350 костей и их фрагментов, принадлежащих целой группе мужских и женских особей разного возраста. Достаточно выраженная индивидуальная изменчивость позволяла рассматривать эту группу как популяцию. После такой общей оценки можно было перейти к более четкой классификации находок и поставить вопрос, относятся ли они к *Australo-*

pithecus africanus, *Homo habilis* или какому-то иному виду. В любом случае мы будем иметь об этом виде более полное представление, чем когда-либо раньше.

Заняться анализом находок предстояло мне. Хотя я только начинал карьеру, я хорошо сознавал, что описание хадарской коллекции может оказаться моим самым существенным вкладом в палеоантропологию. Я был обладателем беспрецедентных, ни с чем не сравнимых находок, проливавших свет на относительно короткий период времени — около трех миллионов лет до н.э., — почти не представленный находками из других мест. Окаменелости Омо, близкие по датировке, трудно интерпретировать из-за их фрагментарного состояния и плохой сохранности. Череп 1470, найденный Ричардом Лики, упорно датируется своим первооткрывателем в 2,9 млн. лет, однако большинство ученых начинают склоняться к мысли, что его возраст меньше двух миллионов лет. Все это ставит гоминид Хадара в особое положение.

Как-то вечером, находясь у себя в кабинете в подвале Кливлендского музея, я достал все найденные челю-

сти и разложил их на столе. Стояла тишина. Лаборатория чем-то походила на бомбоубежище — подземелье без окон, с мощными бетонными стенами. Окруженный безмолвием, я уставился на ряды челюстей, на дуги серовато-жемчужных зубов, на грубые коричневатые окаменевшие кости. Лишенные наименований, еще никем не идентифицированные, они, казалось, насмехались надо мной. «Что мы такое? — как бы шептали они. — Нам три миллиона лет». Несмотря на трудности, связанные с изучением древней геологии, и козни современной политики, я все-таки нашел их. Что мне делать с ними теперь?

Я вновь подумал о Летоли и вспомнил о находках, которые мы с Тимом Уайтом видели в Найроби. Существование еще одной популяции, хоть и очень малочисленной, донельзя заинтриговало меня. Неважно, что Летоли находится за тысячу миль от Хадара, что его отложения на 800 тысяч лет древнее (а может быть, это и не так?). Ископаемые остатки из двух районов были настолько сходны, что логика подсказывала мне: в своей истории они должны быть связаны друг с другом. Я решил, что настало время вновь пригласить Тима и попросить его еще раз, и притом более детально, изучить обе коллекции.

Две мои предыдущие встречи с Тимом были удачны. Мне импонировала его прямота, желание так ставить проблему, чтобы возникали споры, готовность отказаться от своего мнения, если была очевидна его ошибочность. Но больше всего мне нравился его бескомпромиссный скептицизм, нежелание удовлетворяться гипотезами, убежденность в том, что можно доверять только ясным доказательствам, бесспорным датировкам, детальному и точному лабораторному анализу.

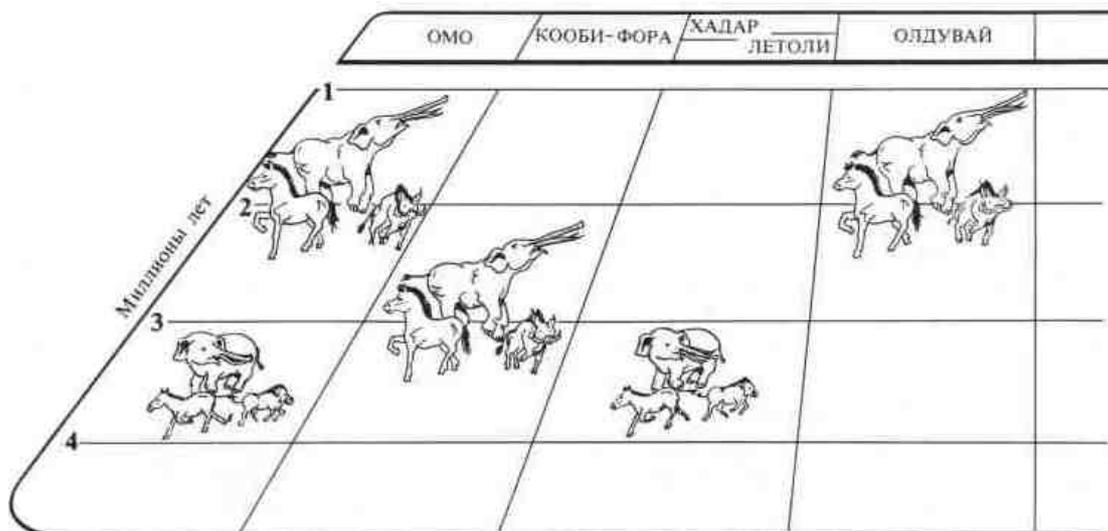
Единственное, что меня тревожило, — это отсутствие у Тима дипломатических способностей. Та же самая

бескомпромиссность, которая помогла ему стать хорошим ученым, делала его резким и колючим человеком. Хотя Тим вначале высоко ценил Ричарда Лики и выполнял для него важную работу на озере Туркана, он часто спорил с ним, и их дружба постепенно охладевала.

Расхождения между ними были в основном связаны с датировками находок. Напомним, что во время посещения Хадара Лики и Джон Харрис проявили большой интерес к ископаемым остаткам млекопитающих. В частности, Харрис хотел найти в хадарской коллекции зубы ископаемой лошади *Equus* древностью в три миллиона лет, чтобы укрепиться в мнении о сходном возрасте зубов *Equus*, найденных у озера Туркана. И хотя я убеждал его, что в нашей коллекции нет зубов *Equus*, а есть зубы лошадей, принадлежащих к более древнему роду *Hipparion*, Харрис уехал неудовлетворенным. Он свято верил в датировку туфа KBS. Биостратиграфические данные, поступавшие из других мест и противоречившие ей, приводили его в замешательство.

Сомнения относительно древности туфа KBS возникли еще в 1972 году, когда Винсент Маглио — специалист по слонам, работавший на озере Туркана, — пришел к выводу, что изучаемые им остатки слонов моложе, чем это следует из датировки туфа KBS. Его попытки привлечь к этому внимание Лики не имели успеха. В конце концов он оставил антропологию и занялся врачебной практикой.

Следующее покушение на достоверность датировки туфа KBS было более серьезным. Его предпринял Бэзил Кук, специалист по ископаемым свиньям, составивший детальные родословные некоторых представителей этой группы на протяжении двух миллионов лет. Основную свою работу Кук проделал в Омо, поэтому его датировки были надежны. Затем он приступил к аналогичным исследованиям в других частях восточно-африканской зоны разломов. Он из-

Эта схема показывает, почему череп 1470 не может быть датирован в 2,9 млн. лет. Биостратиграфические данные (сравнение ископаемых остатков животных из разных мест) говорят о том, что млекопитающие, жившие три миллиона лет назад — примитивная лошадь, древний слон и свинья, — были совершенно иными, чем те же животные два

учал свиней Олдувая, свиней Хадара — всех, остатки которых могли быть датированы. Оказалось, что данные об эволюции свиней повсюду на обширной территории хорошо согласовывались во времени. Исключение составляли лишь окрестности озера Туркана, где датировки отклонялись примерно на 800 тысяч лет. Значит, была допущена ошибка либо на озере Туркана, либо во всех других местах.

Главной опорой для аргументации Кука служили свиньи рода *Mesochoreus*. Во всей Восточной Африке эти животные были распространены в одно и то же время — два миллиона лет назад. И только на озере Туркана датировка по туфу KBS определяла их древность почти в три миллиона лет.

Статья Кука получила известность и наделала много шума. Однако поколебать доверие Ричарда Лики к калий-аргоновой датировке туфа KBS она, судя по всему, не смогла. В 1975 году Лики едет в Лондон на конфе-

миллиона лет назад. Это относится ко всем местам находок, за исключением Кооби-Фора. Значит, можно думать, что датировка ископаемых остатков из Кооби-Фора ошибочна и должна быть пересмотрена в сторону уменьшения с трех до двух миллионов лет; а тогда требуется также передатировка черепа 1470.

реницию и видит, что проблема датировки стала главной темой разговора. К этому времени многие ученые оказались вовлеченными в дискуссию, так как древность черепа 1470 была тесно связана с возрастом туфа KBS, и любое изменение в датировке туфа потребовало бы пересмотра представлений об эволюции человека. Род *Homo* вряд ли насчитывает три миллиона лет, как это утверждает Лики. Скорее, в те времена существовал австралопитековый предок — опять-таки вопреки мнению Ричарда Лики и его отца.

Конференция в Лондоне известна под названием «конференции Бишоп» — ее организовал известный английский геолог Уильям Бишоп, который трагически погиб вскоре после ее окончания. На ней не обошлось без курьезов. Археолог Глинн Айзек, уроженец Южной Африки, выполнявший в экспедиции Ричарда Лики на озере Туркана большую работу как соруководитель, появился в шлеме, призванном защитить его от на-

падок «свинячьей команды». Кук надел галстук с вышитыми на нем буквами «МСШ», означавшими «мужчина, свинья, шовинист». Такие галстуки были очень популярны в тот год в Соединенных Штатах.

Однако все эти шутки были забыты, как только конференция начала свою работу. Кук выступил с безупречным по своей логике сообщением о биостратиграфических данных. Он заявил, что английские ученые Фитч и Миллер, определявшие возраст туфа KBS, ошиблись и что он готов, опираясь на свои сопоставления ископаемых животных, вызвать их на спор. Он указывал на свиней рода *Mesochoeerus*, которые повсюду в Африке датировались двумя миллионами лет, а в Кооби-Фора почему-то оказались почти на миллион лет древнее. Во время обеденного перерыва участники конференции разбились на группы и продолжали оживленно обсуждать затронутые утром проблемы. Я подошел к группе ученых, работавших на озере Туркана. Ричард Лики хранил молчание, зато Айзек Глинн с пеной у рта защищал датировки Кооби-Фора. Он утверждал, что отсутствие корреляции между находками, сделанными в Омо и у озера Туркана, можно объяснить экологическими различиями двух районов. Я хорошо помнил этот аргумент — его уже приводил Джон Харрис в Хадаре, доказывая свою правоту.

Затем Кук, который до тех пор не произнес ни слова, сказал:

— Вы думаете, что вам известен смысл букв на моем галстуке, но на самом деле это не так. Сокращение *МСШ* означает: *Mesochoeerus* — сильная штука!

Раздался взрыв хохота, которым и завершился спор. Однако каждому было ясно, что Кук своей убийственной шуткой подвел итог утренней дискуссии. Все, кроме участников экспедиции Ричарда Лики, уезжали из Лондона, убежденные в том, что датировка туфа KBS и черепа 1470 тре-

бует уточнения. Хотя Джон Харрис по-прежнему не сдавал своих позиций и был уверен в правильности цифр, полученных Фитчем и Миллером, он казался еще более расстроенным, чем в те дни, когда колдовал над зубами гиппариона у нас в Хадаре. Он решил провести самостоятельный биостратиграфический анализ, чтобы доказать надежность датировки туфа KBS. Подбирая себе помощника из членов экспедиции, он остановился на Тиме Уайте, который согласился работать вместе с ним. Они провели исчерпывающий анализ костных остатков ископаемых свиней, найденных у озера Туркана. Полученные результаты ошарашили Харриса. Они убедительно доказывали, что Кук был прав, а прежние датировки ошибочны.

— Мы не можем замалчивать эти данные, — сказал Тим. — Нужно идти с ними к Ричарду.

Они пошли к Лики, но тот и слышать не хотел об ошибках в датировке. Когда они заявили, что, по их мнению, данные заслуживают опубликования, он посоветовал им не делать этого. Он считал, что должен контролировать все публикации о работах в Кооби-Фора. Если каждый начнет писать, то очень трудно будет координировать сообщения и избегать противоречий. Разногласия в датировках только запутают дело. Сам Лики, как выяснилось, в то время отправил статью в *Nature* о тазовых костях, найденных будто бы под туфом древностью в три миллиона лет. Тим утверждает, что это и было причиной недовольства Ричарда. Не только датировка, но и само место находки вызывало серьезные сомнения. Лики поспешно забрал статью из журнала.

Летом 1976 года споры о геохронологии находок, сделанных у озера Туркана, усилились. Почувствовав, что геологические данные и датировки, на которых основывались представления о древности *Ното*, подвергаются сомнению, Лики организовал в Кооби-Фора конференцию

для обсуждения дискуссионных вопросов. В ней приняли участие Глинн Айзек и Кей Беренсмейер. Из Англии прилетел Ян Файндлейтер, главный специалист по геологии в группе Лики. Все внимательно выслушали сообщение Харриса и Уайта о результатах исследования ископаемых свиней. Затем Тим указал на неувязки, которые, по его мнению, имеются в стратиграфической колонке Кооби-Фора. Файндлейтер выступил в защиту схемы отложений, утверждая, что она абсолютно правильна. Тим не был профессиональным геологом и не стал продолжать спор. После длительной дискуссии было решено разработать новый метод каталогизации и шифровки находок. Была создана так называемая «единая коллекционная опись» с новой системой кодирования и различными шифрами, основанными на стратиграфических данных. Теперь описание каждой окаменелости строилось по определенной схеме, например: участок 108, туф Т-2, подраздел А. Непосвященному человеку было трудно понять, что здесь содержится следующая информация: древность находки относительно туфа KBS меньше двух миллионов лет.

Новая система привела Тима в ярость. Он считал, что все это придумано для того, чтобы замаскировать геологические просчеты. Однако остальные участники отстаивали необходимость введения новой коллекционной описи, используя при этом вполне весомые аргументы. По мере увеличения количества находок и накопления информации, говорили они, приходится видоизменять систему кодирования, иначе эта система настолько усложнится, что перестанет работать.

Каковы бы ни были достоинства и недостатки новой схемы, Харрис и Уайт согласились придерживаться ее в статье, которую все-таки решили опубликовать. Они показали ее Лики и выслушали его энергичные возражения против упоминания каких бы

то ни было сведений о местных гоминидах. Их вставил в статью Тим. Однако Ричард подчеркнул, что работа, посвященная эволюции свиней, должна ограничиваться только этим предметом. Тим запротестовал, ссылаясь на то, что его результаты логически связаны с данными о гоминидах и могут повлиять на их истолкование.

— Беда была в том, — объяснил мне Тим, — что Ричард к тому времени уже опубликовал несколько статей об этих гоминидах. Это были «его» находки, и другим запрещалось говорить о них без его разрешения. Во всяком случае, это касалось тех, кто на него работал. Конечно, он не мог диктовать условия тем, кто не работал с ним.

Не получив одобрения Лики на первый вариант статьи, более дипломатичный Харрис, которого связывали с Ричардом Лики долгие дружеские отношения, решил частично изъять упоминания о гоминидах. Тогда Тим заявил, что он, как соавтор, снимает свою фамилию. Харрис не придавал его словам особого значения и отправил статью в *Nature*. Она не была принята. Тим подозревал, что редакция хочет оказать на них давление. Он помнил, что в подобной ситуации сорок лет назад оказался и Роберт Брум, когда попытался выступить в защиту найденного Дартом «бэби из Таунга». Теперь жертвами недружественного акта стали они с Харрисом. Однако ни тот ни другой даже не попытались изменить ситуацию. Они попросту забрали статью, несколько переработали ее и отправили в *Science* — американский журнал, аналогичный английскому *Nature*. Статья была опубликована в январе 1977 года. После этого Тима больше не приглашали участвовать в исследованиях на озере Туркана.

Ричард Лики не сидел сложа руки, слушая споры о черепе 1470 и туфе KBS. Его беспокоило появление

новых неблагоприятных для него данных об остатках млекопитающих, и он попросил Фитча и Миллера повторить калий-аргоновый анализ. В результате была получена цифра 2,4 миллиона лет. Сторонники датировки по свиньям считали, что это сдвиг в верном направлении, но далеко не достаточный. По их мнению, повторный изотопный анализ следовало поручить другим специалистам. Поэтому они с удовлетворением встретили известие, что Тур Серлинг, выпускник Калифорнийского университета, вернулся в Беркли из Кооби-Фора с образцами туфа KBS и предоставил их Гарнису Кёртису, признанному авторитету в области калий-аргонового анализа, специалисту, который одним из первых применил этот метод для датировки плио-плейстоценовых отложений.

Анализ образцов, привезенных Серлингом, дал две цифры — 1,8 млн. и 1,6 млн. лет. Эти результаты очень обрадовали исследователей, опиравшихся на данные об ископаемых свиньях, так как почти совпадали с их выводами. Но Лики они привели в замешательство. В подробном обзоре, посвященном находкам гоминид близ озера Туркана, который он написал в 1978 году для журнала *Scientific American*, Ричард упомянул о различии в датировках, полученных Фитчем и Миллером, с одной стороны, и Кёртисом — с другой, но не сказал, какую цифру он считает более правдоподобной. На мой взгляд, результаты Кёртиса не вызывают сомнений. Теперь вряд ли кто-нибудь станет утверждать, что череп 1470 древнее двух миллионов лет.

Не так давно я спросил Джима Аронсона, как он мог бы объяснить расхождение в 700 тысяч лет между датировками Фитча-Миллера и датировкой Кёртиса.

— Я думаю, все дело в чистоте породы, — ответил он. — Первое, на что обратили внимание Кёртис и его помощники, — это наличие значительно более древних включений в образцах

туфа KBS. Поскольку мы работаем на грани возможностей калий-аргонового метода, подобные примеси могут сильно изменить картину. Достаточно нескольких зерен, чтобы результат получился совершенно иным.

— Группа ученых из Беркли, — продолжал Аронсон, — при микроскопическом исследовании образцов обнаружила наряду со сравнительно молодыми кристаллами полевого шпата, характерными для туфа KBS, гораздо более древние включения этого минерала. Им пришлось удалять их вручную, прежде чем приступить к анализу образцов. Полученные результаты группировались с небольшим разбросом вокруг цифры 1,8 млн. лет. Еще большую уверенность вселяло совпадение результатов при анализе двух компонентов туфа, содержавших достаточное количество калия, — кристаллов полевого шпата и стеклоподобной пемзы.

— Туф KBS, — сказал Аронсон, — это сейчас, по иронии судьбы, лучше всего датированный слой из всех восточноафриканских отложений. Нужно соотнести его с ископаемыми остатками; но поскольку стратиграфия в районе озера Туркана очень запутанная, сделать это будет нелегко. В этом, на мой взгляд, и состоит главная задача кенийской группы, работающей в таком интересном месте.

Покинув экспедицию в Кооби-Фора, Тим Уайт присоединился к Мэри Лики. Он стал работать палеонтологом в Летоли, расположенном примерно в 30 милях к югу от Олдувая. Летоли — самый необычный из всех районов рифтовой системы, где были найдены окаменелости. В Омо, восточной части озера Туркана и Хадаре климат со времен плио-плейстоцена сильно изменился. Некогда здесь был край многочисленных озер, в котором изобиловала дичь. Озера соединялись змейками рек и были окружены густыми тропическими лесами. Ныне эти места практически превра-

тились в пустыню. Климат Летоли оказался более стабильным: в давние времена там было намного суше, зато в наши дни здесь гораздо больше зелени; поблизости расположено несколько небольших озер. Летоли лежит на пути ежегодной миграции крупных копытных к равнине Серенгети. Чтобы представить себе масштабы этого живого потока, нужно хотя бы раз его увидеть. Конечно, туристам Летоли покажется приятнее любых пустынных мест, но для искателей окаменелостей оно менее удобно, так как обильные заросли мешают видеть ископаемые остатки на поверхности земли.

И все-таки Летоли уже больше сорока лет привлекает внимание палеонтологов, так как отложения здесь, по-видимому, очень древние — вплоть до середины плиоцена. В последние годы это было подтверждено с помощью калий-аргонового метода. Анализу подвергли два вида туфов Летоли, и возраст одного из них оказался 3,59 млн., а другого — 3,77 млн. лет. Остатки гоминид, которые предстояло изучить Уайту, были найдены между этими двумя слоями, и им могло быть около 3,7 млн. лет.

В течение нескольких десятилетий никто не ожидал найти в Летоли остатки гоминид. В 1935 году их поисками пытался заняться Луис Лики, но потерпел неудачу. Он никогда не узнал, что клык, который он принял за зуб павиана и отослал в Британский музей, на самом деле принадлежал гоминиду. Это был не только первый из найденных зубов взрослого австралопитека, но и вообще первая находка подобного рода со времен «бэби из Таунга». Тем не менее зуб пролежал в коллекциях незамеченным до 1979 года, пока не попался на глаза Уайту и сотруднику музея Питеру Эндрьюсу, которые наконец верно опознали его принадлежность.

Между тем Лики, не имевший представления, что в его руках оказались древнейшие из известных в то время остатков гоминид, запаковал

вещи и переехал в Олдувай. Вслед за ним в Летоли появился немецкий ученый Коль-Ларсен, который работал здесь в 1938 и 1939 годах. Он нашел фрагмент верхней челюсти с сидящими в ней премолярами и хорошо сохранившейся ячейкой для клыка.

Все эти находки были настолько древними и примитивными, что в 30-е годы вряд ли кто-нибудь мог усомниться в их принадлежности обезьянам. Мышление ученых в те годы попросту не отличалось еще достаточной гибкостью, хотя воображение постоянно твердило им: ищите в глубине веков более древнего предка. Странная, парадоксальная ситуация, с которой приходится сталкиваться и в наши дни.

Когда в 1974 году Мэри Лики отправилась в Летоли, она была уже внутренне готова к тому, чтобы обнаружить и распознать очень древних представителей рода *Homo*. После того как опытный собиратель окаменелостей, обученный Лики кениец Камойя Кимеу, расчистил дорогу в зарослях и, обследовав часть отложений, обнаружил остатки гоминида, Мэри Лики приехала в район Летоли со своей собственной группой. В последующие два года она и сотрудники ее экспедиции нашли сорок два зуба, некоторые из них вместе с фрагментами челюстей. Особенно хорошо сохранился один фрагмент — LH-4¹; это был кусок нижней челюсти с девятью сидящими в ней зубами.

Однако от других местонахождений наших древнейших предков Летоли отличало то, что здесь были обнаружены также следы гоминид — одно из самых необычных открытий в палеоантропологии.

Рядом с Летоли расположен ныне потухший вулкан Садиман. Около четырех миллионов лет назад он был

¹ Laetoli Hominid 4 — Гоминид из Летоли 4.-Прим. перев.

См. подпись к следующему фото

действующим. Однажды он выбросил облако карбонатитового пепла, по своей консистенции напоминавшего очень мелкий речной песок. Прежде чем извержение прекратилось, все окрестности покрылись ровным слоем пепла в сантиметр толщиной. Хотя сам процесс выпадения осадков вряд ли мог понравиться обитавшим в округе зверям и птицам, он не потревожил их, так как они остались жить в этом месте. Вслед за выбросом пепла, продолжавшимся, вероятно, не больше суток, пошел дождь. Пепел намок, и на нем, как на только что уложенном асфальте, стали отпечатываться следы всех, кто проходил

по нему: слонов, жирафов, антилоп, зайцев, носорогов, свиней. Там были и следы наземных птиц, таких как цесарка и страус, а также миниатюрные следы многоножек.

Под жарким солнцем Летоли влажный пепел быстро высох и затвердел, сохранив таким образом все оставленные на нем следы. Затем Садиман вновь заговорил. Новое облако пепла, осев на землю, покрыло первый слой с его отпечатками. Это повторялось несколько раз на протяжении сравнительно короткого — не более месяца — периода времени, и в результате образовался пласт вулканического туфа около 17 сантиметров толщиной. Так как выброс пепла и его затвердение происходили многократно, слой туфа на самом деле состоит из одного или двух десятков тонких отчетливо видимых прослоек. Некоторые из них благодаря эрозии оказались теперь на поверхности. Они встречаются в Летоли то там, то здесь — серые отложения, обнажившиеся из-под слоя комковатого дерна.

Шел 1976 год... Однажды в полдень наиболее энергичные члены экспедиции Мэри Лики развлекались тем, что бросали друг в друга куски сухого слоновьего помета. Кому-нибудь это занятие может показаться странным, но в полевых условиях возможности для активного отдыха весьма ограничены, а между тем буйная энергия молодых людей должна находить выход. Один из игроков, палеонтолог Национального музея Кении Эндрью Хилл, увертываясь от летящих снарядов и оглядываясь в поисках новых боеприпасов для ответной атаки, вдруг очутился в высохшем русле ручья. Он стоял на обнажившемся слое вулканического пепла и заметил в нем необычные вмятины. Внимательно осмотрев их, Хилл решил, что перед ним скорее всего следы животных. Его предположение подтвердилось, когда была обследована более обширная территория и найдены другие отпечатки.

Однако этому необычному открытию в тот момент не придали большого значения и всерьез занялись им лишь в следующем, 1977 году, после того как сын Мэри Лики, Филипп, и один из сотрудников экспедиции Питер Джоунс обнаружили несколько огромных следов слона, а рядом с ними цепочку следов, поразительно напоминающих отпечатки ног человека.

В том же году об этих следах узнал весь мир — немного позднее Мэри Лики поехала в США и рассказала о новой находке журналистам. Многим казалось невероятным, что такая эфемерная вещь, как следы, могла сохраниться на протяжении столь долгого времени. Однако Мэри была уверена, что это древние следы и что часть их принадлежит гоминидам. По ее мнению, эти существа еще не очень хорошо передвигались на двух ногах и слегка волочили их. Мэри сообщила также о том, что в Летоли, по-видимому, жили человекообразные обезьяны, которые при передвижении опирались на согнутые пальцы рук. Она рассказала и о некогда существовавшем там источнике воды, который, вероятно, посещали звери и птицы. Мэри усмотрела в расположении следов признаки паники; возможно, что животные, напуганные извержением вулкана, в страхе бежали из этой местности.

У всех, кто слышал рассказы Мэри Лики, они вызвали большой интерес. На следующий год Мэри решила посвятить новому открытию большую часть полевого сезона и пригласила к себе в группу американку Луизу Роббинс, специалиста по изучению следов. В том же году в Летоли впервые приехал Уайт. Там он встретил троицу молодых ученых — Питера Джоунса, Пола Эйбелла и Ричарда Хейя. Все они выражали некоторые сомнения в предложенной Мэри интерпретации находок. Уайт с недоверием отнесся к следам, якобы оставленным человекообразными обезьянами; внимательно изучив их, он сказал, что это

отпечатки ног крупных вымерших павианов, которые ходили, опираясь на всю ступню. По мнению Джоунса, извержение вулкана не вызвало никакой паники: птицы, которые могли бы быстро улететь в случае опасности, продолжали спокойно разгуливать по влажному пеплу, испещренному иероглифами их следов. Хей не нашел никаких признаков источника воды.

В лагере обо всем этом ожесточенно спорили в течение многих вечеров; при этом акции следов, якобы принадлежавших гоминидам, то поднимались, то снова падали. Наконец, однажды Пол Эйбелл, в одиночестве занимавшийся осмотром отложений, нашел в одном месте не совсем целый, но зато очень отчетливый отпечаток, который, как он заявил, несомненно принадлежит гоминиду. Уайт и Джоунс сделали несколько фотоснимков этого отпечатка и вернулись в лагерь убежденные в том, что Эйбелл прав. Они предлагали тотчас же приступить к снятию дерна на этом участке. Однако Луиза Роббинс, как специалист по изучению следов, осмотрела найденный Эйбеллом отпечаток и объявила, что он принадлежит парнокопытному животному. Она сказала Мэри Лики, что дальнейшие исследования будут пустой тратой времени. Мужчины выразили свое несогласие.

Все эти споры привели к тому, что Мэри, уставшая от бесконечных дискуссий, отказалась от проведения раскопок. Джоунс, наконец-то убедившийся в существовании следов гоминида, просто умолял ее поручить ему снятие дерна хотя бы на небольшом участке. Но Мэри была непреклонна. Она опиралась на мнение Луизы Роббинс, авторитета в этой области. В экспедиции и так полно неоконченных дел. Если уж она и разрешит кому-нибудь проводить раскопки, то скорее всего тому, у кого нет занятия поважнее. Выбор Мэри пал на Ндибо, человека без специальной археологической подготовки, ве-

Перед нами цепочка следов, обнаруженная в Летоли. Очевидно, два гоминида — большой и маленький — некогда прошли здесь в одном направлении. Невозможно сказать, передвигались ли они вместе и каков был их пол. Такие следы встречаются в тонких слоях вулканического пепла, лежащих непосредственно под верхним слоем почвы. Они необычайно хрупки. На предыдущем фото изображен Тим Уайт в тот момент, когда ему удалось извлечь отливку одного из отпечатков, не разрушив при этом сам след.

давшего в лагере хозяйственными вопросами.

Однако Ндибо, к своей чести, успешно справился с задачей. Он вернулся в лагерь на следующий день и сообщил, что обнаружил целых два следа. Один из них был очень большим: Ндибо широко — сантиметров на 30 — раздвинул руки.

— Африканцы всегда любят преувеличивать, — проворчала Мэри, но все-таки пошла взглянуть на отпечатки и убедилась, что они существуют. Уайт получил разрешение приступить к раскопкам.

Судя по направлению следов, оставившее их существо двигалось на север, туда, где отложения были еще

покрыты слоем дерна. Обнажить поверхность вулканического пепла и при этом не повредить ее, не говоря уже о том, чтобы найти нужную прослойку среди десятка других, — задача не из легких. Дело осложнялось тем, что нижняя часть дерна представляла собой плотное сплетение корней различных растений. Однако Тим — на редкость терпеливый и упорный человек. Он нашел один отпечаток, а потом еще один. Чтобы предохранить их от разрушения, он использовал специальный отвердитель, заливая его внутрь отпечатков очень малыми порциями, а затем добавляя по мере того, как вещество застывало. Тим работал невероятно медленно, отвоевывая у дерна дюйм за дюймом, пока, наконец, не обнаружил, что дорожка следов состоит из отпечатков ног двух индивидов.

Теперь к раскопкам Тима было приковано внимание всего лагеря. Постепенно к работе присоединились другие исследователи. В результате совместных усилий была открыта цепочка из полусотни следов протяженностью в 23 метра. Луиза Роббинс, у которой вновь пробудился интерес к следам, высказала новую точку зрения: отпечатки ног действительно принадлежали двум гоминидам; вероятно, две особи шли вместе, причем одна из них (с более крупным размером стопы) была мужского пола, а другая — женского, возможно беременная; судя по следам, гоминиды этого типа ходили на двух ногах никак не меньше миллиона лет.

Это были всего лишь забавные домыслы. По следам нельзя определить пол существа, наличие беременности или время перехода к прямохождению. Можно сказать только, что примерно 3,7 млн. лет назад в Летоли по слою свежесыпавшего пепла прошли прямоходящие гоминиды неизвестного пола, оставив на нем свои следы, которые сохранились доныне. Эти следы, образовав цепочку длиной в 23 метра, исчезли в толще пласта вулканического пепла. Тиму не

удалось найти здесь прослойку, в которой они сохранились, — очевидно, она была полностью размыта. Наступил конец полевого сезона, и работа была приостановлена. Тим, однако, был уверен, что нужно продолжить раскопки: если продвинуться немного дальше, тропа появится снова. В 1979 году этим занялся Рон Кларк и действительно обнаружил новые следы.

Тим не принимал участия в дальнейших исследованиях. Его споры с Луизой Роббинс по поводу интерпретации следов закрыли ему дорогу в Летоли так же, как раньше он оказался нежелательной персоной в экспедиции Ричарда Лики. И это было жаль, потому что и в том и в другом случае Тим искренне старался помочь делу.

Главная забота Тима состояла в том, чтобы с найденными следами обращались с крайней осторожностью. Ведь отпечатки — необычайно хрупкая вещь. Достаточно малейшей оплошности при раскопках, чтобы полностью разрушить их, и некоторые следы уже были повреждены. Это не то что окаменелости, которые могут служить образцом прочности. Следы — это всего лишь углубления, вмятины в относительно податливой и хрупкой породе. Неловким толчком можно разрушить слой породы, и тогда след исчезнет навсегда.

Невероятное стечение случайных обстоятельств привело к тому, что следы все-таки сохранились. Садиман выбросил пепел определенного типа, вслед за тем пошел дождь. Потом по слою влажного пепла прошли гоминиды, и солнце быстро высушило отпечатки их ног. Вскоре произошло еще одно извержение Садимана, и следы покрылись новым слоем пепла, который защитил их от очередного ливня.

Это случилось на протяжении каких-нибудь нескольких дней. Активность вулкана удачно совпала со сменой сезонов. Если бы выбросы пепла

произошли в иное время, а не в начале сезона дождей, следы бы не сохранились. Случись извержение месяцем или двумя раньше, в засушливое время — и консистенция пепла оказалась бы неподходящей для того, чтобы получился четкий отпечаток. Следы были бы безнадежно расплывчатыми-вроде тех вмятин, что остаются в сухом песке пляжа. Если бы вулкан пробудился позднее, в разгар сезона дождей, они были бы смыты, не успев затвердеть на солнце. Действительно, для сохранения отпечатков нужно было именно то, что характерно для начала дождливого сезона, — чередование ливней с жаркой солнечной погодой.

Если все это учесть, станет ясно, что сохранение и открытие следов в Летоли было сродни чуду. Обнаруженные отпечатки с полнейшей достоверностью подтвердили то, о чем уже поведала миру находка Люси: три миллиона лет назад, если не раньше, гоминиды уже свободно передвигались на двух ногах. В Хадаре об этом свидетельствовали костные находки — строение бедра, голени и стопы. В Летоли, где найденные окаменелости — крайне фрагментарные остатки посткраниальных частей скелета, кусочки челюстей и несколько зубов — отличались плохой сохранностью, только отпечатки стоп могли поведать, как передвигались обитавшие там гоминиды.

— Здесь не может быть ошибки, — подчеркивал Тим Уайт. — Они похожи на отпечатки ног современного человека. Если бы кто-нибудь увидел подобный след на песке калифорнийского пляжа и спросил четырехлетнего ребенка, что это такое, тот не задумываясь ответил бы, что здесь прошел какой-то человек. Ребенок не смог бы отличить этот след от сотни других, оставленных на пляже, да и вам, я думаю, не удалось бы: общая конфигурация будет одинаковой. След гоминида состоит из хорошо очерченной пятки вполне современной формы, выраженного свода и

расположенных впереди прекрасно сохранившихся отпечатков пальцевых подушечек. Большой палец располагается параллельно другим, а не отведен в сторону, как у человекообразных обезьян или австралопи-тековых на тех рисунках, которые обычно приводятся в книгах.

— Я не хочу сказать, — продолжал Тим, — что в строении стопы вообще нет никаких отличий. Конечно, они должны быть. Но, по сути дела, эти гоминиды из Летоли передвигались так же, как и мы с вами, а вовсе не той шаркающей походкой, которую им так упорно приписывали. Оуэн Лавджой пришел к этому выводу, изучив кости из Хадара. Найденные в Летоли отпечатки подтверждают его правоту. Я полагаю, что следы гоминид можно смело поставить в один ряд с самыми выдающимися открытиями прошедшего десятилетия. Хотя лично для меня работа в экспедиции закончилась не слишком благополучно, я всегда буду благодарен судьбе, что смог в ней участвовать.

Меня беспокоили разногласия, возникшие между Тимом и членами семейства Лики, так как последние были моими друзьями. Когда я приезжал в Найроби, они делали все возможное по части гостеприимства. Иногда я даже останавливался у них на некоторое время. Мы навещали друг друга в экспедициях и обсуждали наших гоминид. Ричард предложил мне стать членом правления научной организации, которую он основал, назвав ее Исследовательским центром по проблемам происхождения человека.

Еще в большей степени я был дружен с Мэри. Мы хорошо ладили, хотя я часто над ней подтрунивал. Я помню, как однажды приехал в Олдувай, когда Мэри ожидала визита сестры Луиса и ее мужа, архиепископа Восточной Африки. Мэри плохо его знала и, будучи отчасти виновницей развода Луиса с первой женой, не слишком радовалась предстоящей

встрече. Она была необщительна и предпочитала одиночество или небольшую компанию друзей. Мой приезд оказался очень кстати — я мог, если понадобится, разрядить обстановку.

Отправляясь в гости, я захватил с побережья несколько живых омаров. Повар-африканец, готовивший пищу для Мэри, в жизни не видел ничего подобного и посмотрел на них без особого энтузиазма. Я сказал Мэри, что сам займусь готовкой, как только приедут гости. Но они все не появлялись.

Уже совсем стемнело... Мы сидели и что-то пили, поглядывая на огромный силуэт кратера Нгоронгоро, возвышавшегося над нами в ночном небе. Дорога от края кратера к равнине Серенгети проходит через Олдувай. Иногда мы видели свет фар спускавшихся вниз автомобилей, но они каждый раз проезжали мимо, направляясь к равнине. Мы выпили еще немного. Мэри начала говорить о поисках окаменелостей и сказала мне: «Знаете, вы похожи на Лики, потому что способны находить ископаемые остатки. Вы чувствуете, где их надо искать и где можно найти. Это черта, характерная для всех Лики».

Мне было лестно услышать такое мнение, и я сказал об этом. Она продолжала: «Вы похожи на нас и тем, что вам везет. Не нужно недооценивать удачу. Поглядите на беднягу Кларка Хоуэлла. Если можно назвать кого-то невезучим, то, конечно, его. Многие годы он ищет гоминид, а нашел не так уж много».

Я согласился с тем, что я удачлив, и мы выпили еще. Когда наконец прибыли архиепископ с женой, мы уже не чувствовали никакой скованности. Я готовил омаров и как мог развлекал гостей. На следующее утро, после их отъезда Мэри побла-

годарила меня и сказала, что одна ни за что не справилась бы с этим приемом.

У нас были хорошие дружеские отношения. Я дорожил ими по соображениям не только личного, но и профессионального характера. К тому времени Ричард и его мать стали самыми известными антропологами Африки, хотя формально не были профессионалами в этой области: Ричард был самоучкой, а Мэри — археологом. И тем не менее они внесли бесценный вклад в палеоантропологию и возглавляли работу по изучению двух очень важных местонахождений ископаемых остатков. Я начал понимать, что для осмысленного анализа остатков гоминид, найденных в одном из районов Восточной Африки, нужно, чтобы данные, полученные в Летоли, Хадаре, у озера Туркана или в Олдувае, были согласованы между собой. Взятые вместе, они составляли единую временную последовательность: Летоли — примерно 3,7 млн. лет, Хадар — вероятно, около трех миллионов, озеро Туркана — от одного до двух миллионов лет. Содружество и помощь в восстановлении загадочной истории гоминид будут полезнее, чем споры. Я долго думал, как расценят Лики мое сближение с Тимом Уайтом, ведь к тому времени отношения между ними все больше и больше портились.

С другой стороны, именно Тим исследовал ископаемые остатки из Летоли. Ему принадлежали все их описания, он знал находки и разбирался в них лучше, чем кто-либо другой. Тим — это сверхпроницательный палеонтолог. В конце концов я решил, что все равно не смогу без него обойтись и что лучше вызвать неудовольствие Лики своим сотрудничеством с Тимом, чем запутаться в интерпретации ископаемых остатков.

3

Часть третья

Что такое Люси?

Глава 13

Анализ начинается

С каждым новым произведением искусства приходит в движение все, что было создано до него. Прежде среди них царил идеальный порядок, который теперь, с появлением нового (действительно нового) произведения, видоизменяется. Прежняя система ценностей казалась совершенной; после вторжения нового шедевра необходимо ее пересмотреть.

Т. С. Элиот

Я уверен, что наступит день, когда мы сможем, углубившись в прошлое, обнаружить следы ископаемого человека в восточных районах озера Рудольф на рубеже четырех миллионов лет. Тогда, быть может, мы найдем общего предка для австралопитека — этого «почти человека» — и истинного человека, представителя рода *Номо*.

Ричард Лики

Дон действительно нашел в Хадаре общего предка, но когда Ричард услышал об этом, он не признал новой находки.

Тимоти Уайт

Летом 1977 года я впервые за последние несколько лет мог вздохнуть более свободно. Мне не нужно было непременно ехать в Эфиопию и заниматься подготовкой следующего полевого сезона. Большая часть ископаемых остатков, найденных в Хадаре, была очищена, и я чувствовал, что настало время приступить к анализу материалов. Тим, как выяснилось, тоже располагал некоторым временем. Он закончил работу над диссертацией и опубликовал статью об ископаемых свиньях, написанную вместе с Харрисом. Зная, что у Тима

была коллекция муляжей, сделанных с окаменелостей Летоли, по которым он готовил описания для Мэри Лики, я предложил ему привезти их в Кливленд для тщательного сопоставления с моими находками. Мы должны были проверить наше первоначальное впечатление — посмотреть, действительно ли в обеих коллекциях представлен один и тот же вид гоминид.

До этого времени я не имел возможности как следует ознакомиться с находками из Летоли. Мне казалось, что при детальном сравнении я смогу найти достаточно различий,

чтобы разграничить две формы. Максимум, на что я рассчитывал, — это опубликовать совместно с Тимом статью чисто описательного характера и осветить в ней выявленные различия, не делая окончательных выводов относительно возможных эволюционных связей.

Тим приехал и начал выкладывать на стол муляжи. По сравнению с хадарскими находками материалы из Летоли были очень скудны: одна нижняя челюсть довольно хорошей сохранности и тринадцать других фрагментов, среди которых было несколько зубов. Однако даже при этой скудости находок стало очевидно, что костные остатки из обеих коллекций поразительно сходны между собой. В тех случаях, где возможно было прямое сравнение, они выглядели почти идентичными. В течение нескольких дней мы тщательнейшим образом сравнивали материалы из Хадара и Летоли — зуб за зубом, бугорок за бугорком. Это была нелегкая работа. Наконец, я сказал:

— Остатки крупных особей у нас с Мэри одинаковые.

— Именно об этом я и говорил.

— Но только не Люси. Она совсем другая.

— Конечно, другая, потому что она самка. Может быть, мы имеем дело с половым диморфизмом. И потом, не забудь об аллометрии.

— Но подожди-ка...

— Подумай об аллометрии, — повторил Тим.

Аллометрия — это явление, хорошо известное анатомам. Оно состоит в том, что в популяции особей разной величины относительные размеры костей и зубов могут варьировать. У приматов это проявляется особенно четко, причем двояким образом. Самцы не только крупнее самок, у них еще иные пропорции тела. Например, самец павиана — это не просто увеличенная копия самки. У него очень крупные клыки, они намного больше относительно других зубов, чем у любой самки. Если палеонто-

лог, знакомый с павианами только по коллекции челюстей и зубов, принадлежащих особям женского пола, неожиданно найдет клык самца и отнесет его к иному виду, это можно будет понять. «Да разве для такого огромного зуба, — скажет себе ученый, — найдется место в тех челюстях, которые я видел? Сами челюсти должны быть иной формы».

Эти рассуждения прямо относятся к Люси, потому что ее передние зубы очень малы. Именно по этой причине нижняя челюсть Люси имеет характерную V-образную форму: четыре резца не настолько велики, чтобы требовалось расширение переднего отдела челюстной кости. Челюсти и зубы, найденные Алемайеху, составляют резкий контраст: они не только абсолютно, но и *относительно* больше, чем у Люси. Если учесть, что рост черепа и челюстей координирован, т. е., несмотря на различия в абсолютных размерах, сохраняются одни и те же соотношения частей, то расширение и округление переднего отдела более крупной челюсти окажется вполне закономерным, поскольку в ней должны поместиться еще более крупные зубы.

Я помню, что я держал в руках челюсть Люси и, пристально глядя на нее, спросил Тима:

— Ты настаиваешь на аллометрии, но почему я должен согласиться с тобой?

— Я вовсе не настаиваю, — ответил Тим, — а просто выдвигаю предположение.

— Не очень-то умное предположение.

— Может быть, и так. Но если разница между Люси и крупными особями только в том и состоит, тогда стоит подумать об аллометрии.

— Хорошо, я о ней подумаю. Я выполнил свое обещание: еще раз тщательно изучил Люси и все-таки отверг мысль об аллометрии. Я был убежден, что в Хадаре существовали два вида гоминид.

В то время я находился под влия-

нием различных теорий и обстоятельств. О них надо упомянуть, чтобы было ясно, как нелегко палеоантропологу сохранять непредвзятость. Ученый должен быть в курсе всего, что происходит в интересующей его области, и в то же время отдавать себе отчет в своих пристрастиях, а также сознавать, как могут сказываться на его суждениях связи с другими людьми. Абсолютно беспристрастных людей не существует. У каждого, в том числе и у меня, есть свои склонности. Они есть у всякого искателя окаменелостей. Если он интересуется зубами гиппопотама, то будет стремиться найти именно их, и это окажет влияние на его коллекцию, так как он не раз пройдет мимо других вещей, даже не заметив их.

Когда я приступал к анализу ископаемых остатков из Хадара, я находился под сильным воздействием идеи комплексного подхода к изучению и интерпретации стоянок. Это означало, что нужно было привлечь все смежные дисциплины, с самого начала заставить их работать на себя и опираться на них до конца полевых исследований. Я научился этому в Омо у Кларка Хоуэлла. В целом я считаю комплексный подход очень плодотворным и не жалею о том, что стал его приверженцем.

Однако не все мои пристрастия были столь полезны. Каждый, кто занимается поисками гоминид, хочет узнать что-то новое об истоках человеческого рода. Но если имеешь дело с находками возрастом в три миллиона лет, невольно возникает соблазн приурочить возникновение *Homo* именно к тем временам. И тогда начинаешь выискивать человеческие черты в остатках, относящихся к этой эпохе.

У меня была еще одна несколько странная склонность, которую я постараюсь сейчас объяснить. Я считал, что любая грацильная форма из плиоплейстоценовых отложений, непохожая на южноафриканских грацильных особей, вероятно, относится

к роду *Homo*. Мы с Хоуэллом всесторонне изучили южноафриканские ископаемые находки, и характерные особенности их прочно запечатлелись в моей памяти. Зубы австралопитеков — это в эволюционном плане шаг вперед по сравнению с зубами человекообразных обезьян. Но, будучи ближе к человеческим, они все же отличаются от них по ряду признаков. Во-первых, у австралопитеков очень большие коренные зубы. Некоторые из них по-настоящему массивные — они вдвое больше, чем у современного человека. Во-вторых, слой эмали на этих коренных зубах гораздо толще, чем у нас с вами. И наконец, передние зубы австралопитеков по сравнению с коренными поразительно малы. Все это вы сразу заметите, взглянув на челюсть австралопитека.

Но возьмите одну из челюстей, найденных в Хадаре, и вы не найдете этих отличий, а увидите в среднем небольшие моляры и довольно крупные передние зубы. Это типично человеческие черты. Именно их отметили Мэри и Ричард Лики, когда впервые познакомились с нашими находками. И я не виню их за это. Ричард к тому времени уже решил, как классифицировать окаменелости с берегов озера Туркана. Он разделил их на две группы. В первую вошли все особи с массивными челюстями и молярами, получившие название *Australopithecus*, во вторую — особи с небольшими челюстями и молярами, представители рода *Homo*. Приехав в Хадар и увидев наши окаменелости, которые по величине зубов были сходны со второй из этих групп, Ричард не колеблясь отнес их к *Homo*.

Я не думаю, чтобы мои высказывания хоть в какой-то степени повлияли на суждения обоих Лики относительно коллекции хадарских окаменелостей. Скорее наоборот. Я был новичком в антропологии, Лики же занимались этим делом многие годы. Мэри изучала ископаемые остатки из плиоплейстоцена уже целых сорок

лет. Благодаря авторитетному мнению Мэри и Ричарда я настолько укрепился в своих предположениях о природе хадарских гоминид, что стал недооценивать ряд других особенностей в строении их челюстей, которые впоследствии привлекли к себе мое пристальное внимание. Так в мои суждения проникла предубежденность.

В отношении Люси я не колебался. Она была такой необычной, что вопрос о ее принадлежности к роду *Homo* вообще не мог возникнуть. Слишком миниатюрная, с очень небольшим мозгом и челюстями «неправильной» формы, Люси попросту не была человеком. Ее как будто бы примитивные особенности настолько бросались мне в глаза, что я был склонен считать примитивными и другие черты в строении ее зубной системы, рассматривать их как свидетельства близости не к человеку, а к обезьянам. Меня не смущало то, что некоторые из этих примитивных признаков были свойственны и более крупными челюстям (здесь опять сказала моя предубежденность!).

На ход моих мыслей повлияли также орудия, которые мы нашли в Хадаре и датировали приблизительно в 2,5 млн. лет. Это была настоящая сенсация, так как никто в мире еще не находил столь древних орудий. Как я должен был интерпретировать этот факт? Ведь я знал, что ученые много лет пытались связать наличие каменных орудий с костными остатками австралопитеков, но им это так и не удалось. С другой стороны, я помнил о Луисе Лики, который нашел в Олдувае каменные орудия, а затем обнаружил и их творца — *Homo habilis*, отодвинув тем самым и орудия, и древнейшего представителя рода *Homo* далеко в прошлое, на уровень двух миллионов лет. Если орудия могли изготавливаться *только* людьми, а те, что были обнаружены в Хадаре, имели возраст 2,5 млн. лет, то из этого логически вытекало, что можно найти представителей *Homo* по мень-

шей мере такой же древности.

Да, логика в этом была, но и предубежденность тоже. Я пытался с помощью датировок подтвердить свои выводы об ископаемых остатках, хотя последние при ближайшем рассмотрении не давали основания для подобных заключений. Во всяком случае, таков был ход моих мыслей, когда мы с Тимом впервые приступили к тщательному анализу коллекций из Летоли и Хадара. Я был склонен думать, что более крупные челюсти принадлежат самым ранним представителям рода *Homo*, древнейшим из всех когда-либо найденных. Люси я считал чем-то совсем иным. Тим не был так уверен в уникальности Люси, но он, как и я, считал, что остальная часть коллекции имеет более выраженные черты сходства с *Homo*. Лишь после тщательного изучения ископаемых остатков мы начали склоняться к другому мнению. Что нам было делать с признаками, которые отличались от соответствующих признаков человека или австралопитеков и выглядели более обезьяноподобными?

Каждый из нас думал про себя над этими вопросами, но вслух не произносил ни слова. Так продолжалось до тех пор, пока мы не приступили к анализу одной из находок с участка 333 — неполного черепа взрослой особи из «первого семейства» под номером AL 333-45. Череп был небольшой, с обезьяноподобным характером прикрепления мускулатуры в затылочной части. Тим внимательно посмотрел на него и произнес:

— Вот уж действительно странная окаменелость. Скажи честно, неужели ты смог бы отнести ее к *Homo*?

— А ты бы отнес ее к австралопитекам?

Мои слова повергли Тима в замешательство. Он понимал, что, ориентируясь на южноафриканские находки, не мог бы этого сделать.

Я думаю, именно в этот момент на нас снизошло прозрение, и мы оба поняли, что дихотомия Ричарда Ли-

ки в данном случае не работает. До того мы с успехом пользовались его таксонами, и вдруг нам стало ясно, что череп 333-45 не соответствует ни одному из них.

— Может быть, что-то третье? — спросил Тим.

Я кивнул головой. Может быть. И едва не добавил, что, вероятно, есть и четвертая разновидность — Люси, но вовремя удержался. Скажу в другой раз. Наши с Тимом дискуссии относительно Люси чаще всего затягивались и ни к чему не приводили.

Да, это была трудная минута. Когда важные идеи начинают будоражить ваш ум, а вы не в состоянии точно сформулировать их, они кажутся вам слишком сложными. Вы пытаетесь найти звено, за которое можно уцепиться, для начала что-нибудь попроще и поменьше. Помнится, я хотел отыскать какой-нибудь проторенный путь методичного анализа, который шаг за шагом привел бы к цели, — многие ученые находят этот способ полезным и утешительным. Может быть, нужна просто какая-то техническая работа, чтобы снять напряжение от тех грандиозных и расплывчатых идей, к которым упорно подталкивают вас окаменелости.

Сейчас я уже не помню, кто из нас предложил для проверки наших рассуждений обратиться к прошлому опыту и вновь пересмотреть знаменитую статью Ле Гро Кларка. Но едва эта мысль была высказана, как мы тотчас ухватились за нее; ведь это позволит нам систематизировать наши коллекции, соотнести их с надежным и верным эталоном.

Что сделал Ле Гро Кларк в 50-х годах? Попытался разобраться в царившей тогда путанице по вопросу о природе австралопитековых. Несмотря на поступление все новых и новых сведений, многие ученые все еще не признавали их гоминидами. Ле Гро Кларк решил раз и навсегда покончить с сомнениями. Он составил список, включавший одиннад-

цать четких и постоянных различий в строении зубной системы человека и человекообразных обезьян. Затем он рассмотрел костные остатки австралопитековых и показал, что они во всех отношениях сближаются не с обезьянами, а с человеком. Статья Ле Гро Кларка, посвященная сравнительному анализу, явилась заметной вехой в развитии палеоантропологии — она навсегда перечеркнула все сомнения в том, что «бэби из Таунга» и другие южноафриканские австралопитеки были именно гоминидами, а не какой-то своеобразной разновидностью прямоходящих обезьян.

Почему бы и нам, подумали мы, не проделать нечто подобное с нашими находками, чтобы узнать наконец, что они такое? В глубине души я надеялся, что ответ будет — *Номо*, и мне не придется тратить остаток года на бесплодные споры с Тимом. А он рассчитывал на прямо противоположный результат, который тоже положил бы конец нашим спорам. Мы оба были небеспристрастны. Тим обращал внимание в первую очередь на общие примитивные характеристики, я — на небольшие коренные зубы человекоподобного типа. Один из нас был не прав и должен был расстаться со своим предвзятым мнением.

В середине лета 1977 года мы были готовы приступить к работе. Мы располагали черепами шимпанзе и гориллы, а также превосходной коллекцией муляжей костных остатков южноафриканских австралопитеков. Материалы из Хадара и Летоли были систематизированы и подготовлены для анализа. Нам предстояло ответить на три вопроса:

1. Действительно ли наши находки — нечто новое? Или они слишком похожи на уже известные окаменелости?

2. Если признать их новизну, то как они соотносятся с изученными ранее материалами? Иными словами, какое место им следует отвести на генеалогическом древе?

3. Как мы должны называть их? Мы рассчитывали, что анализ Ле Гро Кларка даст нам ответ на первый вопрос и поможет разобраться со вторым. Решение третьего вопроса целиком зависело от нас.

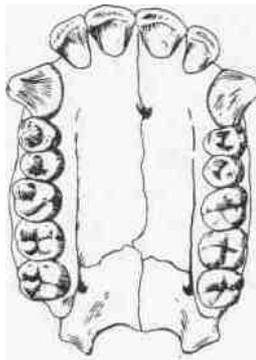
В самом центре кливлендской лаборатории находится длинный высокий стол, напоминающий буфетную стойку. По вечерам, когда остальные сотрудники отправлялись по домам и лаборатория пустела, мы с Тимом усаживались за него. Было слышно, как за уходящими хлопала дверь, и мы легко могли представить себе их путь через бетонное хранилище, похожее на огромную пещеру и до самого потолка заполненное деревянными ящиками, в каждом из которых лежал скелет человека с пометкой: взрослый, подросток, мужчина, женщина. Это была одна из самых больших в мире коллекций скелетов современного человека, собранная за много лет Кливлендским музеем из материалов городского морга. За хранилищем находилось помещение, заполненное клетками, в которых сидели живые ястребы и совы — объект изучения работавших в музее натуралистов. Когда, закончив дела, мы поздним вечером уходили из лаборатории, то тоже шли мимо запакованных в коробки скелетов и запертых в клетки птиц. Ястребы к тому времени уже спали. Они неподвижно сидели на жердочках, нахохлившись и спрятав голову под крыло, отчего казалось, будто у них ее вообще нет. Но совы пристально разглядывали нас своими круглыми желтыми глазами, в которых на воле, когда птица свободна и здорова, сверкает яростный огонь. Месяцы и годы заточения, проведенные в подземелье Кливлендского музея, погасили отблески этого пламени; глаза птиц казались потухшими и безразличными, почти безжизненными. В Эфиопии тоже водятся совы. Своими привычками и внешностью они напоминают североамериканских пред-

ставителей этой группы пернатых. Птицы, сидевшие в клетках Кливлендского музея, живо напоминали мне о бессонных ночах в Хадаре, когда я, лежа в палатке, слушал их крики, разносившиеся вдоль реки.

Так как крупные хищные птицы эволюционируют очень медленно — едва ли быстрее гоминид, — можно почти наверняка сказать, что три миллиона лет назад по берегам озер и рек и в лесных чащах на территории тогдашнего Афара жили предки сов, чрезвычайно похожие на своих нынешних потомков. Значит, существа, кости которых лежали перед нами в своих мягких поролоновых гнездышках, лишенные жилительной пульсации кровеносных сосудов и нервных окончаний, некогда внимали крикам этих птиц и напряженным взглядом следили за их полетом в вечернем небе. Палеоантропология вся состоит из внезапных экскурсов в минувшее. Ископаемые остатки, с виду похожие на камни, наполнены биением жизни. Они могут поведать нам о чувствах и эмоциях, непостижимо далеких, — о радости, страхе, гневе, боли, которые испытывали наши собственные предки, хотя их сознание было столь отличным от нашего, что мы не в силах воссоздать эти давно утраченные ощущения в их первоначальной полноте. Каким было восприятие мира у древних гоминид? Бессмысленный вопрос, на который нет ответа.

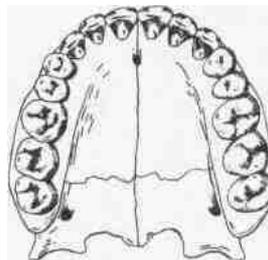
Когда, наконец, за последним из наших сотрудников захлопывались двери лаборатории, я стряхивал с себя оцепенение и забывал о совах. Пододвинув к стойке высокие стулья, мы с Тимом погружались в работу. Мы сопоставляли признак за признаком. По моему настоянию мы провели повторные измерения всех зубов и челюстей и убедились, что публикуемые в статьях цифры не всегда точны. И вновь я поразился удивительной научной добросовестности Д. Т. Робинсона, южноафриканского специалиста по австралопитекам.

Чтобы ввести читателя в курс дела, мы хотим познакомить его с различиями, выделенными Ле Гро Кларком. Ниже приводятся восемь признаков из его списка с нашими комментариями.

Верхняя
челюсть
шимпанзе

Клыки и расположенные позади них зубы образуют почти прямые параллельные ряды.

Верхняя
челюсть
человека

Зубная дуга всегда имеет плавно изогнутую параболическую форму.

Первое различие между человекообразными обезьянами и человеком, выявленное Ле Гро Кларком, вполне очевидно. У всех обезьян зубы располагаются параллельными рядами, образующими как бы две стороны прямоугольника. Челюсть человека всегда имеет округлые очертания, и этот признак появляется на самых древних этапах эволюции. У человека прямоходящего, который жил миллион лет назад, зубная дуга была изогнута почти так же, как и у современного человека.

Клык шимпанзе

Клыки относительно крупные, конической формы с заостренным кончиком и хорошо выраженным внутренним цингулом, который часто продолжается в обратном направлении (на нижних клыках) и переходит в талонид.

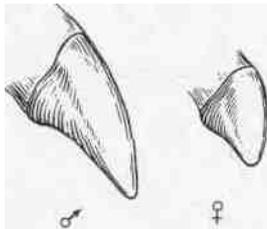

Клык человека

Клыки относительно небольшие, лопатообразные, незаостренные, внутренний цингулом редуцирован и образует базальный бугорок. Выступающий талонид отсутствует.

Еще одно очевидное различие. Для клыка обезьяны характерна конусовидная форма, он на конце заострен. Клык человека более широкий и

уплощенный, не конический или остроконечный, а «лопатообразный». (Цингулюм — это выступ эмали с внутренней стороны в нижней части зуба. Талонид — расположенный сзади небольшой бугорок. Оба этих признака отсутствуют у клыков человека.)

Шимпанзе

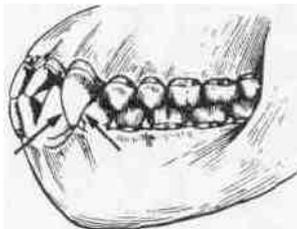
Клыки характеризуются четко выраженным половым диморфизмом.

Человек

Половой диморфизм в строении клыков не выражен.

Третье очевидное различие. У самцов шимпанзе клыки больше не только абсолютно, поскольку самцы крупнее самок, но и относительно. У мужчин клыки мощнее только потому, что они сами по абсолютным размерам тела превосходят женщин. Устраните эти различия путем приведения к одинаковой длине тела, и разница в развитии клыков окажется практически несущественной.

Челюсти шимпанзе

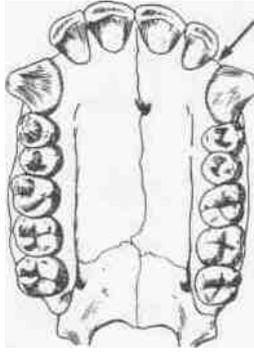
На ранних стадиях износа на передних и задних поверхностях коронки клыка заметны следы стертости, клыки сильно выступают за линию смыкания зубов.

Челюсти человека

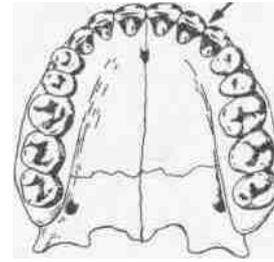
Стирается только кончик клыка, даже на ранних стадиях износа клык не выступает за линию смыкания зубов.

Из-за необычайно крупных нижних клыков и довольно больших верхних эти зубы у обезьян при смыкании челюстей заходят друг за друга. При этом клыки соприкасаются боковыми сторонами, а не жевательными поверхностями. В результате клыки стираются в тех местах, которые на рисунке показаны стрелками. В отличие от этого у людей клыки не заходят друг за друга и соприкасаются окклюзионными (жевательными) поверхностями; поэтому происходит стирание их кончиков, и клыки по высоте не отличаются от остальных зубов.

Верхняя челюсть
шимпанзе

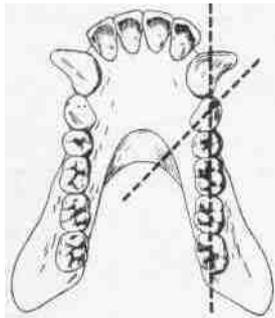
Верхние резцы почти всегда отделены от клыков хорошо выраженной диастемой.

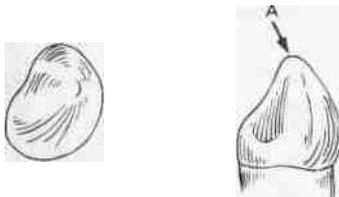
Верхняя челюсть
человека

Полное отсутствие диастемы.

Диастема (показана стрелкой) есть не что иное, как пустое пространство в зубном ряду. Этот признак обязательно присутствует у человекообразных обезьян, так как при сомкнутых челюстях здесь помещаются огромные выступающие вверх нижние клыки. У человека клыки не выступают, поэтому необходимость в диастеме отпадает.

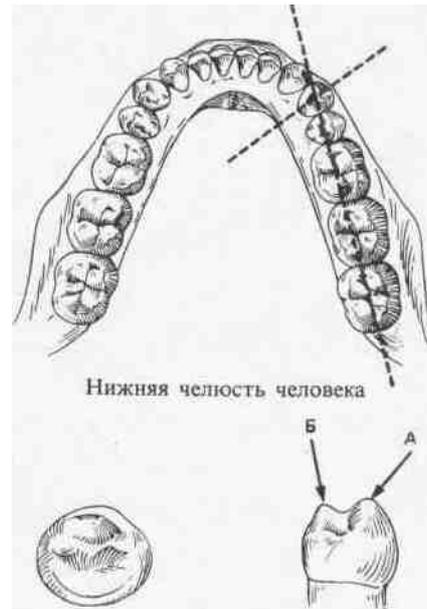

Нижняя челюсть шимпанзе

Премоляр сверху Премоляр сзади

Нижний передний премоляр секториальной формы с большим протоконидом (А). Метаконид (В) либо отсутствует, либо представлен только небольшим бугорком. Коронка располагается косо по отношению к оси зубного ряда.

Нижняя челюсть человека

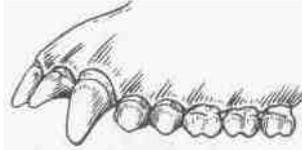
Премоляр сверху Премоляр сзади

Нижний передний премоляр двухбугорковый, несекториальной формы. Метаконид (В) часто приближается по размерам к протокониду (А), причем оба бугорка лежат в поперечной плоскости. Передняя и задняя ямки хорошо выражены.

Передний (расположенный впереди других) премоляр в зубном ряду следует сразу за клыком. «Секториальный» значит «срезанный». Этот зуб у

обезьян имеет на жевательной поверхности только один большой бугорок (протоконид), благодаря которому и обеспечивается режущее действие. Метаконид — небольшой бугорок, расположенный с внутренней стороны зуба. Он редко встречается у обезьян. Если он и имеется, то очень мал. Коронка премоляра, т. е. та его часть, которая выступает над десной, у обезьян расположена под углом к остальным зубам. У человека первый премоляр совершенно иной формы. Это скорее жевательный, нежели режущий зуб. Его внутренний бугорок, метаконид, обычно хорошо выражен. Коронка премоляра не занимает косою положения в зубном ряду, а ориентирована в поперечном направлении по отношению к молярам.

Верхняя
челюсть
шимпанзе

Жевательная поверхность моляров обычно не стирается до гладкого состояния, кроме случаев крайней изношенности.

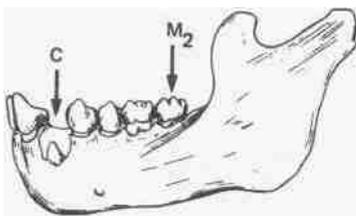
Верхняя
челюсть
человека

Моляры обычно стираются до гладкого состояния на самых ранних стадиях изношенности.

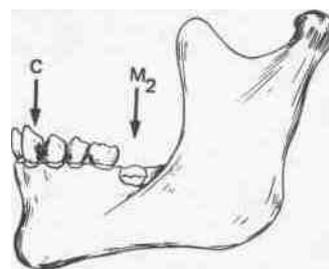
В данном случае Ле Гро Кларк хотел подчеркнуть, что коренные зубы обезьян отличаются большой высотой бугорков, обычно почти не стертых. У человека бугорки на жевательной поверхности моляров сильно стираются.

Нижняя челюсть шимпанзе

Клыки (С) прорезываются позже, после вторых моляров (Мд).

Нижняя челюсть человека

Клыки прорезываются рано, до вторых моляров.

Это единственное слабое место в анализе Ле Гро Кларка. Выявленная закономерность не всегда справедлива.

Ле Гро Кларк выделил также три отличительных признака для молочной, «детской» смены зубов человека и шимпанзе, однако мы не приводим их здесь, так как для наших целей вполне достаточно примеров, касающихся постоянных зубов.

Существует, конечно, множество других различий в особенностях черепа, таза, верхней или нижней конечности между человеком и шимпанзе, но Ле Гро Кларк не интересовался ими. Он хотел определить положение австралопитековых относительно человека и человекообразных обезьян. Поскольку костные остатки австралопитековых ограничивались в основном зубами и челюстями, Ле Гро Кларк, сопоставляя человека с человекообразными обезьянами, сосредоточил все внимание именно на этих характеристиках. В дальнейшем, включив в сравнительный анализ данные по австралопитековым, он пришел к твердому убеждению, что они во всех отношениях сходны с гоминидами, а не с понгидами.

Четкость выводов Ле Гро Кларка и лаконичность, с которой они были представлены, тем более удивительна, что все это было сделано почти тридцать лет назад, когда иско-

паемые находки были менее известны, чем сейчас, а число их было не столь велико. Сегодня, *после* завершения его анализа, полученные им результаты кажутся особенно четкими. Однако они ничего не могут рассказать о смятии и спорах, которые царили среди палеоантропологов до того, как Ле Гро Кларк занялся своими изысканиями.

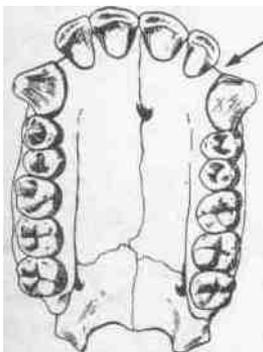
Убедившись, что признаки, выбранные Ле Гро Кларком, по-прежнему сохраняют свою ценность для сравнительного анализа, мы с Тимом начали выкладывать на стол собственные находки. Я был поражен. Не потому, что челюсти из нашей коллекции выглядели примитивными — иного я и не ожидал. Меня потрясло то, что они оказались *настолько* примитивными. Они были не человекоподобные с некоторым уклоном в сторону обезьян, а скорее обезьяноподобные с некоторым уклоном в сторону человека. Одно стало абсолютно ясно: находки из Летоли и Хадара занимают промежуточное положение между людьми и обезьянами и, по-видимому, не относятся ни к тем, ни к другим. Приводим результаты сравнения.

ЧЕЛОВЕКООБРАЗНАЯ
ОБЕЗЬЯНА

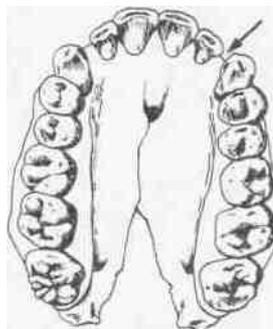
ЛЕТОЛИ-ХАДАР

ЧЕЛОВЕК

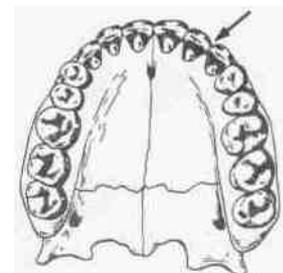
Зубная дуга и диастема (указана стрелкой).

Верхняя челюсть
шимпанзе

AL-200

Верхняя
челюсть
человека

AL-200 — это верхняя челюсть из Хадара. Коренные зубы расположены в ней почти по прямой линии (как у обезьян), если не считать слегка отклоняющихся последних моляров, которые придают зубному ряду небольшую кривизну. Диастема (по-

казана на рисунках стрелкой), сильно выраженная у человекообразных обезьян, в челюсти из Хадара невелика, а у более поздних гоминид вообще отсутствует, что опять-таки подтверждает промежуточный характер находок из Летоли и Хадара.

Форма клыка и его стертость

Шимпанзе

AL-200

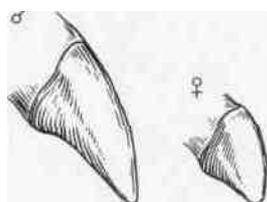

Человек

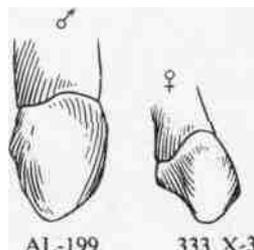
Клыкам тоже свойственны промежуточные особенности. Своей конической, а не лопатообразной формой они напоминают обезьяны. Они выступают над зубным рядом, хотя и не

слишком сильно, и имеют довольно-таки заостренный кончик. Следы стертости отмечены и с боковых сторон зуба, как у обезьян, и на его верхушке, как у человека.

Половой диморфизм клыков

Шимпанзе

AL-199 333 X-3

Человек

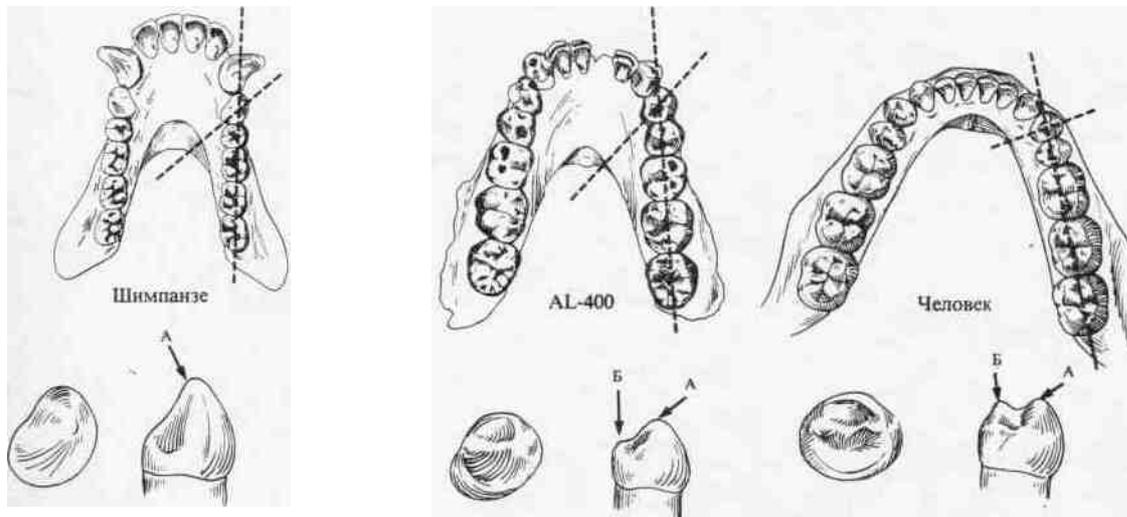
Вариации величины клыков сближают находки из Летоли и Хадара скорее с обезьянами, чем с человеком. По аналогии с другими приматами мы сочли эту изменчивость

проявлением полового диморфизма. Люси, несомненная представительница женского пола, была самой маленькой взрослой особью в нашей коллекции.

Премоляр

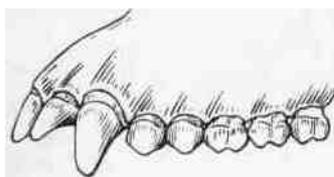
Премоляр AL-400 — одна из самых интересных находок, сделанных в Летоли и Хадаре. Уже не секториальный, как у обезьян, но еще не двухбугорковый, как у позднейших гоминид, он своей округлой формой

все-таки больше напоминает зуб двухбугоркового типа. Его коронка расположена по отношению к зубному ряду под острым, а не под прямым углом, как у австралопитеков и человека. С двухбугорковыми

зубами его сближает и едва заметный метаконид (внутренний бугорок), который, однако, еще не настолько развит, чтобы мы могли говорить о премоляре из Хадара как об истинно двухбугорковом. Это зуб явно переходного типа.

Стертость моляров

Шимпанзе

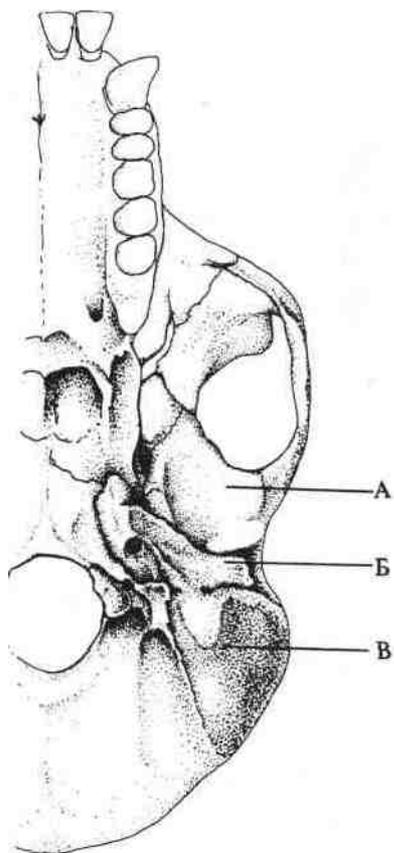
AL-199

Человек

В этом отношении различия не столь велики, но они вновь свидетельствуют о промежуточном положении наших находок. У гориллы и шимпанзе на больших коренных зубах имеются высокие заостренные бугорки, обычно сохраняющиеся на

протяжении всей жизни. Моляры из Летоли и Хадара отличаются более низкими, округленными бугорками, которые со временем сглаживаются. У более поздних гоминид бугорки на коренных зубах стираются почти полностью.

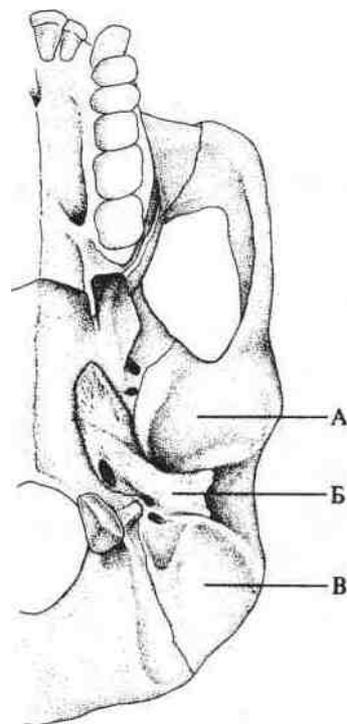
ШИМПАНЗЕ

Убедившись в том, что по критериям Ле Гро Кларка наши находки занимают промежуточное положение между человеком и антропоморфными обезьянами, но больше сближаются с последними, мы решили подкрепить этот вывод дополнительными данными и произвели сравнение еще по нескольким признакам. На рисунках (с. 200-201) представлены три примера.

Кроме того, мы обнаружили еще четыре отчетливых различия, которые описаны ниже.

Нёбо. Это костное образование, ограничивающее полость рта сверху. У обезьян оно низкое и плоское, у человека высокое и сводчатое. Находки из Летоли и Хадара по этому показателю ближе к обезьянам.

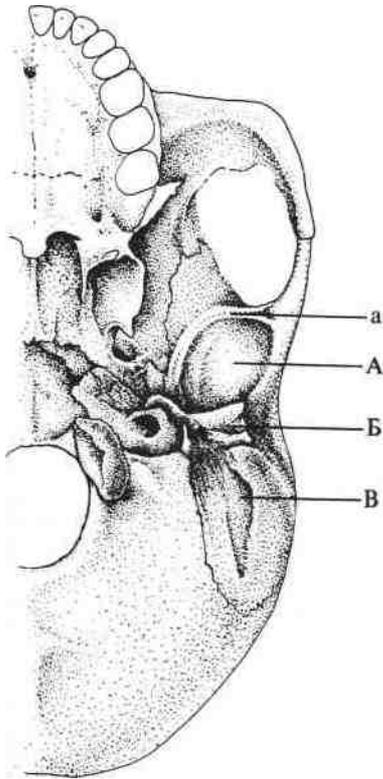
Пропорции лица. Верхняя часть ли-

A. AFARENSIS

цевого отдела у обезьян невелика, нижняя — массивна и выступает вперед (прогнатизм). Для человека характерно обратное соотношение. Контур морды у обезьян при взгляде сбоку слегка выпуклый, тогда как профиль человека несколько вогнутый, как бы блюдцеобразный. По обоим показателям существа из Летоли и Хадара близки к человекообразным обезьянам.

Корни клыка. У обезьян корни клыков настолько велики, что передняя поверхность челюсти в тех местах, где они сидят, выпячивается, образуя вертикальные валики или колонки по обеим сторонам носа. Так же обстоит дело с челюстями из Хадара и Летоли. У человека нет заметных выпуклостей на челюстях, так как размеры клыков невелики.

ЧЕЛОВЕК

Емкость черепа. У шимпанзе она составляет 300 — 400 см³, у существ из Летоли и Хадара — от 380 до 450 см³, у людей варьирует в пределах от 460 см³ (нижняя граница объема мозга у *Homo habilis*) до 2000 с лишним (верхняя граница у *Homo sapiens*). Интересно отметить, что у существ из Летоли-Хадара и человекообразных обезьян диапазоны величин слегка перекрываются, но не достигают значений, свойственных человеку.

Все перечисленные выше признаки послужили в дальнейшем основой для классификации наших находок. Ни одно из выявленных различий, взятое в отдельности, не могло играть решающей роли. Но если их много и они систематически проявляются у большого числа образ-

Эти три различия между шимпанзе, особью из Хадара-Летоли (*A. afarensis*) и человеком можно увидеть только при взгляде на череп с нижней стороны. Область, обозначенная буквой *A*, это нижнечелюстная ямка, место причленения нижней челюсти. У человекообразных обезьян она плоская, у афарских австралопитеков почти такая же, а у людей окаймлена с передней стороны отчетливым гребнем (*a*).

Буквой *Б* обозначена серповидная пластинка — небольшая трубкообразная кость, которая начинается у слухового отверстия и идет вглубь. У человекообразных обезьян и особей из Хадара-Летоли она действительно напоминает трубку, а у человека больше похожа на гребень.

Буквой *В* обозначен сосцевидный отросток. У обезьян он плоский, треугольной формы. У афарских австралопитеков — тоже треугольный, но его поверхность слегка выпуклая. У людей выпуклость увеличивается и на ней появляется складка. Весь отросток уже не треугольной, а овальной формы.

цов, тогда можно делать выводы со значительной уверенностью. Палеоантропологу не приходится рассчитывать на блистательные озарения, на внезапное открытие закономерности вроде $E = Mc^2$. Понимание приходит не сразу, а по прошествии какого-то времени. Вдруг вы ловите себя на мысли: «Так вот оно что! Как я раньше об этом не подумал?». Мы не спеша анализировали наши находки, сопоставляя признак за признаком, и постепенно начинали понимать, с чем имеем дело. К концу лета было выявлено так много своеобразных черт, что мы пришли к единодушному мнению: существа из Летоли и Хадара отличаются как от человекообразных обезьян, так и от более поздних гоминид.

Короче говоря, методичный срав-

нительный анализ подтвердил, что мы действительно нашли нечто новое. Оставался, правда, каверзный вопрос: идет ли речь об одной или о двух новых разновидностях? Я считал, что их две. Тим настаивал на одной. Билл Кимбел, который был в лаборатории моим заместителем и отчасти помогал нам в сравнительном анализе, придерживался того же мнения, что и я. Он без конца повторял: «Люси совсем другая». На что Тим не уставал отвечать: «Ну-ну, Кимбел, выбрось из головы шимпанзе и займись анализом. Побольше сравнений и поменьше эмоций». Однако случалось, что нервы сдавали и у самого Тима. В такие дни он врывался в лабораторию с воплем: «Одна!». Мы с Кимбелом кричали в ответ: «Две!».

К тому времени и Кимбел, и я уже убедились, что вариации размеров тела в нашей коллекции очень велики, и поэтому миниатюрность Люси не исключает ее объединения с другими находками; однако V-образная форма ее челюсти по-прежнему была для нас серьезным препятствием. К этому примешивалось и вполне понятное нежелание отказаться от мнения, высказанного ранее в печати. Наконец, Тим придумал следующее: он разложил на столе челюсти из нашей коллекции, подобрав их по величине, начиная с самой большой. В самом конце ряда он поместил челюсть Люси, и стало ясно, что она должна находиться именно здесь. Особенно убедительно было то, что все размеры плавно уменьшались по мере приближения к Люси. Ее отличало *только* одно — слишком сильное сужение передней части челюстей. Все остальные особенности зубной системы были настолько примитивными, что мы трое, поднаторевшие в сравнительном анализе, тотчас распознали в них характерные признаки нашей — и никакой иной-коллекции. Но мне все еще не хотелось сдавать позиции.

— Почему ты уперся в одно-един-

ственное различие и игнорируешь два десятка других особенностей, говорящих о полном сходстве? — спросил Тим.

— Потому что отличие все-таки существует, — ответил я.

Тогда по настоянию Тима мы занялись длинными и скучными подсчетами, которые должны были показать, как будут выглядеть все другие челюсти из нашей коллекции, если уменьшить их до размера челюстей Люси. Оказалось, что при этом различия в ширине их передней части почти исчезнут. Правда, у некоторых особей челюсть все-таки будет чуть шире, чем у Люси, но, как объяснил Тим, все дело в том, что у самцов передние зубы немного крупнее, чем у самок. После этого говорить о своеобразии Люси уже не имело смысла. Предположение Тима об аллометрии оправдалось.

— Ладно, — сказал я. — Значит, все это один вид.

— Ты и в самом деле так думаешь? Или просто сдался?

— Я так думаю.

— Может быть, у нас получилось, как у Луиса Лики с Филиппом Тобайесом, когда Луис долбил и долбил ему насчет *Homo habilis*, пока тот не согласился?

— Нет-нет. Я думаю так же, как и ты. Нужно уметь отступить, если хочешь идти вперед.

— Я просто хотел удостовериться.

— И ты своего добился.

Разделавшись с проблемой Люси, мы наконец смогли дать четкое и цельное описание гоминид из Летоли и Хадара. Оно включало следующие характеристики:

1. Все ископаемые остатки относятся к одному виду, несмотря на большие различия в размерах. Эти различия сильнее выражены в Хадаре, чем в Летоли, однако в обоих случаях ни одна из находок не отклоняется чрезмерно от выведенной математически «средней особи». На одном из концов распределения взрослых особей находится Люси,

рост которой ненамного превышал 105 см, а вес, вероятно, составлял около 27 кг; на другом — индивиды ростом до полутора метров и весом около 70 кг. Помимо изменчивости размеров в пределах одного пола, существовали еще различия, связанные с половым диморфизмом. Они были особенно заметны в строении челюстей и обуславливали их V-образную форму у меньших по величине самок.

2. Несмотря на свои малые размеры, гоминиды из Летоли и Хадара были очень сильными существами. Их кости, непропорционально массивные, несли на себе следы прикрепления мощной мускулатуры. Тим как-то сказал: «Хоть я и больше шимпанзе, они гораздо сильнее меня. Мне не хотелось бы оказаться один на один с обезьяной в запертой комнате и без оружия. Шимпанзе наверняка прикончит меня первым. Наши гоминиды, по-видимому, не уступали этим обезьянам в физической силе».

3. Ископаемые остатки из Хадара и следы, найденные в Летоли, доказывают, что эти существа полностью освоили двуногую походку.

4. Руки у них были относительно чуть более длинными, чем у человека.

5. Кисти рук напоминали человеческие, однако пальцы были больше изогнуты, а некоторые из костей запястья обнаруживали поразительное сходство с обезьяньими.

6. Мозг был очень небольшим — близким по относительной величине к мозгу шимпанзе.

7. В целом наши гоминиды должны были выглядеть следующим образом. Тело небольшое, в основном человеческого типа, но форма головы сближает их скорее с обезьянами, чем с человеком. Челюсти большие и выступающие вперед; подбородок отсутствует. Верхняя часть лица небольшая, как у шимпанзе. Свод черепа очень низкий. Волосистой покров и у самцов, и у самок был, вероятно, более развит по срав-

нению с современными людьми, хотя в точности определить это невозможно. Цвет шерсти неизвестен — он мог быть черным или коричневым, как у гориллы и шимпанзе, рыжеватым, как у оранга, или даже серебристым, как у некоторых низших обезьян. Этого никому не дано узнать. Цвет кожи также нельзя определить, но он, вероятно, был темным — таков он и у человекообразных обезьян, и у людей, живущих в тропиках.

8. Нет никаких свидетельств того, что наши гоминиды изготавливали или использовали каменные орудия. Отсюда не следует, что это было им недоступно, — мы хотим лишь сказать, что связи между их ископаемыми остатками и орудиями пока не установлено. Самые ранние из известных каменных орудий были найдены Рош и Харрисом в Хадаре. Они на миллион лет моложе наиболее поздних гоминид из нашей коллекции. Создателя этих орудий еще предстоит открыть.

9. Наши гоминиды процветали в период примерно от четырех до трех миллионов лет назад. За это время они не подверглись существенным эволюционным изменениям.

Располагая такими сведениями и твердо убежденные в том, что имеем дело с новым, неизвестным ранее видом гоминид, мы решили, что теперь уже нельзя публиковать чисто описательную работу, как мы собирались вначале. Наши исследования завели нас так далеко, что мы были просто обязаны сообщить о сделанных выводах. И здесь перед нами встал второй вопрос: в каком отношении находится вновь открытый вид к другим, уже выделенным и описанным? Иными словами, какую генеалогическую схему следует принять, чтобы связать то, что известно о нашем виде, с тем, что мы знаем о *Homo habilis*, *Australopithecus africanus* и *Australopithecus robustus*? Или, еще точнее, — можно ли считать представителей нового вида человеческими суще-

ствами или же они для этого слишком примитивны?

По этому поводу мы с Тимом опять поспорили. Я уже говорил, что с самого начала был склонен видеть у более крупных гоминид из Хадара черты сходства с *Homo*. И действительно, у них были небольшие коренные и крупные передние зубы — очень важная особенность, характерная для современного человека и не свойственная австралопитекам. Я, как и многие мои сверстники, изучавшие палеоантропологию начиная с 50-х годов, воспитывался в убеждении, что австралопитеки были, вероятно, предками человека. Поэтому, познакомившись с их массивными молярами, я пришел к логичному, казалось бы, выводу, что «крупные коренные зубы — это примитивный признак» в линии гоминид и, следовательно, «мелкие свидетельствуют о близости к человеку».

Поскольку я не мог изучить более древние материалы, чем находки из Южной и Восточной Африки, этот предрассудок прочно закрепился у меня в голове. Я и теперь не хотел от него отказываться, хотя подавляющее большинство других признаков, касавшихся челюстей и черепа, говорило о примитивности хадарских гоминид.

— Они и должны быть примитивными, — сказал Тим. — Ведь они на миллион лет старше. Они не могут относиться к роду *Homo*.

— У них небольшие моляры, как у человека. Это *Homo*.

— Ты ведешь себя так же, как и в случае с Люси. Опираешься на единственный признак и полностью игнорируешь остальные.

Спор грозил затянуться. Чтобы выяснить, кто из нас прав, мы решили измерить длину и ширину различных зубов в нашей коллекции. Для примера были выбраны третий моляр, первый премоляр и клык. Мы провели биометрический анализ, к которому Роберт Брум наверняка отнесся бы с презрением, и представили

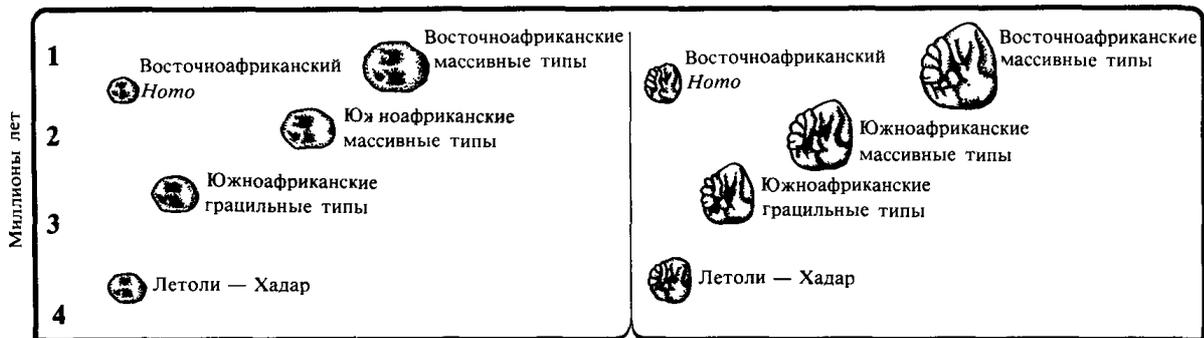
результаты в виде схемы (с. 205). Из этой схемы было ясно видно, что по размерам зубов хадарские гоминиды гораздо более сходны с человеком, чем с австралопитеками.

Но график показал еще кое-что: он четко продемонстрировал, что массивные австралопитеки с их очень крупными молярами в этом отношении больше всего отклоняются от человека. Глядя на схему, ясно разграничивающую виды по этому признаку, я вспомнил давно забытый разговор с Кларком Хоуэллом — это было семь лет назад, когда мы вместе просматривали южноафриканские коллекции.

Тогда я говорил о блистательно обоснованном выводе Джона Робинсона, что крупные, покрытые толстым слоем эмали коренные зубы гоминид можно рассматривать как адаптацию к определенной пище. Если это действительно так, предположил я, то черты такой специализации, развивавшиеся постепенно, должны быть лучше выражены у более поздних представителей гоминид. Это хорошо согласовалось с южноафриканскими материалами. Массивные австралопитеки были моложе грацильных, а их коренные зубы значительно крупнее.

Размышляя теперь об этом, я вдруг понял, что тезис «крупные коренные зубы — примитивный признак» может быть неверным. Схема говорила о другом: «крупные — значит, поздние». Неужели я перепутал концы подзорной трубы, когда пытался заглянуть в прошлое, интерпретируя находки древностью в три миллиона лет на основе анализа окаменелостей, возраст которых на миллион лет меньше? Что если перевернуть трубу — считать хадарских гоминид исходным типом? Особенности их зубной системы подскажут мне вывод: «небольшие — значит, примитивные», прямо противоположный моему прежнему убеждению.

Сейчас мне трудно понять, как я мог так запутаться. Но тем-то и

Понадобился биометрический анализ, чтобы убедительно показать, что хадарские гоминиды не относятся к роду *Homo*, а представляют собой разновидность ранних австралопитеков. Эта схема, на которой размеры зубов увеличиваются слева направо, а их древность — сверху вниз, ясно показывает, что

опасна предвзятость, что вы становитесь глухи к очевидным истинам, если они противоречат вашему мнению. К счастью, я перевернул подозрительную трубу и довольно быстро осознал свою прежнюю ошибку. Все тотчас встало на свои места. В соответствии с принципом Аристотеля: если *A* (примитивная особенность) равно *B* (небольшие размеры), а *B* (небольшие размеры) равно *C* (*Homo*), то *A* (примитивная особенность) равно *C* (*Homo*). Евклид сформулировал это еще лучше: если две вещи равны третьей, то они равны между собой. Теперь я понял: то, что я считал более поздним человеческим признаком, на самом деле оказалось примитивной особенностью. Наверное, лучше сказать «древней», так как слово «примитивный» наводит на мысль о чем-то худшем, менее развитом, тогда как в действительности признак может быть весьма полезным для его носителя. В словах Дарвина о том, что эволюция происходит в результате естественного отбора, подразумевается постепенное формирование новых признаков, обеспечивающих большую приспособленность. Однако Дарвин никогда не говорил, что все признаки эволюционируют с одинаковой скоростью и что они всегда должны изменяться. Действительно, если ка-

«небольшие» моляры примитивны и что крупные моляры никогда не встречаются у людей, а появляются у австралопитеков, достигая максимальной величины у наиболее поздних массивных типов. На рисунке представлены премоляры (*слева*) и моляры (*справа*).

кое-то свойство хорошо соответствует своему назначению, то оно, вероятно, не будет подвергаться эволюционным изменениям.

Так, видимо, и обстоит дело с интересующими нас особенностями зубов. В ряду *Homo* они не подвергались существенному давлению отбора и поэтому мало изменились. *Изменение произошло не у Homo, а у австралопитеков*. Эти гоминиды пошли своим путем и приспособились к образу жизни, несколько отличному от того, который вели древнейшие представители рода *Homo*. Именно эта специализация и привела к появлению у австралопитеков более крупных зубов.

Споры и сравнительные исследования отняли у нас все лето. Мы регулярно засиживались за работой далеко за полночь и буквально падали с ног от усталости, но усилия наши не пропали даром: мы пришли, наконец, к согласию по главным пунктам разработанной нами схемы, которая теперь выглядела вполне логичной. Правда, иногда мы еще спорили, но скорее как адвокаты, намеренно бомбардирующие друг друга вопросами, чтобы выявить слабые места в намеченной тактике защиты. В нашем случае мы не нашли никаких изъянов.

— Что дальше? — спросил я Тима.

— Ну, хорошо. Допустим, мы нашли нечто новое, отличное от всего остального и более древнее. Ведь мы в этом абсолютно уверены, не так ли?

— Конечно.

— Тогда мы должны заявить об этом во всеуслышание. Нам нужно выделить новый вид и дать ему название.

— Вид?

— Может быть, ты предлагаешь выделить новый род? — сказал Тим.

— Избави бог. Даже из-за вида поднимется достаточно шума. Я просто подумал, что мы не сможем решить вопрос о названии, пока не со-

отнесем наш вид с другими гоминидами. Ведь нам еще не все ясно относительно родословного древа. Но все-таки, как мы назовем его — *Ното*... что дальше?

— Странно, мы только что решили, что это не *Ното*.

— Тогда как ты его назовешь?

— Будь я проклят, если я это знаю. Тут как раз кончилось лето. Мы вымотались до предела. Тиму нужно было ехать в Калифорнию, а я мечтал об одном — забраться куда-нибудь подальше и отоспаться. Мы договорились встретиться в декабре и подумать о названии и родословном древе.

Глава 14

Анализ закончен

Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови ее, хоть нет.¹

*Уильям
Шекспир*

Классификация не предполагает адекватного отражения филогении, но должна учитывать выводы, касающиеся эволюционного родства.

Джордж Гейлорд Симпсон

Люси можно рассматривать как позднего рамапитека.

Ричард Луки

Считать Люси рамапитеком попросту смехотворно.

Лоринг Брейс

Осенью 1977 года я постепенно привыкал к тем новым идеям о взаимоотношениях гоминид, к которым мы с Тимом пришли в результате проведенного летом анализа. Хотя мы еще не подыскивали для наших гоминид подходящего места на генеалогическом древе и не придумали им названия, я был рад, что самое трудное — экспедиции, сбор материала, его сортировка, измерения, сопоставление и выводы — уже позади. Оставалось самое легкое — найти подходя-

щее название. Но, как это ни парадоксально, именно здесь нас ждали неприятности. Описание находок и предположения об их родственных связях никогда не вызывают такой бурной реакции, как появление новых названий.

Если бы мы ограничились добросовестной и точной статьей, где подробно описали бы наши находки,

¹ Перевод Б. Пастернака. — *Прим. перев.*

указали, чем они отличаются от всего известного ранее, а затем предложили возможную интерпретацию этих отличий, предоставив другим делать окончательные выводы, то нас, я уверен, ждали бы похвалы за хорошо выполненную работу и мы могли бы ретироваться, не вызвав на себя огонь полемики.

Однако такое решение означало бы отказ от ответственности. Мы знали — или, во всяком случае, имели возможность решить, — где на генеалогической схеме следует поместить наших гоминид. Значит, мы должны были сделать это сами, а не полагаться на тех, кто, хуже нас разбираясь в находках и не изучив их так обстоятельно, как мы, легко мог дать им ошибочное название, которое потом многие годы вводило бы в заблуждение палеоантропологов.

Я не сомневался, что мы сумеем найти место нашим гоминидам. Но для этого нам нужно было придумать для них название. Вот тут-то и разгорится сыр-бор! Со времени *Homo habilis*, который получил свое имя в 1964 году, не было выделено ни одного нового вида гоминид. В ту осень я часто вспоминал споры вокруг этой находки, повредившие ее репутации, утверждения, что *Homo habilis* — это незаконный побег на родословном древе человека (в обоснованности выделения этого вида до сих пор сомневаются многие ученые). Я старался предугадать, какой прием уготован нашему детищу.

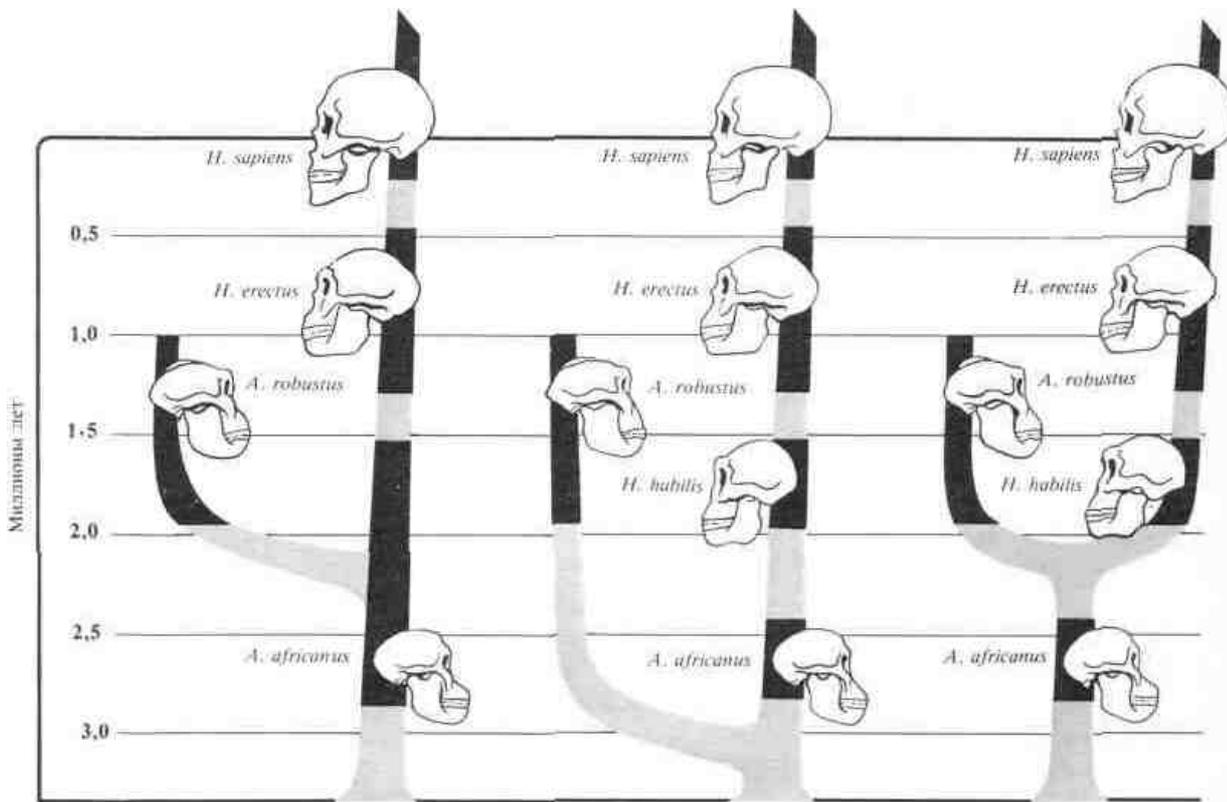
Это меня беспокоило. Будучи несколько лет руководителем экспедиции, я получил свою долю мелких укусов по разным малозначительным поводам и хорошо понимал, что мышьяная возня может перерасти в открытую войну, если дело коснется принципиального вопроса. Я знал, как убеждения могут развести людей в разные стороны, как легко нажать врагов, как осторожны финансирующие организации и как иссякает струйка денежных субсидий, не выдержав затянувшихся дискус-

сий. Я хотел, чтобы мне дали возможность завершить лабораторные исследования, и мечтал только об одном: поскорее вернуться в Эфиопию, найти там новые окаменелости, а *потом*, может быть, извлечь из них какую-то информацию. Но я уже был не волен в своих поступках. Мы с Тимом произвели на свет детище. Сумеем ли мы, как подобает приличным родителям, дать ему достойное имя и ввести в благовоспитанное антропологическое общество?

В ту осень я испытывал нечто вроде послеродового психоза. Временами мне казалось, что наш анализ раздут, как мыльный пузырь; что будет неплохо, если кто-нибудь проколет его и он лопнет, предоставив нам удобный повод пойти на попятную. Разумеется, никто этого не сделал, и мне оставалось только настраивать себя на то, что в скором будущем придется потратить немало сил и времени на статью, в которой все должно быть неуязвимо для критики. Потом нам предстоит защищать ее, и на это тоже уйдет много энергии, а там подспеют новые статьи и споры, споры до бесконечности.

А вдруг окажется, что мы не правы?

Мы встретились с Тимом в декабре. Ему тоже было над чем поразмыслить. Как и меня, его несколько страшила перспектива поколебать наше родословное древо, добавив туда новый вид. Он испытывал особую неловкость оттого, что готовил диссертацию под руководством Лоринга Брейса из Мичиганского университета — давнего приверженца «теории одного вида». Брейс на протяжении многих лет утверждал, что эволюционная линия шла прямо от австралопитека к *Homo erectus*, и начисто отвергал существование *Homo habilis*. Тим защитил диссертацию. Мог ли он теперь, считаясь учеником Брейса, осложнить дело введением еще одного вида в генеалогическую схему, которая, по мнению его учителя, была и без того перегружена?

Три хорошо известных родословных древа

«Теория одного вида» (слева), которой придерживаются Брейс и другие, признает только одну ветвь у древа гоминид и существование только одной разновидности гоминид в каждый данный момент. В последние годы Брейс допускает отделение ветви *A. robustus*, поскольку этот вид слишком не похож на *Homo*, чтобы быть включенным в основную линию. Достоинство этой схемы — ее простота. «Объединитель» Брейс не считает *Homo habilis* достоверным видом и объединяет его с *A. africanus*.

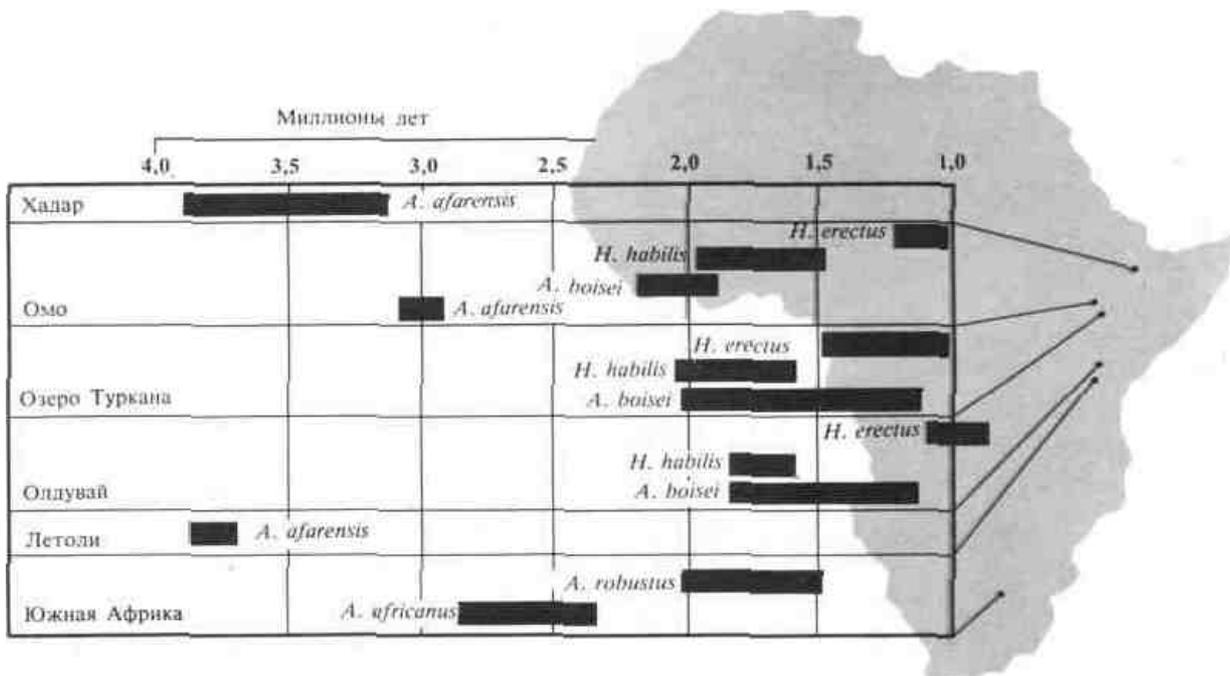
Схема в середине отражает взгляды Джона Робинсона и представляет собой попытку разрешить затруднительное противоречие, связанное с тем, что у массивных типов были

более «примитивные» коренные зубы, чем у грацильных, хотя грацильные, судя по данным из южноафриканских пещер, древнее. Робинсон помещает *A. robustus* в правильные временные рамки (от 2,0 до 1,0 млн. лет назад) и предполагает, что у него был лишь общий предок с грацильным *A. africanus*.

Схема справа, наиболее принятая в 60-х и 70-х годах, отражает растущее убеждение, что *A. africanus* был предком и *A. robustus*, и *H. habilis*. Здесь признается, что увеличение моляров — характерная черта австралопитеков, но не *Homo*, и в то же время предполагается, что у *A. africanus* эта тенденция хотя и заметна, но еще не столь выражена, чтобы исключить его из числа предков человека.

В таком нерешительном настроении Тим приехал в Кливленд. Но когда мы встретились, все сомнения мгновенно исчезли. Мы подумали об огромном объеме проделанной работы; вновь воспроизвели в уме ключевые моменты анализа и не нашли в нем никаких ошибок. Напомнили себе о своем необыкновенном везении. В самом деле, разве мало значило одно то, что человеку, собравшему первую в мире коллекцию костей го-

минид древностью в три миллиона лет, довелось сотрудничать с тем, кто занимался официальным описанием находок из второй такой коллекции? Разве можно было предположить, что эти двое — единственные люди, обладавшие достаточными знаниями для проведения компетентного совместного анализа, — вообще встретятся и займутся им? А разве велики были шансы, что у них найдется время для этого анализа, что

Сознавая, что ни одна из схем, изображенных на предыдущем рисунке, не согласуется с новыми данными, полученными в Хадаре и Летоли, Джохансон и Уайт решили построить новое древо собственной конструкции. Для начала они составили диаграмму, на которой разместили всех известных афри-

они придут к выводу о единстве двух коллекций, а затем приступят к более глубоким обобщениям — о месте всех этих находок в истории гоминид? И сделают это раньше, чем кто-либо другой! Подобное не часто происходит с молодыми, никому не известными палеоантропологами, едва ступившими на путь профессиональной карьеры. Но с нами все случилось именно так. Нам представилась редчайшая возможность внести вклад в развитие палеоантропологии, и мы чувствовали себя в состоянии сделать это.

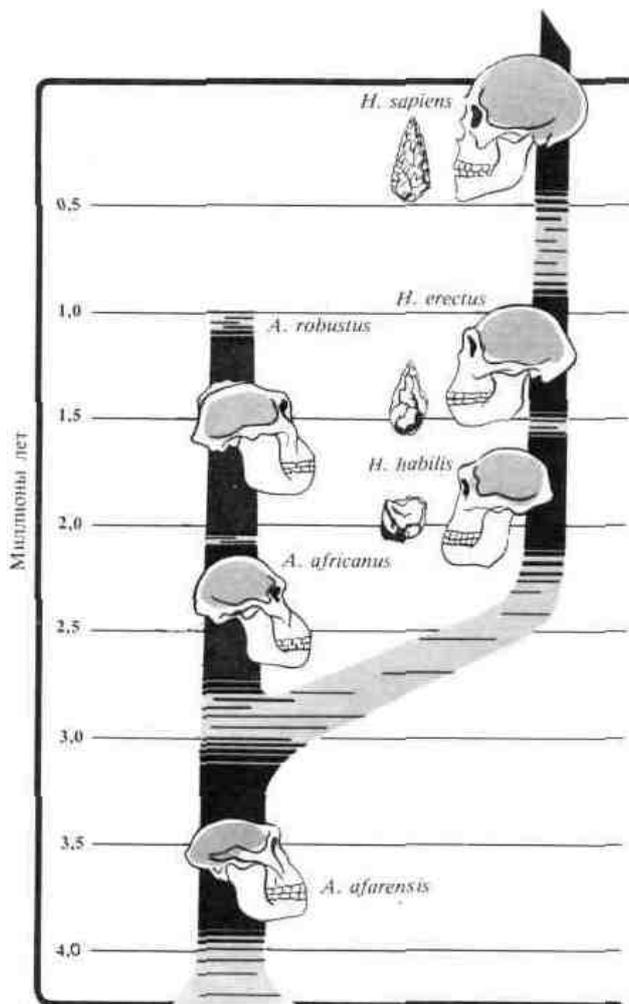
Пытаясь ответить на второй вопрос — каким образом наши находки соотносятся с другими, — мы решили прежде всего построить таблицу для всех африканских гоминид, разместив их в соответствии с древностью, типом и местом находки.

В качестве датировок южноафриканских ископаемых остатков мы использовали новейшие оценки, полу-

канских гоминид с учетом их типа, местонахождения и древности. Это привело к созданию показанной здесь схемы, которую они в дальнейшем упростили, объединив некоторые типы. В результате получилась схема, представленная на следующем рисунке.

ченные южноафриканским специалистом по биостратиграфии Элизабет Врба для массивного и грацильного типов. Для Омо мы имели хорошие датировки, но находки отличались плохой сохранностью, особенно те, которые Кларк Хоуэлл предположительно отнес к виду *Australopithecus africanus* (грацильные австралопитеки). Эти данные вошли в нашу таблицу со знаком вопроса. Для находок с озера Туркана были использованы калий-аргоновые датировки Кёртиса, а также сведения о сопутствующих ископаемых остатках свиней. Мы отказались от датировок Фитча-Миллера, но в идентификации находок принимали выводы Ричарда Лики. Для Олдувая, Хадара и Летоли были взяты уже опубликованные цифры калий-аргоновых датировок.

Следующий шаг состоял в том, чтобы упростить схему, объединив находки в группы только в соответствии с их типом, без учета географии. Полученная в результате этого

Результат обобщения информации, представленной на предыдущем рисунке. Все ископаемые остатки *A. afarensis* могут быть объединены в интервале от 4 до 3 млн. лет, все окаменелости *A. africanus* — от 2,7 до 2,2 млн. лет и *A. robustus* — от 2,1 до 1,0 млн. лет и т.д. Джохансон и Уайт убеждены, что *A. afarensis* — наиболее древний и примитивный из известных гоминид — был предком всех остальных видов. Они полагают, что тенденция к увеличению моляров — это особенность поздних австралопитековых, и поэтому выделяют типы, у которых она выражена, в особую ветвь вместе с крайним вариантом *A. robustus*, находящимся на самом конце этой ветви. Это дает возможность выделить типы *Homo*, коренные зубы которых мало чем отличаются от зубов предковой формы *A. afarensis*, в другую ветвь с прогрессивно эволюционировавшими формами *H. erectus* и *H. sapiens*, происходящими от *H. habilis*. Орудия, как показывает схема, — это изобретение *Homo*, а не австралопитеков.

диаграмма (с. 210) была, по нашему мнению, самым простым или, как любят выражаться ученые, наиболее экономным способом классификации всех известных находок на основе различий между ними. Еще более простую схему можно было бы построить, если вслед за Лорингом Брейсом (см. рис. на с. 208) довести ствол *Australopithecus africanus* вниз по шкале времени до уровня в три с лишним миллиона лет, присоединив к нему находки из Летоли и Хадара. Тогда этот долговечный и широко варьирующий вид включал бы хадарских гоминид в качестве своих древнейших представителей. С точки зрения любителей экономии эта схема была чудом простоты. Но принять ее мы с Тимом не могли из-за одной небольшой детали: на крайних полюсах оказывались формы, которые при всем желании нельзя было отнести к одному и тому же виду грацильных австралопитеков. Люси, помещившаяся на одном конце, определенно не была человеком, а владелица найденного Ричардом Лики черепа 1470 с другого конца, несомненно, был им. Два столь различных создания никак не могли принадлежать к одному виду. Кроме того, было бы странно, что между ними, наподобие преграды, расположился еще один представитель вида *Australopithecus africanus* с крупными коренными и мелкими передними зубами, совсем непохожими на те, что были до него, и на те, что будут после него. Разве моляры, вначале небольшие, могли разрастись, а потом снова уменьшиться? Наверное, могли бы, если предположить, что в процессе развития гоминид сменились три пищевые адаптации, но это крайне неправдоподобно. Получается уже «экономия наоборот». Гораздо легче (да и экономнее!) представить себе, что существовали только два типа питания и два типа зубной системы: менее специализированный, пригодный для разнообразной пищи, и более специализированный, связанный с предпоч-

тением определенных ее видов. Такой ход мысли должен привести к построению схемы вроде изображенной на с. 210.

В этой схеме четко выражена наша позиция: гоминиды из Летоли и Хадара были предками как для более поздних австралопитеков, так и для рода *Homo*; дивергенция этих двух ветвей началась, вероятно, около трех миллионов лет назад; грацильные австралопитеки — это промежуточная стадия на пути к массивным. Мы не считаем, что они были предками человека.

Мы думаем, что человеческие существа начинают появляться позже трех миллионов лет. К двум миллионам лет становление человека было закончено. В это время по земле уже ходили представители рода *Homo*, а также их двоюродные братья — массивные австралопитеки. На протяжении примерно миллиона лет они жили бок о бок. Но уже миллион лет назад австралопитеков не стало: они все вымерли.

К таким выводам пришли мы с Тимом после двух лет напряженной работы и раздумий, пытаюсь дать удовлетворительный ответ на наш второй вопрос. Оставался нерешенным третий вопрос: как следует назвать новый вид?

Вначале нужно было договориться о родовой принадлежности гоминид — относятся ли они к *Homo*, *Australopithecus* или какому-нибудь новому роду. Мы быстро отвергли третий вариант, так как он предполагал фундаментальное отличие наших находок от всех других гоминид, а такого отличия не было. Все ископаемые остатки принадлежали двуногим гоминидам, связанным тесным родством. Отказались мы и от рода *Homo*, хотя это было вовсе не так просто. Как-то днем, когда мы все еще размышляли об этой возможности, в лабораторию пожаловал Оуэн Лавджой.

— Построенное вами родословное

древо не позволяет отнести ваших гоминид к роду *Homo*, — объявил он.

— Почему же?

— Да потому, что вы сделали их предками других австралопитеков. Значит, и те окажутся представителями рода *Homo*. Попробуйте-ка заявить об этом, и вас разобьют в пух и прах. За одну ночь вы превратитесь в пару четвероногих и больше никогда не сможете выпрямиться. — Его резкий смех подействовал на нас, как ушат холодной воды. Оставался единственный логичный выбор: род *Australopithecus*. Об этом ясно говорили находки. И мы признали это. Прощай, старина *Homo*! Ты, наконец, исчезаешь, чтобы появиться на уровне двух миллионов лет.

Прежде чем остановиться на каком-то видовом названии, мы перебрали несколько возможных вариантов. Я предложил *Australopithecus laetolensis*, сказав, что это должно понравиться Мэри Лики.

— Я не в восторге от такой идеи, — возразил Тим. — Твоя коллекция намного лучше. Почему бы не отразить это в названии?

— Дать находкам мое имя — *johansonensis*? Не говори глупостей.

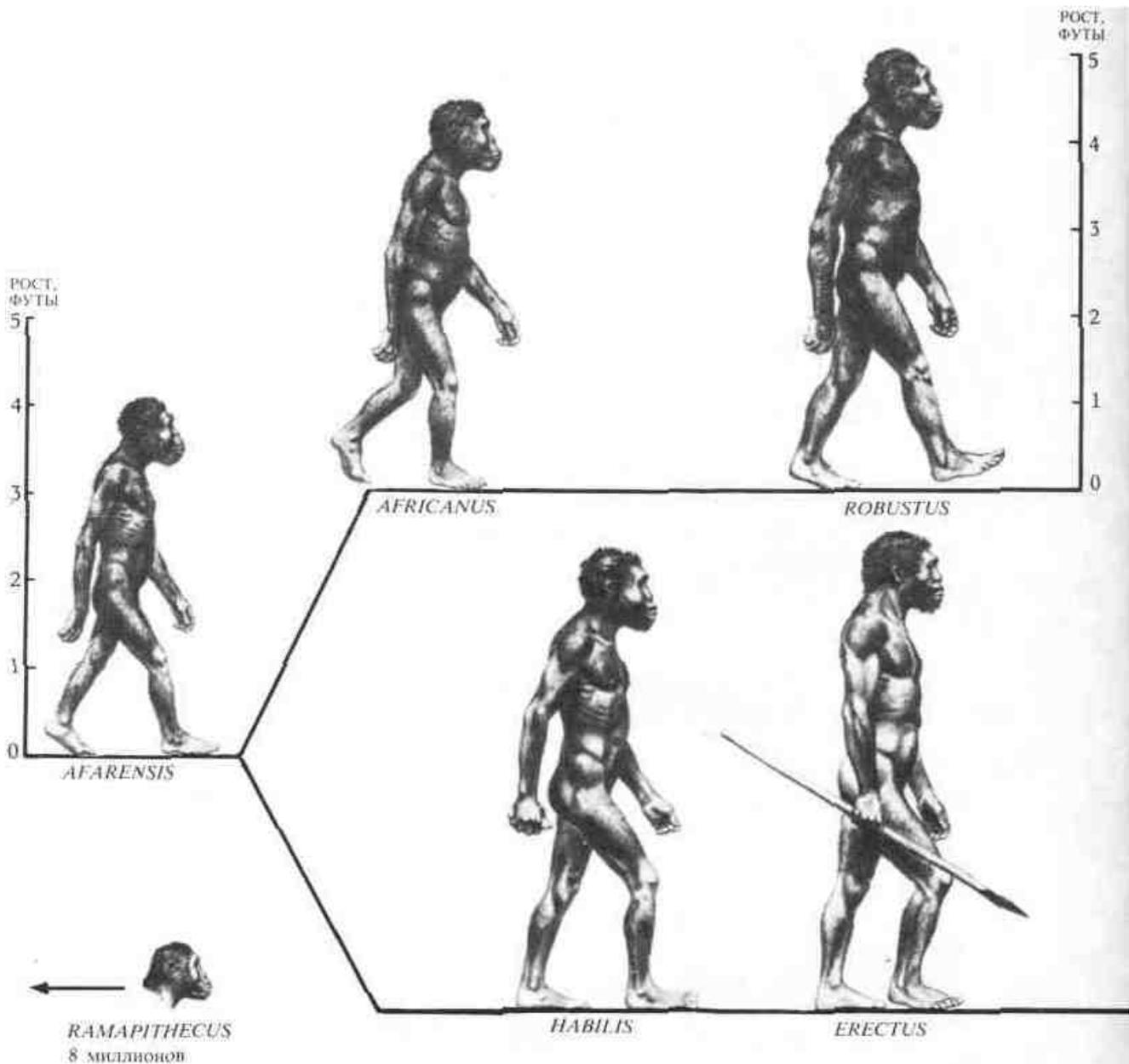
— Да нет, я имел в виду место твоих находок. Может быть, *hadarensis*?

Однако мне это показалось не очень удачным. Я знал, что вокруг Хадара лежат обширные, еще не обследованные территории, где тоже много ископаемых остатков, и в будущем они могут стать не менее знаменитыми, чем хадарские. Я чувствовал, что мы должны предусмотреть эту возможность и использовать название всего района.

— Хорошо, пусть будет *afarensis*, — сказал Уайт.

На том и порешили: *Australopithecus afarensis*.

Теперь нужно было выбрать типовой экземпляр, то есть одну определенную находку, по которой будет сделано описание вида. Некоторые из моих сотрудников настаивали на

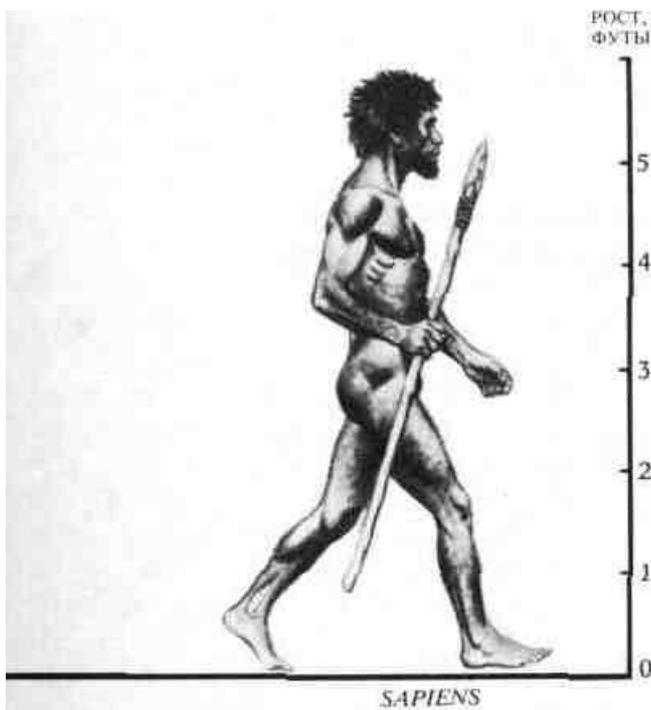
Люси, так как исключительная сохранность этой находки дала бы возможность чрезвычайно подробно обрисовать морфологию вида. Я отказался, объяснив это тем, что Люси из-за своих исключительно малых размеров не типична для нашего материала в целом. Кроме того, мы еще не успели опубликовать ее полное научное описание, а без этого она не могла служить эталоном для наименования вида. Я остановился на LH-4 — лучшим из экспонатов в коллекции Летоли. Его подробное опи-

сание, сделанное Тимом и снабженное иллюстрациями, уже вышло из печати.

Мне казалось немаловажным привлечь внимание к Летоли. Убедившись, что две коллекции относятся к одному и тому же типу, мы должны были как-то показать это. Наилучший способ состоял в том, чтобы видовое название связать с одним местонахождением, а в качестве типового экземпляра взять находку из другого.

К тому же мы тогда считали, что

Если предыдущую схему положить набок, а ископаемые кости заменить одушевленными существами, то получится нечто вроде изображенного на этом рисунке, хотя, конечно, никто не может в точности знать, как выглядели ископаемые гоминиды с учетом развития волос на теле и пр. Все фигуры нарисованы в одном масштабе. *A. afarensis* был примерно на 2 фута (~ 60 см) ниже современного человека среднего роста. Рамапитек, от которого пока нашли только зубы, челюсти и обломки черепа, был еще ниже — возможно, немногим более 3 футов (~ 90 см).

окаменелости из Летоли древнее. Нам казалось необходимым учесть продолжительность периода, который охватывали обе популяции, взятые вместе: это могло существенно характеризовать ход эволюции гоминид — их стабильное состояние на протяжении одного миллиона лет, а потом внезапный взрыв эволюционных изменений в последующий миллион лет. Если мы не примем во внимание все эти обстоятельства, а будущие полевые исследования принесут целую лавину ископаемых

материалов из Афара, то о существовании еще одной популяции гоминид в другой части Африки могут попросту забыть. Находки из Летоли вряд ли когда-нибудь станут многочисленными и будут отличаться хорошей сохранностью. Именно поэтому их значение можно легко недооценить. Если бы мы не выступили с официальным признанием идентичности находок из Летоли с афарским материалом да еще кто-нибудь другой потом присвоил бы им иное название — какая бы возникла путаница! Мы должны были предотвратить это, дав находкам из Летоли свое наименование.

Кроме того, я думал порадовать Мэри Лики. Однако результат оказался прямо противоположным.

Придя к согласию относительно родословного древа и видового названия, мы с Тимом решили изложить наши результаты и выводы на бумаге, включив в статью обзор всех ранних африканских гоминид и подробное описание новых находок. Мы хотели показать, почему их следует отнести к одному типу и выделить в новый вид. Каждый из нас понимал, что статья станет заметной вехой в его профессиональной карьере. Мы отдавали себе отчет и в том, что если специалисты согласятся с нашими выводами, статья вызовет серьезный резонанс, так как изменит взгляды

человека на свое прошлое. Поэтому мы ощущали ответственность не только перед самими собой, но и перед наукой.

Первый вариант статьи получился раздутым и бессвязным. Поскольку мы имели в виду журнал *Science*, мы быстро поняли, что для этого издания наш трактат слишком длинен и вряд ли будет принят. Одно лишь описание новых находок занимало изрядное число страниц. Может быть, нам следует вообще отказаться от него? Нет, невозможно. Дать описательную часть отдельно? Этот вариант был лучше. Описание должно быть сдано в печать (чтобы можно было сослаться на него), но не вместе с результатами анализа. В конце концов мы решили опубликовать чисто описательную статью обо всех находках из Летоли и Хадара в научном журнале *Kirtlandia*, издававшемся Кливлендским музеем естественной истории, а по результатам анализа написать еще одну работу и послать ее в *Science*.

Я вновь подумал о Мэри Лики. Поскольку некоторые находки принадлежали ей, с точки зрения научной этики было уместно предложить ей стать соавтором публикации в *Kirtlandia*. Я отправил Мэри письмо. Вскоре она приехала в Соединенные Штаты и остановилась в Беркли. Тим, встретившись с ней, еще раз повторил наше предложение. Мэри благосклонно отнеслась к этой идее, но поставила условие — публикация должна быть описательной и не содержать никаких интерпретаций. Позднее, приехав в Кливленд, Мэри сказала мне, что она с удовольствием выступит как соавтор статьи, если не усмотрит в ней намеков, будто австралопитеки были предками *Homo*. Я уверил Мэри, что публикация в *Kirtlandia* будет носить исключительно описательный характер, и мы с Тимом принялись за работу. Мы закончили свойopus поздней весной 1978 года и отослали его в издательство.

Вскоре мы закончили работу и над теоретической статьей, предварительно проконсультировавшись относительно названия *Australopithecus afarensis* с гарвардским ученым Эрнстом Майром. Этот выдающийся зоолог считается высшим авторитетом в вопросах научной номенклатуры. Заручившись одобрением Майра, мы в мае 1978 года отправили статью в *Science*. Чтобы сразу добиться успеха, мы взяли на прицел самый престижный научный журнал в Штатах.

Разделавшись со статьями, я отправился в Швецию. Меня пригласили рассказать о хадарских находках на Нобелевском симпозиуме, организованном Шведской академией наук в ознаменование 200-летней годовщины со дня смерти Карла Линнея. Этот ученый впервые ввел в научный обиход бинарную номенклатуру (использование двойного латинского названия), ныне применяемую для классификации всех живых существ. Симпозиум произвел на меня сильное эмоциональное впечатление. Я швед по происхождению и тоже занимался классификацией, пытаюсь определить место некоторых найденных мной остатков гоминид. Я почувствовал себя одним из звеньев в цепи научного познания, которая соединяла меня с тем, другим шведом, умершим ровно 200 лет назад. Я трепетал от волнения, когда вышел на трибуну и впервые публично произнес название *Australopithecus afarensis*. Я описал Люси и другие хадарские находки, а затем перешел к Летоли. Я не видел, как сидевшая в аудитории Мэри Лики вспыхнула от гнева, когда услышала, что я заговорил о найденных в Летоли окаменелостях и отпечатках ступней. Находки принадлежали Мэри, и мне не следовало обсуждать их.

Тим узнал об этом спустя несколько недель, приехав в Летоли для продолжения исследований.

— Вы не должны связывать себя с этим человеком, — сказала Мэри. — И

Покончив с дискуссиями по поводу Люси, Джохансон (*слева*) и Уайт готовы возвестить миру о новом виде гоминид. Окаменелости, которые лежат на столе, в основном найдены

вам не следовало бы писать с ним совместную статью. Во всяком случае, мне придется убрать свое имя как соавтора.

— Если вы действительно так считаете, лучше пошлите телеграмму, — посоветовал Тим. — Я думаю, статья уже в печати.

Он не ошибся. Когда я получил известие от Мэри, статья находилась в типографии, и мне пришлось обратиться с просьбой заново набрать ее. Публикация была отложена до осени.

Этот эпизод в равной мере огорчил и озадачил меня. Поскольку материалы из Летоли были уже полностью описаны и опубликованы в различных изданиях, я считал их достоянием научной общественности,

в Хадаре, за исключением обезьяньей и человеческой челюстей (у правого края) и двух черепов (перед Джохансоном), тоже принадлежащих антропоморфной обезьяне и человеку.

ибо главная цель всякой публикации состоит в том, чтобы познакомить других специалистов с теми данными, которыми вы располагаете, и способствовать их обсуждению. То, что Мэри Лики может быть недовольна ссылками на «ее» находки и «ее» следы, явилось для меня полной неожиданностью. Когда Тим вернулся в Штаты, мы с ним подробно обсудили этот инцидент и пришли к выводу, что все дело в *целях* моего анализа. Я использовал материалы Мэри для обоснования чуждых ей идей. Всякий, глядя на новое родословное древо, не мог не воспринять двух его ключевых моментов: первое — человек происходит от какой-то формы австралопитековых, что всегда отвергалось членами семейства Лики; второе — человек далеко не так

древен, как это утверждают Лики. В то время как мы с Тимом обсуждали все эти проблемы, в лаборатории, помимо нас, присутствовал мой друг журналист.

— Мне кажется, вы с Лики готовитесь к перестрелке, — сказал он.

— Вроде бы да, — ответил я.

— А если они правы?

— Тогда нам придется изменить свою точку зрения. Но Лики смогут доказать свою правоту только с помощью новых находок, большего их числа и лучшего качества. В конце концов всякое родословное древо — это лишь отражение уровня современных знаний. Схемы создают для того, чтобы потом их видоизменять. Мы не знаем, верна ли наша схема; мы только думаем, что верна.

— Правильно, — сказал Тим.

— Я имею в виду этот разрыв между тремя и двумя миллионами лет до нашего времени. Хороших находок, относящихся к этому периоду, нет. Мы предполагаем, что от ствола ранних гоминид Летоли-Хадара идут две ветви, но доказать этого пока не можем. У нас есть лишь веские косвенные доводы. Я думаю, что после заполнения разрыва наша позиция станет более прочной.

Зная скептическое отношение Тима ко всему, что нельзя подтвердить бесспорными фактами, журналист спросил его, доволен ли он схемой с пробелом посередине.

— В целом да, — ответил Тим. — Статья, которую мы написали, не детский лепет в стиле Микки-Мауса. Мы работали над ней несколько месяцев. Мы думаем, что в ней не к чему прицепиться, и знаем, что она построена логично. Все наши споры имели вполне определенный смысл: мы решили, что лучше нам самим придирайтесь друг к другу, пока статья не опубликована, чем столкнуться потом с такими же придираками в печати. И мы хорошо справились с этой задачей. Теперь любая критика в адрес нашей статьи должна быть подкреплена ископаемыми на-

ходками, о которых мы в момент написания работы могли ничего не знать. Не думаю, что такие находки существуют. А если позже они появятся, нам придется, смилив гордыню, переделать свою схему.

— Генеалогическая схема, я полагаю, не самоцель, — заметил журналист.

— Конечно, нет, но она полезна, так как с ее помощью можно многое упростить и прояснить для себя. Уже построенная, она выглядит такой логичной — кажется, ее было совсем нетрудно составить. Хочу сказать вам, что это не так. Я никогда не смог бы в одиночку справиться с этой задачей. Все, чем я располагал, — это данные о небольшой коллекции костей очень древних и своеобразных гоминид. Что я должен был делать с ними? Я плохой теоретик и не силен в математике. У меня нет даже особых способностей к лабораторной работе. Но в поле я делаю свое дело добросовестно: я хочу обогащать науку объективными, бесспорными фактами, а это возможно лишь при тщательном выполнении полевых исследований.

— Встретившись с Доном, — продолжал Тим, — я сначала отнесся к нему с подозрением. У меня вызывает недоверие любой антрополог, который носит туфли Гуччи и брюки от Сен-Лорана. Дон должен был доказать мне, что он придает тщательности в полевой работе такое же значение, как я. И он это доказал. Его находки прекрасно описаны и датированы. Они безупречно очищены. Взгляните на ископаемые остатки из других мест, и вы поймете, что значит хорошая очистка. Среди образцов, попадающих вам в руки, немало испорченных. Здесь отбиты уголки, там в результате небрежного удаления породы уничтожены следы стертости на зубах. Оригиналы Дона восхитительны. Даже муляжи его находок намного информативнее некоторых оригиналов других исследователей... Все это бросилось мне в

глаза. Когда я увидел, что собранные Доном остатки сходны с найденными в Летоли, я понял: взятые вместе, они позволят нам провести очень нужное исследование. Если мы этого не сделаем, то их разрозненные описания будут появляться на протяжении ряда лет в разных изданиях и никто не будет знать, как их можно использовать.

Тут вступил в разговор я и сказал, что над трудной проблемой легче биться вдвоем, а не в одиночку. Если кто-то все время будет стимулировать вашу мысль, вы продвинетесь дальше, чем одними лишь собственными усилиями.

— Верно, — сказал Тим. — В нашем случае Дон вкладывал свое воображение и энергию, которой мне так не хватало, заряжал нас отвагой.

— Тим держал меня в напряжении, — добавил я. — Кроме того, он боролся с моей предвзятостью, так как намного раньше меня понял, что мы имеем дело с представителями одного, а не двух видов. Разубедить меня было очень нелегко — ведь я уже пу-

блично заявил о существовании двух видов. Что же, писать новую статью и признаваться в своей ошибке?

— Ты так и сделал.

— Но чего мне это стоило! Наш гость ушел. Позднее он сказал, что короткая беседа в лаборатории помогла ему понять значение нашего сотрудничества с Тимом. Оно чем-то напоминало ему содружество Джеймса Уотсона и Фрэнсиса Крика, разработавших представление о двойной спирали ДНК, — в том смысле, что ни один из них не смог бы совершить открытие без помощи другого. В самом деле, одновременно с ними над той же проблемой трудилась генетик Розалинд Фрэнклин. Работая самостоятельно, она несколько раз почти вплотную подходила к решению загадки ДНК. До открытия оставался *один шаг*, но ей не с кем было обсудить мучившие ее проблемы. Кто-то должен был подтолкнуть ее в последний момент, но этого не случилось. Нам с Тимом необычайно повезло, что мы обрели поддержку в лице друг друга.

Глава 15

Реакция

Каждый человек вправе высказывать то, что он считает истиной, но каждый другой имеет такое же право разбивать его доводы.

Сэмюэл Джонсон

Когда мы создаем что-либо низкопробное, коллеги жестоко критикуют нас... Важнейший фактор, который поддерживает здоровую атмосферу в науке, — это уважение к высокому качеству.

Фримен Дайсон

Дайсон высказал удачную мысль, но ему следовало добавить, что сама критика не должна быть низкопробной. Если она становится такой, то в свою очередь должна подвергаться жестокой критике.

Тимоти Уайт

В декабре 1978 года журнал *Science* известил нас, что наша теоретическая статья принята. Редакция посчитала ее настолько важной, что отвела ей

особое место в номере от 26 января 1979 года. На обложке был помещен рисунок одной из характерных челюстей. Это был официальный «выпуск-

ной вечер» для нового вида *Australopithecus afarensis*, который был уже подробно описан в журнале *Kirtlandia*. Теперь же он получил и теоретическую оценку. Любой палеоантрополог в мире мог взвесить наши аргументы в пользу того, что находки из Хадара и Летоли заслуживают признания в качестве нового вида.

Никто из нас не был подготовлен к тому взрыву интереса, который последовал за формальным актом представления афарского австралопитека в печати. Газета *New York Times* («Нью-Йорк Таймс») опубликовала статью на первой странице, сопроводив ее рисунком с реконструкцией черепа *Australopithecus afarensis*. В последующие дни статьи появились в журналах *Time* («Тайм»), *Newsweek* («Ньюсуик») и других. Меня приглашали на телевизионные передачи. Но всю суть выразил заголовок в *New York Times*: «Вновь найденный вид требует изменений в представлениях об эволюции человека». В этой газете были сжато изложены важнейшие моменты нашей статьи:

Два американских антрополога открыли неизвестного ранее предка человека, который жил в Африке три или четыре миллиона лет назад и характеризовался неожиданным сочетанием прямоходящего тела с обезьяноподобной головой и небольшим по объему мозгом.

Открытие, в результате которого впервые за пятнадцать лет был выделен новый вид наших предков, подрывает старое, до сих пор широко распространенное представление, что прямая походка, которая, теоретически, освобождала руки для производства орудий, развивалась параллельно с увеличением мозга.

Согласно новой точке зрения, найденные челюсти, зубы и череп не только слишком обезьяноподобны, чтобы считать их принадлежащими *Homo*, но и еще более примитивны, чем известные до сих пор остатки другой родственной человеку ветви — австралопитеков.

Большая часть прессы, следуя линии *New York Times*, отнеслась к нашему сообщению как к известию о важнейшем научном открытии, приняла его таким, каким оно было, и не сделала никаких попыток подвергнуть его критике. Исключением оказался журнал *Time*, который пре-

уменьшал значение статьи в *Science*: это якобы лишь видоизмененный вариант прежнего описания старых находок, по существу не содержащий ничего нового.

Вначале я подумал, что автор статьи в *Time* не удосужился прочитать нашу работу. Если бы он ее прочел, то увидел бы, что в ней идет речь о находках, которые никогда еще не были описаны, и все выводы совершенно новые.

Time ссылаясь на слова «известного антрополога», что именно этого следовало ожидать от Джохансона, большого охотника до популярности.

— Почему они так написали? — спросил я у приятеля-журналиста, когда-то работавшего в концерне «Тайм».

— Быть может, из-за Ричарда Лики. Совсем недавно они поместили его портрет на обложке и напечатали большую статью о его теориях относительно древнего *Homo*. Ваше сообщение об *Australopithecus afarensis* подрывает эти теории, разрушает основную концепцию Ричарда Лики. Неужели вы не понимаете, что, публикуя материалы об афарском австралопитеке, идете на конфликт с Лики? Он — любимчик «Тайма». Если журнал хочет напечатать что-нибудь об эволюции гоминид, то обращаются к Лики.

— Хорошо, но к чему этот шум о неназванном «известном антропологе»? Кто он такой, черт возьми?

Мой приятель пообещал выяснить это и сдержал свое обещание. Он узнал, что «известный антрополог» — Элвин Саймонс из Университета Дюка. Саймонс был действительно известным ученым. Он и Дэвид Пилбим — ведущие авторитеты в мире по антропоидам миоцена. Но когда Саймонса спросили, принадлежат ли ему слова, процитированные в «Тайме», он от них отказался. Позднее на вопрос, придает ли он значение находке *Australopithecus afarensis*, он ответил утвердительно.

Многие ученые тоже так думали. Я сидел как на иголках, ожидая реакции со стороны Кларка Хоуэлла: из всех других его мнение значило для меня больше всего. Когда я наконец узнал о нем — «существенный вклад в интерпретацию хода эволюции человека», — то вздохнул с облегчением. Положительные отклики прислали также Пилбим и Бернанд Кэмпбелл, ведущий английский специалист.

Среди тех, кто не согласился с нами, был Лоринг Брейс, приверженец «теории одного вида». Он прибыл в Кливленд зимой незадолго до публикации статьи в ответ на мое приглашение изучить нашу коллекцию. В музее находился Тим, который с противоречивым чувством готовился защищать новый вид от нападок своего старого учителя — ведь тому вряд ли понравится появление еще одного названия в фамильном древе, где их и без того было слишком много.

Брейс, которому недавно перевалило за пятьдесят, был одним из наиболее уважаемых авторитетов в своей области. Это один из немногих живущих ныне палеоантропологов, которые могут быть названы «широко образованными». Он прекрасно знал всю классику и историю английской литературы, любил серьезную музыку, помнил буквально каждый лимерик¹, который был когда-либо написан, и сам сочинил их несколько сотен. Это был красивый человек с усталыми голубыми глазами, седой шевелюрой и такой же бородой. Он носил длинные волосы, которые закручивал сзади в косичку и закреплял резинкой. Брейс вошел в лабораторию, одетый в свободный шерстяной плащ с заостренным капюшоном. В нем он походил на гонимого, но всепрощающего, умудренного опытом монаха, каким-то образом попавшего к нам из двенадцатого века.

¹ Лимерик — юмористическое стихотворение, состоящее из пяти строк, в духе народной английской поэзии. — Прим. перев.

Конечно, было бы замечательно, подумал я, если бы Брейс сделал то же, что Роберт Брум при виде «бэби из Таунга» — пал на колени, поклоняясь нашему предку. Но Брейсу не были свойственны драматические жесты. Он был терпелив и говорил мягким голосом. Брейс спокойно осматривал ископаемые остатки, которые Тим выкладывал перед ним, и кивками головы выражал восхищение их необычайной сохранностью.

— Конечно, она примитивна, — сказал он после длительного обследования Люси. — Но я не понимаю, почему вы дали ей новое название. Разве *africanus* плохой термин?

— Но она не похожа на *Australopithecus africanus*, — сказал Тим. — У нее совсем иные зубы. У грацильных австралопитеков уже заметна тенденция к специализации коренных зубов. У Люси этот процесс даже не начался. Кроме того, у нее примитивный первый премоляр, такого вы никогда не найдете у грацильных особей. У них, как и у *Homo*, двухбугорковые премоляры. Поэтому нельзя относить Люси и к *Homo*.

Брейс отодвинул свой стул и посмотрел на Тима с утомленной улыбкой. Ему приходилось слышать это и прежде.

— Все зависит от того, что иметь в виду под термином *Homo*, — сказал он.

— Я имею в виду *Homo habilis*, открытый Ричардом Лики череп 1470 возрастом в два миллиона лет, с большим мозгом.

— Я не считаю *Homo habilis* законным таксоном. Я признаю только *Homo erectus*.

— Но это поставит череп 1470 в один ряд с австралопитеке выми. Брейс вздохнул.

— А это так уж неудобно?

— Но тогда нам придется отнести череп 1470 и зинджа Луиса Лики к одному виду. Разве это возможно?

— Я бы исключил отсюда одного из них, — сказал Брейс.

— *Homo habilis*?

— Нет, зинджа. Всех массивных австралопитеков. И оставил бы ваши ископаемые находки в качестве примера ранних примитивных грацильных австралопитеков. Но это, в конце концов, спор о названиях.

— А я думаю, это спор о морфологии, — сказал Тим, — о различиях в зубной системе.

— Они не так уж велики. По-моему, если мы будем больше знать об *Australopithecus africanus* и *afarensis*, то вполне сможем согласиться с их объединением.

Тим продолжал настаивать:

— Но все равно в рамках одного вида остаются Люси и череп 1470. Как разрешить эту проблему?

— Я еще должен подумать. Когда Брейс ушел, Тим сказал:

— Кажется, мы его малость расшевелили.

— Подождем выхода нашей статьи, — ответил я. — Наверное, тогда мы расшевелим его еще больше.

— Я в этом не уверен. Лучший аргумент — сами кости. Трудно долго смотреть на эти челюсти или на примитивную маленькую головку Люси и думать о них как о человеческих существах, хотя тебе это и удавалось некоторое время, не так ли?

— Ладно, ладно, Уайт. Мы уже достаточно поговорили об этом.

Позднее Брейс написал мне, поблагодарив за прием и поздравив с выходом статьи. Однако он был осторожен в признании достоверности таксона *Australopithecus afarensis*. «Теория одного вида» получила ощутимый удар, но в глазах Брейса она все еще была достаточно прочной. Тим и я решили, что наша стычка с Брейсом закончилась вничью.

В феврале споры вокруг наших находок еще больше усилились. В это время в США находился с лекционным турне Ричард Лики. В Бостоне его спросили, как он относится к выделению нового вида. Ричард ответил, что категорически не согласен с нами. *Australopithecus afarensis*, по

его убеждению, не был предком *Homo*. В то время, сказал он, существовали три отдельных вида, а не один, и у него есть ископаемые находки, подтверждающие это.

Бойс Ренсбергер, репортер *New York Times*, спросил его, что это за находки. Лики ответил, что он не намерен сейчас обсуждать их, но пообещал опубликовать результаты своих исследований через два месяца в журнале *Nature*. Ренсбергер позвонил мне и спросил, что он имеет в виду?

— Я думаю, он говорит о небольшой коллекции отдельных зубов из Куби-Алги, местонахождения ископаемых остатков, расположенного южнее Кооби-Фора на озере Туркана.

Ренсбергер опять встретился с Лики.

— Вы говорите о зубах, найденных в Куби-Алги?

Лики подтвердил, что именно их он имел в виду. Мне трудно было понять это. Я помню, как на конференции Бишопа несколько лет назад Кларк Хоуэлл делал сообщение об ископаемых остатках гоминид, найденных в Омо. Это были в основном отдельные зубы. Хоуэлл мог выжать из них не так уж много, но когда он попытался предположительно классифицировать их, поднялся Ричард Лики и весьма энергично заявил, что делать заключение о виде по отдельным зубам — это большая ошибка. Лики, по-видимому, не считал это возможным. Он повторил то же самое в своей статье в *Scientific American* в 1978 году, где он призывал «соблюдать осторожность в таксономических оценках ... когда весь материал сводится к нескольким изолированным зубам».

— Я думаю, он забыл о том, что сам же говорил, — сказал Тим. — Я согласен с ним относительно отдельных зубов, на них нельзя основывать таксономические оценки. Но теперь он сам пытается это делать.

— К тому же у него небольшая

выборка, — заметил я. — Всего восемь зубов.

— Но, может быть, он нашел что-нибудь еще. Как знать, не разыгрывает ли он из себя Луиса Лики — припрятал нечто сногшибательное и собирается в последний момент выложить перед нами.

Это показалось мне весьма сомнительным, и я сказал Тиму, что мы можем не волноваться. Мы изучили ископаемые остатки лучше, чем кто-либо другой. Мы знаем, о чем они свидетельствуют. Нужно дождаться статьи Ричарда Лики в *Nature* и выяснить, какие доказательства он может представить. (Год спустя эта статья все еще не появилась.) Вскоре мы, по всей вероятности, увидим в печати критические замечания Ричарда в наш адрес. Обычно, когда статья выходит в научном журнале, редакция предоставляет страницы своего издания как для ее критики, так и для ответа на эту критику со стороны авторов. Я был уверен, что Ричард, заявивший о своей оппозиции по отношению к нам в газетном интервью, на этом не остановится.

Ждать нам пришлось недолго. Ричард и я встретились на симпозиуме в Питтсбурге 17 февраля 1979 года. Он напомнил мне о моей ранней статье, в которой я высказал предположение, что челюсти, найденные в Хадаре, принадлежат *Homo*, а Люси относится к другому виду. «Думаю, Дон тогда был прав», — сказал Лики на конференции.

Я объяснил, что в то время еще недостаточно изучил остатки, но после более основательного их исследования изменил свою точку зрения.

Ричард повторил, что мне следовало бы держаться первоначальной позиции. Люси слишком отличается по размерам и по строению челюстей, чтобы ее можно было отнести к тому же виду, что и другие находки. Ясно, что в Хадаре существовали два различных типа гоминид.

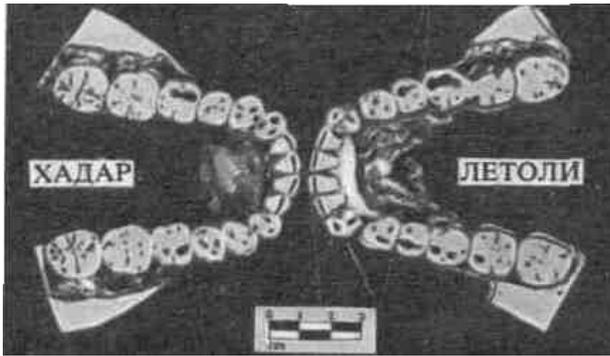
Было забавно, что мне приходилось опровергать то, что я совсем не-

давно так яростно отстаивал в спорах с Тимом. Но я был рад, что мы обсуждали с ним эти темы. Теперь, находясь на симпозиуме, я чувствовал себя вполне уверенно и объяснял, что мне пришлось изменить точку зрения под давлением очевидных доказательств, в частности благодаря находке «первого семейства» с участка 333. Когда я писал свою первую статью, эти ископаемые остатки еще не были найдены. Но теперь, обладая обширной коллекцией окаменелостей, я мог отчетливо видеть, что размах вариаций позволял найти в пределах вида место и для Люси.

Я сказал Лики, что ископаемые остатки были одного типа, и предложил ему проанализировать их совместно, признак за признаком. Он отклонил это предложение и опять сослался на новые находки членов его экспедиции в Кении. Внезапно мне пришла в голову мысль, что у Лики, быть может, все-таки есть какая-то «сверхнаходка», которую он приберег специально для этого случая, как предположил Тим. Но, когда Лики сказал: «Материал у меня очень незначительный», я понял, что моя первоначальная догадка о зубах из Куби-Алги оказалась верной. Всего было восемь зубов, и они мало что доказывали. Однако Лики, судя по всему, готовился обосновать свой вывод именно на них, так как он продолжал: «Но этот материал все же позволяет оспаривать точку зрения Дона и дает мне право изложить собственное мнение».

Конечно, Лики имел на это право. Но было бы гораздо лучше, если бы мы могли решить спор, обратившись к анализу самих находок. Когда ваш оппонент говорит вам, что у него есть материалы, опровергающие вашу концепцию, и в то же время заявляет, что сейчас не время обсуждать их, это может вызвать только досаду.

С первым официальным выступлением против нашей статьи мы озна-

Если основываться на строении зубов и челюстей, то ископаемые популяции из Хадара и Летоли следует отнести к одному виду. Здесь изображены нижняя челюсть AL-400 (слева), которую нашел афарский мальчуган, и челюсть LH-4 (справа), лучшая в коллекции Летоли. Обе они, по существу, идентичны.

комились 7 марта 1980 года. Журнал *Science* прислал нам критическийopus, подписанный Ричардом Лики и Аланом Уокером, который был соавтором Лики по статье в *Scientific American* (теперь он анатом в Университете Джонса Гопкинса). Была прислана также статья, подписанная Мэри Лики и двумя анатомами из больницы св. Фомы в Лондоне — Майклом Деєм и Тоддом Олсоном. Я надеялся, что, быть может, теперь появятся аргументы, основанные на анализе ископаемых находок. Но мне снова пришлось разочароваться.

Ричард Лики и Алан Уокер возражали нам по двум пунктам. Во-первых, они обращались к важному, но запутанному вопросу о том, как происходит эволюция — кладогенетически (путем расщепления популяций и последующей эволюции их частей в различных направлениях) или анагенетически (путем постепенной эволюции одного типа в другой в пределах одной линии). Бесспорно, это была важная проблема, и я бы с удовольствием обсудил ее с Лики, если бы представился случай. В частности, мне хотелось бы узнать, почему в одном месте он критикует нас за анагенетическую позицию, а в другом, отстаивая свои собственные взгляды

на эволюцию человека, сам пользуется анагенетическими аргументами. Эту непоследовательность нам было трудно принять.

Второй пункт возражений был таким же неясным. Он был связан с интерпретацией костных остатков небольших ископаемых существ, найденных на озере Туркана, — с вопросом, относятся ли они к виду *Homo erectus*. В частности, одна из находок — череп 1813 — была уменьшенной копией известного черепа 1470. За исключением размеров, они почти ничем друг от друга не отличались. Поэтому большинство исследователей считали, что оба черепа принадлежат одному виду — *Homo habilis*. Ричард относил череп 1813 к виду *Australopithecus africanus*, доказывая его анатомическое отличие от *Homo erectus*. Но мы никогда не утверждали, что этот череп принадлежит *Homo erectus*. Вовлекать нас в споры по частным вопросам, приводя в качестве аргументов свои собственные находки, которых мы не упоминали, полностью уклоняться от обсуждения наших коллекций — разве не было это попыткой обойти главную проблему: является ли *Australopithecus afarensis* достоверным видом или нет?

Наше главное возражение против статьи Лики и Уокера состояло в том, что они, критикуя наши представления о филогении гоминид, не предлагали никакой альтернативы. Если бы статья содержала что-либо реальное, какое-то обсуждение наших находок, на которое мы могли бы обстоятельно ответить, такой обмен мнениями, я думаю, был бы полезен. Но то, что мы прочли, разочаровало нас.

Статья Мэри Лики принесла еще большее разочарование. До того Мэри утверждала в одном из интервью, что Хадар и Летоли неразумно объединять из-за их географической изоляции и разделения во времени почти на три четверти миллиона лет. Я имел ответ на это возражение: ведь

Homo erectus существовал почти в неизменном виде еще дольше, и его находили в частях света, разделенных гораздо большим расстоянием, чем Летоли и Хадар. Кроме того, череп 1470, согласно первоначальной датировке Ричарда Лики, был на миллион лет старше, чем аналогичная находка из Олдувая. Если подобный временной разрыв не вызывал у Мэри возражений, то почему она так критиковала меня? И наконец, я мог привести в качестве контраргумента череп 1813, который Лики относил к грацильным австралопитекам. Географически он был гораздо больше удален от аналогичных южноафриканских находок, чем Хадар от Летоли. Если Ричард допускает разрыв в три тысячи миль, почему я не имею права на полторы тысячи?

Эти доводы были не из самых принципиальных — мишенью для них служила непоследовательность позиции самой Мэри Лики. Я предпочел бы говорить конкретно о находках, но это опять не удавалось. Я даже не имел возможности обсудить проблему хронологического и географического разрыва. По-видимому, Мэри решила не повторять эти аргументы в печати (хотя достаточно пользовалась ими в своих интервью), поскольку они просто не выдерживали критики. Вместо этого она пустилась в мелочные рассуждения о правилах номенклатуры, обвиняя нас в ошибках, которые мы якобы совершили, присваивая название новому виду.

Выбор видового названия всегда подчинен строжайшим правилам. Предлагая новое название, необходимо удостовериться, что оно отвечает ряду требований. Одно из них состоит в том, что нельзя вторгаться в пределы территории, ранее уже «занятой» открывателем аналогичной ископаемой находки. Если же такое вторжение имеет место, то автор нового названия должен быть уверен, что более ранняя находка, включаемая теперь в новый вид, войдет в него без всякой «натяжки» — будет луч-

ше соответствовать новому названию, чем старому. Подобные исправления часто приходится вносить в классификацию в связи с появлением новых данных.

Зная, что классификация таит в себе много опасностей, мы с Тимом были в этом деле чрезвычайно осторожны. Мы рассмотрели всех существующих африканских гоминид, обратив внимание на смысл названий, которые им давались в прошлом: *Australopithecus*, *Praeanthropus*, *Paranthropus*, *Pithecanthropus*, *Meganthropus*, *Plesianthropus* и *Homo*. Мы сообщили обо всем Эрнсту Майру, попросив его оценить новое видовое название *afarensis*. В нашей статье мы даже представили девять различных способов наименования тех видов, которые мы стремились объединить вместе на родословном древе, а также объяснили, почему единственное выбранное нами название кажется нам наиболее подходящим. Мэри Лики стала критиковать четыре варианта, которые мы и сами отвергли, считая, что их вообще не следовало обсуждать, так как они не соответствуют правилам номенклатуры.

Эти аргументы опять-таки не касались того, что такое *Australopithecus afarensis* или чем он не является. Доводам Мэри мы противопоставили высказывания Майра, Джорджа Гейлорда Симпсона, Филипа Тобайеса и всех других, кто одобрил нас.

Косвенный характер возражений, выдвигаемых обоими Лики, разочаровывал нас с Тимом, но мы утешали себя тем, что наши позиции по существенным вопросам, видимо, прочны, раз их не решаются критиковать прямо. В подобных делах важную роль играют научные журналы. Они не только распространяют новую информацию, постоянно публикуя материалы научных исследований, но и дают возможность ученым критиковать вышедшие статьи, если они покажутся плохо подготовленными, содержащими научные ошибки или вообще неверными. Журналы произво-

дят также предварительный отбор, поэтому лишь очень небольшое число явно некачественных статей может увидеть свет. В редакциях журналов сидят опытные люди, способные без труда отличить сенсацию от бреда. Публикуя статью сенсационного характера, они делают ее объектом критики, которую статья должна выдержать, если содержащиеся в ней оригинальные идеи действительно жизнеспособны.

Наше сообщение об *Australopithecus afarensis* попадало в разряд сенсаций — был открыт и описан новый вид гоминид и предложена новая схема генеалогии человека. Тем самым наша статья создавала серьезные затруднения для наших оппонентов. Вот почему, я полагаю, оба Лики так отнеслись к ней: она бросала вызов их давним представлениям об уникальности рода *Homo*.

Так думал Луис Лики. Он безжалостно отсекал любую конкурирующую окаменелость от линии *Homo*. В результате оказались отброшены все австралопитеки, затем *Homo erectus* и даже неандертальский человек. Хотя в семье Лики каждый в конце концов пошел в науке своим путем, все придерживались единого «семейного» взгляда на происхождение человека. Подобно отцу, Ричард Лики предпочитал искать древнего *Homo* и отсекал всех конкурентов, в том числе остальных гоминид: раз они не *Homo*, значит, не могут быть и предками *Homo*.

Этот подход стал очевиден для меня еще в 1974 году, когда Ричард вместе с матерью во время визита в Хадар, едва взглянув на «челюсти Алемайеху», сразу же отнес их к роду *Homo*. В предшествующих главах я подробно объяснил, почему в то время такой вывод казался вполне логичным. Это было связано и с состоянием наших знаний об ископаемых гоминидах, и с сенсационными суждениями о древности ранних представителей *Homo*, основанными на датировке черепа 1470, возраст кото-

рого, по утверждению Ричарда, составлял почти три миллиона лет. На месте Ричарда, будь я обладателем столь древней и уникальной находки, я наверняка тоже решил бы, что линия человека уходит в глубокую древность и что стадию предчеловека и проточеловека следует искать в еще более отдаленном прошлом. Не зная достоверных остатков австралопитековых, которые могли бы сравниться по древности с черепом 1470, я тоже был бы вынужден исключить этих гоминид из числа наших предков.

Ричард Лики стал всемирно известен благодаря находке черепа 1470. Это открытие укрепило его идеи об эволюции человека. Когда большую древность «1470-го» начали подвергать сомнению, Ричарду трудно было примириться с этим. Вместо того чтобы под напором все новых фактов, указывающих на неверность датировки, пересмотреть свои идеи, Лики стал упорно цепляться за прежнюю цифру в три миллиона лет. Хотя в конце концов ему пришлось от нее отказаться, он все-таки оставил за собой право на древнего *Homo*, не выступив с публичным признанием новых данных. Если ему удастся найти более древние ископаемые остатки того же типа, что и «1470-й», или каким-то образом реабилитировать прежнюю датировку последнего, его взгляды на эволюцию человека смогут сохраниться в неизменном виде.

С появлением *Australopithecus afarensis* эта возможность отпадала. Ведь если признать совершенно непохожее на человека, обезьяноподобное создание возрастом в три миллиона лет предком *Homo*, то что же делать с самим древним *Homo*, появляющимся, по мнению Лики, на уровне 2,9 млн. лет? Для него, явного человека, в этом узком интервале просто не хватило бы места.

Временные рамки могли быть раздвинуты только в том случае, если бы удалось как-то отнести ископаемых существ из Летоли и Хадара

к роду *Homo*. Сделайте это, и древний *Homo* объявится вновь около 3,0 или 3,7 млн. лет. Я думаю, именно поэтому Ричард и Мэри Лики так ухватились за те особенности костей из Летоли и Хадара, которые, по их мнению, были признаками *Homo*, и игнорировали более примитивные черты. Я поступал так же, как и они. Но я имел возможность тщательно изучить всю коллекцию и не был связан какими-либо сверхценными идеями, поэтому мог легко изменить свое мнение. Да у меня и не было выбора: мне пришлось это сделать.

Продолжим ход рассуждений Лики. Если отнести к роду *Homo* более крупных особей из Летоли и Хадара, от которых лучше всего сохранились зубы и челюсти, то Люси надо было отделить от них — она настолько отличалась от человека, что никто не решился бы назвать ее *Homo*. На этом основании Ричард и Мэри заявили, что в Хадаре существуют два типа гоминид: человекоподобные особи и Люси.

Напомню, что вначале я тоже придерживался такого мнения, но потом отказался от него. Я глубоко сожалею, что оба Лики до сих пор впрямую не занялись теми проблемами, которые представляют наибольший интерес в палеоантропологии 80-х годов. Может быть, они еще это сделают. Во всяком случае, я не теряю надежды.

Летом 1979 года произошло неожиданное событие. Анализируя хадарские находки, мы с Тимом всегда исходили из того, что их возраст — три миллиона лет: такова была древность базальта из Хадара по данным Джеймса Аронсона. В августе Аронсон сообщил нам, что эта цифра изменилась.

Хочу напомнить, что Аронсон с самого начала считал древность в три миллиона лет минимальной. Однако он воздерживался от более определенных утверждений. Он хотел дождаться окончательных

данных Бэзила Кука об ископаемых свиньях Хадара, прежде чем решать, относится ли базальт к периоду обратной полярности Маммот или к более древнему периоду Гилберт. В конце 1978 года Кук обнародовал свои данные. Его анализ показал, что возраст в 3,0 млн. лет слишком мал для базальта. Это послужило для Аронсона своеобразным стимулом. Используя исключительно чистые образцы базальта, собранные Бобом Уолтером в 1976-1977 годах, он поставил серию из 16 опытов и получил удивительный результат — цифру в 3,75 млн. лет с возможной ошибкой ± 100 тысяч лет.

Резкие сдвиги датировок обычно вызывают шоковый эффект. Однако на этот раз изменение возраста многое упростило. Хадарские находки, в морфологическом отношении близкие к находкам из Летоли, неожиданно оказались почти столь же древними. Что за фантастическое, ослепительно прекрасное сочетание! Хадарским челюстям, которые находились под базальтом, было около четырех миллионов лет! Люси и «первое семейство» — остатки, найденные выше базальтового слоя, — теперь датировались в 3,0-3,5 млн. лет.

Это было чудесно. Но все имеет оборотную сторону. Теперь возникла другая проблема: разрыв в построенном нами родословном древе еще больше увеличился. На протяжении почти миллиона лет — между тремя и двумя миллионами — не известно никаких достоверных находок *Homo*. Что же происходило в это время?

Если наша схема верна, то любые находки, относящиеся к этому длительному периоду, окажутся промежуточными этапами на пути от афарских австралопитеков либо к *Homo*, либо к поздним австралопитекам. Но если появится нечто совершенно иное, нам придется снова браться за карандаш и чертежную доску.

Я не думаю, что это может произойти. Слишком хорошим оказалось соответствие. Теперь у всех на-

ходок из Летоли и Хадара был именно такой возраст, какого и следовало ожидать, судя по их примитивным особенностям. Нас это вдвойне удовлетворяло. Прежде всего подчеркивалось сходство двух коллекций, автоматически устранялись соображения вроде того, что материалы из Летоли и Хадара не могут быть идентичными из-за разницы в возрасте.

Кроме того, теперь появлялось время, необходимое для эволюционирования различных популяций исходного вида в разных направлениях, определяемых экологическими факторами. Так, одна линия сможет развиваться от *Australopithecus afarensis*, почти обезьяны, до *Homo habilis*, несомненного человека. У представителей другой линии тоже будет больше времени, чтобы осуществить неизбежный процесс увеличения коренных зубов при переходе к грацильным, а затем к массивным формам. Пожалуй, теперь здесь найдется место и для древнего *Homo*, если Ричард Лики снова захочет отодвинуть его назад в прошлое, за пределы двух миллионов лет. Я согласен признать *Homo* на том временном уровне, где будут найдены доказательства его существования, но — свете современных данных — только как потомка афарских австралопитеков.

В конце концов все проблемы решаются сами собой, нужно лишь уметь выждать и продолжать добросовестно трудиться. 1978 и 1979 годы были для меня и Тима довольно сумбурными. Лишенные радости открытия, которая делала предыдущие полевые сезоны такими волнующими и запоминающимися, они были наполнены однообразной лабораторной работой, бесконечными разговорами, размышлениями, улаживанием отношений и треволнениями. Мы, двое неоперившихся юнцов, замахнулись на всю палеоантропологическую систему. По какому праву мы

взяли на себя смелость решать столь грандиозные задачи?

Как бы то ни было, мы с ними справились и в целом были довольны результатами. Однако оставалась одна проблема, которой мы еще не касались, самая загадочная: каким образом все это началось? Что заставило наших антропоидных предков встать на задние конечности и дало некоторым из них возможность превратиться в человека?

Эта проблема составляет основу всей истории эволюции гоминид. Разыскав ряд окаменелостей и проведя их тщательный анализ, мы внесли свою лепту в решение вопросов о том, где и когда возникло прямохождение. В будущем, располагая более древними и многочисленными находками, мы, вероятно, сумеем полнее ответить на вопрос «когда», а может быть, коснемся и того, как это происходило, если нам удастся проследить начальные стадии изменений в костях таза, нижней конечности и стопы человекообразных обезьян в самый критический момент перехода от непрямоходящей формы к прямоходящей.

Но вопрос «почему» все-таки останется в стороне. Почему из всех млекопитающих, когда-либо бродивших по Земле, только одна группа выбрала в качестве способа локомоции прямохождение? Эта величайшая из загадок ставила нас в тупик. Одна палеоантропология была не в силах разрешить ее. Она нуждалась в помощи других наук, непосредственно не связанных с ископаемыми остатками, и таких специалистов в области локомоции, как Оуэн Лавджой. Прямохождение включает в себе момент, который не так просто объяснить: это не лучший способ передвижения в мире, полном опасностей, и все-таки наши предки, чтобы стать людьми, выбрали именно его. Почему?

4

Часть четвертая

Почему Люси ходила выпрямившись?

Глава 16

Не связано ли это с размножением?

Нельзя постепенно эволюционировать от четвероногого существа к двуногому. Какой должна быть промежуточная стадия — трехногой? Я такой никогда не видел.

Тимоти Уайт

Говоря обобщенно, сексуальность человека постоянна, а сексуальность животного периодична. Человек способен к размножению в любое время, животное — только в определенные периоды ... Это отличие станет для нас особенно ясным, если мы попробуем представить себе, что в человеческом обществе лица противоположного пола будут проявлять интерес друг к другу только в летнее время, как, например, певчие птицы, или испытывать половое влечение один раз в несколько месяцев, как собаки, или вообще лишь однажды в течение всей жизни, как муравьи.

Джулиан Хаксли

Людам, возможно, не приходит в голову, что прямохождение связано с полом, но тем не менее это так.

Оуэн Лавджой

«Для любого четвероногого встать на задние лапы и побежать было бы сплошным безумием, — сказал Оуэн Лавджой, специалист по локомоции. — С точки зрения чистой эффективности бегать на двух конечностях абсурдно». Так рассуждал Лавджой, когда в начале 1980 года зашел в мою лабораторию, чтобы побеседовать со студентами о принципах локомоции. Я решил, что мне полезно будет послушать их беседу. «Я полагаю, что это совершенно

нелепо, — говорил Лавджой. — Даже попытки объяснить прямохождение кажутся нелепыми.

Утверждают: человек переселился в саванну и научился вставать на ноги, чтобы смотреть поверх высокой травы. Сушая чепуха. Это могло бы помочь ему, если бы он уже умел это делать. Но научиться этому *после* того, как он пришел в саванну, было невозможно. Он никогда не смог бы этого сделать.

Говорят: человек пользуется ору-

диями — он должен был встать на задние конечности, чтобы освободить руки для манипулирования предметами. В конечном итоге — да. Но не с самого начала. Эта идея всегда казалась мне сомнительной, а находки ископаемых существ из Летоли и Хадара полностью опровергли ее. Эти существа ходили на двух ногах, но еще не употребляли орудий. Они передвигались этим способом, может быть, уже миллион лет, прежде чем их потомки начали использовать орудия.

Говорят: человек в течение какого-то времени передвигался, опираясь на согнутые пальцы рук, подобно горилле и шимпанзе, и постепенно встал на ноги. Ерунда. Сама идея о том, что способ локомоции шимпанзе представляет собой переходную стадию на пути к прямохождению, — несусветная глупость. Передвижение с опорой на фаланги пальцев — это сугубо специализированная черта, которая связана с адаптацией к определенному образу жизни и не может привести к прямохождению».

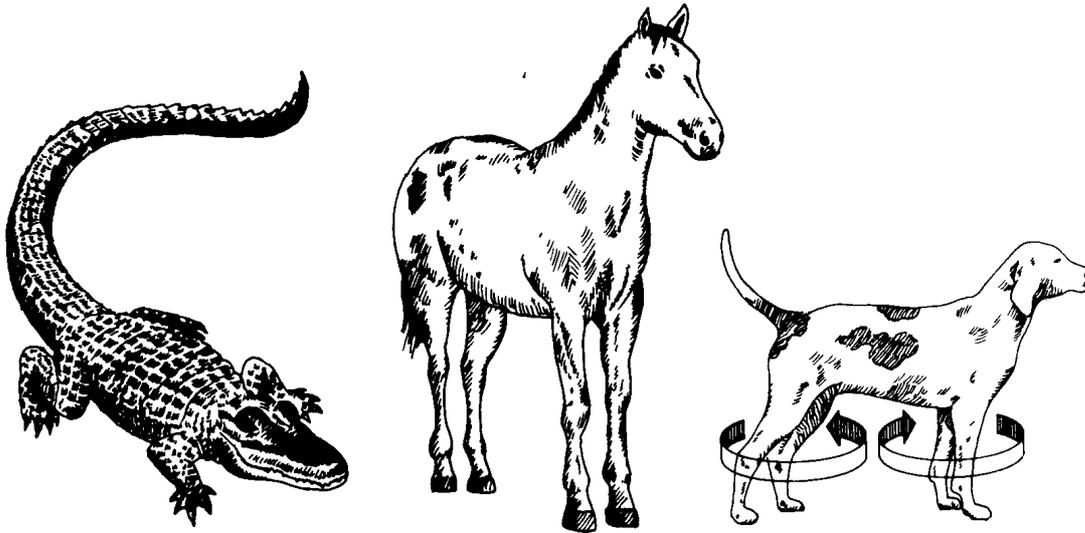
«Чтобы разобраться в способах локомоции, — продолжал Лавджой, — нужно видеть в них не просто элементы причинно-следственных связей, а часть общей стратегии, направленной на выживание вида. Палеонтологи и анатомы склонны выделять в строении животного какую-то одну характерную черту, а затем провозглашать животное ее носителем: вот это — брахиатор, а то — двуногое существо. Это очень упрощенный подход. На самом деле локомоторная система животного, так же как и его репродуктивная система, составляет часть сложного адаптационного комплекса, связанного со специфической экологией. Должна существовать целая группа адаптации, функционирующих совместно. Короче говоря, чтобы разобраться в локомоторной системе шимпанзе, нужно понять, какова общая стратегия этого животного, направленная на выживание. Но еще раньше надо иметь хотя бы

некоторое представление о том, что такое руки и ноги и как они работают». По словам Лавджоя, даже преподаватели биомеханики демонстрируют в этом вопросе потрясающее невежество. Поэтому он решил начать с элементарных принципов.

В самом общем виде тело — это кусок плоти, лежащий на земле или в воде. Чтобы добывать себе пропитание, тело должно двигаться. Для перемещения в воде ему нужны плавники и хвост, а на земле — ноги (исключение составляют змеи). Если единственная функция ног состоит в том, чтобы проталкивать тело вперед, тогда каждый раз при движении будет теряться много энергии в результате трения и других помех. Вот почему животному, чтобы ходить или бегать, нужно иметь такие конечности, которые могли бы не только продвигать тело вперед, но и поддерживать его над землей.

Ноги древнейших передвигавшихся по земле позвоночных — амфибий и рептилий, в том числе существующих и поныне тритонов и аллигаторов, — выполняли обе эти функции, но недостаточно хорошо. Они отходили от боков тела, что очень неудобно для бега (это видно, если посмотреть на аллигатора спереди). Чтобы просто поддерживать вес тела с помощью торчащих в стороны конечностей, уже необходимо достаточное усилие. Это все равно что лежащий на полу человек попытался бы отжаться, опираясь на руки, раскинутые в стороны. Вот почему аллигатор не может бегать быстро и на большие расстояния. Он движется, одновременно перенося переднюю левую ногу и заднюю правую. При ходьбе он делает это медленно, при беге — быстрее, но больше он ни на что не способен.

У млекопитающих ноги — гораздо лучшее приспособление для ходьбы и бега, чем у рептилий. Они направлены вниз, а не в стороны, поэтому лошадь может целый день оставаться на ногах, поддерживая свой вес, в то время как у аллигатора при такой

попытке силы очень скоро иссякли бы. А лошадь не только стоит и ходит, она еще может бежать рысью или скакать галопом. Бегущий рысцей аллигатор — вещь невозможная.

— Почему же аллигаторы такие неприспособленные? — спросил Лавджой кто-то из слушателей.

— Это не так.

— Но вы только что сказали...

— Я сказал, что они плохо бегают. А это разные вещи. Аллигатор великолепен, когда бесшумно соскальзывает с илистой отмели. Он прекрасный подводный охотник. Вспомните, что я говорил о группе совместно функционирующих адаптации. Вы должны рассмотреть *весь комплекс* используемых животным средств эволюционной стратегии, чтобы понять отдельные компоненты. Лошадь в чем-то добивается успеха, но уж, конечно, не в подводном плавании. И это отражено в строении ее ног.

Конечности млекопитающих формировались в процессе развития способности к бегу. Они не только переместились, расположившись прямо под телом, но и развернулись — задняя таким образом, что колено смотрит вперед, а передняя так, что «локоть» повернут назад. Эти перестройки делают более эффективным

преобразование энергии при беге, а также ее поглощение.

Лавджой объяснил далее, что весь бег можно представить как процесс создания кинетической энергии и ее поглощения. Кинетическая энергия создается, когда задние ноги толкают животное вперед, и поглощается передними ногами, когда они опираются на землю. Если бы тело животного парило в пространстве и на него подействовал импульс какой-то силы, то оно приобрело бы некоторую скорость в соответствии с величиной этого импульса. В безвоздушном пространстве оно продолжало бы вечно скользить вперед. Однако в реальных условиях животные не парят в вакууме. При беге они должны постоянно вновь касаться земли, каждый раз теряя при этом часть энергии поступательного движения. Вот почему для дальнейшего движения необходим приток очередной порции энергии. Но животное упадет на землю, если его передние ноги не будут выброшены вперед и их мышцы не поддержат тело. И так без конца: энергия поступает, чтобы обеспечить продвижение тела, и поглощается в процессе его поддержания на достаточной высоте.

Чтобы понять, как происходит по-

глощение кинетической энергии тела передними ногами, нужно представить их в виде своеобразных амортизаторов, смягчающих удар при соприкосновении с землей. Суставы их сгибаются под давлением силы, направленной вниз, а мышцы противодействуют ей. Сопротивление мышц, которые стремятся выпрямить переднюю ногу, согнутую под действием веса тела, можно назвать «отрицательной силой». Она-то и гасит ту кинетическую энергию, которая высвобождается во время поступательного толчка задних ног.

Чтобы действовать как эффективный амортизатор, передние конечности не должны быть жестко соединены со скелетом тела. И их действительно удерживает на месте только мускулатура. Если бы эти конечности были закреплены более жестко, мышцы не могли бы мягко сопротивляться давлению тела, опускающегося вниз. Тогда поглощение кинетической энергии сопровождалось бы сокрушительным толчком. Благодаря тому что передняя конечность отделена от осевого скелета (а не фиксирована в костной впадине, как задняя), поглощение энергии при каждом шаге бегущего животного происходит плавно.

Задняя нога млекопитающего, напротив, не должна играть роль амортизатора. Ее функция состоит в том, чтобы добавлять кинетическую энергию. Поэтому верхний конец бедренной кости непосредственно входит в вертлужную впадину и удерживается там сухожилиями и связками. Прямое сочленение прочнее, и для передних конечностей оно тоже было бы более предпочтительным, если бы перед ними не стояла важная задача поглощения энергии. Спортсмены знают о недостатках непрямого прикрепления. У них часто случается вывих плечевого сустава вследствие разрыва мышц, удерживающих плечевую кость. Но прямое сочленение амортизирующей конечности принесло бы еще большие неудобства.

Чтобы понять это, вам достаточно прыгнуть на всю ступню, не сгибая ног, с высоты около 30 сантиметров. Прямое приращение бедренной кости к тазу и выпрямленное колено полностью исключают возможность плавного поглощения энергии.

Рассмотрев эту модель типичного четвероногого млекопитающего — с торчащими вниз конечностями, из которых задние повернуты вперед, а передние назад, задние присоединяются прямо к скелету, а передние через посредство мышц, — легко будет понять, почему при переходе к двуногому хождению она становится менее эффективной. Лучше всего это можно продемонстрировать, рассмотрев разложение сил при беге. Если большая часть энергии расходуется на поступательное движение, а меньшая — на поддержание тела над землей, то тело будет перемещаться с большой скоростью. Если же энергия тратится в основном на поддержание тела, то высокая скорость невозможна. В этом и состоит недостаток двуногого хождения — слишком много энергии идет на то, чтобы тело не падало на землю.

В качестве примера рассмотрим идущего человека. В середине шага, когда одна нога опирается на землю, а другая выброшена вперед и висит в воздухе, тело продолжает двигаться вперед по инерции после предыдущего шага. К оставшейся кинетической энергии добавляется новая ее порция, когда человек выпрямляет ногу в колене и лодыжке, тем самым удлиняет ее и толкает тело вперед. В результате тело теряет равновесие, и другая нога, висящая в воздухе, должна быть опущена на землю для опоры. Это движение в значительной части гасит поступательную скорость. Действие сил, направленных вперед и вверх, можно представить в виде векторов, один из которых будет отображать истинное поступательное движение человека или его скорость (см. рис. на с. 232-233).

Чтобы увеличить скорость, чело-

век может наклониться вперед, усилив одну составляющую движения за счет другой. Правда, при этом возникнет опасность падения, так как сила, поддерживающая тело, уменьшится. Поэтому человек, чтобы не упасть, вынужден будет чаще прикладывать эту силу — быстрее работать ногами. Это и есть бег. В самом начале человек может сильно наклониться вперед (как спринтер во время старта), но когда ноги его начинают работать с предельной для него быстротой, он принимает почти вертикальное положение. Он может увеличить скорость, больше наклонившись вперед, но если его ноги не в состоянии двигаться быстрее, он просто упадет на землю. Этим нередко пользуются спринтеры в самом конце дистанции. Они с силой швыряют себя вперед и часто падают после пересечения финишной черты.

Четвероногое животное не знает этой трудности. Его тело настолько наклонено вперед, что располагается параллельно земле. Большая часть энергии, доставляемой задними ногами, идет на поступательное движение, и лишь незначительную часть ее приходится гасить с помощью передних ног, чтобы поддерживать тело над землей. Передние ноги уже находятся впереди и готовы взять на себя функцию опоры во время кратковременного приземления животного, пока задние конечности поджимаются для очередного толчка. Среди четвероногих наиболее приспособленная «машина для бега» — это гепард. У него длинные ноги и длинный, очень гибкий позвоночник. Когда животное начинает свой прыжок, спина у него согнута. Одновременно с мощным толчком выпрямляющихся задних лап разгибается позвоночник, и гепард летит как стрела, выпущенная из лука, на шесть и более метров, теряя во время приземления на передние лапы лишь незначительную часть своей кинетической энергии.

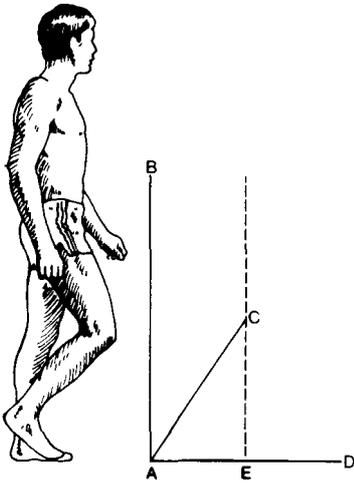
— Но какое это имеет отношение к

прямохождению? — спросили Лавджоя. — Вы объяснили нам, почему четвероногие бегают быстрее, чем двуногие. Но почему тогда некоторые из них перешли к «худшему» способу?

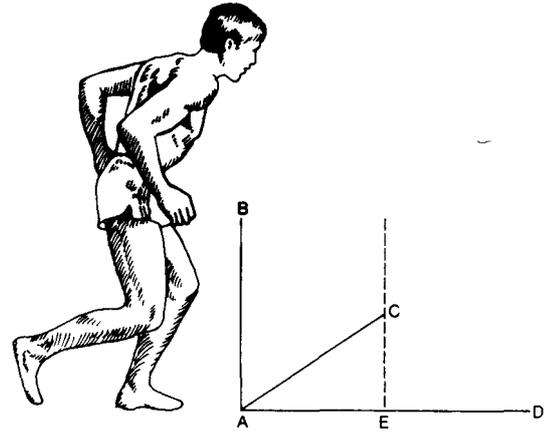
— Чтобы ответить на этот вопрос, — сказал Лавджой, — нужно вспомнить, что наши предки жили на деревьях, а потом спросить себя, чем они там занимались.

Самые древние прародители приматов, продолжал он, не были древесными жителями. Эти небольшие насекомоядные четвероногие, по размерам и форме тела напоминавшие белку, жили и охотились на земле. По мере развития мощного пояса тропических лиственных лесов, где нашли себе приют всевозможные древесные насекомые, не говоря уже о более крупных животных — небольших лягушках, ящерицах, змеях, — некоторые из мелких наземных хищников вслед за потенциальной добычей сами стали взбираться на деревья. С течением времени полог леса был заселен множеством хищных зверьков с когтистыми лапками. Они проводили наверху всю свою жизнь.

Одно дело ловить мелкую добычу на земле и совсем другое — на деревьях. Если некоторые жуки и все гусеницы передвигаются так медленно, что их можно собирать и поедать почти как ягоды, то ящерицы весьма проворны и легко ускользают от преследования. Не схватишь жертву при первом же прыжке — и она скроется на нижней стороне ветки и убежит прочь. Нападающий должен быть способен прыгнуть на добычу с некоторого расстояния, удержать ее и при этом (ведь все происходит в трехмерном пространстве!) не свалиться вниз. Короче говоря, мелкие хищники, чтобы успешно охотиться на деревьях, должны были уметь прыгать, хватать и цепляться. У самых ранних предков приматов, которые, как полагают, напоминали насекомоядных азиатских тупай, в связи с охотой на более крупную добычу вроде древесных лягушек или ящериц на пере-

Во время ходьбы человек расходует больше усилий на поддержание тела (AB), чем на его перемещение вперед (AD). Сумму этих двух сил можно изобразить вектором AC (косая линия). Истинная скорость человека пропорциональна горизонтальной проекции этого вектора (AE). Во время бега человек наклоняется вперед и начинает быстрее работать

ногами. Теперь на поддержание вертикального положения тела расходуется меньшая доля усилий и соответственно большая доля тратится на поступательное движение. Результирующий вектор сильнее наклоняется в направлении движения, и расстояние AE , т. е. скорость, увеличивается.

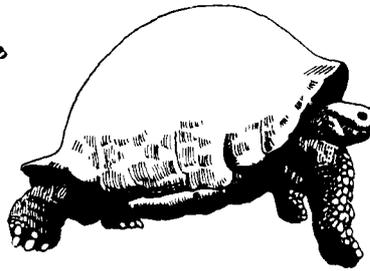
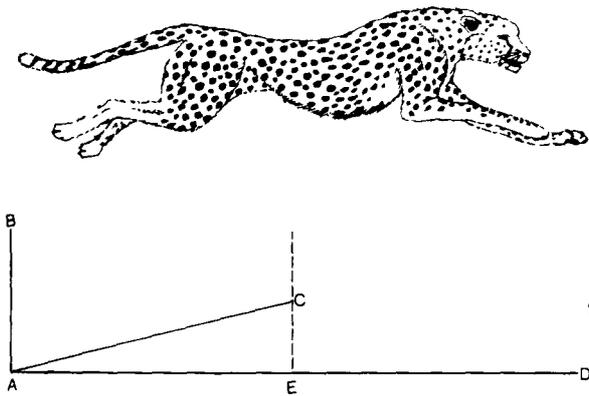
дних конечностях начали, видимо, развиваться более длинные и более цепкие пальцы. Вместо когтей на верхней стороне пальцев появились плоские ногти, и сами пальцы стали походить на человеческие. Постепенно формировалась характерная для приматов «рука».

Ее владелец был уже не столько бегуном, как раньше, сколько прыгуном и гимнастом. В обмен на развившиеся хватательные способности он отчасти утратил ту ловкость, с которой его предки бегали по ветвям деревьев. Ни долгопят, ни галаго, если взять двух самых мелких приматов, и поныне лазающих по деревьям в тропических лесах, не сравнятся в скорости передвижения с белкой. Животное, обладающее когтями, в этом отношении имеет преимущество перед тем, у которого развиты кисть и пальцы. Белка может бегать вверх и вниз по стволам любых деревьев, а приматы — нет. Маленькие цепкорукие создания живут наверху, а на землю спускаются лишь тогда, когда

нужно перейти с одного дерева на другое. Крупные приматы, такие как шимпанзе, регулярно слезают вниз. Деревья средней величины они осваивают без труда, но могучие гиганты, стволы которых они не могут обхватить, для них недоступны. Чтобы карабкаться по большому дереву, нужно иметь когти.

Все это позволяет понять, почему у белок не развивались кисти и пальцы. Лазание и бег всегда были для них важнее, чем хватание. Эти животные питаются орехами, сосновыми шишками, семенами — неподвижными предметами, которые можно не спеша сорвать и на досуге грызть. Приматы же, напротив, сумели приспособиться к древесному образу жизни и одновременно сохранить свои хищнические наклонности.

Развитие руки приматов сопровождалось другими адаптациями. Для того чтобы успешно прыгать и хватать добычу, нужно хорошо оценивать расстояние. Без этого животное в лучшем случае останется го-

На примере гепарда можно показать, что при малых затратах энергии на движение, направленное вверх, и больших затратах на движение вперед скорость резко возрастает, в данном случае до 110 км/ч. Галапагосская чере-

лодным, а в худшем — не попадет на ветку и свалится на землю. Для точной оценки расстояния у приматов развивается бинокулярное зрение, при котором оба глаза центрируются на предмете, обеспечивая восприятие глубины. В этом случае глаза должны располагаться на передней стороне черепа, а не смотреть в стороны, как у белки. Аппарат бинокулярного зрения возникает у предков приматов. Их череп приобретает округлую форму, что соответствует новому положению глаз. В связи с этим емкость черепа возрастает и создается потенциальная возможность для развития более крупного мозга. В то же время челюсти становятся короче. С формированием кисти зубы перестают быть главным органом охоты и сбора пищи, и их становится меньше. Современные низшие и человекообразные обезьяны, так же как и люди, имеют по шестнадцать зубов в каждой челюсти. У их предков это число достигало двадцати двух.

паха, напротив, расходует почти всю энергию на поддержание огромного панциря. Ее максимальная скорость не превышает полутора километров в час.

Надежно защищенные от наземных хищников, ранние приматы чрезвычайно успешно освоили древесную среду обитания. Многие из них сделались более крупными и стали все больше специализироваться, приспособившись к той или иной экологической нише. Одни начали питаться главным образом плодами и ягодами, другие — исключительно листьями. У них выработались разные способы передвижения по ветвям деревьев. Некоторые мелкие формы, такие как долгопяты и галаго, совсем отказавшись от бега, продолжали прыгать и цепляться за ветки; для них характерны короткие передние и длинные задние конечности. Одна обширная группа, уже обладавшая типичной для приматов кистью и даже стопой с уплощенной подошвой и цепкими пальцами, сохранила четвероногий способ локомоции. Это были низшие обезьяны. Они предпочитали ходить по ветвям, а не висеть на них или, раскачиваясь, перебрасы-

ваться с ветки на ветку. У них был довольно длинный позвоночник, и они сохранили способность к бегу, так как многие из них спускались на землю и должны были быстро передвигаться по ней, чтобы в случае опасности добежать до ближайшего дерева. Четвероногий способ локомоции отличает низших обезьян от человекообразных (антропоидов).

Антропоиды больше приспособлены к брахиации. Вместо того чтобы ходить по веткам, они висят на них, сидят или стоят, передвигаются вниз и вверх, перекидывая с ветки на ветку одну руку за другой. У них более короткий позвоночный столб — три или четыре поясничных позвонка, а не семь, как у низших обезьян. Поэтому они плохие бегуны. Некоторые из них почти не могут бегать.

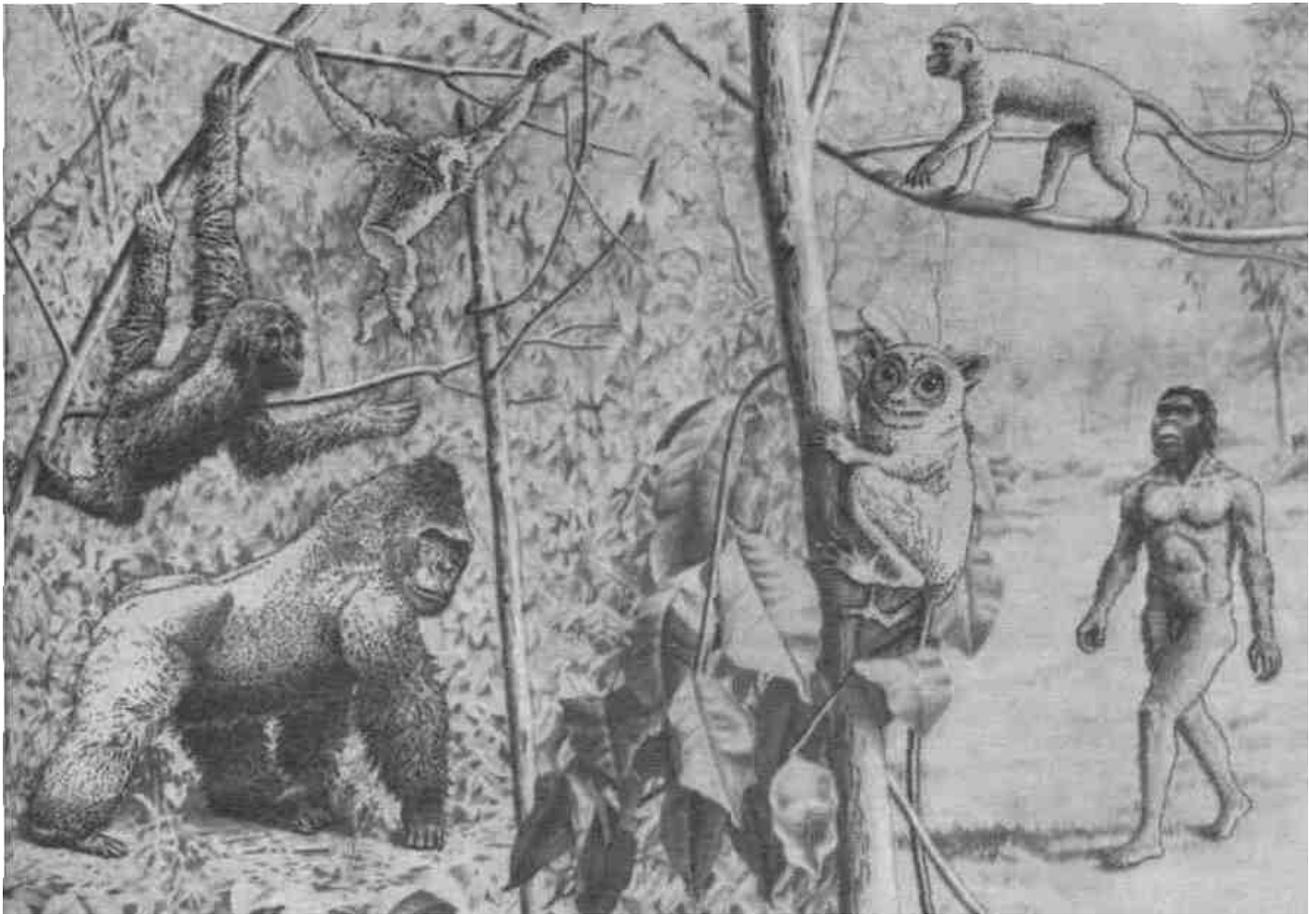
В наши дни на земном шаре существуют пять родов человекообразных обезьян. Представители двух родов — гиббоны и сиаманги — истинные брахиаторы. Они передвигаются с помощью брахиации, раскачиваясь подобно маятнику и перебрасываясь с ветки на ветку. У них необычайно длинные руки, удлинённые цепкие кисти и пальцы, небольшое легкое тело и укороченные ноги. Благодаря такой конструкции, сводящей к минимуму вес на конце маятника, эти приматы могут очень быстро передвигаться среди ветвей, уверенно и плавно перебрасывая свои длинные руки и часто покрывая расстояния до трех и более метров. Чтобы оценить красоту этих движений, нужно видеть их в натуре. Если гиббон спускается на землю, что бывает крайне редко, он выпрямляется и идет, переваливаясь на коротких, слабых ногах и раскинув по сторонам для равновесия непомерно длинные руки. Шагающий гиббон напоминает балансирующего канатоходца.

Орангутан, так же как и гиббон, ведет древесный образ жизни, но передвигается совершенно иным способом. Его тазобедренный сустав практически универсален. Обезьяна мо-

жет вытягивать ногу вниз, назад, вперед, в сторону под прямым углом и почти вертикально вверх. Все ее конечности хорошо приспособлены к хватанию. По сути дела у орангутана четыре ноги и четыре руки. Подобно огромному рыжеватого-коричневому пауку, он висит распростершись на дереве, держась за ветви теми руками или ногами, которыми ему удобнее, а свободными добывает себе пищу, главным образом плоды. В редких случаях, когда орангутан спускается на землю, он встает на четвереньки и передвигается медленно и осторожно, как старик, опирающийся одновременно на две трости (по выражению Сейрела Эймерла). Опорой орангутану служат подошвы ног и фаланги пальцев, но нередко он, сжав кисти в кулак, переносит тяжесть тела на них. Можно сказать, что орангутан лишь отчасти использует способ передвижения с опорой на суставы пальцев.

Зато горилла являет собой характернейший пример этого типа локомоции. Это антропоид, почти полностью перешедший от древесного образа жизни к наземному. Здесь горилла находит себе пропитание — грубые стебли растений, корни, побеги бамбука, ягоды. Горилла отказалась от возможности бегать и приобрела взамен крупные размеры и огромную силу (вес взрослого самца достигает 160 килограммов); вместе со свирепым видом это и обеспечивает ее выживание. Молодые гориллы висят и играют на ветках, но взрослые обезьяны слишком велики и малоподвижны для этого. Иногда они сидят, расположившись группой, на очень низких и толстых ветвях, однако обычно предпочитают отдыхать на земле. Эти животные не склонны к миграциям, они подолгу живут на одном и том же месте и почти никогда не бегают.

Шимпанзе тоже передвигаются, опираясь на фаланги согнутых пальцев. Это наименее специализированные из всех антропоидов. Они

У приматов встречаются самые разнообразные способы передвижения. Долгопят (на переднем плане) — примитивное ночное животное, ведущее исключительно древесный образ жизни, — прыгает и карабкается по веткам. Гиббон (вверху слева), тоже древесный житель, передвигается путем брахиации. «Четверорукий» орангутан (ниже и левее) с одинаковым успехом пользуется любой из своих конечностей. Горилла (внизу слева) передвигается, опираясь на согнутые пальцы рук. У этой обезьяны полувыпрямленное по-

представляют собой как бы универсальную модель, пригодную для достижения разнообразных целей. Они поедают множество плодов, особенно фиг, и могут подниматься за ними в верхний ярус леса. У шимпанзе довольно длинные руки, которые позволяют им карабкаться вверх и вниз по стволам почти всех деревьев, кроме самых толстых. Ноги, хотя и не очень длинные, все-таки позволяют им на удивление быстро бегать. Человек, преследующий эту обезьяну,

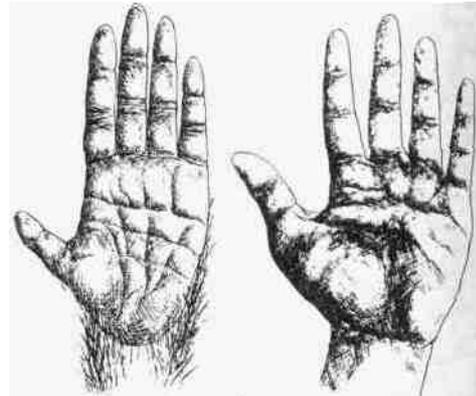
ложение тела, она может легко встать на две ноги и часто это делает. Низшая обезьяна (вверху справа) — настоящее четвероногое животное. У нее нет потенциальных возможностей поддерживать выпрямленную позу, которыми в той или иной степени обладают все человекообразные обезьяны. Зато она сохранила способность к быстрому бегу благодаря своим длинным конечностям и позвоночнику, а также кисти, которая при каждом шаге плоско опускается на землю. И только гоминиды осмелились стать полностью двуногими.

имел бы мало шансов догнать ее. Наделенные всеми этими свойствами, шимпанзе проводят большую часть времени на земле, питаясь термитами и другими насекомыми, их личинками, ягодами, почками и корнями, если фиги еще не созрели. Шимпанзе в какой-то небольшой мере способны к согласованным действиям во время охоты. Иногда группе самцов удается загнать молодого павиана или другую небольшую обезьянку на отдельно растущее де-

Долгопят

Гиббон

Шимпанзе

Гоминид

У всех приматов проворные, ловкие руки с гибкими пальцами, на концах которых имеются плоские ногти. Различия в строении кисти связаны со способами локомоции и образом жизни. У прыгающего и цепляющегося за ветки долгопята пальцевые подушечки сильно расширены, что помогает ему удерживаться на деревьях. У гиббона длинные сильные пальцы, которые во время брахиации играют роль крючьев. Шимпанзе — частично древесное, частично наземное животное. У него исключительно ловкие руки, способные даже манипулировать с грубыми орудиями; большой палец руки хорошо

развит и может противопоставляться остальным, но при этом из-за своей малой длины доходит лишь до середины указательного пальца, а не до его кончика. У гоминид большой палец гораздо длиннее и развернут в сторону указательного. Этот признак сопутствует двуногому хождению, так как позволяет значительно увеличить манипуляторные способности. Вероятно, все гоминиды обладают кистью такого типа, даже *A. afarensis*, древнейший из известных представителей этой группы. Его кисть мало отличается от кисти современного человека.

рево, поймать добычу и съесть ее.

Несмотря на столь различный образ жизни и связанные с ним особенности строения тела, все антропоморфные обезьяны — потенциально прямоходящие животные. Все они обитают в лесах, и их образ жизни не требует способности к бегу. Около 20 миллионов лет назад, в начале миоцена, землю опоясывала широкая полоса тропических и субтропических лесов. Это был период процветания антропоидов, которые по численности намного превосходили низших обезьян. В наше время наблюдается обратное соотношение между этими группами. Конечно, сокращение зоны тропических лесов, начавшееся в конце миоцена и связанное с изменениями климата, отразилось на состоянии человекообразных обезьян; но были и другие, менее очевидные факторы. Лавджой попытался проанализировать их и, как он считает,

нашел причину перехода к прямохождению, связанную с взаимодействием этих факторов.

— Наконец-то мы вернулись к двуногому хождению, — пробурчал кто-то из слушателей. — Признаться, мне порядком надоели эти обезьяны.

— Надоели они вам или нет, это уже другой вопрос. Вы должны понять их происхождение: хищники, которые поднялись на деревья и сумели стать древесными жителями, сохранив в то же время свои хищнические наклонности, добились этого благодаря полувыпрямленному положению тела, способности к брахиации, развитию кистей рук, короткому позвоночному столбу, бинокулярному зрению и большим размерам мозга. Ничего подобного приматам природа раньше не знала. Когда некоторые из крупных обезьян, такие как горилла и шимпанзе, вторично спустились на землю, они с помощью вновь

обретенных способностей смогли создать для себя новые экологические ниши.

— Но они не перешли к двуногому хождению.

— Некоторые сделали это: гоминиды, наши предки.

— Да, но почему?

— Не поговорить ли нам о размножении?

— Я бы предпочел беседовать о бипедии.

— Но поговорим все-таки о размножении.

Разговор о размножении — это в полном смысле слова возвращение к основам бытия. Здесь можно вспомнить остроумное замечание, сделанное почти сто лет назад и приписываемое Герберту Спенсеру: «курица — это средство, с помощью которого яйцо производит другое яйцо». Иными словами, взгляните на выживание вида не с точки зрения индивидуума, а с точки зрения незаметных, но все определяющих элементов — генов. Учитывайте, что в конечном счете самое важное — это сохранить набор генов, а тем самым и получить новую подобную себе особь.

Лавджой согласен в этом со Спенсером. Каждое живое существо, относящееся к любому виду, — не что иное, как защитная оболочка, в которой содержится семя для размножения, тщательно упакованное, чтобы обеспечить максимальную вероятность его выживания и воспроизводства потомков. Для достижения этой цели существо должно есть. А чтобы есть, если это млекопитающее, оно должно передвигаться. Поэтому для понимания локомоторной адаптации животного необходимо рассмотреть его стратегию в области размножения.

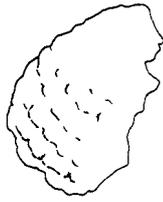
Существуют два фундаментально различных подхода к воспроизводству вида. Организм может продуцировать огромное количество яиц, затрачивая на каждое из них очень мало энергии; или же он может про-

изводить совсем мало яиц, но вкладывать в каждое много энергии. Эти два подхода известны в науке как «R-стратегия» и «K-стратегия» соответственно.

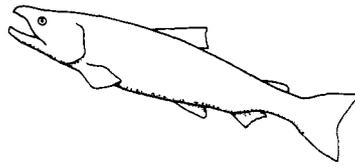
Крайний пример R-стратегии — устрица, производящая до 500 миллионов яиц в год. Крайний пример K-стратегии — крупные антропоиды (горилла, шимпанзе и орангутан), рождающие детеныша один раз в пять или шесть лет. Между ними располагаются все остальные живые существа, у которых можно найти все переходные градации между R и K. Оба способа эффективны, пока не достигают предела своих возможностей. Предположим, устрица смогла бы удвоить число яиц — довести его до миллиарда. Но если общее количество расходуемой энергии должно быть постоянным, то на одно яйцо ее будет приходиться вдвое меньше. Это может настолько снизить жизнеспособность яиц, что число особей, достигающих зрелости, еще более сократится, хотя оно и так было очень невелико. Ясно, что R-стратегия в чистом виде невыгодна и что возможности этого способа уже используются до предела у таких низкоорганизованных животных, как устрицы. В самом деле, R-стратегию, доведенную до крайности, можно считать неэффективным способом размножения. Какой смысл производить полмиллиарда зародышей, если из них доживут до зрелости меньше десятка?

Однако у устриц нет другого выбора. У них отсутствует мозг, органы чувств находятся в зачаточном состоянии. Устрицы не способны передвигаться, не могут заботиться об отложенных яйцах или хотя бы поместить их в безопасное место. Все, на что они способны, — это выбрасывать зародышей в окружающую среду, увеличивая *до разумного предела* их число и повышая таким образом их суммарные шансы на выживание.

Хотя R-стратегия и приемлема для устриц (ибо они до сих пор суще-

500000000
в год

8000
в год

200 в
год

Репродуктивные стратегии в мире животных охватывают весь диапазон от крайних вариантов «R», когда образуется максимальное количество яиц, но нет никакой заботы о по-

ствуют), она явно чересчур расточительна. По мере формирования более высокоорганизованных животных начинают использоваться другие, более экономные способы. Когда появились существа с позвоночником и головным мозгом, стала возможной примитивная забота о потомстве. Некоторые рыбы сооружают гнезда для своей икры; другие держат ее во рту до тех пор, пока из нее не разовьются мальки, способные плавать. У некоторых рептилий дела обстоят еще лучше. Аллигатор насыпает над отложенными яйцами большой холм и стережет их на протяжении всего периода инкубации. Когда детеныши начинают вылупляться и питаться, родитель, услышав их возню, разрывает землю и помогает им выбраться наружу. Однако лишь немногие из рептилий так заботливы, и нет ни одной, которая охраняла бы и воспитывала своих отпрысков в период их роста. Это прерогатива млекопитающих — интеллектуально более развитых и еще более «К-ориентированных» приемников рептилий.

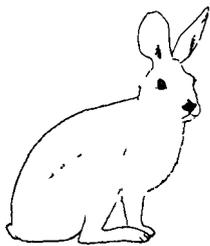
Никто не может сказать, насколько заботливыми родителями были динозавры. Судя по группам окаменевших яиц, найденным в пустыне Гоби, по крайней мере некоторые из них откладывали сравнительно немного яиц: в отдельных гнездах их было

только, до крайних вариантов «К», когда главную роль играет забота о потомстве, а частота рождений сведена до минимума

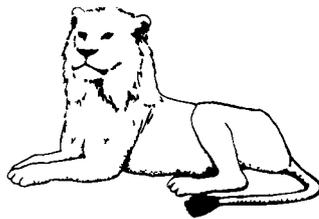
всего лишь одна или две дюжины. Таким образом, если динозавры были такими же плохими родителями, как и большинство других рептилий, то у них сочетались минусы обеих стратегий — они не баловали своих отпрысков родительской заботой (R-стратегия) и в то же время откладывали мало яиц (K-стратегия). Это позволяет объяснить их вымирание в эпоху, когда появились К-ориентированные млекопитающие с более развитой заботой о потомстве.

— Чтобы понять, почему вымерли динозавры, нет надобности искать такие необычные причины, как пятна на солнце и климатические катастрофы, — заявил Лавджой. — Они процветали до той поры, пока мир принадлежал им одним и вокруг не было конкурентов с более эффективной стратегией размножения. Они просуществовали сто с лишним миллионов лет — было бы неплохо, если бы люди смогли продержаться столько же. Но как только был достигнут новый уровень адаптации и динозавры столкнулись с существами, способными размножаться в три-четыре раза быстрее, их час пробил.

K-стратегия, несомненно, гораздо эффективнее, чем R-стратегия. Однако и она имеет свои границы. Тяжелый урон наносят несчастные случаи, нападение хищников, сезонная

12 в
год

2 в год

1
каждые 5 лет

нехватка пищи, болезни. Потерять детеныша вследствие одной из этих причин, после того как пять или шесть лет было затрачено на его выращивание, — очень дорогая цена по сравнению с гибелью зародыша устрицы. Два или три несчастных случая подряд могут привести к исчезновению определенной комбинации генов, носителем которой была конкретная самка, поскольку не исключено, что период ее плодовитости к тому времени уже закончится. Если взять целую популяцию антропоморфных обезьян со всем ее генным фондом, то для нее низкая скорость воспроизводства не менее опасна, чем для одной особи. Серия несчастий — и популяция навеки исчезнет.

В самом деле, уровень К-стратегии, которого достигли современные антропоиды, угрожающе высок. Все они сохранились ныне только в самых благоприятных условиях, и численность их уменьшилась до опасного предела. Эта чрезвычайная уязвимость человекообразных обезьян не всегда заметна на фоне того вклада, который вносит в их исчезновение современный человек. Мы привыкли слышать, что мы уничтожаем человекообразных обезьян. Несомненно, это так, и все же деятельность человека — это лишь капля, перепол-

нившая чашу. Уже несколько миллионов лет дела антропоидов идут под уклон. Даже без вмешательства человека эти животные, вероятно, все равно исчезли бы. В отличие от этого низшие обезьяны все время процветали и размножались. Разница в конечных результатах между двумя группами настолько поразительна, что имеет смысл сравнить их и посмотреть, не объясняется ли она каким-то фундаментальным биологическим различием.

Оказывается, есть даже два таких различия. Низшие обезьяны — это, как уже говорилось, четвероногие существа. Антропоиды — потенциально двуногие. Низшие обезьяны по сравнению с антропоидами менее ориентированы в направлении К-стратегии. Детеныши рождаются у них раз в два года, а не в пять-шесть лет, как у антропоидов. Низшие обезьяны уступают человекообразным в отношении умственных способностей и несколько хуже заботятся о потомстве. Однако эти недостатки с лихвой восполняет более быстрое размножение. Современное благополучие низших обезьян, в большей степени ориентированных в сторону R-стратегии, позволяет думать, что К-ориентированные антропоиды зашли в этой стратегии слишком далеко.

Почему же предпочтение было отдано худшему варианту? Этот вопрос звучит уже во второй раз. Мы уже спрашивали: для чего было переходить к двуногому хождению, если это менее эффективный способ? А теперь спрашиваем: зачем понадобилось доводить К-стратегию до опасной крайности? Обе эти проблемы взаимосвязаны, и их нужно рассматривать вместе.

Прежде всего из нашего обсуждения эволюции приматов должно быть ясно, что локомоцию человекообразных обезьян нельзя считать неэффективной: они живут в тропических лесах и проводят время на деревьях, лазая по ветвям и перебрасываясь с ветки на ветку, или же под деревьями, где могут ходить и сидеть, им нет необходимости быть хорошими бегунами. Такие признаки, как короткий позвоночник и полувыпрямленное положение тела, приобретенные ранее во время жизни на деревьях, не создавали для некоторых из них особого неудобства и на земле, пока леса были обширными и снабжали их необходимой пищей.

Таким образом, четвероногий способ передвижения, несмотря на свои очевидные преимущества, может уступить место — и действительно уступает место — другому способу, если это связано с новыми, более важными адаптациями. Повторим то, что было сказано в начале этой главы: бег — настолько эффективный способ передвижения, что отказ от него выглядит нелепой причудой. Но при рассмотрении общей стратегии выживания преимущества этого типа локомоции могут исчезнуть. Вот почему в миоценовых лесах стало возможным появление потенциально прямоходящих обезьян, ведущих наземный образ жизни. Чтобы понять, почему некоторые прошли этот путь до конца, нужно рассмотреть, каковы были у них другие жизненные потребности и способы их реализации.

Необходимо также учесть, что с самого начала кайнозойской эры

(около 70 млн. лет назад) до середины миоцена в ряду приматов все усиливалась тенденция к К-стратегии. Это происходило потому, что такая стратегия оправдывала себя. Самки человекообразных обезьян в результате прогрессивной эволюции могли проявлять все большую заботу о потомстве, и их детеныши выживали лучше, чем у менее заботливых матерей.

На этом уровне вступает в действие принцип положительной обратной связи, когда несколько элементов, взаимодействуя, усиливают друг друга. Если забота о потомстве — полезный признак, то отбор будет благоприятствовать его сохранению, так как самки с более развитыми материнскими качествами будут иметь больше шансов на успех в выращивании детенышей. Таким образом, существующая в популяции генетическая тенденция к развитию материнских инстинктов будет возрастать. Однако усиленная забота о потомстве требует также ряда других качеств. Матери нужен более высокий уровень умственных способностей, так как иначе она едва ли сможет обеспечить лучший уход за детенышами. А это означает развитие мозга, причем мозга не только самой матери, но и ее дочери, которая когда-то ведь тоже станет матерью. Вынашивание детенышей с крупным мозгом требует интенсивного потребления кислорода и переноса через плаценту значительного количества энергии, т.е. больших энергозатрат со стороны матери. Это связано с тем, что к моменту рождения детеныш с крупным мозгом должен быть достаточно развит, нужно, в частности, чтобы в основном закончилось созревание нервных механизмов. Детеныш ничему не сможет научиться, если с самого начала не будет обладать развитым мозгом. При врожденном недоразвитии мозга компенсации в дальнейшем уже не происходит. Поэтому за полноценное формирование детеныша ответ-

ствен организм матери. А поскольку ее возможные энергетические затраты всегда ограничены (так же как и затраты на производство яиц у устриц), при более крупном мозге приходится иметь меньше детенышей.

И наоборот: при меньшем числе детенышей приходится иметь более крупный мозг, чтобы лучше заботиться о них. Таков принцип обратной связи. Все тенденции взаимосвязаны, зависят друг от друга и усиливают друг друга.

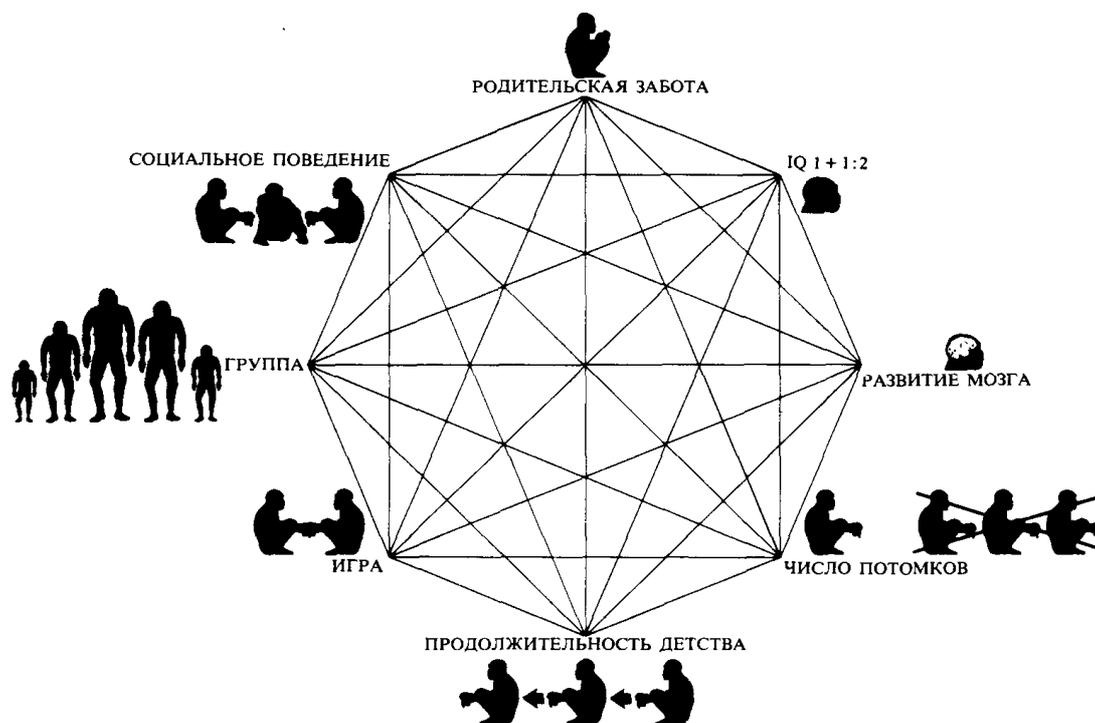
В случае эволюции приматов мы имеем дело не с простой обратной связью, когда два фактора воздействуют друг на друга, а с многофакторной круговой системой, которая включает несколько взаимоусиливающих компонентов. Например, если у детеныша большой мозг, то ему необходимо время, чтобы научиться использовать этот мозг, прежде чем он лицом к лицу столкнется с окружающим миром. Значит, у него должно быть продолжительное детство. А в детстве лучший способ обучения — игра, предполагающая наличие партнеров и, следовательно, групповую социальную организацию. Но, чтобы стать членом группы, нужно усвоить основы социального поведения. А достичь этого можно лишь при определенном уровне умственных способностей. Таким образом, социальное поведение в конечном итоге связано с развитием умственных способностей (петля обратной связи), с продолжительным детством (еще одна петля) и, наконец, с энергозатратами матери и системой заботы о потомстве, обеспечивающей определенный уровень развития мозга.

Так выглядит замкнутая система обратных связей, все части которой перекрестно соединены. Например, если какое-то животное входит в состав группы, то время, необходимое ему для того, чтобы найти пищу, обнаружить близость хищника или подыскать полового партнера, может

уменьшиться именно благодаря его принадлежности к группе. Соответственно больше времени останется для заботы о потомстве (одна петля), игры (другая) и социальной активности (еще одна), что в свою очередь стимулирует развитие умственных способностей (еще одна петля) и в конечном счете ведет к уменьшению числа детенышей (еще одна). Это можно представить в виде замкнутого контура, все полюса которого соединены друг с другом (см. схему на с. 242).

— Подойдем теперь с другой стороны, — сказал Лавджой, — представим себе систему обратных связей без одного из ее существенных компонентов и посмотрим, что получится. Вообразите, например, детеныша шимпанзе, который вырос в лаборатории, лишенный возможности общения со своими сверстниками. Представьте себе, что он провел там детские годы, а затем, будучи подростком, попал в естественное сообщество шимпанзе. Он не сможет стать его членом, так как не будет знать, что он должен делать и как себя вести. Он не будет уметь прыгать и карабкаться на деревья, не будет знать, как нужно драться и как избегать драк, как следует вести себя по отношению к старшим. Молодой самец гориллы, выросший в изоляции, даже не умеет спариваться. Чтобы научить такую обезьяну нормальному поведению, приходится показывать ей соответствующие фильмы.

— Итак, — продолжал Лавджой, — существует целый ряд причин, объясняющих усиление К-стратегии. У позвоночных эта тенденция сопровождалась прогрессирующей специализацией. Лягушки более развиты по сравнению с устрицами, аллигаторы — по сравнению с лягушками, кролики — по сравнению с аллигаторами, мартышки — по сравнению с кроликами, антропоиды — по сравнению с мартышками. Более развитый мозг — меньшее число яиц — большая ориентация на К-стратегию.

— Разумеется, я не хочу сказать, что К-стратегия повышает умственные способности, но эти факторы, несомненно, связаны между собой. Поскольку умственные способности — явно адаптивная черта, понятно, что при подходящих условиях она может усиливаться. А эти условия для некоторых приматов, судя по всему, были вполне подходящими. Хотя мы располагаем только косвенными данными в виде ископаемых остатков, можно предполагать, что в миоцене человекообразные обезьяны достигли уже достаточно высокого умственного уровня. По-видимому, эти животные напоминали современных шимпанзе. Они ходили в полувыпрямленном положении, ловко манипулировали руками, имели более развитый по сравнению с низшими обезьянами мозг. Можно думать также, что у антропоидов миоцена была сильно выражена К-стратегия. Наконец-то мы достигли той точки в наших рассуждениях, когда можно вплотную заняться вопросом: почему в одной из линий человекообразных обезьян вы-

работалось истинно двуногое передвижение? Или, другими словами, какая связь между К-стратегией и прямохождением?

Вопрос о прямохождении мучит антропологов уже целое столетие. Вскоре после первой находки яванского обезьяночеловека, сделанной в 1891 году, Дюбуа обнаружил бедренную кость, строение которой показывало, что ее владелец был прямоходящим существом. Однако ученые не могли поверить в сочетание столь примитивного черепа с прямохождением. Все думали, что эти две части скелета не связаны между собой: бедренная кость принадлежала сравнительно позднему человекоподобному существу и случайно оказалась рядом с черепом, ибо такое примитивное создание, как яванский обезьяночеловек, не могло передвигаться на двух ногах.

Это ошибочное представление пустило глубокие корни. Ему вновь отдали дань, когда Реймонд Дарт заявил, что детеныш из Таунга был прямоходящим существом. Даже в

60-х годах, много лет спустя после того, как мир был вынужден признать в австралопитеках прямоходящих приматов, антропологи все еще утверждали, что те передвигались шаркающей, неумелой походкой.

Большинство ученых пришли к согласию в том, что двуногое хождение, крупный мозг и использование орудий развивались параллельно. Для объяснения этого процесса был привлечен принцип обратной связи: каждый из признаков воздействовал на другие и усиливал их. Так, животное, начавшее использовать орудия, а с увеличением размеров мозга и создавать их, должно было часто переносить их с места на место, и это могло послужить стимулом для развития прямой походки. Освобождение верхних конечностей от локомоторной функции в свою очередь способствовало применению орудий и развитию мозга. Около двух миллионов лет назад, как утверждали сторонники этой идеи, была достигнута некая промежуточная стадия: мозг увеличился, но был все еще мал, орудия (судя по находкам из Олдувая) уже существовали, но были крайне примитивны — на нижней границе того, что вообще могло называться «орудиями», прямохождение (если считать, что этот признак формировался параллельно с двумя другими) тоже, — вероятно, находилось в процессе становления и не достигло полного развития.

В начале 60-х годов Шервуд Уошберн из Калифорнийского университета — исследователь эволюции и поведения приматов, достигший в то время апогея своей успешной карьеры, — высказал мысль, что ключ к прямохождению следует искать в способе локомоции шимпанзе и гориллы с опорой на межфаланговые суставы пальцев. Он считал, что этот способ был промежуточным шагом на пути к истинной бипедии, и отмечал, что следы его можно усмотреть даже в поведении современного человека — в позиции игрока передней ли-

нии в американском футболе или в положении человека, который наклоняется над столом, опираясь на костяшки пальцев. Уошберн полагал, что существенную роль в переходе от ходьбы с опорой на согнутые пальцы рук к истинному прямохождению играли орудия. В 1974 году он писал: «Способ локомоции и использование орудий являются друг для друга одновременно и причиной и следствием».

Обсуждались и другие преимущества прямохождения. Благодаря успешному изучению геологии и климата выяснилось, что австралопитеки, видимо, обитали на открытых пространствах, и стало очевидным еще одно достоинство вертикального положения тела: поскольку голова оказывалась выше, легче было заметить хищников в высокой траве.

Для Лавджоя, который только что окончил аспирантуру и интересовался всеми аспектами локомоции, в этих идеях было что-то неубедительное. Он не мог освободиться от представления, что гоминиды никогда бы не осмелились выйти в саванну, если бы они были плохими ходоками и только там могли научиться как следует шагать. Не будь они приспособлены для передвижения по саванне на двух ногах, они бы не пришли туда. А если бы и пришли, то не смогли бы выжить.

В результате Лавджой заключил, что, когда гоминиды переселялись в саванну, они уже ходили на двух ногах. Совершенствование этого странного способа передвижения не имело ничего общего с жизнью в саванне — а может быть, и с использованием орудий. Могли ли быть орудия существенным фактором, если, как предполагал Лавджой, истинное прямохождение выработалось задолго до их появления в геологической летописи?

Трудность состояла в том, что Лавджой не мог найти палеонтологических данных, подтверждающих эти идеи. Он отстаивал их в спорах со

своими коллегами, пользуясь чисто логическими доводами, но не имел успеха. Он занялся механикой локомоции и изучил ее лучше, чем многие анатомы. Но найти «последнюю улику», т.е. ископаемые остатки, которые могли бы подтвердить его правоту, ему так и не удавалось. Самая древняя из хорошо датированных находок австралопитековых относилась примерно к двум миллионам лет. В это время австралопитеки уже могли хорошо ходить на двух ногах; по крайней мере так думал Лавджой, хотя другие не соглашались с ним. Для него было крайне огорчительно, что кости нижних конечностей австралопитековых не были достаточно хорошо представлены в коллекциях и он не мог доказать свою правоту. Поэтому он очень разволновался, когда в самом начале 1974 года я зашел к нему в кабинет, держа в руках, как я заявил, коленный сустав из Хадара возрастом в три миллиона лет.

Внезапно прямохождение сделалось на миллион лет древнее, чем об этом думали вчера.

— Быть может, так оно и было, — сообщил Лавджой группе слушателей из моей лаборатории, — но мы располагали всего лишь одним маленьким коленным суставом. Я сказал Дону, что он должен вернуться и найти для меня целую особь. Он согласился и привез Люси. Тогда я сказал: «Хорошо, а теперь добудьте мне несколько особей». И на будущий год он нашел «первое семейство». Когда я изучил эти кости, стало ясно, что они принадлежали существам, великолепно передвигавшимся на двух ногах. Теперь я мог уверенно идти вперед и попытаться выяснить причины прямохождения. Они не были связаны с орудиями. Найденные Доном костные остатки древнее любых известных орудий. Тогда я вспомнил о размножении и стал размышлять над «стратегией К».

В этот момент Лавджой обратился к одному из студентов.

— Итак, — сказал он, — вы представитель вида с чересчур большой К-ориентацией. Как бы вы поступили, чтобы исправить положение?

— Ну, я бы постарался как-то уменьшить эту ориентацию. Низшие обезьяны — более процветающая группа. Нужно больше походить на них.

— Вы предложили бы вернуться вспять? — спросил Лавджой. — Встать на четвереньки и уменьшить объем мозга?

— Что-нибудь в этом роде.

— Вы не можете этого сделать. Система обратных связей не позволит. Она будет толкать вас в прямо противоположную сторону.

— Что же тогда делать?

— Может быть, нацелиться на самое слабое звено в цепи — низкую рождаемость? И увеличить число детенышей?

— Но ведь К-стратегия в своем крайнем варианте препятствует этому, — возразил студент. — Вы сами об этом говорили и приводили очень убедительные доводы насчет обратной связи.

— Хорошо, но, допустим, нам удастся что-то изменить таким образом, чтобы можно было иметь больше детенышей.

— Что, например?

— Способ передвижения: надо стать двуногим.

Этот неожиданный и казавшийся абсолютно нелогичным вывод привел слушателей в такое замешательство, что Лавджой пришлось еще раз сделать экскурс в историю. Он вновь вернулся к миоцену, когда человекообразные обезьяны процветали, и стал оценивать их образ жизни и способы передвижения. Некоторые из этих миоценовых предшественников были брахиаторами, другие — «четверорукими», третьи передвигались, опираясь на согнутые пальцы верхних конечностей, четвертые ходили на двух ногах. У всех была резко выражена К-стратегия. И сегодня все, за исключением двуногих существ,

могут рассматриваться как тупиковые ветви эволюции.

Почему прямоходящие добились успеха, что сыграло в этом решающую роль? Ответ: им удалось избежать ловушки, в которую попали другие К-ориентированные виды, а именно — слишком долгих промежутков между последовательными родами, приводящих к очень низкой рождаемости у всех человекообразных обезьян. Как правило, антропоиды производят на свет каждый раз только одного детеныша. Пока самка носит его, кормит и присматривает за ним, она — как бы долго это ни было — не может иметь другого. Самка шимпанзе становится рецептивной (сексуально восприимчивой) только после того, как ее детенышу исполнится около пяти лет. Все это время она полностью занята выращиванием первого и не в состоянии обзавестись вторым. Физиологическая причина заключается в том, что выкармливание детеныша и забота о нем тормозят наступление эструса.

— Нужно было найти способ, — сказал Лавджой, — увеличить частоту рождений, уменьшить интервал между ними. Как можно этого достичь?

— Поскорее отделаться от первого детеныша.

— Не отделаться поскорее, — возразил Лавджой, — а заботиться одновременно о двух. Мать могла бы распределять свои усилия между двумя, а впоследствии тремя и четырьмя детенышами.

— Как ей это удастся?

— Она будет меньше двигаться, расходуя тем самым меньше энергии.

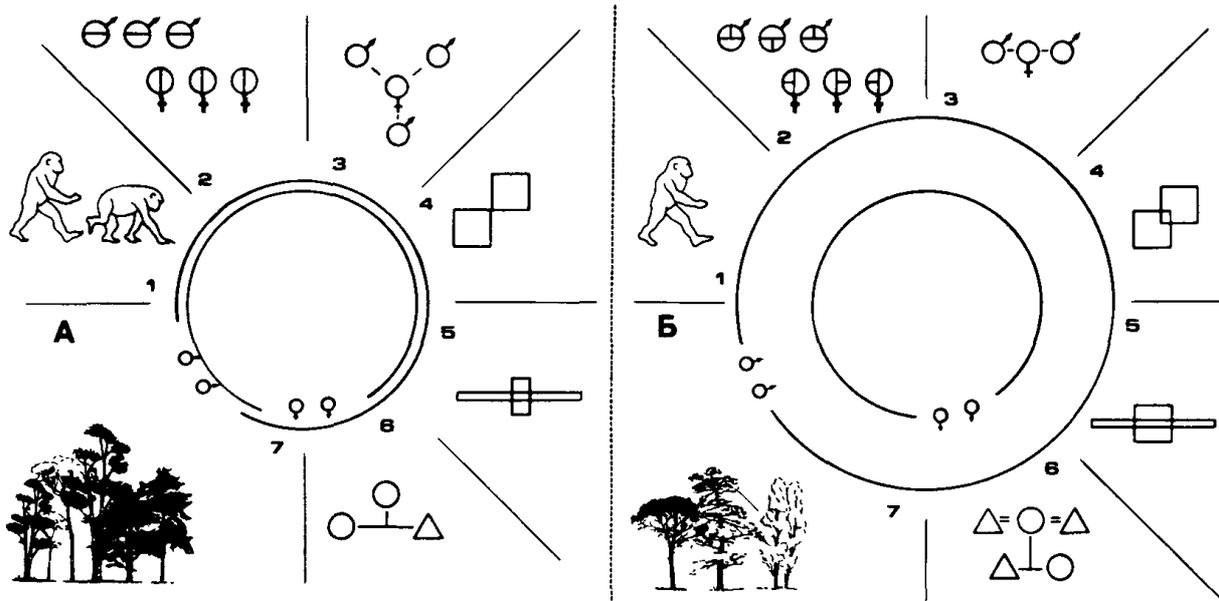
Кроме того, объяснил Лавджой, чем больше перемещений приходится совершать детенышам, тем больше опасностей подстерегает их: они могут потеряться, упасть с дерева, попасть в лапы хищникам. Когда мать переносит детеныша, он держится за нее либо она поддерживает его. Если она полезет на дерево, где растут зрелые фиги, и потянется за ними, она может уронить детеныша.

Ее постоянное пребывание на земле значительно уменьшит вероятность того, что детеныш упадет или окажется добычей хищников, так как оба они — и мать, и детеныш — находятся под покровительством группы. В сообществе действует более эффективная система оповещения об опасности — здесь за врагом наблюдают тридцать пар глаз вместо одной. Наконец, самка не должна заниматься поисками пищи, об этом заботятся другие животные. Когда они находят источник пищи, мамаша направляется прямо к нему, затрачивая минимальное время и подвергаясь наименьшей опасности со стороны хищников. Она проводит всю свою жизнь в пределах небольшой территории, которая известна ей до мельчайших подробностей. Она знает, где растут деревья, на которые можно легко взобраться, знает кратчайший путь до каждого из них в минуту опасности.

— Существует простое правило, — продолжал свои рассуждения Лавджой. — «Меньшая подвижность — уже адаптация». Если вы будете мало передвигаться, то сможете чаще рожать детенышей. Тенденция к большей частоте рождений так или иначе существует. Единственное, что ее сдерживает, — это неспособность матери обеспечить всех своих отпрысков надлежащим уходом. Мать должна быть уверена, что, прежде чем у нее появится второй детеныш, она сможет опекать первого до той поры, пока он сам не станет заботиться о себе. Ей легче это делать, оставаясь на одном месте, и тогда она может родить второго детеныша немного раньше.

В рассуждениях Лавджоя был один изъян, и мои студенты тотчас его заметили: «Увеличение частоты рождений ведет к новой проблеме. Требуется больше пищи — ведь мать должна накормить теперь больше ртов, — а добывать ее становится труднее из-за ограниченной подвижности самки».

— Я ожидал этого вопроса, — сказал

Эти четыре схемы, подготовленные Оуэном Лавджоем, иллюстрируют некоторые из условий, которые, по его концепции, способствовали возникновению прямоходящих гоминид. Сектор 1 — вероятные этапы развития самого прямохождения. Сектор 2 — развитие эпигамной дифференциации. Привлекательные особенности самцов и самок со временем все больше индивидуализируются, что приводит к избирательности при образовании пар. Это отражается на системе спаривания (сектор 3). Вначале самцы без разбора спариваются со всеми самками, но позднее становятся партнерами определенных самок. В секторе 4 отражена частота рождения детенышей. На схеме А соответствующие символы (квадратики) не пересекаются, на схеме Б они лишь незначительно заходят друг за

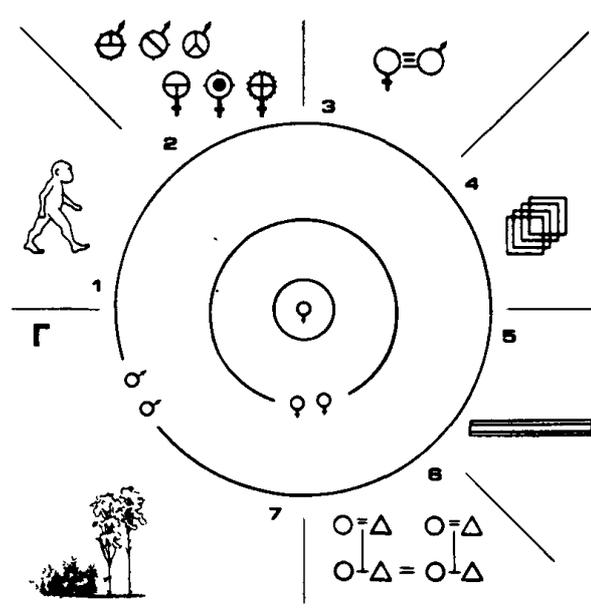
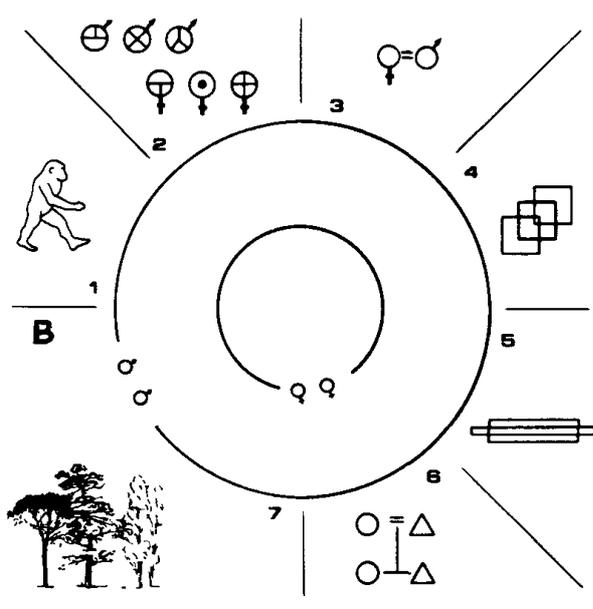
Лавджой. — По сути дела, вы говорите о том, что мать нуждается в большей помощи. Вы правы. Кто-то должен обеспечивать ее пищей. Вам могут сказать, что этого никогда не бывало, и укажут на павианов: они живут в саванне, как и гоминиды, но не делятся пищей. Или же приведут в пример шимпанзе, сказав, что они похожи на людей, но тоже не делятся пищей¹. На мой взгляд, чтобы разобраться в этом, нужно рассмотреть репродуктивную стратегию всех при-

друга, а на схемах В и Г показаны семьи, состоящие из 3 и 4 детенышей.

Все эти изменения сопровождаются сдвигами в сексуальной активности (сектор 5). Длинной полоской представлен овариальный цикл у самок, в середине выделен период половой рецептивности. На схеме А вся сексуальная активность ограничена коротким временем. На последующих этапах этот период удлиняется и в конце концов становится независимым от овариального цикла (постоянная рецептивность самок, схема Г). Наряду с этим происходит изменение «семейных» отношений (сектор 6). На схеме А связаны между собой только мать и детеныши. На схеме Б намечается установление связей самец — самка, но они еще слабо выражены. На схеме

матов. Она варьирует у разных видов. Мы найдем здесь различные способы заботы о потомстве и разделения пищи. У мармозеток (группа обезьян Нового Света) тяготы, связанные с выращиванием детенышей, ложатся в значительной мере на плечи отца. Это экологическая адаптация. Мармозетки, маленькие подвижные животные, по своему разрешили проблему рождаемости: они производят на свет и растят одновременно двоих детенышей. Из-за малых размеров тела и высокой активности эти обезьянки должны часто и помногу есть. Самка могла бы себе это позволить, если бы имела одного детеныша, а не двух. Поэтому

¹ Строго говоря, это не совсем так. Многие этологи, например Джейн ван Лавик-Гудолл, наблюдали дележ мясной пищи у шимпанзе. — Прим. перев.

В самец уже выступает в роли родителя, происходит формирование семейной группы. На схеме Г таких групп несколько.

Все эти сдвиги происходят в условиях (и, вероятно, под влиянием) изменяющейся среды (сектор 7). Тропические леса, где жили и беспорядочно спаривались четвероногие антропоиды, постепенно уступают место редколесью и саванне. Круги в центре всех четырех схем отражают перемещение в поисках пищи и двигательную активность. Внутренний круг — центральный ареал группы, в пределах которого проводят время самки и детеныши. Внешний круг — границы территории, по которой перемещаются самцы в поисках пищи. На схеме А два круга почти совпадают, так как самки не получают от самцов пищи и

самцу приходится помогать ей. Он носит двойню на себе, пока самка добывает пропитание. Потом она возвращается и кормит детенышей. Так же обстоят дела у дурукули и некоторых других обезьян. Поведение приматов исключительно пластично. У них можно встретить все варианты распределения родительских обязанностей: на одном конце ряда основная тяжесть падает на самца, на другом ее полностью берет на себя самка.

— Итак, самец включается в цикл выращивания детенышей, — продолжал Лавджой. — Но здесь возникают другие проблемы. Самка нуждается в помощи, поэтому в группе должен

должны сами добывать ее. На схеме В самцы расширяют зону своих странствий, оставляя центральный ареал с его источниками пищи для самок, которые должны теперь кормить больше ртов. На схеме В эта тенденция усиливается. Самцы начинают приносить пищу своим партнершам. Для этого они уходят еще дальше, а двигательная активность самок сокращается, что позволяет им избежать многих опасностей. На схеме Г показано образование «семейной базы». Мать может, поручив своих отпрысков заботам тетюшек или старших сестер и братьев, вновь начать перемещаться по более обширной территории.

быть высокий уровень кооперации. Это очевидно. Если стадо обезьян намерено действовать как социальная единица, члены которой взаимно поддерживают друг друга, чтобы добиться упомянутых выше преимуществ, то им прежде всего необходимо как-то ладить между собой. В группе должно быть как можно меньше свар и потасовок. Однако сообщество всегда включает самцов и самок, а секс — самая благодатная почва для возникновения конфликтов. В группах лемуров, павианов и многих других животных самцы становятся наиболее агрессивными тогда, когда у самки начинается течка. И это вполне естественно: нужно обес-

печить продолжение рода и опередить других соперников.

Существуют разные способы снижения агрессивности. Один из них состоит в уменьшении конкуренции за обладание особью другого пола. Этого можно достичь созданием устойчивых парных связей. Если каждый самец имеет свою самку — свой личный приемник для его генов, то ему не нужно ни с кем бороться, чтобы оставить свой след в будущих поколениях.

Как осуществить переход к такой организации? Во-первых, можно отказаться от признаков, рассчитанных на привлечение всеобщего внимания, от визуальных сигналов, набухания половой кожи, возбуждающих запахов, которые афишируют готовность самки к спариванию. Именно они вызывают у самцов приступы бешеной агрессивности. Если сделать так, чтобы только половина самцов реагировала на ту или иную самку, то число потенциальных соперников уменьшится вдвое. Для этого нужно, чтобы призывные сигналы стали более индивидуальными. Чем они разнообразнее, тем меньшее число самцов будет реагировать на одну и ту же самку. В конце концов это число может сократиться до одного. Другим самцам она не покажется привлекательной, и они будут ее игнорировать. Развитие специфических для данной особи стимулирующих систем называют эпигамной дифференциацией. Я называю это любовью.

Павианы не влюбляются — у них эти системы полностью отсутствуют, и самцы готовы спариваться со всеми самками, находящимися в состоянии течки. Справиться с этой взрывчатой ситуацией сообществу павианов помогает его иерархическая структура. Доминирующий самец (альфа-самец) добивается главенствующего положения в ожесточенных схватках с другими соперниками и сохраняет свою позицию путем постоянного устрашения и угроз. Он самый

сильный и самый свирепый в стаде. Он первым получает доступ к любой самке. Все остальные самцы беспрекословно подчиняются ему в соответствии со своим местом в иерархии. Недостаток этой системы состоит в том, что авторитет доминирующего самца действует только в его присутствии. Стоит ему отлучиться на водопой, и кто-нибудь из самцов, внимательно следящих за обстановкой, воспользуется случаем и, спарившись с рецептивной самкой, значительно уменьшит шансы альфа-самца на дальнейшее продолжение рода.

Слушателям становилось ясно, что социальная кооперация у животных с высоким уровнем половой агрессивности и малой избирательностью в отношении полового партнера должна быть ограниченной. Введение устойчивых парных связей между самцом и самкой улучшило бы социальную гармонию. Самцы смогли бы ненадолго отлучаться, не теряя при этом шансов на репродукцию своих генов в следующем поколении. Появились бы возможности для участия самца, в выращивании детенышей и для разделения пищи, а в результате самка могла бы стать менее подвижной.

— Здесь опять-таки петля обратной связи, — сказал Лавджой. — Начнем с подвижности. Чем меньше подвижность, тем легче перейти к двуногому способу локомоции. Почему? Да потому, что раз вам не нужно быстро бегать и тратить на это энергию, можно заняться другими вещами, которые теперь важнее для сохранения вида. Например, такими, как доставка большего количества пищи, необходимого в связи с увеличением числа детенышей. Мы только что говорили об устойчивых связях в паре самец — самка. Если партнер передвигается на двух ногах, ему легче перетаскивать пищу, значит, возрастают шансы на то, что он принесет кое-что своей партнерше. Но она и сама находится теперь в лучшем положении.

При четвероногом способе передвижения она могла высвободить только одну конечность. Теперь у нее две свободные руки — одной можно нести пищу, а другой поддерживать детеныша. Последнее тем более важно, что детеныш гоминид теряет способность самостоятельно держаться на теле матери. Его ступни, предназначенные для ходьбы, утрачивают хватательную функцию, и он не может цепляться ими, а руки чересчур слабы, чтобы выдержать вес тела, да и сам он слишком беспомощен. Детеныш шимпанзе гораздо лучше справляется с этой задачей, но матери все равно приходится то и дело поддерживать его. В отличие от этого детеныши низших обезьян крепко цепляются за шерсть матери всеми четырьмя конечностями. У них нет другого выбора — мамаша совсем не придерживает их. Если детеныш, находясь на дереве вместе с матерью, разожмет свои цепкие пальцы, ему придется распрощаться с жизнью. Вот почему, увидев признаки прямохождения у гоминид, найденных Доном в Хадаре, я уже мог судить о некоторых особенностях социальной организации и стратегии размножения этих существ. Я знал, что детенышей нужно было поддерживать и что они требовали немалой заботы со стороны родителей.

— Все это прекрасно, — сказал один из слушателей, — но, мне кажется, с обратными связями у вас что-то не так. Если все зависит от всего, то что играет роль пускового механизма?

— Никакого пускового механизма нет, — ответил Лавджой. — Все происходит плавно и постепенно. Не забудьте, что речь идет об огромном промежутке времени, может быть, сотнях тысячелетий. Условия среды в разных местах несколько различны, поэтому не совсем одинаково и значение разных форм поведения. Важно и то, что речь идет о весьма развитых в умственном отношении животных. Они наблюдательны, могут подражать друг другу и даже эксперимен-

тировать. Разумеется, не в том смысле, что они рассуждают: «Ну, теперь я хожу на двух ногах, у меня освободились руки и я могу прихватить что-нибудь на завтрак для моей малышки». Ничего такого нет. Животное никогда даже смутно не осознаёт себя участником эволюционного процесса. Эволюция происходит путем незначительных сдвигов. Малейшее изменение в каком-то участке петли обратной связи, если оно выгодно, оказывает влияние на всю петлю.

Однако слушатели все еще были не вполне удовлетворены.

— Хорошо, но вы кое-что упустили из виду. *Почему* самец будет приносить самке пищу? Если это имеет столь большое значение, а у человекообразных обезьян такая практика отсутствует, то на каком основании вы предполагаете ее возникновение у двуногих существ?

— Я же говорил вам, что речь идет о сексе.

— Правильно.

— Так давайте продолжим эту тему. Все, о чем мы говорили, было связано со стратегией размножения. Вы начали понимать, что нельзя рассматривать локомоцию изолированно. Это одна из составных частей сложного механизма, направленного на выживание вида и включающего наряду с бегом, кормежкой и игрой детенышей также спаривание и социальное поведение. Мы видели, что образование устойчивых пар может уменьшить агрессию и усилить кооперацию между самцами. По сути, вы спрашиваете (это можно понять из вашего предыдущего вопроса), каким образом самец *начал* приносить пищу? Верно?

— Да.

— А что, если он симпатизирует самке?

— Но постойте...

— Именно это я и имею в виду. Несколько минут назад мы говорили об эпигамной дифференциации и соответствующих эмоциях, которые я назвал любовью. Единственная цель

сексуальных сигналов самки, находящейся в состоянии эструса, — привлечь внимание самцов и обеспечить с их стороны максимум половой активности, чтобы яйцеклетка, образующаяся в ее организме, была оплодотворена. Если самка не будет энергично вывешивать свои флаги, момент может быть упущен. Все млекопитающие весьма эффективно демонстрируют свою сексуальную готовность. Для того и предназначена течка, чтобы *гарантировать сексуальную активность*. Если бы ее не было, овуляция заканчивалась бы впустую. Для человекообразных обезьян, уже слишком склонившихся в сторону К-стратегии, это уменьшило бы и без того малую скорость размножения. В интересах всего вида самка во время течки должна быть тотчас же оплодотворена.

— Но, — заметил один из студентов, — при большей половой избирательности уменьшается число самцов, интересующихся данной самкой, и, значит, снижается вероятность оплодотворения.

— Не обязательно, — возразил Лавджой. — Ведь интерес к ней определенного самца может увеличиться. Даже среди шимпанзе, которые обычно спариваются беспорядочно, встречаются отдельные парочки «молодоженов». Они бродят вместе несколько дней, пока у самки продолжается течка. Это можно считать началом эпигамной дифференциации.

— Ну и что же?

— Представьте себе, что каким-то образом самке удалось продлить период ее привлекательности для данного самца — что теперь она демонстрирует свою сексуальную готовность несколько дольше, что все большее значение в поддержании интереса самца приобретают ее постоянные телесные признаки, такие как шерсть, кожа, конфигурация тела, а значение сигналов, связанных с эстральным циклом, — запахов, набуханий — падает. Это уже похоже на то, что мы видим у людей. Подумайте

об этом. Мужчины и женщины сохраняют сексуальную привлекательность независимо от времени года. Среди млекопитающих это единственный случай. Почему люди таковы? Все молчали.

— Ну, ну, смелее. О чем мы только что говорили? Система парных связей, возникшая у ранних гоминид или прегоминид, была предназначена для того, чтобы закрепить интерес самца к определенной самке и обеспечить зачатие путем постоянного спаривания с одним партнером вместо эпизодического, связанного с циклом овуляции. Парные связи и разделение пищи не могут существовать одновременно с частыми драками и беспорядочной копуляцией. Возможна ли лучшая система отношений, чем та, которая заставляет самца постоянно возвращаться обратно к одной самке? А если он к тому же приносит ей пищу, селективная ценность такого поведения начнет быстро проявляться в увеличении доли его генов в генофонде популяции.

— Итак, никакого пускового механизма не было, — сказал я.

— Конечно, нет, — ответил Лавджой. — Я думаю, этот процесс происходил постепенно и, вероятно, занял немало времени. Он начался тогда, когда самка продолжала сохранять свою сексуальную привлекательность еще несколько дней после завершения эстрального цикла. Этот период понемногу удлинялся. В конце концов связанные с эструсом признаки перестали играть сколько-нибудь важную роль — у самки уже был целый арсенал средств, позволявший ей постоянно удерживать внимание самца.

И она должна была этого добиваться, так как ее способность к зачатию ограничивалась приблизительно тремя днями. Если бы спаривание происходило раз в две недели, вероятность оплодотворения была бы очень низкой. Но самка не могла с этим мириться. Ее задача состояла в

том, чтобы забеременеть сразу, как только появлялась возможность, выйдя предыдущего детеныша, нянчить следующего.

— Вы утверждаете, — вставил кто-то из студентов, — будто двуногое хождение служит причиной парных связей, что в свою очередь приводит к разделению пищи, а это последнее — к более высокой рождаемости?

— Я не говорил о причинах. Это неверный термин. В системе с обратной связью причины не существует. Здесь действует принцип взаимного усиления. Я хотел сказать, что все эти явления имели место и оказывали влияние друг на друга, но не собирался выяснять, какое из них было первым. Я думаю, что этого никто никогда не узнает, так как ничего «первого» в отдельности просто не было, а *все* эти явления, повторяю, имели место. Доказательством служит тот факт, что мы с вами сейчас ведем этот разговор. Ибо мы — конечный результат. Сейчас я составлю таблицу основных различий в поведении между человекообразными обезьянами и гоминидами. Если кто-нибудь из вас сможет лучше объяснить их формирование, я буду рад его выслушать.

Гоминиды

Исключительно наземный образ жизни.

Передвигаются на двух ногах.

Парные связи, ведущие к образованию «нуклеарной» семьи.

Подвижность самок с детенышами ограничена. Появляется возможность возникновения «дома».

Делятся пищей.

Начинают использовать и изготавливать орудия.

Мозг продолжает увеличиваться. Постоянная сексуальность. Забота о нескольких детенышах.

Лавджой начал что-то писать на листе бумаги. (См. внизу на этой странице.)

— Посмотрите сюда. Все эти признаки возникли больше двух миллионов лет назад. Они должны быть взаимосвязаны.

— Я все время пытался вам объяснить, — заключил Лавджой, — что нельзя ни с того ни с сего перейти на новый и притом довольно нелепый способ передвижения. Если мы хотим понять, почему Люси ходила выпрямившись, мы должны, не ограничиваясь только локомоторными способностями, рассмотреть все особенности ее образа жизни. Грубо говоря, она встала на ноги, чтобы чаще рожать детенышей. Но это была бы прямая причинно-следственная связь, а мы хотим избежать таких связей. Будет точнее, если мы скажем: при сложной специализации, слишком сильно ориентирующей животное в сторону К-стратегии, прямохождение — это способ уменьшить такую ориентацию.

— Или, — заметил я, — речь идет о животных с высокоразвитыми умственными способностями и социальными наклонностями, которые нуждаются в продолжительном дет-

Понгиды (человекообразные обезьяны)

Некоторые обитают преимущественно на деревьях, другие — главным образом на земле. Исключительно наземных видов не существует.

Не передвигаются на двух ногах.

Нет парных связей. За исключением гиббонов, нет «нуклеарных» семей.

Самки постоянно передвигаются в поисках пищи и носят с собой детенышей. Нет постоянного места жительства.

Не делятся пищей.

Использование орудий отсутствует или носит несистематический характер.

Мозг не увеличивается. Сексуальность только во время течки. Забота об одном детеныше.

стве и материнском уходе, которые уже способны ходить в выпрямленном положении и настолько К-ориентированы, что могут жить только в самых благоприятных условиях среды, которые делятся пищей и...

— Да, да, все это так, — подхватил Лавджой. — Я только что об этом говорил.

— Я просто подвожу итоги, — сказал я. — Потому что, как мне кажется, вы упустили из виду одну вещь.

— Какую?

— Вы подчеркнули, что человекообразные обезьяны из-за своей К-стратегии оказались на грани вымирания, но не упомянули, что гоминиды, будучи более К-ориентированными, распространены сейчас повсеместно...

— Я принимаю ваше замечание, но речь в нем идет о другом. О более поздних этапах, которые связаны с орудиями и культурой как важнейшими факторами выживания и распространения человека. Без этих факторов мы оставались бы в тропической саванне — продвинулись бы немногим дальше, чем антропоиды. Мы сегодня говорим только о двуногом способе передвижения, т.е. о том, что произошло *до того*, как наш предок стал человеком. Орудия и культура начинают действовать уже *после этого*.

— Давайте подведем итоги. Я думаю, что гоминиды освоили двуное хождение, когда еще жили в лесу, а не после переселения в саванну, хотя именно там они в дальнейшем обитали. Они пришли в саванну как двуногие существа. Благодаря вашим находкам, Дон, мы знаем, что переход к прямохождению произошел около четырех миллионов лет назад, а может быть, и раньше. И он был сделан без помощи орудий. Я думаю, что в основе изменения способа локомоции лежали в первую очередь сексуальные и социальные факторы. Освоив прямохождение, гоминиды могли идти, куда им заблагорассудится, — двуногая походка са-

ма по себе достаточно эффективна. Гоминиды могут двигаться весь день, как собаки. Конечно, в беге они проигрывали. Но, если им не нужно было бегать в саванне, они вполне могли там существовать. Вероятно, они пришли туда потому, что в лесу становилось тесно. Они теперь хорошо размножились, и им не хватало жизненного пространства, заполненного другими человекообразными обезьянами. В конце концов гоминиды переселились в саванну и через пару миллионов лет распространились на обширной территории.

Даже если осваивать не более 6-7 метров в год, через два миллиона лет можно заселить тысячи километров. Орудия, вероятно, способствовали этому процессу. Пользовались ли гоминиды орудиями с самого начала? Вероятно, не больше, чем это делают шимпанзе. Однако с освоением двуногой походки у гоминид появляется возможность лучше, чем раньше, переносить, держать и бросать предметы. В промежутке между четырьмя миллионами и, скажем, одним-полутора миллионами лет использование орудий превратилось из малозначимого фактора в основную движущую силу эволюции гоминид. С самого начала это не были использующие орудия обезьяны, как вы привыкли слышать. Это были обезьяны-новаторы, которые изобретали новые формы социального и сексуального поведения, перешли к прямохождению и в результате значительно увеличили скорость воспроизведения своего рода по сравнению с другими антропоидами. Им повезло — выпрямленное положение тела и освобождение рук от функции передвижения привели к дальнейшему развитию орудий и культуры, к увеличению мозга и в конечном итоге — к появлению четырех миллиардов живых существ, подобных нам с вами. Но все это побочные результаты единого процесса, который состоял в улучшении стратегии размножения.

Лавджой надел пальто. «Я бы ска-

зал, что появление человека стало возможным благодаря новациям в К-стратегии, а орудия усовершенствовали его. Они привели к возникновению *Homo erectus*, но не самого *Homo*».

После того как Лавджой ушел, студенты спросили меня, верю ли я в то, что он рассказывал.

— В целом да, — ответил я. — Хотя сам Лавджой не просит «верить» ему. Это слово такое же неподходящее, как и «причина». Как можно верить чему-то, чего нельзя доказать? Вы можете принять его объяснение как правдоподобное, если оно соответствует данным и кажется вам логичным.

— Но ведь вы верите в эволюцию.

— Да. Эта теория подверглась яростным нападкам и выдержала их. Она и по сей день остается логичной. В самом деле, чем больше вы изучаете ее, чем больше новых фактов узнаете, тем стройнее она становится. Может быть, теория Лавджоя тоже выдержит проверку временем. Тогда я в нее поверю. А пока что я могу принять ее как одно из лучших предлагаемых на сегодня объяснений возникновения бипедии.

Студенты поинтересовались мнением Тима Уайта.

— Вы меня знаете. Я не доверяю ничему, чего нельзя измерить. А из

менения сексуального поведения не оставили нам никаких ископаемых остатков. Но в целом я согласен с Доном. На сегодняшний день это лучшее объяснение. Я думаю, Оуэн прав, утверждая, что прямохождение развивается в условиях тропического леса. Трудно представить себе, чтобы ковыляющие гоминиды пришли в саванну и начали там учиться ходить. Встать на ноги и убежать от врага, когда вы едва овладели этим способом передвижения? Абсурдная идея.

— Что заставило гоминид переселиться в саванну? — спросил я.

— Я согласен с Оуэном, — ответил Тим. — В лесу становилось тесно. Не только потому, что там стало больше гоминид, но и потому, что сами леса исчезали. В плиоцене — а именно в этот период, по-видимому, все это происходило — площадь огромных миоценовых тропических лесов стала уменьшаться. Чего я не могу принять в теории Лавджоя, так это рассуждений о самцах, приносящих пищу самкам и детенышам. Я не понимаю, для чего это вообще понадобилось. Разве необходимость в переносе предметов, детенышей, пищи не могла послужить достаточной причиной для развития бипедии?

— Ты оставляешь в стороне рассуждения об эструсе, — сказал я.

— Да, я никогда не встречал окаменелостей с признаками течки.

5

Часть пятая

Неоконченные дела

Глава 17

Электронные микроскопы, черные дыры и возвращение в Хадар

Во время охоты ловкость и целесообразность наших действий и является, в сущности, той дичью, за которой мы охотимся: если мы ведем охоту плохо, неумело — для нас нет извинения. А уж поймает ли мы дичь или не поймает — дело совсем другое. Ибо мы рождены для поисков истины. Обладание же ею дано лишь более высокому и мощному духу¹.

Мишель Монтень

Хотя добытый за последние двадцать лет богатый улов ископаемых остатков гоминид вместе с приобретенными знаниями о них можно уподобить реке в сравнении с маленьким ручейком, который струился в прошлом столетии, в этой области по-прежнему остается огромное количество несделанной работы. Тот, кто думает, что золотой век палеоантропологии уже позади, ошибается. Я мог бы весь остаток своей жизни провести в Афаре и только-только подобрался бы к его сокровищам. Конечно, теперь вряд ли что-нибудь может так потрясти умы, как яванский обезьяночеловек — первая действительно древняя находка ископаемого человека — или как «бэби из Таунга», наш первый двуногий родственник, который не был человеческим суще-

ством. Я не раз слышал, как молодые люди говорили, что в палеоантропологии уже все сделано, что все великие находки уже в прошлом. Это сушая чепуха. Палеоантропология еще никогда не была на таком подъеме, как сегодня, не привлекала к себе такого внимания широкой публики. Никогда раньше на нее не тратились такие огромные средства и никогда еще перед нею не стояли такие задачи, как сегодня. Только в одном Хадаре мы должны решить две грандиозные проблемы. Во-первых, мы должны лучше ознакомиться с тем материалом, который у нас уже есть. Для этого нужно вернуться назад и найти новые ископаемые остатки

¹ Перевод Н. Я. Рыковой. — прим. перев.

лучшего качества, а также завершить интерпретацию находок. Мы закончили работу над челюстями и зубами, но предстоит еще долгий путь изучения остального скелета.

Во-вторых, определив древность нового вида приблизительно в 3,5 млн. лет, мы тем самым подчеркнули существование двух «черных дыр», находящихся по обе стороны от этой даты. Эти дыры как будто спрашивают:

— Что происходило между 3,5 и 2 млн. лет?

— Что происходило до 3,5 млн. лет?

Это вопросы первостепенной важности. Чтобы ответить на них, нужно вернуться к полевой работе. А у нас даже прежние находки из Хадара были не до конца изучены.

Работа над хадарской коллекцией шла не совсем гладко. Сказывалась нехватка времени и квалифицированного персонала. Мы с Тимом Уайтом провели доскональный анализ челюстей, поскольку зубы и челюсти были нашей специальностью и именно на них базировалось выделение нового вида. Работа над остальными частями скелета *Australopithecus afarensis* двигалась медленно, а между тем здесь могли скрываться ответы на вопрос, как, почему и когда обезьяна превратилась в гоминида. Детальное изучение этих частей было еще не завершено, и многие важные проблемы пока оставались неразрешенными. Например, Брюс Лэтимер, один из моих аспирантов, занимался, как я уже упоминал, анализом стопы афарского австралопитека — самой древней из находок, способных пролить свет на истоки прямохождения.

Стопа эта была поистине уникальной — мир не знал другой такой находки. Она состояла из тринадцати костей, принадлежащих одной особи и замурованных в каменную глыбу. Лэтимеру и Уайту понадобилось несколько месяцев, чтобы извлечь их оттуда и очистить. Еще больше

времени ушло на то, чтобы как следует изучить эти кости. Это главным образом основные фаланги пальцев и кости плюсны, с которыми они сочленялись. Были найдены все пять пар упомянутых костей, что позволяло в точности восстановить способ их соединения. В этом и состояла уникальность находки.

Кое-кто, глядя на эти маленькие шероховатые темные предметы, удивится — что вообще можно по ним сказать? Но ученым типа Лэтимера они могут поведать о многом, прежде всего о том, что Люси и ей подобные ходили полностью выпрямившись и их стопы функционировали так же, как у современного человека. Разница была столь невелика, что она даже не позволяла ничего сказать о предшествующей эволюции человеческой стопы.

Размышляя об эволюционных изменениях, нужно прежде всего ответить на вопрос, какой была стопа у предков гоминид. Правда, на этот счет возможны только гипотезы — костных остатков стопы предковых форм не найдено. Ближайшим прототипом может, вероятно, служить стопа шимпанзе, поскольку есть основания думать, что она мало изменилась в ходе эволюции. Во многих отношениях шимпанзе — это наименее специализированная из всех человекообразных обезьян. Чем подробнее знакомишься с эволюцией понгид и их образом жизни, тем больше поражаешься отсутствию у шимпанзе каких-либо отклонений от основной линии развития. Это «универсальная» обезьяна, в строении которой мы с растущей уверенностью ищем анатомические черты, быть может унаследованные ею от гипотетического общего предка всех антропоидов.

Вторая причина, которая делает интересным изучение стопы шимпанзе, — то, что она почти идентична стопе гориллы. Хотя в других отношениях эти животные значительно дивергировали, стопы их чрезвычайно сходны. Это тоже означает, что по

строению стопы они, вероятно, близки к предковому типу.

Так или иначе, Лэтимер счел возможным принять стопу шимпанзе за исходный прототип, от которого шла эволюция стопы гоминид. Иными словами, нужно было проследить, как конечность, отчасти приспособленная для хватания, превратилась в такую, которая могла служить только для передвижения и опоры, обеспечивала толчок во время шага и полностью утратила свои хватательные функции.

«Как представить себе эту перестройку? — спрашивал себя Лэтимер. — Прежде всего нужно удлинить большой палец и привести его в один ряд с другими, чтобы он не торчал в сторону, как на руке. Затем надо повернуть его так, чтобы пальцевая подушечка смотрела вниз, а не в сторону других пальцев».

У Люси, рассуждал он, все это уже произошло. Означает ли это, что ее стопа была такой же, как у современного человека? В общем — да. В функциональном отношении они похожи, сходен был тип походки, сходны и отпечатки стоп. Но в строении их было небольшое отличие. У афарского австралопитека фаланги изогнутые и относительно более длинные, чем у современного человека. Их можно было ошибочно принять за кости пальцев рук. Изгиб фаланг был обусловлен той же причиной, что и сводчатая конструкция мостов: нужно было укрепить кости, чтобы они лучше могли противостоять усилиям мощных мышц, следы прикрепления которых видны на обеих сторонах фаланг.

На основании этих данных Лэтимер сделал вывод, что *Australopithecus afarensis* был на редкость хорошим ходяком и что его удлиненные пальцы могли быть особенно полезны при передвижении по неровной каменистой местности или по грязи, т.е. там, где могли пригодиться остатки хватательных способностей.

Хотя у шимпанзе кости фаланг то-

же изогнуты и на них имеются следы прикрепления мышц, что связано с умением лазать по деревьям, Лэтимер предостерегал против поспешного вывода, будто афарский австралопитек тоже мог взбираться на деревья. Тщательное изучение суставов *Australopithecus afarensis* показало ошибочность такого предположения. Примыкающие к фалангам плюсневые кости расширяются на концах, значительно ограничивая тем самым подвижность фаланг. Люси, вероятно, шевелила пальцами ног ничуть не лучше современной женщины, но зато и ходила ничуть не хуже — наверное, целый день напролет, не зная усталости. Могла ли она так же быстро бегать — это спорный вопрос. Весь скелет афарского австралопитека указывает на такие качества, как крепость, сила, выносливость, но не на быстроту. По сравнению с ним скелет современного человека кажется утонченным и хрупким. Мы легче, изящнее, подвижнее, но гораздо менее сильны для своего роста и, конечно, менее выносливы.

В строении стопы *Australopithecus afarensis* как будто бы содержался ключ к решению другой проблемы, все еще остававшейся открытой: какие изменения костей стопы были связаны с прямохождением? У человека суставные поверхности костей плюсны расширены сверху и сужены внизу. Для шимпанзе характерно обратное соотношение. Афарский австралопитек в этом смысле занимает как бы промежуточное место. Возможно, что его кости представляют собой переходную стадию и что способность манипулировать пальцами могла утрачиваться постепенно, по мере изменения формы концевых участков плюсневых костей. И вновь Лэтимер предупреждает, что этот вывод может оказаться ошибочным. Стопа шимпанзе — это одно, она предназначена для действий, которые свойственны обезьяне. Стопа человека — совсем другое: это специфическая структура, приспособлен-

Селати, проводник-афар, во время экспедиции 1980 года дежурит на крыше лендровера, охраняя лагерь.

ная уже для иного образа жизни. Стопа афарского австралопитека, по мнению Лэтимера, может быть чем-то третьим, и вовсе не обязательно — переходной стадией от одной эволюционной ступени к другой, более высокой. Ее можно рассматривать как оптимальную конструкцию для данного вида гоминид, ведущих определенный образ жизни в определенных местах. Мы не знаем, насколько быстро эволюционировала стопа гоминид, когда и как происходил этот процесс. Чтобы ответить на эти вопросы, говорит Лэтимер, нужны новые и притом более древние находки.

Рядом с Лэтимером за другим лабораторным столом расположился Билл Кимбел. Он целый год работал над неполным черепом подростка, одной из находок с участка 333. В 1979 году он возил его слепок в Южную Африку, чтобы сравнить с черепом «бэби из Таунга». Прежде никто этого не делал, так как ничего сопоставимого с «бэби из Таунга» не было найдено. Среди ископаемых остатков, обнаруженных в Южной и Восточной Африке после 1924 года, до сих пор нет других черепов, ко-

торые принадлежали бы детенышам австралопитеков.

Результаты произведенного Кимбелом сравнения очень интересовали меня и Тима. Нас задевали возражения Ричарда и Мэри Лики против предложенного названия *Australopithecus afarensis*, а также утверждение Лоринга Брейса, будто новый вид слишком близок к *Australopithecus africanus*, чтобы беспокоиться об их разграничении. Примерно в том же духе высказывался и Филип Тобайес, который в молодости был ассистентом у Дарта, а теперь стал профессором анатомии в университете Витватерсранд в Йоханнесбурге.

В детском возрасте сходство между шимпанзе, австралопитеками и людьми больше, чем во взрослом состоянии; поэтому, рассуждали мы с Тимом, если окажется, что подросток с участка 333 заметно отличается от «бэби из Таунга», то оснований для выделения нового вида *Australopithecus afarensis* будет значительно больше. После возвращения Кимбела мы с радостью узнали из его отчета, что между двумя формами есть очень много морфологических различий, позволяющих без труда провести разграничение.

Тем временем Оуэн Лавджой в Кентском университете продолжал анализ костей таза и нижних конечностей Люси. Лавджой очень вдумчив и наделен богатым воображением, он говорит: «Если вы проводите с окаменелостями 24 часа в сутки, то в конце концов вас начинают постоянно мучить два вопроса: что и почему?».

Таз Люси задал ему пищу для размышлений. Около года ушло на его реконструкцию. Закончив ее, Лавджой увидел, что получилось нечто необычное: пропорции и форма таза нуждались в объяснении, так как не соответствовали прежним теориям относительно строения таза, прямохождения и развития детенышей.

Согласно общепринятому предста-

влению, в процессе эволюции таз у гоминид расширялся, чтобы их большеголовые детеныши могли проходить через родовые пути. Эта теория процветала до открытия Люси, таз которой по своей форме приближался скорее к человеческому, чем к обезьяньему, хотя был не очень большим и сама Люси не отличалась крупным мозгом. Однако этот таз, будучи небольшим в передне-заднем направлении, достигал значительной ширины, что придавало ему своеобразную овальную форму.

Как обычно, Лавджой подошел к решению этой проблемы, задавшись вопросом относительно механических функций, в данном случае: каковы были соотношения между тазом и мышцами, приводившими в движение нижние конечности? Для начала он изучил таз шимпанзе и отметил, что подвздошные кости (большие уплощенные кости, примыкающие с обеих сторон к нижнему отделу позвоночника, к которым прикрепляются мышцы, управляющие движениями бедра) расположены так, как это должно быть при четвероногом, а не двуногом способе передвижения. Шимпанзе может иногда выпрямиться и пройти в таком положении короткое расстояние. Однако обезьяна быстро устает, потому что мышцы, которые идут от ноги к крыльям таза, расположены не совсем так, как было бы нужно при этом типе локомоции. Чтобы эти мышцы лучше работали, подвздошная кость должна выступать не вбок, как у шимпанзе, а вперед, составляя таким образом относительно большую долю тазового пояса. Тогда мышцы станут короче и будут действовать под более выгодным углом.

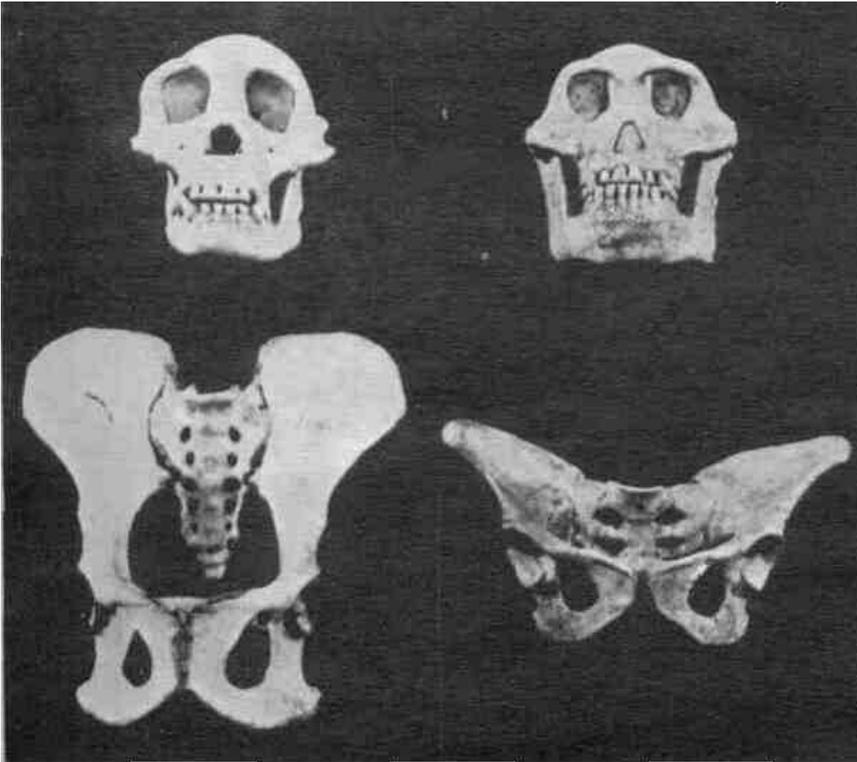
Посмотрев на таз Люси, вы сразу увидите, что крылья подвздошной кости повернуты у нее именно так, как следовало бы ожидать, если бы расположение мышц было лучше приспособлено для прямохождения.

Но ничто не дается так просто. Измените форму или положение одной

части — и это повлечет за собой изменения в других частях. Поворот крыльев подвздошных костей вперед привел бы к тому, что они сдавили бы весь нижний отдел живота. Поэтому, поворачиваясь, они должны были становиться шире и длиннее. Именно это мы и наблюдали у Люси, наряду со значительным увеличением ширины крестца. В результате достигается эффективная походка, достаточный объем живота и своеобразное, вытянутое тазовое кольцо, которое при таком объяснении уже не кажется странным.

Короче говоря, Люси демонстрирует первый из двух шагов, которые должны быть сделаны в процессе эволюции от обезьяны к человеку. Ее таз изменился настолько, что она могла стать двуногим существом. Но второй шаг — дальнейшая эволюция таза, которая позволила бы рожать детенышей с большой головой, — был еще впереди.

Лавджою не удалось пока хорошо объяснить строение кисти и всей руки Люси. По сравнению с человеческими руки у нее довольно длинные. Лавджой вновь задается вопросом: для чего Люси были нужны эти длинные руки? Обезьянам длинные и сильные верхние конечности необходимы для того, чтобы взбираться на деревья. Но эволюционная стратегия превратила Люси в двуногое существо. Приходилось ли ей залезать на деревья? И если да, то как часто? Логично предположить, что не так уж редко, поскольку нужно было спасаться от хищников и добывать пищу. Но как объяснить тогда строение ее кисти? Люси должна была бы иметь длинные пальцы, как у человекообразных обезьян. Однако они у нее довольно короткие. Кроме того, хотя большой палец у Люси, как и у людей, мог полностью противопоставляться остальным, мышцы, прикреплявшиеся у его основания, были, по-видимому, невелики. Это значит, что пальцы, уже способные, вероятно, к точным хватательным движе-

Сравнение черепа и таза шимпанзе (слева) и афарского австралопитека (справа) подтверждает, что последний похож на существо с телом человека и головой человекообразной обезьяны. У шимпанзе надбровные дуги сильно выступают, свод черепа низкий, мозг невелик, лицо прогнатное. У *A. afarensis* череп в основном такой же (хотя есть одно очень важное отличие — зубы человеческого типа). Однако ниже шеи скелеты разительно несходны: у шимпанзе таз четвероногий обезьяны, у *A. afarensis* — почти как у современного человека.

ниям, не обладали достаточной силой. Подобный вывод прямо противоположен тому, что прежде думали ученые. Преобладало мнение, что вначале развивался силовой захват, а уж потом, в качестве последней адаптации вполне развитой человеческой кисти, добавилась точность движений. Лавджой признает, что для окончательного решения проблемы, возможно, понадобятся годы.

Один из наиболее серьезных пробелов в хадарской коллекции костей — отсутствие целого черепа *Australopithecus afarensis*, который мог бы соперничать с зинджем, черепом 1470 или «миссис Плез». Каждая из этих находок в свое время произвела сенсацию в силу своей новизны и относительной сохранности. Осенью 1979 года Тим Уайт решил восполнить этот пробел. Он попытался сложить череп *Australopithecus afarensis* из имевшихся в хадарской коллекции фрагментов. Эта работа оказалась чрезвычайно трудной и длительной.

В окончательную реконструкцию вошли костные фрагменты, принадлежавшие нескольким индивидуумам, хотя большая часть черепа составила из остатков трех особей. Очень важную роль сыграл фрагмент с участка 333, найденный Майком Бушем. Как вы помните, сначала Буш заметил только два зуба, торчавшие из куска породы. Каменную глыбу перевезли в Кливленд, и впоследствии оказалось, что в ней скрывается часть лицевого черепа, которую удалось извлечь техническому сотруднику после шести месяцев расчистки. Второй важной деталью, использованной Тимом для реконструкции, была хорошо сохранившаяся неполная нижняя челюсть, а третьей — тот самый разбитый «странный» череп, глядя на который Тим в свое время клялся, что он не мог принадлежать *Homo*. Эти три части были выбраны Тимом и помогавшим ему Биллом Кимбелом по двум соображениям: 1) все они принадлежали взрослым особям примерно

одинаковых размеров; 2) хотя сами они не составляли целого черепа, но содержали достаточно костного материала, чтобы оба ученых смогли поверить в осуществимость реконструкции.

Первоочередная задача состояла в том, чтобы «починить» череп, который был расплюсчен, разломан на множество фрагментов, а затем сцементирован вкраплениями горного хрусталя в необычную форму. Тим и Билл вынимали обломки кусок за куском (всего 107), очищали от породы, а затем снова складывали из них череп, на этот раз правильной формы. Для этого потребовался месяц непрерывной работы. Они снова и снова переделывали реконструкцию, пока Тим наконец не удовлетворился ею. Затем был изготовлен гипсовый муляж. Так была создана основа реконструкции, к которой в дальнейшем добавлялись другие фрагменты.

Затем они превратили половину нижней челюсти в целую челюсть. Для этого отливали и вырезали недостающие зубы и кусочки кости, создавая зеркальное подобие по образцу уже имеющихся.

Когда нижняя челюсть была закончена, ее включили в генеральную реконструкцию, так как эта кость сочленяется прямо с черепом. Когда череп и челюсти были соединены, определилось точное положение нижних зубов. После этого можно было добавить лицевой фрагмент, найденный Майком Бушем, разместив его так, чтобы немногие оставшиеся в нем верхние зубы заняли надлежащее положение над нижними.

Хотя прямого перехода между лицевыми костями и фрагментами черепа не было из-за отсутствия лба, Тим Уайт счел возможным восстановить верхнюю часть лица, определив величину, форму и расположение глаз по фрагменту нижнего края глазницы, к счастью сохранившегося у «странного» черепа.

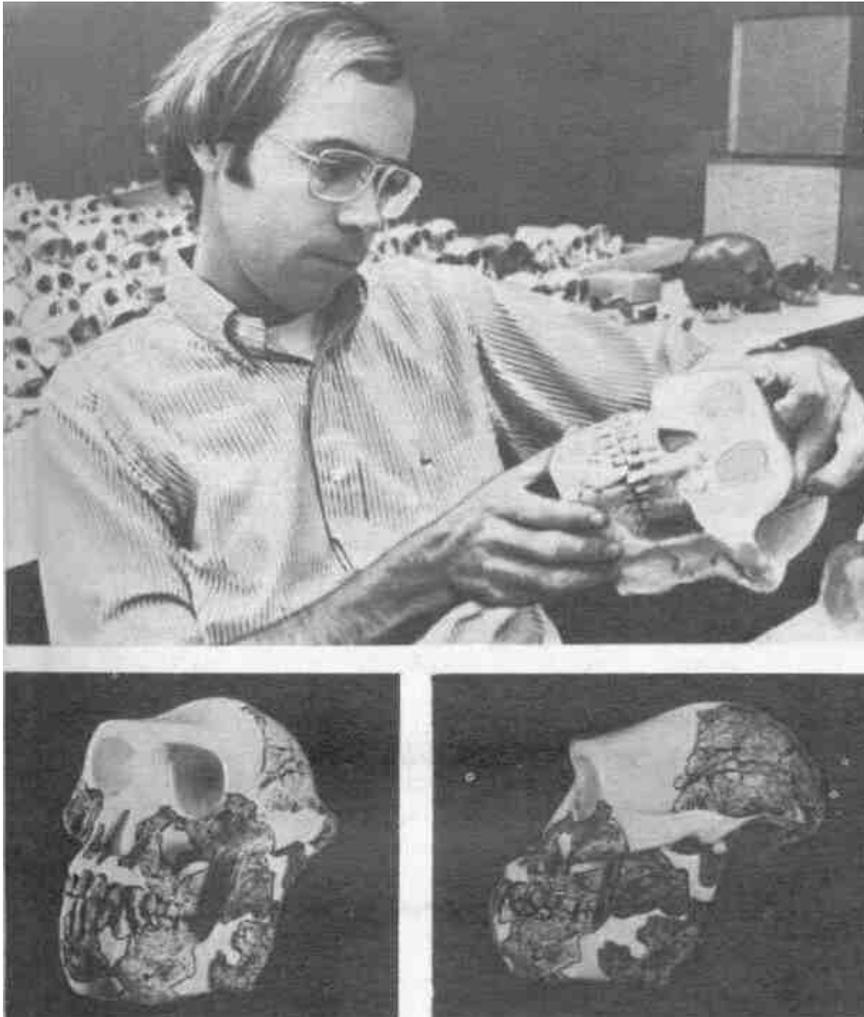
Когда все встало на свои места,

подтвердилась первоначальная идея Тима о «странной» находке. Конечно, это был не *Homo*. Каждый, кто признавал реконструкцию, должен был с этим согласиться. Это существо скорее походило на некрупную самку гориллы, если забыть о зубах, которые были как у гоминид.

Реконструкция Тима, одна из самых добросовестных и трудоемких среди всех когда-либо выполненных в палеоантропологии, была продемонстрирована коллегам в один из декабрьских дней. Все поразились, как Тиму удалось создать ее, — ведь они не видели отдельных этапов работы. Тим удалился из лаборатории и все последние недели трудился на самодельном столе в моем подвале. Здесь с красными от усталости глазами, в перепачканной гипсом одежде он вновь и вновь то добавлял, то соскабливал излишки гипса на реконструкции, пока в конце концов не был удовлетворен результатом. Наконец, он принес ее в лабораторию и развернул. Он показал коллегам все находки, которые использовал, объяснил все способы подгонки частей, к которым ему пришлось прибегнуть. Для него это был момент наивысшего удовлетворения: месяцы работы привели к созданию необычно выглядящего черепа, почти целого, за исключением небольшого фрагмента скуловой кости, которую еще нужно было восстановить.

На другой день утром он пришел в лабораторию, чтобы заняться этим делом, на мгновение повернулся спиной — и гипсовая реконструкция скатилась со стола, разбившись от удара на множество осколков.

Тим был этим так удручен, что какое-то время не был даже в состоянии подобрать обломки, не говоря о том, чтобы попытаться соединить их. В конце концов он позвонил мне, и я примчался в лабораторию. Вместе мы мрачно смотрели на разбросанные по полу фрагменты и гипсовые крошки, из которых, казалось, уже ничего нельзя было воссоздать.

Тим Уайт создал реконструкцию черепа *A. afarensis*, используя костные фрагменты различных индивидуумов. Затылочная часть — это тот самый разбитый череп, о котором упоминается в тексте. Он состоял из 107 осколков.

— Оставь меня, — сказал Тим. — Я не могу ни с кем разговаривать. Я не знаю, что делать.

— Ты еще раз восстановишь реконструкцию, — сказал я.

— Нет, нет. Я не смогу.

Я напомнил ему о Томасе Карлейле, который завершил труд своей жизни, книгу «Французская революция», а служанка по ошибке бросила всю рукопись в огонь.

— К черту Карлейля, — сказал Тим и захлопнул дверь в комнату, где отливались муляжи. Я остался снаружи.

Через некоторое время он принялся подбирать лучше сохранившиеся осколки, а к вечеру начал составлять их вместе. В конце концов он восстановил всю реконструкцию.

Позднее художник и антрополог Джей Мэттернс сделал на основе этой реконструкции серию рисунков. Будучи знатоком анатомии, он мог воссоздавать мышцы, ткани и внешний вид древних гоминид, опираясь на специфические особенности ископаемых костей. Его реконструкции облика афарского австралопитека и других ранних гоминид выглядят довольно правдоподобно, хотя он сам признает, что нельзя точно установить, какой была форма носа, распределение волос на лице, величина молочных желез у самок. Как бы то ни было, работы Мэттернса повторили то, что раньше сказали кости — небольшое, худощавое, необычайно сильное человеческое тело, увенчан-

ное, как заметил Шервуд Уошберн, обезьяньей головой.

Кто же это в целом — гоминид? Да, потому что он передвигался на двух ногах. Но это был переходный тип со многими загадочными чертами. Прояснить их сможет лишь последующее десятилетие лабораторных исследований, которые уже начаты.

— Нужно быть терпеливыми, — говорит Лавджой. — Иногда нельзя получить прямого ответа. Приходится искать косвенные пути, быть может, применить новый метод, о котором еще никто даже и не думал.

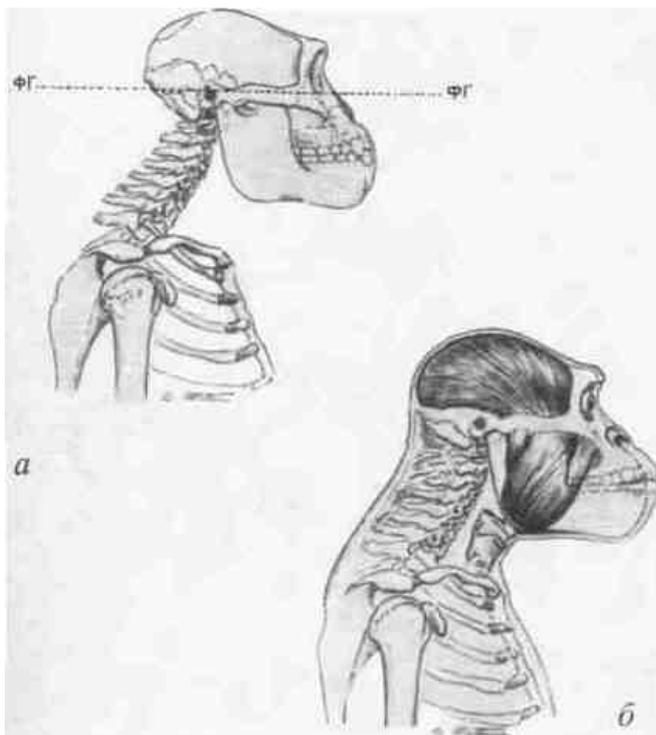
Методы исследования, несомненно, будут совершенствоваться, и помощь будет приходиться с неожиданной стороны. Датировка с помощью радиоактивных элементов — этот абсолютно непредвиденный луч света, озаривший 60-е и 70-е годы, — была побочным продуктом атомных исследований, которые велись на протяжении тридцати предшествующих лет. Сейчас можно ожидать, что вскоре этот метод станет более надежным и область его применения расширится. Сегодня во многих местонахождениях ископаемых остатков найдены образцы вулканических пород, которые годились бы для датировки, если бы не были сильно изменены и загрязнены. Много лет специалисты по датированию мечтали найти способ их очистки и использования. Этим занялся и Боб Уолтер — коллега Джеймса Аронсона, применявший метод следов распада. Уолтер обнаружил, что каждый вулкан оставляет свой «автограф» в виде определенной комбинации элементов, которые сплавляются в его лаве при определенной температуре и определенном давлении во время извержения, не говоря уже о том, что в районе каждого вулкана состав находящихся в недрах земли пород своеобразен. Поэтому нет двух абсолютно сходных вулканов, каждый оставляет свои «отпечатки пальцев». Уолтер работает над методом иден-

тификации этих «отпечатков», анализируя отдельные зерна или кристаллы из вулканических выбросов.

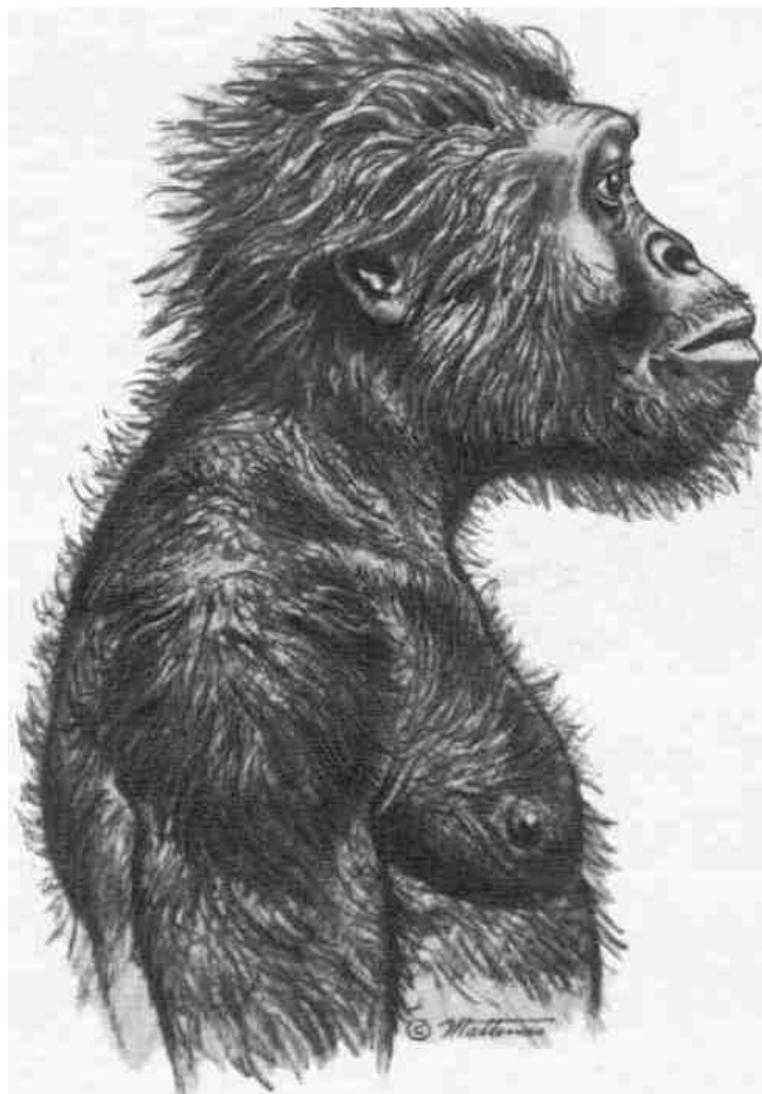
Если ему удастся освоить этот метод, то он сможет очищать образцы, отбраковывая «плохие» зерна. Это даст огромные преимущества. В Хадаре можно будет точно определить возраст таких сильно загрязненных туфов, как ВКТ-1 и ВКТ-3, — в дополнение к бесценным датировкам, полученным для слоя ВКТ-2, единственного, который можно использовать в настоящее время.

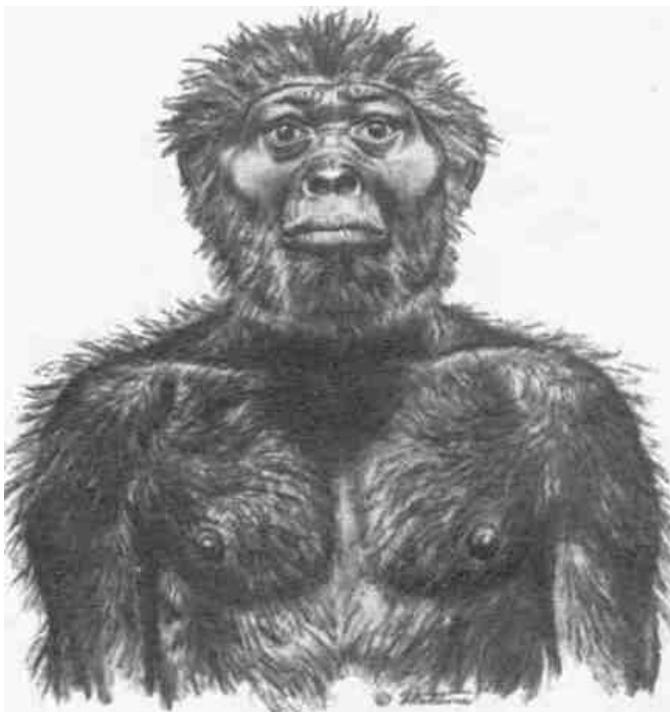
Одна из трудностей со знаменитым туфом KBS в районе озера Туркана заключается в том, что он не только сильно загрязнен, но и расположен не там, где найдены ископаемые остатки. Поэтому, помимо сомнений в точности его датировки, возникает дополнительная проблема — вычислить путем сопоставления стратиграфических данных возраст находок, собранных на расстоянии 30 километров от места залегания этого туфа. Между тем в ряде мест близ озера Туркана имеются следы других вулканических событий различной древности. Если их возраст можно будет определить, крайне запутанная геология этого района станет более ясной.

Подобно тому как «калий-аргоновый аппарат» и масс-спектрометр неожиданно упростили проблему датировки, другой прибор обещает рассказать о том, что ели гоминиды и как двигались их челюсти. Это сканирующий электронный микроскоп. Подобно всякому микроскопу, он дает сильное увеличение, при желании — в несколько тысяч раз. Но его главное достоинство состоит в том, что он обеспечивает поразительную глубину поля зрения. Обычно, когда смотрят через какой-либо сверхмощный увеличитель, видят только один слой, тонкий, как лезвие бритвы. Если микроскоп фокусируют на кожу инфузории-туфельки, то реснички, которые торчат из нее,

Используя реконструкцию Уайта в качестве модели, художник-иллюстратор научной литературы Джей Мэттернс сделал эти рисунки, чтобы показать, как мог выглядеть *A. afarensis*. Двадцать лет Мэттернс специализируется в этой области. Его работы основаны на прекрасном знании анатомии. Первый шаг состоял в том, чтобы определить положение головы. Для этого художник провел горизонтальную линию, соединяющую нижний край глазницы и точку на черепе, называемую «порион». В результате получилась голова с выступающими вперед челюстями; значит, для ее поддержания нужны удлиненные остистые отростки шейных позвонков и мощно развитая мускулатура шеи. Следующий шаг — это наложение мышц. Голова постепенно приобретает окончательный облик. Детальное описание всех стадий воссоздания внешней формы см. в *Приложении*.

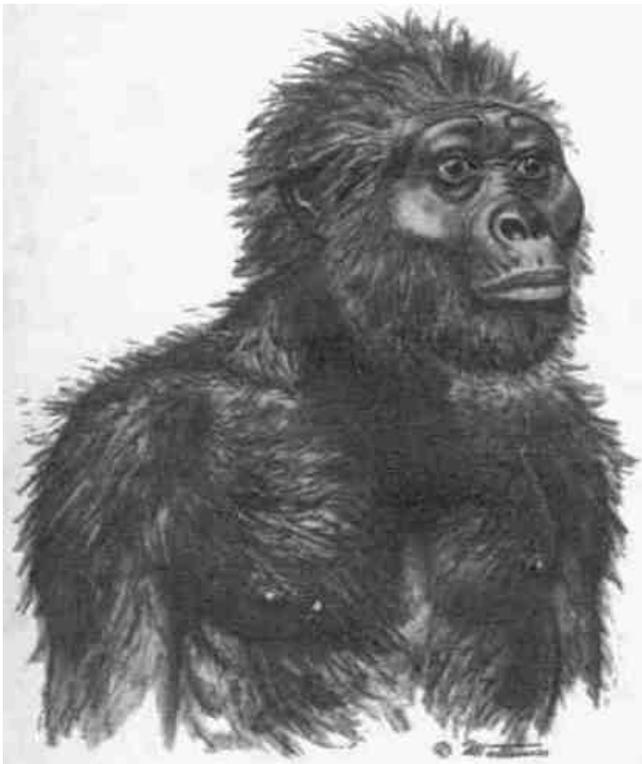

Вид *A. afarensis* спереди — следующий этап восстановления его облика. Глаза помещены в глазницах, рот плотно сжат, губы сомкнуты чуть ниже линии верхних резцов. Поскольку у человекообразных обезьян углы рта расположены как раз позади клыков, Мэттернс выбрал для *A. afarensis* такую же ширину рта. Он снабдил своего подопечного мясистой ушной мочкой, характерной для гоминид, но не для обезьян. Он считает, что кожа *A. afarensis* была темной и покрыта довольно редкими волосами, так как животное, обитавшее в жарком климате в открытой саванне, должно иметь темный цвет кожи

остаются вне фокуса, и наоборот. В отличие от этого *сканирующий* электронный микроскоп позволяет получить четкое изображение объектов в гораздо более толстом «слое» трехмерного пространства. Верхняя и боковые части инфузории, реснички, выступающие в разных направлениях, будут видны одинаково хорошо.

Этот замечательный прибор недавно был применен для того, чтобы изучить под большим увеличением поверхности зубов ископаемых гоминид. Доктор Алан Уокер из Университета Джонса Хопкинса пришел к выводу, что отполированные участки, обнаруженные им на зубах массивных австралопитеков и современных шимпанзе, указывают на то,

что австралопитеки, как и шимпанзе, питались плодами.

Эта новость вызвала удивление. Об австралопитеках было известно, что они проводили много времени в саванне, на земле, а не на деревьях, ходили на двух ногах. Все это позволяло предполагать, что они были всеядными. Конечно, они питались плодами и, без сомнения, в достаточ-

ном количестве, особенно в сезон плодоношения. Но они, вероятно, поедали также много ягод, семян, корней, клубней и наряду с этим пережевывали немало грязи и песка. Если их рацион составляли в первую очередь плоды, как предполагает изучавший их зубы Уокер, то наши представления об австралопитековых и их эволюционном пути неверны.

Второе, более позднее и более основательное исследование зубов гоминоид с помощью сканирующего электронного микроскопа было предпринято Элом Райаном, докторантом Мичиганского университета. В исследовании Райана была использована более обширная контрольная группа, чем в работе Уокера. Он изучил большое количество зубов индейцев, добытых в результате раскопок погребальных курганов на Среднем Западе США. Затем он изучил зубы современных эскимосов. В обеих группах он обнаружил следы микроповреждений, сколов небольших кусочков эмали, что было результатом обычной практики представителей этих народов: они использовали челюсти как тиски, зажимая предметы при плетении корзин, разрезании шкур, завязывании узлов, обработке кусков дерева или кости. Сегодня эскимосы пользуются своими зубами так, что это может повергнуть в ужас любого дантиста, — открывают ими канистры с бензином и закручивают болты. Все это служит причиной микросколов.

Затем Райан занялся изучением зубов человекообразных обезьян. Он обнаружил, что шимпанзе благодаря своей фруктовой диете имеют гладко отполированные резцы, а гориллы — нет. Гориллы живут на земле и питаются грубой растительной пищей. К тому же они протаскивают через зубы грубые стебли, снимая с них наружный слой. Из-за песчинок, прилипших к растению, а также из-за абразивного действия содержащегося в растительных клетках кремния

на жевательных поверхностях передних зубов появляются легко различимые щербинки и царапины. Даже направление царапин представляет интерес: они идут с внутренней стороны зуба к наружной, ослабевающая, как хвост кометы. Зубы гориллы не так отполированы, как у шимпанзе. Гориллы едят меньше плодов, в их рационе слишком много грубой пищи.

Третья форма стертости возникает при измельчении небольших твердых предметов, таких как семена. В результате происходит постепенное обнажение дентина и образование в нем углублений, поскольку дентин мягче, чем эмаль. Человек, у которого дентин обнажен и сильно стерт, может ощутить языком небольшие щербинки на жевательном крае резцов.

Выделив типы изношенности зубов у различных антропоидов и человека, Райан затем исследовал с помощью сканирующего электронного микроскопа зубы *Australopithecus afarensis* и обнаружил на них все три типа повреждений: микросколы, ямки и царапины. По его мнению, эти ранние гоминиды не питались исключительно плодами, а были всеядными, на что указывали также другие исследования и косвенные соображения.

Райан хотел углубить свой анализ и попытаться определить составные части сложного рациона австралопитековых. Он уже усовершенствовал прибор, с помощью которого можно установить связь между размерами частиц твердой пищи и величиной царапин на зубах. Этот прибор позволил также показать, что различные способы функционирования зубов — перетирание пищи, откусывание, соскабливание верхнего слоя и т.д. — приводят к разному характеру их износа. Если удастся достаточно точно определить размеры кремневых частиц, которые содержатся в различных растениях, то можно будет судить о происхождении микроскопических царапин различной величины на зубах. Райан предполагает

начать с человекообразных обезьян, пища которых ему известна. Установив содержание в ней кремнезема, он попытается выявить определенные корреляции. Если ему это удастся, он применит эти данные к австралопитековым, опираясь на то, что известно о характере растительности во время плио-плейстоцена. Кажется почти невероятным, что *какой бы то ни было* лабораторный метод позволит выяснить, чем обедали животные три миллиона лет назад. Но Райан полон надежд. Другие ученые следят за его работой с большим интересом.

Когда узнаешь о людях, подобных Элу Райану и Бобу Уолтеру, начинаешь понимать: палеоантропология делает только первые шаги. Я не могу себе даже представить, что будут делать в науке нынешние школьники, когда они вырастут. Методы и достижения будущей науки кажутся нам столь же непредсказуемыми, как для Дарвина то, что сегодня привычно для нас. Места хватит всем: и любителям лабораторных исследований, таким как Райан и Уолтер, и энтузиастам полевой работы, как я. В особенности экспедиционным работникам. Те две «черные дыры», о которых я говорил раньше, требуют к себе внимания. Я уверен, что исследования в Афаре могут пролить на них свет.

Черные дыры получили свое название от гипотетических небесных тел, недоступных для обычных методов астрономических наблюдений. Астрономы предполагают, что черная дыра представляет собой массу вещества, до такой степени сжатого, что ее сверхмощная гравитация не позволяет лучам света выйти наружу. Это как бы Земля, упакованная в чемодан. Эти выводы носят теоретический характер, поскольку черные дыры нельзя непосредственно наблюдать. Отсюда и метафора для палеоантропологии: завеса незнания так прочно закрывает определенные

участки прошлого, что они абсолютно темны для нас.

Одна «черная дыра», о которой практически нет ископаемых свидетельств, — это период между тремя и двумя миллионами лет. В Восточной Африке найдено несколько окаменелостей массивных австралопитеков возрастом чуть больше двух миллионов лет и несколько крайне спорных фрагментов из Омо и других мест, относящихся, по-видимому, к грацильному типу. В Южной Африке также найдены грацильные формы, которым приписывают древность около 2,5 млн. лет, но эта цифра требует уточнения. В остальном эта дыра действительно черная. В ней начисто отсутствуют следы существования *Homo*, если не считать каменных орудий, обнаруженных Элен Рош и Харрисом. Исходя из предположения, что нарождающийся *Homo* изготавливал каменные орудия, а австралопитеки — нет, любые костные остатки гоминид, сопутствующие древнейшим найденным орудиям, следует считать костями древнейшего известного *Homo*.

Будет ли это существо, стоящее на грани между животным и человеком, больше похоже на *H. habilis* или *A. afarensis*? Это вопрос, на который я очень хотел бы ответить.

И другой вопрос: что находится по ту сторону Люси, за пределами 3,5 млн. лет?

Тот, кто хотел бы это знать, попадает в другую «черную дыру». Если первая дыра глубокая и темная, то вторая в три или четыре раза глубже и абсолютно беспросветна. Она простирается за пределы отложений Хадара и Летоли примерно на шесть миллионов лет, устремляясь прямо в миоцен. Исследователь, идущий вспять по тропе развития гоминид, впервые встречается здесь с существами, которые уже не гоминиды. Где-то в этой второй дыре находятся формы, слишком примитивные для классификации в связи с вопросом о наших предках. Это окаменелости,

которые начинают встречаться на дальнем конце «черной дыры» около 9-10 миллионов лет назад. Они принадлежат человекообразным обезьянам.

В промежутке, в самой «дыре», почти ничего нет. От всего огромного периода в шесть миллионов лет в Восточной Африке и Эфиопии сохранились только три фрагмента, предположительно относящиеся к гоминидам: плечевая кость из Канапои (немного больше 4 млн. лет), обломок челюсти с единственным моляром из Лотагама (5,5 млн. лет) и еще один моляр из Лукейно (6 млн. лет). Эти три окаменелости так фрагментарны, так ветхи, так затеряны в пустыне времени, что не могут ничего сказать о себе, кроме того, что подсказывает логика: в этот период в Восточной Африке развивался какой-то переходный вид от человекообразной обезьяны к гоминиду. Когда и каким образом это происходило, так же неясно, как неясны и сами эти окаменелости.

На уровне 9-10 миллионов лет на дальнем конце «черной дыры» снова появляются ископаемые свидетельства: ученым удалось найти в нескольких местах продуктивные слои такого возраста. Там они обнаружили человекообразных обезьян, несколько их типов. Будучи примитивными, они не соответствуют ныне живущим формам, но обладают признаками, как бы превосходящими современных антропоидов, хотя связь эта не настолько ясна, чтобы можно было сказать, какая именно из древних обезьян была предком орангутана, гориллы или шимпанзе. Одна из них — рамапитек — имеет зубы, как будто уже намекающие на эволюцию в сторону гоминид. Здесь мы встречаем первые признаки того загадочного увеличения моляров с утолщением их эмали, которое в конце концов достигает почти гротескной формы у поздних массивных австралопитеков.

Очевидно, что рамапитек и пара

других обезьян со сходными особенностями зубной системы делали что-то такое, чего не могли делать остальные миоценовые антропоиды. Каким было это особое поведение и как оно соотносилось с поведением их предшественников или одновременно живших с ними обезьян — вот круг вопросов, интересующих англичанина Дэвида Пилбима, эрудита с тихим голосом, который преподает антропологию в Йельском университете и пытается разобраться в путанице проблем, связанных с миоценовыми антропоидами.

Работу Пилбима затрудняют плохая сохранность ископаемых остатков, их относительная редкость и нечеткая датировка. Они поступают с трех континентов и разбросаны во времени в пределах около 10 миллионов лет. Почти целое столетие собирали их специалисты и любители. Снабженные противоречивыми названиями, эти окаменелости осели в хранилищах дюжины музеев и были практически забыты. Другой йельский антрополог, Элвин Саймонс (ныне он работает в Университете Дюка), потратил немало сил, чтобы извлечь их оттуда. Он установил, что по меньшей мере две находки, фигурировавшие под различными названиями, можно отнести к роду *Ramapithecus*. Таким образом, в его распоряжении оказались сносные образцы как верхней, так и нижней челюстей и соответствующих зубов. В реконструкции Саймонса рамапитек отличался не только пресловутыми крупными молярами с толстым слоем эмали, но также небольшими клыками и гоминидоподобной дугообразной формой нёба. Не известно, ходил ли он прямо и каков был его череп. Подобно многим другим миоценовым человекообразным обезьянам, рамапитек представлен только остатками челюстей и зубами.

Если, как утверждает Оуэн Лавджой, чтобы знать окаменелости, надо жить среди них, то лучший пример

тому — Дэвид Пилбим. Двадцать с лишним лет он поглощен изучением небольшой коллекции давно исчезнувших предков человекообразных обезьян. Пытаясь понять их, он изменяет свои прежние взгляды по мере того, как растет это понимание. В 1978 году с трибуны того самого Нобелевского симпозиума, на котором я впервые публично заявил об афарском австралопитеке, Пилбим прочел длинный и интересный доклад об антропоидах миоцена. Просто удивительно, сколько ценной информации он умудрился извлечь из этих древних фрагментов. Он крайне осторожный человек и все время подстраховывает свои выводы оговорками, что они могут оказаться ошибочными. Но он все-таки нарисовал картину, которая выглядит примерно так, как мы сейчас опишем.

Миоценовые человекообразные обезьяны появляются около 20 миллионов лет назад. Одна из древнейших форм — *Dryopithecus africanus*¹ — была найдена Луисом Лики на берегу озера Виктория. Другие подобные дриопитеку существа появились позднее, их находят в интервале от 18-17 до 9 миллионов лет. Они различались по форме и размерам тела и были широко распространены в Африке, Центральной и Южной Европе и Азии. Подобно всем человекообразным обезьянам, они обитали в лесах, и их ареал совпадал с зоной великих тропических лесов, которые опоясывали Землю в начале миоцена. Пилбим объединил несколько форм в одно семейство и назвал его «дриопитециды» по самому известному представителю группы.

Судя по общему впечатлению, эти существа несколько напоминали шимпанзе в крупных и мелких вариантах. Но это не были шимпанзе — они отличались по многим важным особенностям. Пилбим считает, что

¹ Ее другое название — *Proconsul*, по кличке обезьяны Консул, жившей в Лондонском зоопарке. — *Прим. перев.*

ранние дриопитециды на самом деле были ближе к низшим обезьянам, чем к современным антропоидам. И все-таки не следует отвергать предположения, что они были предками современных человекообразных обезьян. Некоторые из них даже как бы превосходят орангов, другие — горилл, третьи — шимпанзе. Но доказать это невозможно. Ископаемые остатки дриопитеков исчезают 8 или 9 миллионов лет назад. Промежуточные типы между ними и современными антропоидами неизвестны. После 8 миллионов лет нигде не найдено окаменевших костей человекообразных обезьян. Одной из причин этого могла быть малочисленность самих обезьян. В миоцене площадь тропических лесов стала сокращаться, вслед за тем сократилось и количество дриопитековых. Может быть, попав в далеко не идеальные условия среды, они стали испытывать неблагоприятные последствия предельно выраженной К-стратегии. Но, конечно, более важная причина, объясняющая редкость находок костных остатков лесных жителей — будь то обезьяны или кто-нибудь другой, — состоит в том, что они плохо сохраняются в тропических лесах. Слишком кислая почва вместе с бактериями «съедает» кости еще до того, как они начинают фоссилизироваться.

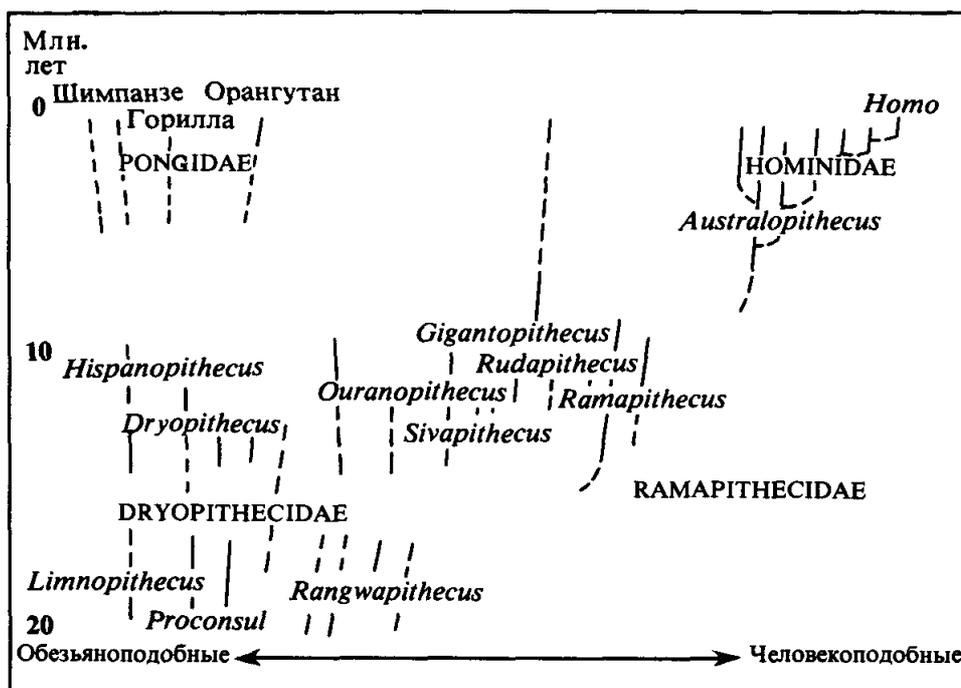
Во всяком случае, современные гориллы, орангутаны и шимпанзе возникают как будто ниоткуда. Сегодня они с нами, но вчерашнего дня у них нет, если не считать отдаленных черт сходства, намечающихся у дриопитековых. Пилбим полагает, что связь существует, он отразил это в составленной им схеме (с. 270), но счел нужным оставить в ней большой разрыв и не сделал попытки связать какого-либо конкретного представителя дриопитековых с тем или иным из ныне живущих антропоидов. Он ограничился выводом, что дриопитециды — это примитивные антропоиды, обладающие рядом общих черт, которые отделяют их от второй

группы антропоидов миоцена. Пилбиму удалось вычленил и эту группу, которую он назвал «рамапитециды», так как к ней относится упомянутый выше рамапитек.

В чем же состоит различие? Оно очень простое, но необычайно важное. За исключением премоляров, имеющих сходство с обезьяньими, остальные зубы рамапитековых имеют своеобразное, уже не обезьяноподобное строение: крупные, покрытые толстым слоем эмали моляры, небольшие клыки. Они превосходят гоминид. Дриопитеки с зубами обезьяньего типа — предвестники современных антропоидов.

Так просто и в то же время так сложно. Двадцать лет исследований и перетасовок привели к созданию обманчиво простой схемы. Существенно в ней то, как Пилбим расположил различные типы, распределив их по горизонтали в соответствии со степенью близости к человекообразным обезьянам или к гоминидам. Так, существо, названное *Limnopithecus*, заняло в его схеме крайнее левое положение, так как это наиболее обезьяноподобная из всех миоценовых форм, а *Ramapithecus* благодаря наибольшему сходству с гоминидами оказался на правом краю — он явно претендует на роль нашего предка.

Главное, о чем говорит нам схема Пилбима, — это то, что разделение человекообразных обезьян на две группы произошло намного ранее 10 миллионов лет. Из-за скудости ископаемых остатков это казалось не столь очевидным, пока Пилбим не свел воедино материал, относящийся к разным регионам, пока он не отправился в Пакистан (где находится ряд наиболее продуктивных слоев с остатками рамапитеков) и не увеличил там свою коллекцию, пока не нашел несколько ископаемых костей еще одного представителя рамапитековых — *Sivapithecus* — и не счел нужным на основании особенностей зубной системы поместить его в

Самая недавняя попытка разобраться в путанице с миоценовыми антропоидами была сделана Дэвидом Пилбимом. Он делит их на две большие группы: Dryopithecidae (дриопитековые — те, которые не имеют зубов гоминидного типа и, возможно, являются предками современных антропоидов) и Ramapithecidae (рамапитековые,

группу обезьян, близких к гоминидам. После того как он сделал все это, он смог сказать: «Ископаемые существа, которых я объединил в семейство *Ramapithecidae*, обладают уникальным, неизвестным ранее сочетанием признаков».

Если не считать этого главного разделения на две группы и размещения их на «обезьяноподобном» и «человекоподобном» полюсах горизонтальной шкалы, Пилбим, по его собственному признанию, еще плохо представляет себе эволюционные отношения. Он не знает, как были связаны различные формы внутри групп и могли ли одни перейти в другие, хотя последнее кажется ему сомнительным. Он считает ситуацию с миоценовыми антропоидами невероятно сложной и уверен, что со временем будут найдены еще новые их представители. Родословное древо, построенное Пилбимом, отражает

Среди последних, по мнению Пилбима, наиболее близок к человеку *Ramapithecus*, поэтому на схеме он занимает в данной группе крайнее правое положение. Сам Пилбим не слишком уверен в правильности своей схемы. Истинных гоминид он помещает гораздо правее, так что от рамапитека их отделяет большой разрыв.

эту сложность. Оно, как плодами, усыпано странными названиями. Когда добавятся новые названия, оно будет выглядеть еще более сложным.

На самом деле это своего рода упрощение. Схема показывает, что какая-то одна группа существ делала что-то в чащобах тропического леса, а миллионы лет спустя в тех же лесах появились современные человекообразные обезьяны. Другая группа занималась чем-то иным — по-видимому, вырабатывала ряд приспособлений к жизни в условиях редющего леса, а затем в еще более открытой саванне, осваивая новую среду обитания с новыми источниками пищи, новыми возможностями, новыми опасностями.

Известно, что миоценовые леса начали исчезать около 15 миллионов лет назад. Положение рамапитековых на схеме Пилбима в виде не-

сколько выделяющейся подгруппы указывает на то, что они, вероятно, успели сделать заметный эволюционный шаг по пути адаптации к изменяющимся условиям: 14 миллионов лет назад они жили уже на земле, а не на деревьях, на открытой местности, ели разнообразную пищу, пережевывая ее специально приспособленными для этого зубами.

Были ли рамапитеки предками гоминид? При взгляде на родословное древо Пилбима мы увидим, что сам автор в этом не очень уверен: он помещает гоминид не прямо над рамапитецидами, а гораздо правее их. При этом ширина разделяющего обе группы разрыва отражает сомнения в существовании прямых связей между ними; она означает также, что в промежутке может быть некое пока еще не найденное существо.

Даже размещение *Ramapithecus* на крайнем правом фланге группы не столь бесспорно. Поиски, проведенные недавно Пилбимом на плато Потвар в Пакистане, дали больше окаменелостей сивапитека, чем всех других представителей семейства. Пилбим начал внимательнее присматриваться к этому существу, чтобы проверить, не является ли оно столь же достойным претендентом, как и рамапитек.

Еще один миоценовый антропоид, очень интересующий Пилбима, хотя и не как возможный предок гоминид, — это *Gigantopithecus*. Он был гораздо крупнее остальных. По размерам он походил на самку гориллы, но моляры у него были еще больше, гораздо больше. Откуда появилась эта обезьяна? Куда исчезла? Подобно многим другим, она прячется в тени, как ни с кем не связанный бесплотный призрак. Все, что пока уда-

лось найти в Индии и Пакистане от этой громоздкой диковины, — это пара похожих на булыжники зубов да часть бедренной кости. Им около 9 миллионов лет. Другие зубы этого же животного появляются спустя несколько миллионов лет на расстояний в тысячи миль — в Китае. Гигантопитека, видимо, можно сравнить со слоном — крупнейший вегетарианец саванны среди обезьян и вполне процветающее животное. В Китае он вымер всего около полумиллиона лет назад, вероятно истребленный своим более мелким, но лучше приспособленным и умным кузенком *Homo*. Среди антропологов есть такие, кто думает, что гигантопитек сохранился до сих пор в отдаленных уголках земли — как гималайский «снежный человек» или большеногий «сасквоч» из лесов северо-западной Америки. Но большинство отвергает эту мысль как фантастическую.

Из всех миоценовых антропоидов лучше всего представлен окаменелостями сивапитек — на сегодняшний день найдено более 60 костных фрагментов; как обычно, это в основном челюсти и зубы. Но Пилбим недавно выкопал кости нижней конечности, стопы, фаланги пальцев и осколки черепа, соответствующие крупному, среднему и мелкому типам. Крупный тип — это, очевидно, гигантопитек. Средний — сивапитек. По словам Пилбима, это обезьяна величиной с шимпанзе, но по сравнению с последним она, вероятно, проводила больше времени на земле.

О представителе мелкого типа — рамапитеке — сего дня тоже известно намного больше, чем прежде. Новые находки челюстей подтвердили и уточнили реконструкцию, предложенную Саймонсом, хотя информативных посткраниальных остатков все еще очень мало. Пилбим так описывает это животное:

«*Ramapithecus* — очень небольшое существо, величиной с собаку средних размеров, весом 12-15 кг. Насколько сейчас можно судить, это было не двуногое, а проворное четверногое животное, быть может одинаково

¹ В последнее время многие ученые, в том числе и сам Д. Пилбим, сближают рамапитека и сивапитека с современными orangутанами (см., например: D. Pilbeam. The descent of hominoids and hominids. Scientific American, March, 1984). — Прим. перев.

приспособленное к жизни как на земле, так и на деревьях... Я думаю, что оно легко и часто взбиралось на деревья, чтобы поспать, отдохнуть, поиграть, пообщаться с сородичами, укрыться от врагов и даже покормиться там. Однако рамапитек использовал и открытые пространства — лесные поляны или опушку леса. Здесь он собирал грубую растительную пищу, а иногда, возможно, ловил небольшую добычу. Передвигаясь по земле, он, наверное, нередко вставал на задние ноги, как это делают небольшие современные обезьяны, особенно если ему нужно было что-то перенести... Я полагаю, что [своеобразие зубов] можно рассматривать как приспособление к новым, более грубым видам растительной пищи. Орудиями рамапитек пользовался, вероятно, не больше, чем шимпанзе.

Это существо не похоже ни на одно из тех, что живут сейчас, жили до него или после. Если это не древнейший гоминид, то скорее всего нечто сходное с ним. Став полностью прямоходящим, он легко мог превратиться в первого австралопитека».

Наш предок? Может быть.

Наибольшая трудность работы в Пакистане связана с плохой сохранностью ископаемых остатков. Они до крайности фрагментарны. Меня все время не покидает чувство, что в Афаре можно найти лучшие окаменелости — в более древних отложениях, чем те, с которыми мы до сих пор имели дело, в слоях, которые сформировались 7 миллионов лет назад и могли бы связать наши находки с миоценовыми антропоидами Пилбима.

Я знаю, каковы условия фоссилизации костей в Хадаре, и поэтому не могу не верить, что стоит только найти продуктивные слои такой древности, и нас будут ждать фантастические находки. Я часто думаю, как выглядел бы коленный сустав древностью в 7 миллионов лет и какие чувства испытал бы, увидев его, Оуэн Лавджой. Представьте себе, что мы наткнемся на нечто подобное Люси, но старше ее на 4 миллиона лет. Будет ли это гоминид или обезьяна? Будет ли это существо прямоходящим? Такие вопросы могут оказаться очень трудными, и решение их зависит от того, как будут интерпретированы существа, стоящие на грани

между обезьянами и гоминидами. Меня угнетало, что из-за политической ситуации в Эфиопии мы в течение трех лет не могли вернуться в страну и попытаться ответить на эти вопросы. Я без конца думал об окаменелостях, которые за эти три года могли обнажиться на склонах в долине реки Аваш. Может быть, они уже смыты дождевыми потоками, растоптаны в пыль скотом и перемешаны с гравием на территории в сотню квадратных миль. После 1976 года я часто думал об этом, хотя и гнал от себя эти мысли.

Письмо Мориса Тайеба, которое я получил летом 1979 года, вернуло меня к жизни. Морис сообщал, что перспективы вновь приехать в Эфиопию стали более реальными. Он поддерживал связь с некоторыми людьми в министерстве. Казалось, что мы могли бы вернуться — хотя бы только в Аддис-Абебу для обсуждения возможностей полевой работы в будущем сезоне. Не сообщу ли я, в какое время мне будет удобно присоединиться к нему?

Я ответил: в любое. Предположив, что за таким визитом последует полевой сезон, я тут же начал его планировать, обдумывая, кого из людей я хотел бы взять с собой и каковы будут наши первоочередные задачи.

Неотложного внимания требовал участок 333. Провести раскопки в верхней части холма, чтобы тем или иным образом установить, сохранились ли в глубине другие окаменелости, — эта задача была одной из самых важных.

Столь же необходимы были геологические изыскания в том месте, где Джек Харрис и Элен Рош нашли каменные орудия. Если эти орудия действительно древнейшие в мире, то для определения их возраста нужно получить хорошую точку отсчета. Важно поработать внутри «черной дыры» — в промежутке между 3,5 и 2 миллионами лет. Хорошие ископаемые остатки гоминид, найденные в этом временном интервале, могли

бы или подтвердить, или опровергнуть наши с Уайтом теоретические построения относительно позднеплиоценовых и раннеплейстоценовых гоминид.

И наконец, была еще другая «черная дыра» — та, которая тянулась за пределы Хадара на 6 миллионов лет назад, в миоцен. Морис заверил меня, что в отдаленных районах Афара найдутся отложения возрастом от 4 до 7 миллионов лет. Выбирать среди столь заманчивых возможностей будет совсем не просто. Наверное, придется заняться чем-то во всех этих областях.

3 января 1980 года я вылетел в Париж. Со мной была тщательно запакованная полная коллекция находок из Хадара, предназначенная для передачи эфиопским властям.

В Париже ко мне присоединился Морис Тайеб, и вместе с ним мы полетели в Аддис-Абебу. Здесь нас встретил наш старый друг экспедитор Ричард Уилдинг с представителями министерства культуры Эфиопии. Присутствие в аэропорту эфиопов было необычным явлением и показалось мне хорошим знаком. Последующие несколько дней мы провели, совещаясь с учеными, прилетевшими из других стран: английским археологом Десмондом Кларком, Джеком Харрисом — специалистом по каменным орудиям из Новой Зеландии, Раймондой Бонфий — коллегой Тайеба и специалистом по ископаемой пыльце, Биллом Синглтоном, который несколько лет назад работал в другом районе Афара.

В результате мы разработали письменные предложения по поводу будущих палеоантропологических и археологических исследований в Эфиопии. Они были представлены властям на совещании, которое начиналось для нас весьма напряженно, так как мы понимали, что вся будущность полевых работ в Афаре может зависеть от ответа на этот документ.

Наше беспокойство быстро улег-

лось. За прошедшие два года значительно возрос интерес эфиопов к научной работе зарубежных специалистов в их стране. Прежде из-за политических неурядиц власти были слишком заняты внутренними проблемами, чтобы интересоваться иностранными учеными, а чиновники в министерствах боялись проявлять инициативу. Теперь, когда политическая ситуация была урегулирована и находилась под контролем правительства, эфиопы дали нам понять, что они приветствуют палеоантропологические исследования. Более того, они поощряют их. Они будут помогать с пропусками, снабжать топливом и другими припасами. Они выразили надежду, что смогут послать с нами молодых сотрудников для обучения и пообещали найти подходящих кандидатов. Они во всем существенном приняли наши предложения. Кроме того, мы неожиданно вновь получили право работать в Бодо, в среднем течении реки Аваши, отнятом у нас несколько лет назад Ионом Кэлбом. Кэлб действительно обнаружил там остатки гоминид: череп *Homo erectus*. Я был потрясен любезностью эфиопов и их желанием сотрудничать с нами. Я ушел с конференции, едва сдерживая переполнявшее меня волнение.

Следующие дни ушли на то, чтобы собрать запасы продовольствия, проверить оборудование для лагеря, с 1977 года хранившееся на складе, смонтировать два способных двигаться лэндровера из нескольких поломанных. В конце концов все было сделано и как-то к вечеру небольшая экспедиция, состоявшая всего из двух машин, с пыхтением выбралась из Аддис-Абебы и начала долгий спуск к востоку из центральных высокогорных районов — тот путь, о котором я столько раз думал, сомневаясь, доведется ли мне его когда-нибудь еще раз повторить. Со мной были Тайеб, французский геолог Жан-Жак Тьерселен, Раймонда Бонфий, Боб Уолтер и представитель эфиопского

министерства культуры. На ночь мы остановились на станции Аваш и отыскивали нашего старого друга Кабете, бывшего поваром в прежних экспедициях. Затем мы поехали в селение Гевани, чтобы найти человека по имени Селати, который вместе с Тайебом бывал раньше на среднем Аваше и знал туда дорогу. Ему было также известно, где нашли «череп Бодо». Поэтому мы взяли его проводником.

Когда наши лендроверы загромыхали дальше, температура стала ползти вверх, воздух становился все суше, пейзаж — все пустыннее и мрачнее. Следуя указаниям Селати, караван спускался из одного душного ущелья в другое, затем вновь карабкался вверх и медленно полз к Бодо по бескрайнему миру разрушенных скал и пыли. За два дня я вдоволь наглотался этой пыли и едва сдерживал нетерпение.

В конце концов мы нашли Бодо. Уже при первом осмотре стало ясно, что этот район среднеплейстоценовых отложений необычайно богат остатками млекопитающих и ашельскими каменными орудиями древностью от 0,5 до 1,5 млн. лет. Мы не нашли новых костных фрагментов человека из Бодо, но зато тщательно нанесли на карту местность и наметили, где в конце 1980 года нужно будет провести интенсивные исследования.

В этот момент вышел из строя один из наших лендроверов. Морис отправился в другом автомобиле на отдаленную плантацию, надеясь найти там лишний карданный вал. Он таки нашел его, но вал оказался немногим лучше нашего. Когда Морис вернулся, было решено, что наши лендроверы не годятся для дальнего путешествия по этим холмам, напоминающим лунный пейзаж, в глубь района, где находятся отложения древностью от четырех до семи миллионов лет. Вместо этого караван отправился в Хадар.

На этот раз мы не ставили палаток

и ограничились койками с натянутыми над ними противомоскитными сетками. Я расположился у обрыва, где некогда был наш лагерь, и в сумерках совершил небольшую прогулку к участку № 200, где были найдены лучшие из верхних челюстей афарского австралопитека. И я наконец в полной мере ощутил то, что сильнее всего воздействует на городского человека в пустыне: мертвую тишину. Я вновь наблюдал гряду горных вершин, очертания которых на фоне западного неба были настолько знакомыми, что вызывали пронзительную боль узнавания. Цвет их менялся от бледно-лилового до черного. Потом я вернулся в лагерь, пообедал жареной козлятиной и заснул под едва слышные крики совы, доносившиеся снизу по течению реки.

На следующее утро в лагере появилась шеренга из восьми мрачного вида мужчин, вооруженных автоматами. При виде их в моем сердце шевельнулась тревога. Селати, у которого тоже было оружие, начал как бы ненароком, но достаточно поспешно доставать его. Люди приблизились и, к моему глубокому облегчению, опустили на землю и стали беседовать. Мы угостили их чаем и хлебом. После двадцатиминутного разговора выяснилось, что это патрульный отряд, охранявший территорию от преступных элементов из враждебного племени исса. Мы узнали также, что Мухаммед Гоффра, под покровительством которого экспедиция работала в 1976 году, все еще жил неподалеку и был готов оказать нам поддержку. Его начальник Хабиб — маленький человек с железным лицом, вождь афаров, с которым Тайеб и я когда-то вели переговоры, по-прежнему контролировал весь район и был рад нашему возвращению.

Последовали две недели интенсивной работы. По ее размерам и времени, проведенному в поле, я оцениваю нашу экспедицию как самую эффек-

тивную и продуктивную (если не брать в расчет ископаемых находок) из всех, в которых я когда-либо участвовал. Состав группы теперь сократился: в нее входили Тайеб, Уолтер, Тьерселен и я, а также Кабете с двумя помощниками — афарами. Маленький, но бесподобный коллектив. Каждый человек знал, что ему делать, и посвящал этому весь день. По вечерам мы собирались для долгих междисциплинарных дискуссий. Из трех моих коллег Тьерселен был единственным, кого я знал не очень хорошо, но в течение этих двух недель он произвел на меня исключительное впечатление. Тьерселен был неутомимым работником, блестящим геологом, на редкость надежным товарищем. Он внес существенный вклад в ту работу, которой занимались Тайеб и Уолтер. Во время наших вечерних дискуссий мы пришли к выводу, что Хадар за это время почти совсем не изменился. Очевидно, дождей было мало и вымывания новых ископаемых остатков почти не происходило. Поэтому трехлетнее отсутствие не стоило нам больших потерь. Действительно, здесь все так мало изменилось, что я, осматривая эту безлюдную местность, нашел отпечатки моих собственных ботинок, оставленные в песке несколько лет назад, и увидел выцветшую коробку из-под сигарет, которую сам мог когда-то выбросить.

Мы обследовали участок 333. С верхнего обрыва обрушилось вниз довольно много песчаника. Он был разбросан в виде крупных глыб и более мелких кусков по всему склону, который мы два года назад основательно прочистили в поисках ископаемых остатков. В результате обвала и перемещения породы новых костей не появилось. Мы восприняли это с чувством облегчения: значит, гравий в тот раз был просеян на совесть, а планируемые раскопки слоя с окаменелостями в верхней части холма можно будет возобновить в тех

местах, где еще сохранились следы пробных шурфов 1977 года.

Мы вновь посетили то место в районе Гоны, где Рош и Харрис нашли каменные орудия. Здесь Тайеба, Тьерселена и Уолтера ждал геологический сюрприз. Когда два года назад Харрис и я наспех проводили здесь раскопки, мы подумали, что возраст орудий был 2,5 млн. лет, но наши выводы основывались лишь на предварительных стратиграфических наблюдениях. Не будучи геологами, мы не могли подтвердить свои предположения.

Когда на это место прибыли геологи, им пришлось столкнуться с трудностью, хорошо им знакомой, — отсутствием корреляций. Слои в Гоне не имели никакой связи со стратиграфической колонкой Хадара.

— Как вы собираетесь увязать все это? — спросил я в тот вечер Уолтера.

— Там есть два хорошо заметных слоя крупной гальки. Мы должны просто проследить их ход — возможно, они с чем-нибудь соединятся.

На следующей неделе Уолтеру и Тьерселену пришлось немало побродить. Они обнаружили древнюю заливную равнину и нашли орудия там, где некогда был слой ила и песка. Затем они установили связь между этой равниной и слоями галек и начали прослеживать ход этих слоев по направлению к Хадару. Потратив неделю на фальстарты, они, наконец, нашли связующее звено, а кроме того — как вознаграждение за труды — собрали коллекцию вулканических образцов из слоев туфа, которые охватывали с двух сторон галечные слои.

Сегодня Уолтер вполне уверен в том, что орудиям 2,5 млн. лет и что они древнейшие в мире — возможная ошибка составляет от 50 до 100 тысяч лет. Он сможет уменьшить эту ошибку, когда определит возраст образцов, полученных из туфов Гоны. Один из них — AST-1¹, по-видимому,

1 Artifact site tuff (англ.) — туф с места находки орудий. — Прим. перев.

прямо коррелирует с туфом ВКТ-2 из Хадара, древность которого они с Аронсоном уже определили.

То, что в их распоряжении оказался второй туф, ценно в нескольких отношениях. Он не только послужит для проверки возраста первого, но и поможет расшифровать древность отложений на более обширной территории Хадара. Старый туф ВКТ-2 можно уподобить линейке, которую накладывают на кусок обоев в одном конце большой комнаты, а туф АСТ-1 — линейке в другом конце. Соотнеся их друг с другом, можно наклеить обои таким образом, что концы всех кусков будут на одном уровне. Именно это и сделал Уолтер в Гоне. Обоями для него был слой галек, а комнатой район Гона-Хадар. Главным практическим результатом нашей экспедиции я считаю то, что хорошие датировки распространились и на территории, где их прежде не было.

И не только это: новые образцы Уолтера должны быть первосортными. Он теперь владеет таким методом электронного микрозондирования, который позволяет ему, сфокусировавшись на крошечном участке в минеральном образце — практически одном кристалле, — сделать его химический анализ, не разрушая весь образец. Таким образом он может распознать чужеродные включения и избавиться от них, прежде чем они скажутся на результатах тестов.

Боб Уолтер начал также восстанавливать общую картину вулканической истории Хадара. Теперь он думает, что в этом районе было не меньше десятка вулканов, создававших отложения туфа, причем некоторые из них действовали по нескольку раз. У каждого вулкана и каждого извержения — своя специфика. По мере сбора и анализа образцов вулканических пород Боб начнет создавать своего рода каталог вулканизма, в котором он сможет находить место для каждого нового образца. В конце концов это позво-

лит датировать любое отложение в Хадаре с точностью, о которой никто раньше и не мечтал.

Менее важным для палеоантропологии, но весьма неожиданным для геологов оказалось то, что афарская равнина — бывшее дно озера — лежала в прошлом, возможно, на тысячу метров выше, чем сегодня. Раймонда Бонфий, которая проводит анализы ископаемой пыльцы, убеждена, что изучаемые ею пыльцевые зерна принадлежат высокогорным растениям. Это подтверждает и Жан-Жак Йегер, французский специалист по грызунам; по его мнению, ископаемые остатки крыс и мышей говорят о том же. Чем это было обусловлено, Тайеб не знает. Но, поскольку речь идет об Афаре и поскольку это явление, несомненно, каким-то образом связано с более глобальной проблемой перемещения континентальных плит (специальность Тайеба), он думает, что здесь есть шансы внести некоторый вклад в общую теорию тектонических плит. Однако сначала необходимо подтвердить геологическими данными выводы Бонфий и Йегера. Для этого нужно будет сравнить отложения Афарской равнины со сходными породами, залегающими в отдаленных горных районах, — грандиозная и безумно трудная задача.

Наша группа находилась в поле уже две недели. Мы закончили работу и были готовы к отъезду, хотя уезжать нам очень не хотелось: жалко было разрушать коллектив, который работал так гармонично и продуктивно.

— Нам надо убираться отсюда, — сказал я.

— Ну, хотя бы еще один денечек, — взмолился кто-то.

Но нам не удалось воспользоваться еще одним денечком. В тот же день в лагерь прибыли пять афаров, которые вели себя как-то нервно. Среди них был наш покровитель Мухаммед Гоффра. Он тоже нервничал. На закате он заметил кого-то на той стороне реки, окликнул его, но, не по-

лучив ответа, выстрелил несколько раз в его направлении. Человек на том берегу исчез.

— Кто это был? — спросили мы.

— Должно быть, разведчик из племени исса. Если так, то это очень плохо для нас, ведь они обычно передвигаются отрядами человек по тридцать, а то и больше.

Мы собрались на совещание. В это время уже стемнело, на небе вспыхивали зарницы. Потом начался дождь. Он predetermined наше решение. Мы не хотели оказаться в ловушке в одном из оврагов, если дело дойдет до внезапного наводнения. Поэтому мы, как могли, запаковали в темноте вещи и, хотя дождь начал ослабевать, к одиннадцати часам двинулись в путь. Проехав около двух часов и добравшись до безопасного плато, мы легли спать. На следующий день мы были в Аддис-Абебе.

29 января мы с Тайебом пришли в Национальный музей. Здесь во время искусно организованной церемонии, сопровождавшейся официальными речами, мы передали всю коллекцию ископаемых находок хадарских гоминид — более 350 бесценных костей — хранителю музея Маммо Тессема.

Я отдавал себе отчет в том, как много значил этот символический акт для будущего палеоантропологии в Эфиопии. Но в момент передачи наших сокровищ я ощущал ужасное чувство утраты. В течение пяти лет Люси была моей собственностью. Самая прекрасная, самая целостная, самая необычная ископаемая находка гоминид в мире, она все это время покоилась в сейфе моего кабинета. Я писал о ней статьи, выступал по телевидению, говорил речи, с гордостью показывал ее ученым всего мира. Именно она, я знал это, вывела меня из полной безвестности к ослепительной славе. Наконец, ее кости, да и все те, что я сейчас передавал, позволили мне выдвинуть новую интерпретацию эволюции гоминид. Находясь в музее и слушая речи

по поводу возвращения находок, я чувствовал себя как родитель, отдающий своего ребенка в чужие руки. В течение нескольких минут во время поздравлений и рукопожатий я ощутил себя совершенно опустошенным.

Но это длилось недолго. Дверь, которую приоткрыли для нас эфиопы, была теперь широко распахнута. Перспектива вернуться в Эфиопию со всей нашей командой этой осенью казалась слишком заманчивой. Я хорошо знал, что нам надо делать и кто это будет делать. Я возьму в Хадар Тима Уайта и Джерри Экка, а также Кабете, который будет готовить для нас пищу. Мы займемся только одним делом — поиском ископаемых остатков гоминид и ничем больше. Я попытаюсь привлечь кого-нибудь из кенийцев, которые так прекрасно работали с Ричардом и Мэри Лики (Ричард любезно предложил мне это несколько лет назад, и теперь я воспользуюсь его предложением). Камоя Кимеу, например, готов ехать с нами. После того как он увидел Люси, он сказал мне: «Если уж вы нашли такое сокровище, вообразите, что смогу найти я!».

Теперь, когда средний Аваш вновь стал нашим владением, Десмонд Кларк и те, кого он привезет с собой, начнут проводить там раскопки. Особую ценность имеет то, что в этой долине был найден *Homo erectus*. Хотя он был распространен по всей Евразии и Африке и был на пару миллионов лет моложе находок из Хадара, его анатомия не так хорошо изучена, как анатомия хадарских гоминид. То там, то здесь находили неплохие черепа *Homo erectus*, множество его зубов, но почти ничего больше.

То, что мы знаем о *Homo erectus*, в основном касается его культуры. Были тщательно изучены его пещерные стоянки. Кларк Хоуэлл провел классическое исследование стоянки охотников на слонов в Испании. Мы знаем, чем питался *Homo erectus*; знаем, что он готовил пищу на огне и

делал себе одежду; знаем, что он был прекрасным охотником на крупных зверей и изготавливал разнообразные каменные орудия. Нам известно также, что ему была свойственна значительная географическая изменчивость. Но мы не знаем, как и когда он произошел от *Homo habilis-a*, даже действительно ли от него.

Мы предполагаем, что именно от него. Но нам хотелось бы доказать это. Мы мечтаем о том, чтобы найти хорошие ископаемые остатки *Homo erectus*, которые отражали бы длительный период его существования в одном месте. Нам хотелось бы найти их в местах обитания этого человека, чтобы понять, что он делал все это время. Нам бы хотелось также уточнить датировки. Средний плейстоцен в Африке очень плохо датирован, но в среднем течении Аваша имеются туфы, которые позволят внести нужные коррективы. Десмонд Кларк и Джек Харрис будут работать в районе среднего Аваша, пока мы будем в Хадаре. Я с нетерпением жду итогов их работы, потому что *Homo erectus* — очень интересный и странный персонаж.

Как можно объяснить предполагаемый внезапный скачок от *Homo habilis* к *Homo erectus*? Был ли этот переход действительно таким быстрым? И почему он произошел? Может быть, он был связан с развитием новой и лучшей орудийной культуры? И если это так, то когда и почему возникла эта новая культура?

Кроме того, есть еще более интересный вопрос: почему эта культура и человек, ее создавший, почти не менялись на протяжении следующего миллиона лет. Совершенно ясно, что *Homo erectus* в этот период практически не эволюционировал. А потом — новый скачок: 200 тысяч лет назад произошел второй технологический взрыв, и в результате возник *Homo sapiens*. Средний Аваш привлекает к себе внимание потому, что может дать ответ на оба этих вопроса.

Между тем геологи — Тайеб, Тьер-

селен и Уолтер — займутся тайнами второй «черной дыры» — отложениями в Афаре древностью от четырех до семи миллионов лет. Они находятся к западу от реки Аваш, в полутора сотнях километров от Хадара. Мы с Тимом тоже поедем туда, поработав месяца полтора в Хадаре. К тому времени Тайеб и его коллеги должны хорошо освоить геологию местности и отметить слои, богатые окаменелостями. То, что мы в них найдем, может перевернуть все наши представления — ведь науке до сих пор не известно, когда и как произошел переход от человекообразной обезьяны к гоминиду. Это все еще остается важнейшим из нерешенных вопросов палеоантропологии. Брешь между нами и обезьянами стала в последние годы сужаться, но она далеко не исчезла. Люси существенно продвинула нас вперед. Она доказывает тот удивительный факт, что прямохождению не меньше четырех миллионов лет. У нее этот признак уже полностью развит, и мы не знаем, сколько времени он существовал до того и как быстро формировался. Кажется, стоит только углубиться в прошлое еще на один шаг, и мы увидим, как он исчезает в четвероногом существе — человекообразной обезьяне.

Точно так же и хадарские челюсти находятся на той грани, где навсегда исчезают человеческие свойства. Если бы Дэвид Пилбим нашел одну из них в миоценовых отложениях без сопутствующих длинных костей, он наверняка сказал бы, что они принадлежат обезьяне. Кажется, что *Australopithecus afarensis* с трудом протискивается в дверь, ведущую к гоминидам. Но какой вердикт будет вынесен стопе древностью в 6 миллионов лет или тазу — в 7 миллионов? Эти вопросы мучают меня, и я буду продолжать работать, пока не отвечу на них.

Афар содержит ключ к их решению, я в этом уверен. Кости, которые будут здесь найдены, сделают Эфиопию мировым центром по изучению

ископаемых остатков гоминид. По ним можно будет воссоздать всю историю эволюции человека. Мы найдем какую-то промежуточную форму между рамапитековыми обезьянами и Люси на уровне 6 миллионов лет. Затем идет сама Люси — в интервале между 4 и 3 миллионами. Затем будут поздние типы *A. afarensis*, одни с уклоном в сторону *Homo*, другие — в сторону *A. africanus*. И наконец, *Homo erectus*.
— Осталось только найти самую

малость — ископаемые остатки, — пробурчал по обыкновению скептически настроенный Тим.

— А ты в этом сомневаешься? Неужели ты хоть на миг сомневаешься в этом?

— Я всегда сомневаюсь.

— Спорю на бутылку вина, которую мне должен Ричард Лики, что они там. Они должны там быть. И если они существуют, мы их обязательно найдем!

Приложение

Эти примечания сделал Джей Мэттернс в связи с рисунками *Australopithecus afarensis* на с. 263-265.

Основой для моей графической работы послужила реконструкция черепа и челюсти *Australopithecus afarensis* (предположительно — взрослого самца), собранная д-ром Тимом Уайтом из Калифорнийского университета в Беркли (с. 261). Хотя с левой стороны сохранилось больше оригинальных костных фрагментов, многие из них были нечеткими, деформированными, так или иначе не соответствующими прежним очертаниям. В то же время аналогичные участки на правой стороне черепа в процессе реконструкции были несколько улучшены и поэтому больше подходили для моих целей.

Стр. 263, *вверху, а*

Рисунки черепа были сделаны с проекции 35-миллиметрового слайда, снятого с помощью длиннофокусного объектива во избежание перспективного искажения. Проекция и рисунки сориентированы во франкфуртской горизонтали (ФГ), которая представляет собой прямую линию, соединяющую порион (стандартная точка на черепе чуть выше наружного слухового прохода) с самой нижней точкой края глазницы (обычно левой, но в данном случае правой). Это положение считается нормальным для головы человека, но я подозреваю, что для плохо сбалансированной головы *A. afarensis* ФГ на самом деле была несколько наклонена вниз от позвоночного столба. Но ФГ служит стандартным методом ориентации, и я придерживаюсь ее. В любом случае угол наклона не мог быть слишком большим.

Я особенно тщательно нарисовал шейные

позвонки, чтобы дать представление о возможной длине шеи и приближенно воспроизвести угол между шеей и головой. В качестве общей модели были использованы шейные позвонки современного человека. Из-за плохо сбалансированной головы, вероятно, возникла необходимость в дополнительном длинном контрфорсе. Поэтому я удлинил остистые отростки, сделав их гораздо больше, чем у современного человека. Другие элементы скелета, такие как плечевой пояс, плечевая кость, угол первого ребра, приблизительный угол грудины и пр., тоже смоделированы по образцу современного человека, у которого все эти признаки, конечно, сильно варьируют.

Хрящевая (сагиттальная) носовая перегородка показана на рисунке в ее самой выступающей проекции как основа для реконструкции профиля спинки носа.

Стр. 263, *вверху, б*

Последовательное восстановление формы головы в профиль начинается с наружной жевательной мускулатуры. Обратите внимание на то, что сквозь как бы просвечивающую большую жевательную мышцу (*m. masseter*) можно видеть прикрепление височной мышцы на верхне — переднем крае венечного отростка нижней челюсти. (Эта часть черепа — единственная во всей реконструкции Уайта — вызывает у меня сомнения. У большинства черепов гоминид или понгид пространство между передним краем венечного отростка нижней челюсти и задней поверхностью скулового отростка верхней челюсти относительно невелико. Если его уменьшить и в этом черепе, то вся верхняя часть лица более круто наклонится назад по отношению к носовому отделу, что выразится в усилении альвеолярного прогна-

тизма, т. е. в более обезьяноподобном профиле и, следовательно, в уменьшении длины эндокрана. Очевидно, однако, что д-р Уайт восстанавливал все детали строения черепа с такой точностью, какую допускали имевшиеся в его распоряжении фрагменты. Незначительные искажения в пропорциях черепа могут быть следствием плохой сохранности самих окаменелостей.) Изпод передней порции поверхностной жевательной мышцы на рисунке выглядывает глобулярная жировая ткань, заполняющая углубление между мышцей и боковой частью верхней челюсти.

Размеры и форма рта определялись следующим образом: сомкнутые губы обычно располагаются чуть ниже линии верхних резцов, а углы рта у большинства человекообразных обезьян — не дальше третьего верхнего премоляра или, как в нашем случае, задней стороны клыков.

Глазное яблоко предположительно разместилось на жировой подушке; его размеры и относительное выступание из орбитальной щели будут определены в ходе дальнейшей послышной реконструкции.

Мощное приспособление, которое поддерживает несбалансированную голову в сагитальной плоскости, — это выйная связка. Именно поэтому остистые отростки шейных позвонков на первом рисунке были изображены более длинными, чем у современного человека. Крайний пример удлинённых остистых отростков можно наблюдать у самцов гориллы или орангутана.

Подъязычная кость и хрящи гортани (а также трахея) показаны для того, чтобы дать представление о толщине горла впереди шейных позвонков. Если это расстояние окажется слишком большим, придется сделать некоторые изменения в пропорциях: в угле позвоночного столба по отношению к черепу, ориентации ФГ, относительном выступании первого ребра — в какой-то мере во всех этих признаках.

Стр. 263, *вверху, в*

Дальнейшее развитие предыдущего рисунка. Здесь добавлена поверхностная мускулатура и часть мимической мускулатуры. Последняя служит в известной степени как бы критерием при определении расположения и размеров отдельных элементов лица, хотя сами эти мышцы, находящиеся в коже в разных слоях ткани, сильно варьируют. Задние порции чехловидной платизмы (широкая подкожная мышца шеи) не показаны здесь, так как иначе были бы закрыты лежащие под нею детали рельефа шеи и околоушные железы (причудливой формы образование на поверхности жевательной мышцы). Нижние, самые толстые части околоушных желез почти заполняют промежуток между мясистой срединной порцией грудинно-ключично-сосковой мышцы шеи и углом нижней челюсти.

Ухо было предположительно таким же, как у современного человека, с мясистой мочкой, которая указывала на принадлежность ее владельца скорее к гоминидам, чем к понгидам. Наружное ухо размещается на этом рисунке вокруг наружного слухового прохода, который расположен на черепе ниже внутреннего слухового прохода — очевидно, для того, чтобы внутрь не затекала вода.

Так как мой субъект — самец, соски расположены на грудной мышце между 4-м и 5-м ребрами.

Стр. 263, *внизу*

Хотя, шаг за шагом создавая реконструкцию, заранее предвидишь ее, окончательный вариант каждый раз поражает своей неожиданностью.

Так как мой австралопитек — экваториальное животное, обитавшее в открытой солнцу саванне, у него почти наверняка была темная кожа (возможно, она еще только начинала темнеть). Обволошенность обычно считают примитивной чертой. Поскольку это существо было очень древним, большинство из тех, с кем я советовался, решили, что по одной этой причине древние африканские гоминиды были волосатыми.

Правда, один из ученых придерживается иного мнения.

После окончания работы над рисунками австралопитековых для книги Кларка Хоуэлла «Древний человек» в 1964 году мне довелось встретиться в Смитсоновском институте с профессором-антропологом Джозефом Уэйнером, работавшим тогда в Оксфордском университете, — специалистом по вопросам адаптации организма к условиям среды. Уэйнер возражал против волосатых изображений трансваальских австралопитеков и убедительно объяснял мне, почему исчезновение волос на теле было бы адекватным приспособлением к тому образу жизни, который вели эти существа. Его аргументы произвели на меня большое впечатление. Позже я просмотрел ряд его работ по биологии человека. Некоторые из его доводов выглядят весьма убедительно и подкреплены солидным фактическим материалом.

Как мне помнится, Уэйнер считает исчезновение волос важной преадаптацией к гоминизации. У подвижного двуногого существа, бегающего по тропической саванне, волосистой покров должен был уменьшиться, чтобы обеспечить достаточную теплоотдачу. Поредевшая шерсть пропускала больше ультрафиолетовых лучей, под влиянием которых в коже образовывалось больше меланина и она приобретала темный цвет. К сожалению, темная кожа поглощает больше тепла, что в свою очередь стимулирует две тенденции: дальнейшую редукцию волосистого покрова и развитие более эффективных потовых желез. Я не могу вспомнить, почему, по мнению Уэйнера,

этот путь адаптации был исключительной привилегией гоминид, почему он не подходил для других конкурирующих групп приматов, например павианов, обитавших в тех же условиях и близких к гоминидам по размерам и весу тела.

Если предположить (как это делаю я), что Уэйнер в целом прав, то ключевым моментом при реконструкции будет вопрос, *когда* исчезают волосы у человеческого предка. Поскольку он был столь древним и во многих отношениях крайне примитивным, я думаю, можно с уверенностью предположить, что он не был еще вполне приспособленным и в отношении волосяного покрова тоже представлял собой промежуточную форму. Вот почему я изобразил его темнокожим и волосатым. Но волосы на теле растут редко, чтобы способствовать отдаче тепла.

Я думаю, что у такого примитивного обволощенного примата волосы на лице у самца как половой признак были развиты очень слабо. Если самцы были социальными существами, то внутривидовые сигналы устрашения определялись больше поведением, чем обволощенностью. По мнению некоторых, рост бороды, волос в подмышечных впадинах и на лобке начинает играть роль социального сигнала лишь при уменьшении общей обволощенности. Вот почему я не стал рисовать большой бороды и свел до минимума волосы на верхней губе, чтобы они не скрывали рельефа передней части лица. Я думаю, что у самок *A. afarensis*, таких как Люси, лицо было менее волосатым, чем у самцов, в связи с уже начавшейся тенденцией к половому диморфизму в росте волос на лице. Художник, изобразивший самку этого вида почти безбородой только для того, чтобы читатель — неспециалист легче воспринял ее как существо женского пола, может считать, что поступил правильно.

Волосы на голове, вероятно, были более густыми. Они предохраняли от перегрева и солнечной радиации. Эта тенденция сохранилась до наших дней. Текстура волос в основном воспроизведена по модели современных австралоидов.

Стр. 264, *вверху слева*

Вид черепа спереди. Здесь можно было бы в основном повторить сказанное по поводу первого из этих рисунков.

Стр. 264, *вверху справа*

Воссоздавая облик существа во фронтальной плоскости, я не считал обязательным полностью повторить средний этап, поэтому здесь получилось сочетание второго и третьего этапов, представленных на стр. 263. Однако здесь лучше видны четко прорисованные контуры орбит, носового отверстия и другие детали строения носа на фоне поверхностной мимической мускулатуры.

Стр. 264, *внизу*

Здесь видны небольшие флексорные складки над носом и более глубокие — на верхней губе. Наружная складка эпикантуса была, вероятно, более выражена и закруглена (а не свисала, что характерно для возрастных изменений), чтобы обеспечить тень глазу. Упомянутые выше морщинки на носу могли быть выражены еще сильнее, но это придало бы липу более обезьянье выражение (Адольф Шульц полагал, что человекообразные обезьяны имеют более глубокие борозды на лице из-за недостаточного слоя подкожного жира). Хотя кожа этих существ была «выдублена» солнцем и высушена ветрами, сомнительно, чтобы кто-нибудь из них доживал до такого возраста, когда мог бы выглядеть пожилым по нынешним стандартам.

Стр. 265, *вверху*

Поскольку существенные элементы посткраниального скелета уже были с достаточной тщательностью нарисованы в боковой и фронтальной нормах, здесь я почувствовал себя вправе дать их более вольное изображение. На основе этого рисунка была сделана реконструкция бюста с поворотом в три четверти. Хотя кажется, будто коракоидный отросток с обеих сторон касается головки плечевой кости, это не входило в мои намерения.

Стр. 265, *внизу*

Повторять всю процедуру восстановления облика в этой норме, на мой взгляд, не нужно. Это окончательный итог, резюме всех предыдущих рисунков.

Благодарности

Эта книга никогда не была бы написана, если бы не помощь многих людей, в первую очередь тех, кто участвовал в различных полевых экспедициях в Эфиопии: Pam Alderman, James Aronson, Alemayehu Asfaw, Getachew Ayele, Michel Beden, Raymonde Bonnefille, Bobbie Brown, Michael Bush, Francoise Coppens, Gudrun Corvinus, Michel Decobert, Gene Dole, Vera Eisenmann, Tom Gray, Claude Guerin, Claude Guillemot, J.W.K. Harris, J.-J. Jaeger, Jon Kalb, William Kimbel, John Kolar, Jean Maduit, William McIntosh, Nicole Page, Dennis Peak, Gennaine Petter, Pierre Planques, Gui Riollot, Helene Roche, Maurice Sebatier, Tom Schmitt, Becky Sigmon, Emil Tola, Herbert Thomas, J.-J. Tiercelin, Annie Vincens, Robert Walter, Johannes Zekele; и, конечно, соруководителем Международной афарской научно-исследовательской экспедиции — Maurice Taieb и Yves Coppens.

Мы искренне благодарим Временный военно-административный совет Социалистической Эфиопии за разрешение и поощрение исследований в Афаре, а также министерство культуры и спорта — за оказанную поддержку;

The National Science Foundation, the L.S.B. Leakey Foundation, the National Geographic Society, Gordon Getty, Mr. и Mrs. Willard Brown — за помощь в финансировании и оснащении экспедиций;

Robert и Martha Caldwell, Richard и Libby Wilding, Gerry и Nellie Decker — за помощь, размещение и бесчисленные услуги в Аддис-Абебе.

Мы признательны Nelson Bryant и Augustus Ben David за предоставление фактического материала, а также следующим лицам за помощь в подготовке иллюстраций: John Aicher, David Brill, Bobbie Brown, Eric Delson, Gerry Eck, Bruce Frumker, John Gurche, Peter Jones, Anson Laufer, Paul Leser, C. Owen Lovejoy, Jay Matternes, David Pilbeam, John Reader, Larry Rubins, Mary Griswold Smith, Hank Wesselman, Tim White, Rob Wood и в особенности Luba Dmytryk и Steve Misencik за мастерское выполнение рисунков окаменелостей и графиков соответственно.

В Кливленде нашей главной опорой были ассистенты Bruce Latimer и Bill Kimbell, а также директор Кливлендского музея д-р Harold Mahan, с пониманием относившийся к нашей работе и всегда готовый пойти на уступки. Административный помощник Doris Andreoli с неизменным мастерством и доброжелательством выполняла всю черновую работу, а Sara Kraber множество раз вкусно кормила нас.

Мы благодарны James Aronson, Bob Walter и C. Owen Lovejoy за ценные замечания по отдельным частям рукописи. Tim White прочитал всю работу целиком и высказал много важных замечаний по поводу ее научного содержания и структуры.

D.C.J.

M.A.E.

Литература

- Ardrey R.; 1961, African Genesis, New York, Atheneum.
- Aronson J. L., Schmitt T. J., Walter R. C., Taieb M., Tiercelin J.-J., Johanson D. C., Na-eser C. W., Nairn A. E. M., 1977, New Geochronologic and Palaeomagnetic Data for the Hominid-Bearing Hadar Formation in Ethiopia, Nature, May, 323-327.
- Bishop W. W., ed., 1978, Geological Background to Fossil Man, Edinburgh, Scottish Academic Press.
- Bishop W. W., 1978, Geochronological Framework for African Plio-Pleistocene Hominidae: as Cerberus Sees It. In: Early Hominids of Africa, C. Jolly, ed., London, Duckworth.
- Bishop W. W., dark J. D., eds., 1967, Background to Evolution in Africa, Chicago, University of Chicago Press.
- Bishop W. W., Miller J. A., eds., 1972, Calibration of Hominoid Evolution, Edinburgh, Scottish Academic Press.
- Brace C. L., 1979, Biological Parameters and Pleistocene Hominid Life-Ways. In: Primate Ecology and Human Origins, I. S. Bernstein, E. O. Smith, eds., New York, Garland Press.
- Brain C. K., 1958, The Transvaal Ape-Man Bearing Cave Deposits, Transv. Mus. Mem., No. 11.
- Broom R., 1950, Finding the Missing Link, London, Watts & Co.
- Broom R., Schepers G.W.H., 1946, The South African Fossil Ape-Man, the Australopithecinae, Transv. Mus. Mem., No. 2.
- Broom R., Robinson J. T., Schepers G.W.H., 1950, Sterkfontein Ape-Man, Plesianthropus, Transv. Mus. Mem., No. 4.
- Butzer K. W., 1977, Environment, Culture and Human Evolution, American Scientist, September-October, 65, 572-584.
- Campbell B., 1979, Humankind Emerging, Boston, Little, Brown.
- Clarke R. J., 1979, Early Hominid Footprints from Tanzania, South African Journal of Science, April, 75, 148-149.
- Cole S., 1975, Leakey's Luck, New York, Harcourt Brace Jovanovich.
- Cooke H.B.S., 1978, Pliocene-Pleistocene Suidae from Hadar, Ethiopia, Kirtlandia, No. 29.
- Coon C., 1963, The Origin of Races, New York, Alfred A. Knopf.
- Coppens Y., Howell F. C., Isaak G. L., Leakey R.E.F., eds., 1976, Earliest Man and Environments in the Lake Rudolf Basin, Chicago, University of Chicago Press.
- Curtis G. H., Drake R. E., Cerling T. E., Ham-pel J., 1975, Age of KBS Tuff in Koobi Fora Formation, East Rudolf, Kenya, Nature, December, 258, 395-398.
- Dart R. A., 1925, *Australopithecus africanus*: The Man-Ape of South Africa, February, 115, 195-199.
- Dart R. A., 1957, The Osteodontokeratic Culture of *Australopithecus prometheus*, Transv. Mus. Mem., No. 10.
- Dart R. A., 1967, Adventures with the Missing Link. Philadelphia, The Institutes Press.
- Darwin C.; 1964, On the Origin of Species, New York, Atheneum. [Имеется перевод: Дарвин Ч. Происхождение видов Соч, Т. III.- М.-Л: Изд-во АН СССР, 1939.]
- Douglas J. H., 1979, Ancestors: Shaking Up the Family Tree, Science News, June, 115, 362-365.
- Edey M. A., 1975, Three-Million-Year-Old Lucy. In: 1976 Nature/Science Annual, New York, Time-Life Books.
- Edey M. A., 1977, The Missing Link, rev. ed., New York, Time-Life Books. [HMee-rca nepe-BOfl: HflH M. HeflocraKwuee 3BCHO.-M.: «МНр», 1977.]
- Findlay G., 1972, Dr. Robert Broom, Cape Town, Balkema.
- Gleadow A.J.W., 1980, Fission Track Age of the KBS Tuff and Associated Hominid Remains in Northern Kenya, Nature, March, 284, 225-230.
- Halstead L. B., 1978, New Light on the Piltdown Hoax, Nature, November, 276, 11-13.
- Holloway R. L., 1974, The Casts of Fossil Hominid Brains, Scientific American, July, 106-115.
- Howell F. C., 1973, Early Man, rev. ed. New York, Time-Life Books.
- Glynn I., 1976, The Food-Sharing Behavior of Protohuman Hominids, Scientific American, April, 90-108.
- Glynn I., McCown E. R., eds., 1979, Human Origins, Menio Park, California, W. A. Benjamin.
- Johanson D. C., 1976, Ethiopia Yields First "Family" of Man, National Geographic, December, 790-811.
- Johanson D. C., 1978, Early African Hominid Phylogenesis: A Re-Evaluation, Nobel Symposium, Royal Swedish Academy of Science.
- Johanson D. C., 1978, Our Roots Go Deeper. In: Science Year, The World Book Science Annual, 1979, Chicago, Field Enterprises Educational Corp., 42-55.
- Johanson D. C., 1980, Odontological Considerations of Mio-Pliocene Hominoids, Am. Journal Phys. Anthropol., February, 52, 242.
- Johanson D. C., Coppens Y., 1976, A Preliminary Anatomical Diagnosis of the First Plio-Pleistocene Hominid Discoveries in the Central Afar, Ethiopia, Am. Journal Phys. Anthropol., September, 45, 217-234.
- Johanson D. C., Lovejoy C. O., Burstein A. H., Heiple K. G.; 1976, Functional Implications of the Afar Knee Joint, abstract. Am. Journal Phys. Anthropol., January, 44, 188.
- Johanson D. C., Taieb M., 1976, Plio-Pleistoce-

- ne Hominid Discoveries in Hadar, Ethiopia, *Nature*, March, 260, 293-297.
- Johanson D. C., Taieb M., 1978, Plio-Pleistocene Hominid Discoveries in Hadar, Central Afar, Ethiopia. In: *Early Hominids of Africa*, G. J. Jolly, ed., London, Duckworth.
- Johanson D. C., Taieb M., Coppens Y., Ra-ché H., 1978, Expedition Internationale de l'Afar, Ethiopie (4eme et 5eme Campagne 1975-1977), Nouvelles Decouvertes d'Homini-des et Decouvertes d'Industries Lithiques Pliocene a Hadar, Paris, C. R. Acad. Sci., Se-rie D, 287, 237-240.
- Johanson D. C., White T. D., 1979, A Systematic Assessment of Early African Hominids, *Science*, January, 203, 321-330.
- Johanson D. C., White T. D., 1980, On the Status of *Australopithecus afarensis*. *Science*, March, 207, 1104-1105.
- Johanson D. C., White T. D., Coopens Y., 1978, 'A New Species of the Genus *Australopithecus* (Primates/Hominidae) from the Pliocene of Eastern Africa, *Kirtlandia*, No. 28.
- Jolly A., 1972, *The Evolution of Primate Behavior*, New York, Macmillan.
- Jolly C., 1978, *Early Hominids In Africa*, London, Duckworth.
- Keith A., 1931, *New Discoveries Relating to the Antiquity of Man*, London, Williams and Norgate.
- Kimbell W. H., White T. D., 1980, A Reconstruction of the Adult Cranium of *Australopithecus afarensis*. *Am. Journal Phys. Anthrop.*, February, 52, 244.
- Latimer B. M., 1980, Bonobo or Not Bonobo? The Pygmy Chimpanzee as a Model for Hominid Ancestry, *Am. Journal Phys. Anthrop.*, Fe-bruarv. 52, 244.
- Leakey L.S.B., Tobias P. V., Napier J. R., 1964, A New Species of the Genus *Homo* from Olduvai Gorge, *Nature*, April, 202, 7-9.
- Leakey M. D., 1971, *Olduvai Gorge*, Vol. 3, Excavations in Beds I & II, 1960-1963, Cambridge, England, Cambridge University Press.
- Leakey M. D., 1979, Footprints in the Ashes of Time, *National Geographic*, April, 446-457.
- Leakey M. D., Hay R. L., Curtis G. H., Drake R. E., Jackes M. K., White T. D., 1976, Fossil Hominids from the Laetoli Beds, *Nature*, August, 262, 460-466.
- Leakey R. E., 1973, Skull 1470, *National Geographic*, June, 819-829.
- Leakey R. E., 1976, Hominids in Africa, *American Scientist*, March-April, 64, 174-178.
- Leakey R. E., Lewin R., 1977, *Origins*, New York, Dutton.
- Le Gros dark W. E., 1950, Hominid Characters of the Australopithecine Dentition. *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, 80, 37-54.
- Le Gros dark W. E., 1967, *Man-Apes or Ape-Men?* New York, Holt, Rhinehart and Winston.
- Le Gros dark W. E., 1971, *The Antecedents of Man*, Chicago, Quadrangle Books.
- Le Gros dark W. E., 1978, *The Fossil Evidence for Human Evolution*, Chicago, University of Chicago Press.
- Lovejoy C. O., 1974, The Gait of Australopithecines. *Yearbook of Physical Anthropology*, 17, 147-161.
- Lovejoy C. O., 1980, Hominid Origins: The Role of Bipedalism, *Am. Journal Phys. Anthrop.*, February, 52, 250.
- Maglio V. J., Cooke H.B.S., eds., 1978, *Evolution of African Mammals*, Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press.
- Mann A., 1975, The Paleodemographic Aspects of the South African Australopithecines, *University of Pennsylvania Pub. in Anthropol.* 1.
- Mayr E., 1969, *Principles of Systematic Zoology*, New York, McGraw-Hill.
- McDougall I., Maier R., Sutherland-Hawkes P., Gleadow A.J.W., 1980, K-Ar Age Estimate for the KBS Tuff, East Turkana, Kenya, *Nature*, March, 284, 230-234.
- Millar R., *The Piltdown Man*. New York, Ballantine.
- Napier J., Campbell B., 1964, The Evolution of Man, *Discovery*, 25, 32-38.
- Nelson H., Jurmain R., 1979, *Introduction to Physical Anthropology*, St. Paul, Minnesota, West Publishing Company.
- Oakley K.P., Weiner J. S., 1955, Piltdown Man, *American Scientist*, October, 43, 573-583.
- Pilbeam D., 1978, Major Trends in Human Evolution, Nobel Symposium, Royal Swedish Academy of Science.
- Pilbeam D., 1980, Miocene Hominoids and Hominid Origins, *Am. Journal Phys. Anthrop.*, February, 52, 268.
- Pilbeam D., Barry J., Meyer G. F., Shah S. M.I., Pickford M.H.L., Bishop W. W., Thomas H., Jacobs L. L., 1978, Geology and Palaeontology of Neogene Strata of Pakistan, *Nature*, December, 270, 684-689.
- Robinson J. T., 1956 The Dentition of the Australopithecinae, *Transv. Mus. Mem.*, No. 9.
- Robinson J. T., 1972, *Early Hominid Posture and Locomotion*, Chicago, University of Chicago Press.
- Roche H., Tiercelin J.-J., 1977, Decouverte d'une Industrie Lithique Ancienne in Situ dans la Formation d'Hadar, Afar Central, Ethiopie, Paris, C.R. Acad. Sci., Serie D, 284, 1871-1874.
- Sarich V. M., 1980, Molecular Clocks and Hominoid Evolution After 12 Years, *Am. Journal Phys. Anthrop.*, February, 52, 275-276.
- Schultz A., 1969, *The Life of Primates*, New York, Universe Books.
- Simons E. L., 1977, *Ramapithecus*, *Scientific American*, May, 236, 28-35.
- Simpson G. G., 1953, *The Major Features of Evolution*, New York, Columbia University Press.
- Simpson G. G., 1967, *The Meaning of Evolution*, New Haven, Yale University Press.
- Taieb M., Coppens Y., Johanson D. C., Kalb J., 1972, Depots Sedimentaires et Faunes du Plio-Pleistocene de la Basse Vallee de l'Awash (Afar

- Central, Ethiopie), Paris, C.R. Acad. Sci., Se-rie D, 275, 819-822.
- Taieb M., Johanson D. C., Coppens Y., Aron-son J. L.*, 1976, Geological and Paleontologi-cal Background of Hadar Hominid Site, Afar, Ethiopia, *Nature*, March, 289-293.
- Taieb M., Tiercelin J.-J.*, 1979, Sedimentation Pliocene et Paleoenvironments de Rift: Exem-ple de la Formation a Hominides d'Hadar (Afar, Ethiopie), *Bull. Soc. Geol. France*, XXI, 243-253.
- Tattersal I., Niles E.*, 1977, Fact, Theory and Fantasy in Human Paleontology, *American Scientist*, March-April, 65, 204-211.
- Tazieff H.*, 1970, The Afar Triangle, *Scientific American*, February, 32-40.
- Tobias P. V.*, 1965, Early Man in East Africa, *Science*, July, 149, 22-33.
- Tobias P. K.*, 1973, New Developments in Hominid Paleontology in South and East Africa, *Annual Reviews of Anthropology*, 2, 311-334.
- Walker A., Leakey R. E.*, 1978, The Hominids of East Turkana, *Scientific American*, February, 54-66.
- Ward S. C.*, 1980, Maxillary Subocclusal, Mor-phology of Pliocene Hominids from the Hadar Formation and Miocene Hominoids from the Siwaliks and Potwar Plateau, *Am. Journal Phys. Anthrop.*, February, 52, 290-291.
- Weiner J. S., Oakley K. P.*, 1954, The Rilt-down Fraud: Available Evidence Reviewed, *Am. Journal Phys. Anthrop.*, March, 12, 1-7.
- Weiner J. S., Oakley K. P., Le Gros dark W. E.*, 1954, The Solution of the Piltdown Problem. *Bull. Brit. Mus. (Nat. Hist.)*, Geol. 2, 139-146.
- White T. D.*, 1980, Evolutionary Implications of Pliocene Hominid Footprints, *Science*, April, 208, 175-176.
- White T. D.*, 1980, Hominoid Mandibles from the Miocene to the Pliocene, *Am. Journal Phys. Anthrop.*, February, 52, 292.
- White T. D., Harris J. M.*, 1977, Suid Evolution and Correlation of African Hominid Localities, *Science*, October, 198, 13-21.
- White T. D., Harris J. M.*, 1978, Classification and Phytogeny of East African Hominids. In: *Recent Advances in Primatology*, Vol. 3, D. J. Chivers and K. A. Joysey, eds.. New York, Academic Press, 351-372.

Источники иллюстраций

American Museum of Natural History: p. 29, 45 (left), 66; Des Bartlett, © National Geographic Society: 71 (top); David Brill: 12, 17, 141, 147; Bobbie Brown: 150, 151, 233 (left); Bob Campbell, © National Geographic Society: 104; Cleveland Museum of Natural History: 19, 44 (right), 215; Ives Coppens: 90; Luba Dmytryk: 27, 35, 39, 47, 49, 71 (bottom), 77, 117 (middle), 117 (bottom), 132, 136, 137, 193-201, 236; Gerry Eck, 87; Gordon W. Ga-han, © National Geographic Society: 106; Tom Gray: 168; Melville Bell Grosvenor, © National Geographic Society: 67; John Gurche: 53, 235, 238, 239; F. Herholdt: 45 (right); Donald C. Johanson: 15, 117 (top), 159, 164, 257, 261; Peter Jones: 181, 183; C. Owen Lovejoy: 246, 247; Jay Matternes: 212, 213, 263-265; Steve Misencik: 74, 97, 144, 152, 171, 176, 205, 208-210; David Pilbeam: 270; Rheinisches Landesmuseum, Bonn: 44 (left); Larry Rubins: 259; University of California Press, *Geology of the Olduvai Gorge*: 69; Hank Wesselman: 91; Tim White: 222; Rob Wood: 229, 232, 233 (right), 242.

Color Section:

David Brill: 2, 4-9, 11; Michael Bush: 14; Cleveland Museum of Natural History: 15; Donald C. Johanson: 1, 3; Jay Matternes: 10; John Reader: 13; Tim White: 12.

Оглавление

От переводчика	5
Об авторах	8
Пролог	13
Часть первая. Предыстория	
1. Ранние ископаемые находки	22
2. Южная Африка: первые обезьянолюди	32
3. Восточная Африка: наконец-то встреча	56
4. Восточная Африка: <i>Homo habilis</i> — самый древний человек?	75
Часть вторая. Золотое десятилетие 1967-1977	
5. Омо и его магическая шкала времени	81
6. Кооби-Фора: триумф <i>Homo habilis</i>	102
7. Первый полевой сезон в Хадаре: коленный сустав	112
8. Второй полевой сезон в Хадаре: челюсти гоминид и Люси	123
9. Каков возраст Люси?	139
10. Третий полевой сезон в Хадаре: «первое семейство»	154
11. Четвертый полевой сезон в Хадаре: завершение	162
12. Кооби-Фора и Летоли: споры о датировках и окаменевшие следы	174
Часть третья. Что такое Люси?	
13. Анализ начинается	187
14. Анализ закончен	206
15. Реакция	217
Часть четвертая. Почему Люси ходила выпрямившись?	
16. Не связано ли это с размножением?	227
Часть пятая. Неоконченные дела	
17. Электронные микроскопы, черные дыры и возвращение в Хадар	254
Приложение	279
Благодарности	282
Литература	283
Именной указатель	287
Предметный указатель	290
Указатель латинских названий	294

Уважаемый читатель!

Ваши замечания о содержании книги, ее оформлении, качестве перевода и другие просим присылать по адресу:

129820, Москва, И-110, ГСП,
1-й Рижский пер., д. 2,
издательство «Мир».

Дональд Джохансон, Мейтленд Иди
Люси. Истоки рода человеческого

Ст. научный редактор Ю И Дашкевич Мл
редактор Н Ю Плавинская Художник Э А
Смирнов Художественный редактор Л М
Кузнецова Технический редактор М А
Страшнова Корректор И И Дериколенко

ИБ № 3831

Сдано в набор 27 03 84
Подписано к печати 18 09 84
формат 70x100¹/₁₆
Бумага офсетная № 1
Гарнитура таймс. Печать офсетная.
Объем 9,50 бум л Усл печ л 24,70, в т ч 0,5 печ л вкл
Усл кр -отг 50,10
Уч -изд л 26,83 Изд № 4/2895
Тираж 50000 экз Зак 324 Цена 2 руб
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» 129820, ГСП, Москва,
И-110, 1-й Рижский пер 2
Можайский полиграфкомбинат
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли 143200, г
Можайск ул Мира, 93